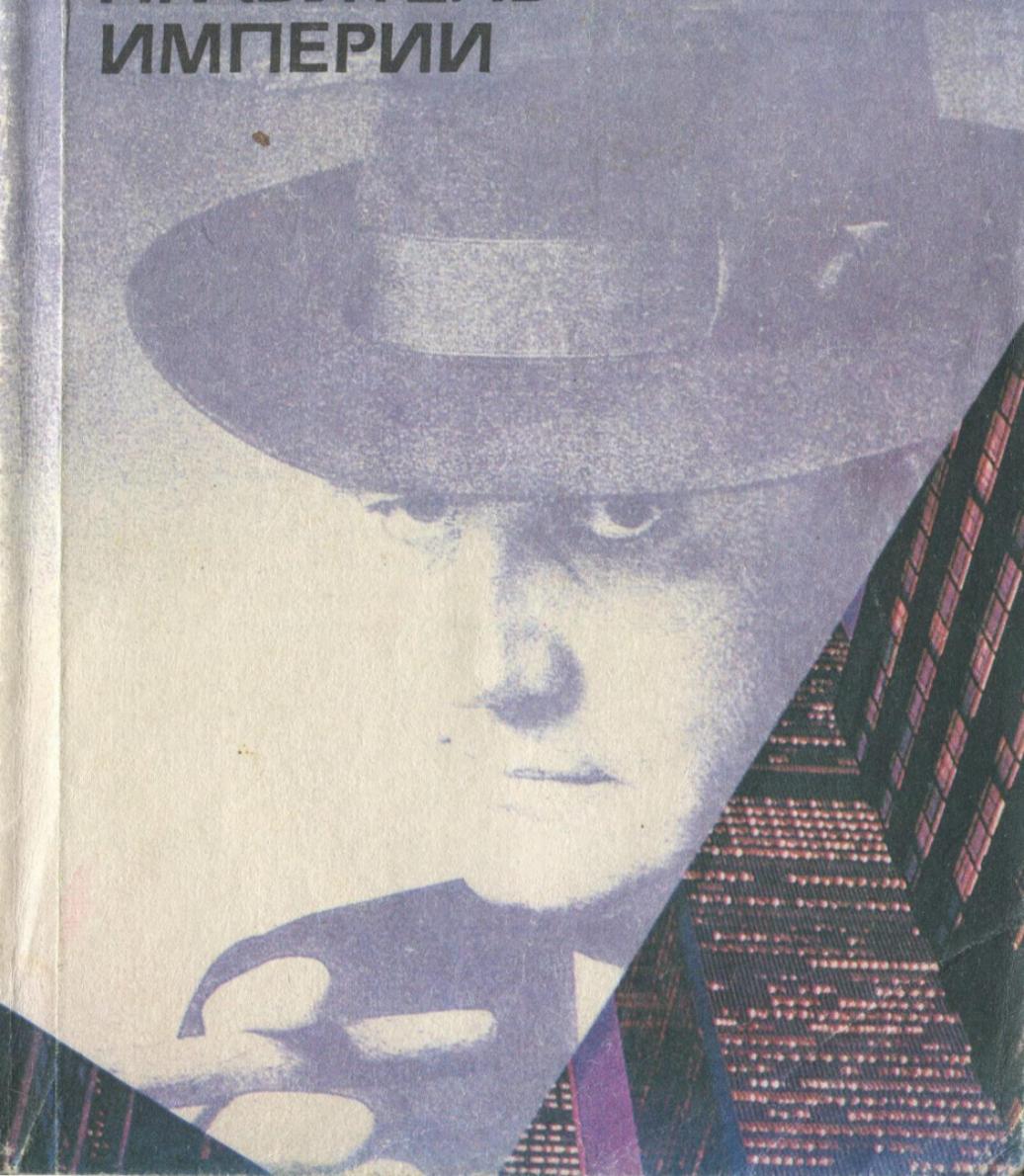

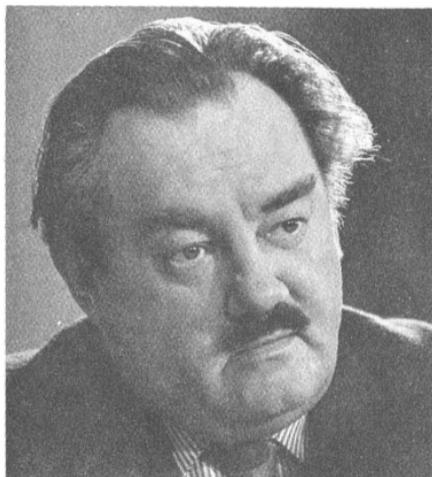
РОМАН-
ДА ЗЕТА ДЛ
Ю НОШЕСТВА

6. 1990

Олесь Бенюх
**ПРАВИТЕЛЬ
ИМПЕРИИ**

Олег Петрович Бенюх (Олесь Бенюх — литературный псевдоним) родился в 1928 году в Киеве. Вскоре семья переехала в Москву, где О. Бенюх поступает в педагогический институт иностранных языков. Окончив его в 1948 году, уезжает на Дальний Восток. Работает переводчиком, редактирует газету, в это же время появляются его первые публикации в прессе.

Вернувшись в Москву, преподает иностранные языки. Затем — работа в индийской редакции АПН, в 1959 году О. Бенюха направляют на дипломатическую работу в Индию. Несколько лет спустя выходит его книга «От Ганга до Днепра», которая была удостоена Международной премии им. Дж. Неру. В 1969 году в журнале «Октябрь» вышла повесть О. Бенюха «Челюсти саранчи». Вскоре на основе поездок в Америку в том же журнале в 1972 году публикуется другая повесть Олесья Бенюха — «День в Чикаго».

С 1972 по 1978 год О. Бенюх — на дипломатической работе в Новой Зеландии. Творческий итог этих лет — роман «Джун и Мервин».

В 1983—1989 годах О. Бенюх работал советником посольства СССР в США и являлся главным редактором журнала «Совет Лайф», издаваемого Агентством печати Новости в Вашингтоне.

О. Бенюх автор романа об американском юношестве «И это пройдет...», а также драматической трилогии «Владыки»: «Иосиф Сталин (трагедия)», «Никита Хрущев (драма)», «Леонид Брежнев (фарс)».

РОМАН-
ЛЮАЗЕТА ДЛЯ
НОШЕСТВА

6.1990

Олесь Бенюх
**ПРАВИТЕЛЬ
ИМПЕРИИ**

МОСКВА

1990

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Анатолий Алексин
Ирина Бахмутская
Валерий Ганичев
Александр Жуков
Альберт Лиханов
Юрий Лопусов
Александр Неверов
Сергей Рогожкин
Виктор Смирнов
Владислав Фронин
Леонид Ханбеков
Валентин Юркин

Художник В. Терещенко

Моя судьба сложилась так, что долгие годы довелось мне работать вдали от Родины, в разных странах, находящихся в разных частях света.

Было много, очень много встреч с людьми. Произошло множество событий, которые я наблюдал и в которых в какой-то мере участвовал. По роду своих обязанностей я внимательно следил за прессой. И в моих записных книжках постепенно скопился интересный материал.

Как сделать увиденное, услышанное, понятое достоянием многих? В раздумьях об этом и пришло решение написать роман. Он основан на фактах. За некоторыми его действующими лицами стоят реальные прототипы. Но это не документальное произведение. Я стремился к достоверности изображения зарубежной действительности (и прежде всего Америки), но не за счет буквального следования конкретным фактам, документам, биографиям. Вероятно, у читателей возникнут какие-то ассоциации, кто-то усмотрит в некоторых ситуациях романа аналогию с действительно происходившими событиями, заметит сходство отдельных персонажей с известными лицами.

Должен ли автор подтвердить или опровергнуть подобного рода аналогии?

Многие зарубежные фильмы, которые я видел, некоторые книги, которые прочитал, сопровождались предупреждением: «Любое совпадение изображаемых событий с подлинными носит случайный характер».

Могу лишь сказать, что случайных аналогий в этой книге нет.

Олесь БЕНЮХ

*Галине Николаевне
и Сергею Сергеевичу Наровчатовым
посвящается.*

Глава первая

ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

— Фрэнк? Да, это я, Джерри.— Парсел откинулся поудобнее в кресле. Взял со стола рюмку мартини, хлебнул глоток. Отключил внутреннюю видеофонную связь с секретариатом. Тишина, полумрак, прохлада огромного кабинета успокаивали.— Алло,— Парсел услышал, как Оупенхартс нетерпеливо барабанит пальцами по мембране.— Во имя всего святого, ты всерьез решил поссориться с русскими, Фрэнк?

— С чего ты это взял, Джерри?

— Твое выступление в пресс-клубе едва ли оставляет сомнения на этот счет.

— Видишь ли, ты растянул свой медовый месяц на два, Джерри. Я понимаю — молодая жена, Ривьера, Гонолулу. Но жизнь-то не стоит на месте. Нет, не стоит.

— Что-нибудь случилось за это время? Может быть, тень серпа и молота уже пала на половину наших штатов? — Наверное, в этот момент Фрэнк Оупенхартс улыбнулся своей знаменитой чарующей всех улыбкой.

— Слава богу, пока нет. Однако, по данным парней из ЦРУ, понимаешь, по самым свежим данным, ударный потенциал русских довольно заметно превзошел наш. Я, разумеется, вовсе не хочу, как ты выразился, «всерьез поссориться с русскими». Но дать им понять, что мы не потерпим нарушения ядерного равновесия, дать им это понять я счел своим государственным долгом.

— А этот истеричный тон газет и телевидения?..

— Кто же, как не ты, Джерри, знает, что Америка — свободная страна. Никто не вправе запретить прессе волноваться. К тому же, пусть каждый человек на улице призадумается над тем, какая опасность исходит от русских!

— Понимаю, твоя боль — народ... Но знаешь ли ты, что творится на бирже? Столпотворение будет лишь слабым намеком на истину!

— Каждому свое,— голос Оупенхартса зазвучал холодно.

— Падает курс акций невоенных компаний. В основном моих. Меня это не пугает, ты же знаешь, игра на бирже — моя стихия. Но всерьез теряет средний владелец акций. Его мнение и поддержка, насколько я понимаю, тебе не безразличны. Через полтора года выборы.

— Спасибо, что напомнил, Джерри...— Оупенхартс помолчал, давая собеседнику возможность в полной мере оценить сарказм его реплики.— Надеюсь, найдутся люди, которые разъяснят избирателям, что Фрэнк Оупенхартс только Фрэнк Оупенхартс, а не господь бог. И чтобы обуздать русских с их притязаниями, придется идти на жертвы...

— Хм...— Парсел снова отпил martini.— Хм... На этот счет, пожалуй, могут быть разные точки зрения.

«Клянусь Святым Яковом, похоже, мальчик взрослеет, хотя и медленно. От рузвельтовских симпатий к русским избавляется. Это хорошо. Плохо, что спешит. К драке надо готовиться неторопливо. И главное — в тайне. Чего кричит на весь свет?»

— Например? — Оупенхартс уже не скрывал раздражения.

— Например...— Парсел растянул это слово, обдумывая возможный ответ.— Например, возникнут вопросы: насколько точны данные ЦРУ? И почему они возникли именно сегодня? И кому выгоднее всего их обнародование?..

Оупенхартс долго молчал. Парсел допил martini, кашлянул. Наконец усталый голос прозвучал в трубке словно с другого конца планеты:

— Джерри, я знаю, что ты вернулся домой только сегодня. Но мне хотелось бы, ты слышишь, очень хотелось бы встретиться и обсудить несколько безотлагательных проблем.

И до того устало и вместе с тем встревоженно прозвучал этот такой знакомый и такой близкий голос, что Парсел тотчас, без раздумья, ответил:

— Завтра, Фрэнк, я прилечу в Вашингтон первым самолетом.

Положив трубку, Парсел прошел в просторный бар, скрытый за одной из огромных — от пола до потолка —

абстрактных картин. Нашел бутылку своего любимого голландского джина. Вернулся к столу, включил экран небольшого телевизора. Побежали бесконечные строчки цифр. Акции продолжали падать, акции пяти его ведущих компаний. «Самый низкий уровень за последние четыре года», — отметил про себя Парсел, машинально следя за скачущими цифрами. «Это не война. И, слава богу, не революция. Не конец света, одним словом. Сколько было подобных паник за последнее время... И что же? Все они сменялись бумом. И выстаивал, всегда выстаивал самый сильный. Нужны крепкие нервы. И выдержка. Да, крепкие нервы и выдержка».

Он включил видеофон и вызвал секретаря, бесстрастно распорядился: «Немедленно дайте указание скупать акции...» И перечислил названия своих ведущих компаний. Полный недоумения и ужаса взгляд секретаря натолкнулся на жесткую улыбку Джерри Парсела. Откуда было знать секретарю, что тут же, через минуту, его босс отдаст кому-то по телефону тайный приказ скупать через подставных маклеров и акции военных корпораций. На восьмизначные суммы.

Послышался шорох. Через дверь, скрытую в стене за спиной Парсела, в кабинет вошла Рейчел. Она была в ослепительно белом спортивном костюме, высоких мягких сапожках, белом кожаном кепи. Осторожно откинув стеклом обложку недельного расписания Парсела, она нежно поцеловала мужа в щеку:

— Дэдди, время! Гордый Принц и Голубая Кровь истомились в ожидании.

Парсел, отогнув край белой перчатки, поцеловал руку Рейчел. «Маргарет никогда и в голову прийти не могло, — подумал он, — приобщиться самой и приобщить меня к верховой езде. Впрочем, может быть, ее возраст не позволял... Огромное наслаждение. И молодеешь, молодеешь — с каждым шагом лошади».

Когда они ехали в машине через Манхэттен и потом мчались по хайвею на юго-запад миль пятьдесят, к его любимому загородному дому в Нью-Джерси, Парсел, поддерживая милое воркование Рейчел о бродвейских околотеатральных интрижках, скандальных светских романах, домашних мелочах, как обычно, думал о своем. Маргарет, вспомнил он, за всю их более чем двадцатилетнюю жизнь ни разу не побывала в его офисе. «Моя империя — семья, — гордо откинув голову и сложив руки на груди, любила говорить она. — Мой дво-

рец — мой дом. Все остальное меня мало волнует. Если, разумеется, финансовые дела мужа ведутся достойно». Финансовые дела внешне велись вполне достойно. Да, при всей ее набожности и при всей ее любви к мужу, Маргарет была гордячка. В дела Джерри — включая любовные — не вмешивалась даже в случаях из ряда вон выходящих. Однажды, когда ее давняя приятельница намекнула, что Парсел «опять спутался с голливудской дивой», Маргарет надменно, едва слышно произнесла: «Это никого в мире, кроме его и меня, не касается» — и едва не потеряла сознание. «От ревности, подумать только!» — злословила приятельница, которой навсегда было отказано от дома. И сплетен — на чей бы то ни было счет — Маргарет Парсел не выносила. Темами ее нечастых бесед с мужем были музыка, литература, живопись. И — воспитание Беатрисы. А Парсел не любил эти беседы — у Маргарет на все имелось свое мнение. И заставить ее изменить что-либо в ее воззрениях было труднее, «чем выдрессировать взрослого флоридского аллигатора», как брякнул однажды Парсел. А вот Рейчел не знала и сотой доли того, что знала Маргарет. И поначалу Парселу доставляло удовольствие произносить перед «своей собственной, семейной стюардессой» монологи на всевозможные темы — от гипотез о возникновении жизни и пришельцах до инфляционных волн и творчества постимпрессионистов. Его поражала избирательность ее ума. Какой-то врожденной интуицией она отбраковывала все ненужное и прочно укладывала в тайники своей памяти лишь то, что так или иначе интересовало мужа. Но вскоре ему наскучило выступать в роли семейного лектора. И тогда он понял, что ей не хватает категоричности Маргарет. Рейчел все ловила на лету, она со всем соглашалась, она благоговела перед его знаниями. А Парселу — по складу его ума, по темпераменту — было нужно противодействие.

...Дом был куплен в Англии, в разобранном виде переплыл океан и был установлен в Новом Свете рабочими-англичанами под педантично придирчивым наблюдением архитектора-англичанина. Дом был знаменит тем, что в нем когда-то проходила одна из исторических международных конференций. Парсел постоянно забывал фамилию лорда, у которого этот дом купил. Но отлично помнил, как был поражен, когда услышал, что просторный трехэтажный деревянный дворец был по-

строен без единого гвоздя, без единой металлической скобы. Купить, перевезти, установить — все это было несложно. Проблемой, для решения которой ушел почти год, оказалось подыскать ландшафт, в который наиболее выигрышно вписалось бы уникальное строение. И вот оно стояло на невысоком холме, у подножия которого бежала узкая прозрачная река. Веселые рощи, уютные поляны, искусственные пруды, прохладные леса с проложенными сквозь них конными тропами — владения Джерри раскинулись на многие мили.

В верхнем левом кармане куртки для верховой езды Парсел всегда держал несколько кусков сахара. Нашупав сейчас один, он предложил его Голубой Крови. Лошадь коротко дохнула, деликатно сжала губы, втянула в рот лакомство, влажным глазом благодарила хозяина. Гордый Принц, который стоял рядом и наблюдал за этой сценой, требовательно заржал.

— Успокойся, Принц, — Рейчел легонько потрепала его по шее. И тут же ловко прыгнула в седло: — Неужели ты хочешь унизиться до такой мелкой подачи? Ведь ты же Принц! Явите, ваше высочество, королевскую статью, быстроту и силу — и все лакомства мира будут ваши!

Конь единым махом перенес всадницу через речку и помчался к ближайшей роще. Голубая Кровь не спеша пересекла речку вброд и отправилась вслед за Гордым Принцем. Мили через полторы Джерри нагнал Рейчел. Лошади пошли стремя в стремя.

Постепенно редкая рощица превратилась в довольно густой лес. И лучи солнца уже не достигали высокой травы. Тропа, достаточно широкая для двух всадников, была прямой, словно прочерченной по линейке. Но вот она спустилась в овраг, по дну которого змеей извивался черный ручей, и, выскочив на вершину противоположного склона, заплетяла меж толстых деревьев.

— Каждый раз в этих местах я вспоминаю о наших пионерах, — тихо сказала Рейчел и посмотрела на Парсела. — Сколько среди них было отважных первопроходцев...

— И, видит бог, отпетых авантюристов, — засмеялся Парсел. Он любовался Рейчел: едва тронутые загаром нежные щеки, светло-карие глаза с огромными темными зрачками, выбившиеся из-под кепи каштановые пряди волос. И этот ослепительный костюм, и этот красавец конь!

— Чему ты улыбаешься? — Рейчел, совсем как обиженный ребенок, оттопырила нижнюю губу. — Разве я сказала что-то не то? Уж здесь-то меня трудно заподозрить в невежестве. Я всего Фенимора Купера читала. Всего — и значительно позже, нежели ты!

Парсел продолжал молча улыбаться: «Как она хорошеет во гневе!»

«Где уж мне равняться с Джерри в знании истории? Впрочем, как и многого другого, — подумала Рейчел, и слезы нахлынули сами собой. — Он ведь и старше, и умней — все так. Но к чему же смеяться? Я, дура, начиталась обо всех этих Кожаных Чулках да Соколиных Глазах, а он на все смотрит серьезней и глубже...» Рейчел рванула поводья и Гордый Принц мгновенно оставил позади Голубую Кровь с улыбающимся Джерри. Теперь ветви деревьев больно хлестали ее по лицу. «Но почему они мокрые?» — подумала Рейчел, пытаясь отвернуться от стремительно набегавших веток. И тут же поняла, что идет дождь. На какой-то миг Рейчел выпустила из рук поводья. Гордый Принц на ходу резко потрянул головой, поводья куда-то исчезли. Пытаясь их нащупать, Рейчел припала к шее и с ужасом поняла, что лошадь понесла. Кончился лес. Началось бесконечное ровное поле. Рейчел попыталась освободить ноги из стремян, еще раз, еще. Наконец поняла, что ей это не удастся сделать. И лишилась чувств...

Когда Парсел подскочил к тому месту, где стоял Гордый Принц, он увидел рослого молодого парня, держащего на руках безжизненное тело Рейчел.

— Что здесь происходит? — выкрикнул Парсел, резко осаживая Голубую Кровь. И тут Рейчел медленно открыла глаза. Она посмотрела на парня, на мужа, тихонько простионала:

— Я упала, кажется!

— К счастью, нет, миссис, — негромко ответил парень, осторожно помогая ей встать на ноги. Рейчел была бледна и дрожала от страха...

— Вы не ответили на мой вопрос, — бесстрастно заметил Парсел, переводя взгляд с Рейчел на незнакомца.

— Извините, сэр. Я увидел, что лошадь понесла, и миссис вот-вот свалится ей под копыта.

— Ну и?

— Мне удалось остановить лошадь. Правда, с трудом...

«Остановить Гордого Принца на полном скаку...» —

Парсел ощутил, как сердце как будто чуть замерло и тут же снова забилося. Под внимательным взглядом Парсела незнакомец, казалось, не ощущал беспокойства. Высокий, широкоплечий, смазливый — тонкий нос, большие темно-синие глаза, припухлые губы. Глубокая ямка на подбородке, черная нитка усов, черные густые волосы. Небольшой, четкий шрам над переносицей. Одет стандартно. Лет двадцати пяти, не больше. Парсел, наконец, подошел к Рейчел, обнял ее одной рукой:

— Кому я обязан спасением моей жены?

— Меня зовут Ричард Маркетти, сэр. Попросту Дик, если вам так будет удобнее.

Он улыбнулся, и Парсел увидел два ряда ровных ослепительно белых зубов. «У итальянца,— подумал Парсел,— может не быть даже нижнего белья, но вот великолепные зубы у него есть всегда. Национальное достоинство».

— Ты сможешь доехать до дома верхом, дорогая? — спросил он Рейчел. Она перестала дрожать, кивнула, слегка коснувшись его руки. Парсел помог ей сесть в седло.— А вы... Дик, кажется... поведете Принца под уздцы.

Маркетти молча повиновался. Закрыв глаза, Рейчел мерно покачивалась в седле. Парсел, ехавший сзади, не отрывал от нее взгляда. «Господи,— с содроганием подумал он,— как чертовски хрупка жизнь! Любимая лошадь понесла, и, не окажись волею судьбы поблизости этот итальянец, могло бы произойти худшее... Кстати, кто он такой и как он здесь очутился?»

Парсел вопрошающе посмотрел в спину парню. Тот шагал легко и быстро. Темнело. Стояла звонкая, тревожная тишина. Видимо, надвигалась буря. Не слышно было даже обычного пересвиста птиц. Копыта лошадей тонули в траве. Раза два в ней прошуршал кто-то невидимый — и вновь ни звука. «И парадокс бытия,— поток мыслей Джерри продолжался в том же русле,— едва ли не самый злой — заключен в том, что «венец творения» почти никогда не ведает о времени финального отключения сложнейшей (и вместе с тем такой простой!) системы жизнеобеспечения. Люди строят планы, которым никогда не суждено осуществиться. Жаждают вечных утех и наслаждений, а попадают в Великое Вечное Ничто. Из-за случайности, пустяка, микроба... И никакого равновесия добра и зла, никакого неот-

вратимого возмездия. Безраздельно правит его Величество Слепоглухонемой Случай...

— Каким образом вы оказались... (поначалу Парсел хотел сказать «на моей земле», но передумал) на том поле? Везде ограды, везде указатели «Частная собственность». Егеря ненароком и подстрелить могли.

Они уже сидели в гостиной, Парсел переоделся. Рейчел поднялась в спальню, шепнув мужу, чтобы он отблагодарил «этого милого апеннинского Дика». Итальянецпил виски с содовой, Джерри — некрепкий мартини.

— И кто вы? — продолжал он. — Студент? Сезонный рабочий? Фермер?

— Я — бродяга, — улыбнулся парень. Помолчав, продолжал: — Учился в Беркли. Бросил — надоело. Да и деньги отец перестал присылать. Разорился. У него овощная лавка была в Атланте. А у вас очутился очень просто — перемахнул через забор: хоп — и все. Егерей и вообще кого бы то ни было на этом свете не боюсь.

Он сделал глоток, поморщился, отставил стакан. Вновь улыбнулся.

— Вообще-то я не пью. А закон нарушил, потому что очень хотелось на дом взглянуть. Много о нем в округе говорят.

— Забудем о законе, — примирительно сказал Парсел. — Вы спасли мою жену, и я хочу, чтобы вы сами определили сумму вознаграждения.

Маркетти взял стакан, налил в него апельсинового сока, опустил три кубика льда. Покачал головой: «Разве я за деньги спас вашу жену?»

— Вы, разумеется, противник всякой собственности?

— Вовсе нет, — быстро возразил Маркетти.

— Тогда в чем же дело?

Парсел откровенно внимательно разглядывал итальянца.

— Негодно зарабатывать на неловкости женщины. Впрок не пойдет, — он опять улыбнулся.

Любопытно! Парсел приготовил себе мартини покрепче.

— И давно бродяжничаете?

— Да нет! — Маркетти махнул рукой. — Приехал на похороны отца из Сан-Франциско, там временно работал в газете линотипистом. И вот решил из Атланты в Нью-Йорк пропутешествовать. Бесплатно, если удастся.

— Ну и чудесно,— воскликнула Рейчел, спускаясь по боковой лестнице в гостиную. Щеки ее вновь порозовели. Легкий бежевый шерстяной костюм обтягивал крупную крепкую грудь, редкостно тонкую талию.— Мы скоро едем в Нью-Йорк и могли бы — без денег, конечно, не так ли, Джерри? — подвезти вас в любой район.

Парсел промолчал. Маркетти встал. Не зная, куда девать руки, подхватил со стола стакан с соком. «Э, да мы еще краснеть не разучились,— думал Парсел, наблюдая за итальянцем.— Не помню, краснел ли я в его возрасте. Впрочем, ведь это так индивидуально».

— Спасибо, миссис...— Маркетти замялся.

— Парсел,— весело подсказала ему Рейчел.

— Да-да, разумеется. Сердечно благодарен, миссис Парсел и мистер Парсел. Но у меня, собственно, в Нью-Йорке ни знакомых, ни родственников. Так что любой район сойдет.

— Ну, туда нужно еще добраться,— заметил Парсел, подымаясь.— Предлагаю выпить на дорогу — и в путь.

Он подал Рейчел ее бренди.

— Грация! — воскликнул парень. На немой вопрос жены Парсел со смешком ответил:

— Ты знаешь, он совсем не пьет! Да, представь себе...

Огромный, мышиноного цвета «роллс-ройс» словно застыл на месте. Мелкий, частый дождь заглушал легкий шум могучего мотора. Возникавшие вдруг слабо-различимыми контурами встречные машины так же внезапно исчезали. Шофер-негр напряженно всматривался в ленту шоссе, вырывааемую из водяной пелены мощным светом фар. Рядом с ним дремал, скрестив на груди руки и положив ногу на ногу, Ричард Маркетти. За перегородкой из толстого ребристого стекла в креслах-кроватях полулежали Рейчел и Джерри. Парсел только что переговорил по радиотелефону с секретарем о последних показателях на бирже. Рейчел вполглаза наблюдала по седьмому каналу за «голубым» фильмом. «Если он совсем не пьет,— думала она, глядя во время рекламных пауз на расплывчатое пятно справа от шофера,— значит, пристрастился в Беркли к наркотикам. Не мог же он, в самом деле, оказаться вне влияния нашей цивилизации». Она сняла трубку внутреннего переговорного устройства, нажала кнопку сигнала.

— Слушаю, сэр,— тотчас откликнулся шофер.

— Я хочу говорить с нашим гостем,— улыбнулась Рейчел. И тут же услышала хриловатый баритон итальянца:

— Я здесь, миссис Парсел.

— Скажите, мистер Маркетти,— она придала своему голосу вкрадчиво-доверительный оттенок.— Скажите, вы курите «травку»?

— Нет, не курю.

— И никогда не пробовали?

— Разве есть такой американец, который не пробовал бы курить марихуану? Пробовал, конечно, и не раз. Но вскоре понял — это зелье не для меня.

— А что же для вас? — допытывалась Рейчел.— Более «горячие штучки»?

— Мадонна! — взмолился парень.— Ни морфия, ни тем более ЛСД или чего-нибудь в этом роде не пробовал. И ни малейшего желания не имею. Мой постоянный допинг — натуральный апельсиновый сок.

Рейчел почувствовала, что парень улыбнулся.

— Дик, вы молодчина.— Она повесила трубку, не дослушав слов благодарности. Сказала мужу: — Впервые в нашем сумасшедшем мире встречаю нормального человека.

— Увы, он живет в вакууме,— заметил Парсел.— Здесь или как все, или...— Он распахнул дверцы бара, взял щипчиками лед, бросил в свой стакан, добавил дольку лимона. «Дитя,— думала о муже Рейчел.— Бар, прочие игрушки для взрослых в этом похожем на маленький дом лимузине».

— Кстати, о сумасшедшем мире — на этой неделе ты хотел навестить Дайлинга,— сказала она.

— Да-да, Роберт... Роберт...— задумчиво произнес Парсел.— Обязательно.

Он поцеловал Рейчел в щеку. Стал смотреть в окно. Дождь кончился. Вдоль шоссе бежали изумрудные лужайки, освещенные солнцем роши. Изредка вдаль проплывали приземистые коттеджи, изящные виллы. «Да, Роберт Дайлинг, старина Роберт,— вздохнул Парсел.— Такой глубокий, устойчивый, закаленный непрерывным движением мысли интеллект! Такой энергично-агрессивный, эмоционально-выверенный, воистину пионерский характер! Увы, клянусь Иисусом Христом, даже очень сильный человек не мог бы вынести все испытания, которые ниспосылала ему судьба, нет, не мог. Впрочем, что, как же очередное испытание, переживает сейчас Роберт?»

Раздался мелодичный перезвон. Парсел взял трубку:

— Говорите!

— Сэр, — послышался голос шофера. — Прошу прощения, сэр. Мы так внезапно выехали... У нас, я боюсь, не хватит бензина... В общем, прошу прощения, сэр, но нам надо бы заправиться.

Джерри держал трубку далеко от уха, и Рейчел слышала слова шофера.

— Хм... — недовольно начал Джерри. — Это непорядок...

Рейчел сжала его руку, улыбнулась, уткнулась лбом в щеку. Шофер бормотал извинения, захлебывающейся скороговоркой уверял, что ничего подобного никогда впредь не допустит, поминал жену и детей.

— Ладно, Перкинс, выкиньте из головы это мелкое недоразумение. Заправляйтесь. — Парсел повернулся к жене: — Между прочим, по подсчетам моих экспертов, одна минута моего времени стоит...

Рейчел обняла его за шею, поцеловала в губы. «Роллс-ройс» подкатил к боковому съезду и вскоре уткнулся в хвост длинной очереди.

— По данным местного радио, сэр, это единственная в округе колонка, где можно сейчас заправиться, — доложил шофер.

— Чертов кризис! — в сердцах воскликнул Парсел. — Извини, дорогая, но дело, похоже, идет к тому, что какие-то арабские карлики-нефтеносы чихнут, и все западные великаны, включая «Звезды и Полосы», хором будут орать: «Будьте здоровы, ваши эмиратские светлости!» Мировые цены на нефть их не устраивают! Из-за этого шантажа второй раз в этом месяце у нас очереди у бензоколонок.

Очередь двигалась как черепаха. Маркетти вылез из машины, потянулся и пошел по направлению к колонке. Было влажно и душно. Маркетти постоял немного, наблюдая, как два заправщика — худенький мальчик, белый, лет семнадцати, и пожилой грузный мексиканец с пушистыми черными усами — наполняли баки. Зашел в туалет, смыл пот с лица, ополоснулся до пояса, разбрызгивая воду во все стороны. Натянул курточку на влажное тело — «Красот-та!» Налил в конторке из автомата в бумажный стакан ледяной кока-колы и вышел на заправочную площадку. Темно-серая громада «роллс-ройса» медленно подползала к мексиканцу. В это время откуда-то спереди завизжали тормоза и к колонке под-

рулил юркий, вишневого цвета «мустанг», чуть не вре-
завшись задним бампером в радиатор «роллс-ройса». Мексиканец и Маркетти едва успели отскочить в сторо-
ну. Из «мустанга» вылезли двое — блондин и брюнет,
оба лет по двадцати. Подошли, пересмеиваясь. Брюнет
шлепнул Маркетти ладонью по животу, бросил скоро-
говоркой:

— Нет времени, понятно? Ни секун-доч-ки! Кто за-
правит нашу игрушечку — ты, «макаронник», или ты,
«чикано»? Пятерка — на чай! Живо!

Мексиканец потянулся было к шлангу, но Маркетти
удержал его едва заметным движением руки.

— Здесь же очередь,— улыбнулся он и медленно
глотнул кока-колу. Блондин легонько ударил снизу
по бумажному стакану. Остатки коричневой жидкости
выплеснулись на лицо итальянца. Блондин хохот-
нул:

— Тебе же сказано, мы торопимся!

— Очередь — она для дохляков и идиотов,— вторил
ему приятель.— Твое дело заправлять. И шевелись, если
хочешь еще хоть раз нажраться своих вонючих спагет-
ти, «макаронник».

Маркетти увидел в руках блондина пистолет. «А что,
выстрелит, не раздумывая. Дуло прямо в живот на-
целил».

Опустив внутреннюю перегородку, Парсел и Рейчел
наблюдали за сценой у колонки через переднее стекло.
Вот в воздухе мелькнула разноцветная рубашка, свет-
лые брюки, и блондин растянулся на асфальте. Его
пистолет оказался в руке Маркетти.

— Этот Дик — отчаянный малый! — в восторге вос-
кликнула Рейчел.

— Помогите ему, Перкинс,— буркнул Парсел.

Шофер быстро открыл было дверцу, но тут же ее за-
хлопнул. Раздался выстрел. Стрелял Маркетти. Брю-
нет медленно сползал по машине на землю, протягивая
на левой ладони свой пистолет. Раздался еще выстрел.
Теперь Маркетти стоял спиной к «роллс-ройсу». В каж-
дой руке у него был пистолет. Он повернулся, кивнул
парням на «мустанг». Блондин и брюнет вскочили на
ноги и в мгновение ока исчезли в автомобиле. Еще
секунда, и в стаде разноцветных собратьев, мчавшихся
по хайвею, затерялся и сам «мустанг».

— Похоже, вы выиграли целое сражение за спра-
ведливость! — сказал Парсел, когда Маркетти вновь

занял место рядом с Перкинсом.— Только стоило ли так безрассудно рисковать жизнью?

Маркетти оглянулся, и Парсел вновь увидел сверкающие в улыбке зубы:

— Стоило, сэр. Наглость в любом виде должна быть наказуема.

«Увы, в большинстве случаев тяжесть кары, как правило, обратно пропорциональна изощренности зла»,— заметил про себя Парсел.

— Дорогая,— Парсел нажал кнопку, и ребристое стекло вновь наглухо разгородило салон.— Тебе нравится этот Маркетти?

Рейчел помедлила с ответом.

— Думаю,— наконец сказала она,— из него мог бы выйти отличный телохранитель.

— Клянусь святым Марком, может быть, даже и секретарь,— согласился Парсел. И довольный тем, что их мысли совпадают, вновь стал давать по радиотелефону распоряжения о биржевых операциях. «Я сделаю ему предложение,— решил Парсел.— Это будет хорошее предложение. Очень хорошее. Но сначала надо проверить — не подсадная ли это утка от кого-нибудь из моих «обожаемых» конкурентов. Уж очень внезапно оказался на моем пути этот итальянец. И слишком легко он сотворяет одно чудо за другим. Слишком...»

Когда «роллс-ройс» остановился у центрального подъезда нью-йоркского дома Парселов, Джерри обратился к итальянцу:

— Послушайте, мистер Маркетти! Что бы вы сказали, если я предложил бы вам пожить пару недель, ну, например, в «Ройял Манхэттен»? Разумеется, все — и номер, и ресторан — за мой счет. Хотите — рассматривайте это как мою благодарность за спасение жены, хотите — как аванс, который вы когда-нибудь отработаете. Варьете, кино, музеи — все, что желаете. Отдыхайте, знакомьтесь с городом. Здесь есть что посмотреть и где побывать. Согласны?

Итальянец, блестя зубами, улыбался.

— Перкинс, отвезите мистера Маркетти в «Ройял Манхэттен». До свиданья, Маркетти. Мой офис будет держать с вами связь.

Рейчел с верхних ступенек подъезда приветливо махала рукой отъезжавшему «роллс-ройсу»: «Ты молодец, Дик Маркетти!»

**ИСПОВЕДЬ РЕЙЧЕЛ
В КАТОЛИЧЕСКОМ СОБОРЕ В АТЛАНТЕ
24 АВГУСТА 197... ГОДА**

Вам придется набраться терпения, отец мой!..

Теперь, когда я стала самой счастливой женщиной во всей Америке, нет, во всем мире, когда я вытасила самый удачливый билет в лотерее жизни, я хочу покаяться. Мой муж — Джерри Парсел! Я даже не знаю, есть ли что-нибудь такое, чего Джерри не может. Думаю, нет. И он меня любит. И я скоро рожу ему сына.

И теперь я все чаще думаю о Господе нашем. В час, когда Всевышний сподобит меня дать новую жизнь, я хочу быть безгрешной! Выслушайте меня, святой отец. Это случилось, когда мне было четырнадцать лет. Мы жили тогда на юге Айдахо, в нашем славном «картофельном раю». Как-то поздней зимой отец и мать уехали в Бойсе на три дня — хоронить дальнюю родственницу. Меня оставили дома, чтобы не отрываться от школы и, конечно, чтобы я за хозяйством приглядела. Ферма наша, хоть была и небогатой, а все же лошадей и коров, свиней и овец покормить и попоить надо. Время было не летнее, на ферме, кроме нас, — никого. Я была в восторге — сама себе хозяйка на целых три дня! А присмотреть за мной мама попросила дядю Линдона, младшего папиного брата. Его ферма соседствовала с нашей. Папа и мама уехали днем, а вечером Линдон Мойерс, мой дядя, сорокапятилетний вдовец, прикатил в своем новеньком «шевроле» навестить меня. Я услышала шум мотора и выглянула в окно. Выскочив из автомобиля, дядя радостно закричал: «Привет племянница! Есть идея — прокатиться ко мне и там поужинать, а?» — «Колоссально!» — вскричала я и, набросив куртку, выбежала на улицу. «Э-э-э, нет, — протестовал дядя Линдон. — Я хочу, чтобы ты была... как взрослая леди». — «А ужин будет со свечами?» — спросила я. «Разумеется». — «Тогда ладно, тогда я надену свое лучшее платье, выходное», — сказала я. Игра эта, конечно же, мне сразу понравилась.

Чинно, торжественно мы ехали десять миль до дома дяди Линдона. Он не торопил свою «мощную лошадку» (как он сам выразился). Я гордо поглядывала по сторонам, восседая сзади в бархатном синем платье. И хотя

никто нам не встретился, я все равно чувствовала себя королевой. Стол был уже накрыт на две персоны. Дядя зажег свечи и налил вина в большие старинные серебряные бокалы. «А не захмелею?» — спросила я. «Ни за что на свете, герцогиня!» — шутливо отозвался он. Я сделала несколько глотков. И вскоре мне стало очень весело и почему-то смешно. «Вам в рот попала смешинка,— серьезно заметил дядя.— А ведь обычно герцогини ведут себя весьма степенно». Я еще больше развеселилась. «Дядя Линдон, откуда вам знать? Ведь вы небось живую герцогиню никогда и не видали?» — сказала я и залилась смехом. «Видел,— парировал дядя.— Живьем. В кино». Он заставил меня выпить еще — за папу, за маму, за бабушку. Ах, как славно мы с ним потом танцевали вальс. И все кружилось и кружилось — и комната, и свечи, и еда на столе. А дядя Линдон все приговаривал: «Герцогиня, вы сводите меня с ума! Провались я на этом месте!» Я еле добралась до спальни. Кое-как разделась и бухнулась в постель, забыв выключить свет. Очнулась, а он лежит рядом. И целует меня. Я испугалась: «Дядя Линдон, зачем вы здесь? Мне страшно. Уйдите, пожалуйста». А он: «Я пришел к тебе как к взрослой леди, герцогиня». И сдирает с меня рубашку. Я царапалась, кричала, плакала... Когда вернулись мои родители, я ничего им не рассказала. А через полтора года дядя Линдон внезапно скончался. Мать и отец были поражены, когда я отказалась ехать на его похороны. А я тайно ликовала: я знала, что это Господь покарал его за меня...

Потом, в колледже, я любила одного парня — Джерома. Он не из наших мест. Его родные приехали из Пенсильвании. Давно приехали — его дед купил мебельную фабрику. А так как у него были золотые руки и такая же голова, дело пошло в гору. Дед умер сразу после второй мировой войны, но и двадцать лет спустя иначе как с благоговением о нем в их семье не говорили. Джером был совсем не американский мальчик. Он не играл в футбол или баскетбол, и его родная мать воскликнула как-то в сердцах, забыв, видно, что ее слова слышит посторонний человек: «До чего же ты бестолков в практических делах, Джером. Был бы жив дедушка, он не доверил бы тебе дела и на полдоллара!» Зато не было такого стиха, который бы не знал Джером. А еще он знал всех птиц, и все деревья, и все цветы.

И ночью на небе он мог отыскать любое созвездие и любую звезду. Подумать только — он был очень сильный, но никогда не дрался, боялся покалечить кого-нибудь ненароком. Однажды, дело было во время больших каникул — мы с Джеромом вдвоем, голосуя, пересекли Штаты с севера на юг. Ночевали в спальных мешках в палатке, ели из одной кастрюльки, словом — дышали одним дыханием. Другой бы на его месте непременно добился от девчонки своего, не силой — так хитростью, не хитростью — так обманом. А он лишь раз меня поцеловал, когда я расплакалась, вывихнув ногу.

Вы же знаете наши студенческие вечеринки в колледжах! Они нередко начинаются диспутами о вероятности жизни в бескрайних просторах Вселенной, а кончаются, как правило, оргиями с групповым сексом. Мы на них никогда с Джеромом не ходили. Конечно, мы покуривали марихуану и пили пиво, а иногда и чего покрепче. Но нам хорошо было и без крепких напитков и наркотиков. Джером так много знал. О какой бы книге я его ни спросила, всегда выходило так, что он ее уже читал. Каждый день он мне стихи писал. Вечером, перед тем, как мы расставались, он читал мне их наизусть. У него была великолепная память. А вот я ни одного его стиха не помню. В армию его призвали за год до конца войны во Вьетнаме. Другие парни сжигали свои повестки на студенческих митингах, а Джером сказал, что он поедет туда, куда его пошлют «Звезды и Полосы». Я-то знаю, что он уступил нажиму своих родителей. Еще бы, сынок уважаемого фабриканта — и вдруг бунтовщик!

Перед отъездом в Ки-Уэст у Джерома оказалось несколько свободных дней. Мы решили провести их в Неваде у его брата. Ах, ну что это были за очаровательные дни! Жили мы в гостинице лыжного курорта, в которой менеджером был брат Джерома Ральф. Ни я, ни Джером не были классными лыжниками. Да разве в этом дело! С утра мы становились на лыжи и спускались самими пологими маршрутами. А сколько смеха, сколько радости было. Упадешь в снег, голова в сугробе, ноги болтаются в воздухе. Легкий морозец, солнце, вокруг ни одного хмурого лица. Дети с мамами, пожилые джентльмены с молодыми модницами (кто их разберет — то ли дочери, то ли любовницы) — все вызывали умиление, улыбку. К ленчу аппетит был волчий. Вечерами жители гостиницы собирались в ресторанчике, немного пили и

много танцевали, балагурили. А оркестр был одним из лучших в то время в стране. Наступил последний вечер перед нашим отъездом. За ужином Джером выпил несколько рюмок виски, и то ли от тепла, то ли от волнения, его вдруг развезло. Мы еще потанцевали какое-то время. Но он засыпал прямо на ходу, а когда просыпался, то не хотел и слышать о том, чтобы идти в номер отдыхать. Все же мне удалось его уговорить. Номер у нас был двухкомнатный. Я надеялась, что он сразу же уснет в своей постели. Джером лег, а я пошла в душ и долго с удовольствием стояла под струйками горячей воды. Я вообще безумно люблю купаться и верю в то, что все мы вышли когда-то из океана, из воды. Когда я в тот вечер «вышла из воды», обнаружилось, что Джером вовсе не спит. Он был разъярен неизвестно чем. Грубо схватив меня за руку, потащил за собой. Конечно, мне стало обидно. Я ведь любила его. Зачем же грубить, показывать свою силу? Я сказала ему об этом. Он пришел в неистовство и ударил меня по лицу. Ударил больно, из носа пошла кровь. Я видела, что он не остановится, и сумела ускользнуть в свою комнату, захлопнув дверь на замок. Джером налег на нее своим мощным телом. Дверь затрещала. В одном халате я выскочила на балкон, который тянулся вдоль всего нашего этажа, и бросилась наутек. Не знаю, как я добралась до конторы Ральфа. Я была в таком состоянии, что не могла говорить. Но, видно, мой внешний вид был красноречив. Ральф дал мне каких-то таблеток, открыл бутылочку тоника. В это мгновение в комнату ворвался Джером. Я не узнала тогда и не могу понять до сих пор, что вызвало в нем такую злобу по отношению ко мне. Однако, увидев меня, он закричал: «Вот ты где, окаянная!» С этими словами он схватил меня за волосы. Ральф стал что-то ему говорить. Тогда он ударил в живот и его. На крик Ральфа прибежало несколько человек. Джерома связали. Казалось, он затих. Минут через сорок приехал местный доктор и, осмотрев его, поставил диагноз: «Вульгарное опьянение». Джерома развязали, но он не слушал никаких увещаний и попытался вновь буянить. Тогда доктор, славный такой старикан, сделал ему какой-то укол. Через пять минут два здоровых лыжника оттащили Джерома в номер. Да, не очень красивый финал получился у нашей любви. Я в номер идти побоялась. Остаток вечера и ночь я провела в баре. Потом зашла в номер, чтобы одеться, и долго стояла у

постели, смотрела на лицо Джерома. Чем дольше я смотрела, тем больше утверждалась в мысли, что он болен. Хотя, может быть, мне это всего лишь казалось.

Восход солнца я встретила, лежа в спальном мешке на восточной веранде гостиницы. Сьерра-Невада вся искрится алмазами в ярких солнечных лучах. Воздух прозрачен, прохладен и напоен хвоей. Медленно расходятся тени в долинах, и снег там из темно-синего превращается в серебристо-розовый. Где-то далеко скатился небольшой снежный обвал и долго еще белая дымка струится по склону. Тишина абсолютная. Лишь на мгновение пронзит небо гул реактивного самолета. И вновь — ни звука, ни шороха, ни даже дыхания.

Безрадостно прощались мы с Джеромом в то утро. Прощание всегда безрадостно. А тут примешивалась еще и горечь обиды. Мне-то было на что обижаться. Не пойму, на что было обижаться Джерому? Только на самого себя. Он ничего не помнил из того, что было накануне вечером, и я ему не напоминала.

Из Вьетнама он вернулся чуть ли не с последней ротой американских солдат. Вскоре мы встретились. Он был все тот же ласковый, нежный Джером, которого я когда-то знала. Вновь стал заниматься в колледже. Однажды, когда его родители уехали в круиз вокруг Европы, я осталась у него ночевать. Посреди ночи, когда я сладко спала на его груди, он вдруг жутко закричал и заплакал во сне. Я проснулась, мне стало страшно от его слез и крика. Через какое-то время он тоже проснулся. Включил ночник и долго непонимающе смотрел вокруг. Потом улыбнулся и ушел в ванную. Вернувшись, быстро и спокойно заснул. Мне не спалось. Я встала и тихонько бродила по комнатам большого двухэтажного дома. Зашла в ванную. На умывальнике в металлической банке валялся шприц с иглами. Рядом в раскрытой коробке лежали ампулы с морфием. Наутро у нас был с Джеромом серьезный разговор. Впрочем, серьезным его назвать трудно. Поначалу он все отрицал. Потом рассердился не на шутку. Зная, чем это может кончиться, я тут же ушла. Мы еще встречались много раз, все пытались выяснить отношения. А чего их было выяснять? Для меня и так все стало ясно. Я очень хотела иметь семью. Я когда-то любила Джерома. Но, боже меня упаси, меньше всего на свете я хотела рожать идиотов. Наконец, мы перестали видеться. По почте я вернула Джерому кольцо, которое он подарил мне при

помолвке. Со мной встретились его отец и мать. Они умоляли меня подождать, не разрывать помолвку. «Джером так любит вас, он не вынесет вашего ухода», — говорили они. Я была непреклонна. Я сказала им, чтобы они благодарили президента и его «медные каски» за то, что они убили в Джероме человека, а во мне — любовь к нему. Через полгода Джером попал в клинику для душевнобольных.

Отец мой, вы в состоянии слушать дальше? Не утомила я вас? Спасибо. Знаете, я иногда думаю: если бы не война, могли бы мы с Джеромом быть счастливы? Не знаю. Знаю только, что мне рассказал один из его приятелей по Вьетнаму. Их там, в клинике, чуть не целый взвод собрался. Так вот, этот парень мне рассказал, как однажды их офицер приказал всем новичкам принять участие в казни вьетконговцев. Их живьем закапывали в землю. А среди вьетконговцев и дети были, и женщины... После этого количество наркоманов в роте утроилось.

Как я в стюардессы попала? Случайно. Помню, когда умер папа — от рака легких, — мать меня частенько упрекала: «Вот ведь, не вышла замуж за Джерома! Жила бы себе как королева. Отец у него добрый. И богатый. И дом свой, и машины — все было бы. И мужа умалишенного раз в месяц навещала бы, не отвалились бы ноги-то, пожалуй. И мать при тебе жила бы, горя не знала. А теперь что? Нищета одна, да долги кругом — вот в чем вся наша жизнь с тобой». В покрытие долгов пошли с молотка и дом, и земли. Думала, все слезы выплечем.

Но потом повезло: мамина сестра пригласила к себе в Лос-Анджелес. И денег на проезд выслала, а то хоть пешком иди. Тетка Анжелика оказалась очень доброй. Детей у нее не было, и они жили вдвоем с мужем в ладном особняке на северо-западной окраине города. Лион был менеджером местного отделения одной из крупнейших авиакомпаний. На второй день за ужином зашел разговор о моем будущем. «Общегуманитарный колледж — это для вас сейчас непозволительная роскошь!» — безапелляционно заявила тетка Анжелика. «И не спорь, Нэнси, — рассудительно заметил, обращаясь к моей матери, Лион. — Анжелика знает, что говорит, и я знаю». Тут он повернулся ко мне и продолжал: «Наша компания производит набор девушек на курсы стюардесс. Хочешь поехать в Нью-Йорк, по-

пытать свою судьбу?» — «Хочу! — чуть не крикнула я. — Только... Примут ли меня?» — «Примут, — самодовольно протянул Лион. — Шеф подготовки — мой приятель. Твой колледж как раз тут очень пригодится». — «Господи, колледж, — вздохнула мама. — Что ее, в министры определяют? Стюардесса». — «Мамочка, — сказала я как можно спокойнее, сделав вид, что не заметила пренебрежения в ее тоне. — Мне надо развеяться. А там видно будет». — «Конечно, — подхватила тетка Анжелика, не зная, в чем дело, но полагая, что она понимает меня как нельзя лучше. — Пусть девочка мир посмотрит. И платят там хорошо». — «Отлично платят, — подхватил Лион. — И устроиться туда гораздо труднее, чем в труппу Баланчина».

Ах, отец мой, лучше бы я туда не устраивалась! Перед дядей Линдоном я виновата, что не простилась с ним. Перед Джеромом виновата в том, что не захотела разделить с ним тяжкий крест его судьбы. На курсах стюардесс я встретила человека, который ввел меня в ужасный грех — я возненавидела его самой страшной ненавистью. Это был тот самый приятель Лиона, шеф подготовки. Франц Чарнитцке. Он был огромен, я бы сказала — слоноподобен. Даже по телевидению во время трансляции матчей борцов-супертяжеловесов я никогда не видела такого огромного мужчину. Руки его были как две оглобли, голова как таз, глаза как блюдца. Голос грубый и хриплый. Когда он начинал говорить, казалось, кто-то дует в огромную медную трубу.

В его вместительном кабинете собралось двенадцать претенденток. С каждой из одиннадцати разговор был короткий. Франц отбраковывал их, словно выбирал вещь в универмаге: у одной не подходил рост, у другой цвет волос, у четвертой улыбка, у седьмой — зубы... Наконец, мы остались с ним вдвоем. «Вот ты мне подходишь, малютка, — ласково прорычал он. — Сейчас сколько времени? Пять часов. Ты где остановилась?» Я сказала, что остановилась в общежитии Христианской Ассоциации Молодых Женщин. «Бордель под набожным покрывалом!» После этих слов он уже стал мне отвратителен. Тут же он предложил: «Значит, план такой — сейчас едем на океан. Купнемся — и ужинать». Я вынуждена была согласиться.

Ресторан был японский, и Франц разговаривал с метром и официантом по-японски. Чем он кормил и

поил меня, не знаю. Помню только, что отключилась я прямо там, в ресторане, сидя за столиком. Очнулась я в темноте. Вспыхнул неяркий свет (это был ночник), и ко мне склонился совершенно голый Франц. «Что, пришла в себя, малютка?» — засмеялся он, и мне показалось, что кто-то изо всех сил колотит меня по голове. «Через эту постель, малютка, прошли все стюардессы нашей совершенно замечательной компании! — хвастливо заметил он. — И ты будешь приходить сюда каждый раз, когда я захочу». Какой раздавленной и униженной я себя почувствовала! Одна, в чужом городе, без средств, без родных. Мне вдруг захотелось его убить. Я набросилась на него, молотила кулаками изо всей силы по лицу и груди. А он хохотал. И чем сильнее я его била, тем громче и обиднее он хохотал. Наконец, ему это, видно, надоело и он легко отшвырнул меня как котенка. «Поиграла и хватит, — сказал он. — Мой девиз — спокойствие».

Боже, как я ненавидела этого человека. И как я была бессильна. Я трепетала при одном виде его. И он знал, что я его ненавижу. И плевал на это. Три месяца я была его рабыней. И каждый день придумывала все новые и новые способы, как его извести. Расспрашивала девочек на курсах о ядах и особо сильных наркотиках. Но на меня стали коситься, и я вынуждена была прекратить свои расспросы.

Я даже зашла в маленький оружейный магазинчик на окраине и приценилась к дамскому пистолету. Всерьез думала взять на душу самый большой грех — лишить другого человека жизни. Да только есть Бог на свете! И он услышал мой плач и мои мольбы. И мольбы всех других жертв Франца.

В один прекрасный день пришло сообщение, что он погиб в авиационной катастрофе, возвращаясь домой из Токио. На курсах все ходили в трауре; и все, все до единой девушки ликовали. Я знаю, это — грех. Но большего греха, чем желание убить ближнего, я за собой не ведаю. Ах, ну разве бы у меня поднялась рука даже на это чудовище, даже на Франца Чарнитцке? Где уж там, я слабый человек. Может, и хорошо, что я его не убила. Плохо и грешно, что появилась сама мысль об убийстве. Ибо желать свершить грех уже есть тяжкий грех. Спаси меня, Господи, и помилуй. Клянусь вам, отец мой, я рассказала вам о себе все, молю: отпустите мне мой тяжкий грех, чтобы, если мне суждено будет

принести в этот мир новую жизнь, моя душа была безгрешной, как душа младенца, которого я рожу с божьей помощью...

Глава третья

ВИДЕНИЯ ДАЙЛИНГА

Комната, в которой главный врач клиники «Тихие розы» принимал мистера и миссис Парсел, была большой и нарядной. Высокий потолок, огромные окна, затянутые красивой, в мелкие квадратики, золотистой сеткой. Тяжеловесная мебель конца прошлого столетия, солидность которой скрадывала светлая, несколько легкомысленного рисунка обивка стен и потолка. Пепельницы были прочно прикреплены к столам, столы и кресла — к полу. Парсел провел туфлями по пушистому белому ковру, подумал: «Здесь он, наверно, проводит первый осмотр будущих пациентов». Рейчел знобко поежилась, достала из сумочки сигареты. Главный врач галантно шелкнул зажигалкой: «Миссис Парсел». — «Благодарю», — Рейчел невольно подумала о частых случаях жестокости, даже садизма, правда, больше в муниципальных клиниках, о которых много и пространно писали в газетах. Сквозь легкое облачко дыма Рейчел еще раз взглянула на седоволосого румяного эскулапа. Он добродушно улыбался. Впрочем, вздохнула Рейчел, не сам же он избивает пациентов, для этого, наверное, есть другие...

«Джерри убежден, что человечество жило, живет и выживет лишь благодаря жестокости, которую прикрывают радужной пленкой любви, добра, справедливости. Но чем же мы, в таком случае, отличаемся от тварей, не мыслящих разумно? Лишь более изощренными методами жестокости?» Рейчел раздавила сигарету в пепельнице, запах табака стал ей вдруг противен.

— Опираясь на данные всех анализов и тестов, а также на мои личные наблюдения в течение этих месяцев, я вынужден прийти к выводу: случай Роберта Дайлинга очень тяжелый... (он помолчал, явно обдумывая конец фразы, решительно заключил)... если не безнадежный.

— Безнадежный, безнадежный, — Парсел хмуро смотрел на врача. — Клянусь всеми святыми, я

привык думать, что пока жив человек, жива и надежда.

— Какой-то процент всегда есть,— согласился тот.— Но такой случай...

— Если это не противоречит курсу лечения и вашим правилам, мы хотели бы посмотреть на него.— Парсел встал, помог подняться жене.

— Милости прошу, милости прошу.— Главный врач заспешил к выходу. Они шли по длинным коридорам, переходам, опять коридорам. Всюду тишина, стерильная чистота. Лишь однажды у лифта им встретился санитар. И вновь безлюдье. Парсел знал, что в стране не хватает койко-мест для душевнобольных. Может быть, в этой клинике непомерно высокая плата за лечение?

— У вас, по всей видимости, мало больных? — спросил он.

— Видимости, как, впрочем, и слышимости,— никакой,— обыгрывая его слова, спокойно ответил главный врач.— Такова конструкция здания, оно построено по удачному в высшей степени проекту. А больных очень много. И очередь внушительная.

— Хотел бы я посмотреть хоть на одного, кто выходит из вашего заведения исцеленным,— сказал Парсел и в ожидании ответа остановился. Главный врач промолчал, бросив на него через плечо неприязненный взгляд...

Одиночная палата, в которой находился Дайлинг, была под стать приемной главного врача — большой и светлой. Только мебели было совсем мало — кровать, кресло, стол. За ним сидел Роберт и что-то быстро, сосредоточенно писал.

— Эта стена сделана из бронированного стекла,— объяснял главный врач.— Сейчас мы пациента видим, а он нас — нет. Сейчас,— он переключил рычажок на противоположной стороне коридора,— видимость двусторонняя.

Дайлинг задумался, взглянул прямо в лицо Парселу, встретился с ним глазами. Парсел помахал рукой. Дайлинг нахмурился, оглянулся, словно ища глазами того, с кем здоровались. Пожал плечами, вновь посмотрел на Парсела, как бы говоря: «Вы же видите — там никого нет». И опять принялся писать.

— Никого не узнает,— в голосе главного врача звучала профессиональная бесстрастность,— в контакт вступает крайне неохотно, аппетит скверный. Занят

либо самосозерцанием, либо диалогом с собой. Ежедневно проводит за письменным столом восемь-десять часов. Пишет много. Рукопись никому не показывает. Сон, как мы говорим, рваный. Охотно принимает все предписанные препараты, не отказывается и от процедур, прогулок.

Через скрытую в левой стене дверь они вошли в палату.

— Здравствуй, дружище Роберт,— как мог весело сказал Парсел, усаживаясь на диван прямо напротив стола.— Клянусь Иисусом Христом, Рейчел и я — мы часто вспоминаем о тебе. Как тебе живется, как работаете?

Дайлинг продолжал быстро писать. Вдруг он засмеялся — и смех его звучал громко, сухо, надрывно. Постепенно смех перешел в кашель. Дайлинг встал, сунул рукопись в стол, подошел к стеклянной стене. Уперся в нее ладонями раскинутых над головой рук, прислонил лицо. Медленно повернулся, бормоча:

— Не ломайте альфу, не делайте больно лотосу! — И перебирал при этом четки-невидимки. Вдруг в глазах его появилось выражение ужаса. Он сгорбился и стал отдирать от горла то ли щупальца, то ли руки, которые его душили. Упав на пол, он начал вздрагивать всем телом, пока не замер в неестественном изгибе, запрокинув голову. В широко раскрытых глазах застыла бессмысленная улыбка. На ковер струйкой стекала слюна. Парсел вопросительно взглянул на главного врача:

— Положим его на кровать.

— Сейчас лучше не трогать,— ответил тот. И добавил, что вызовет лечащего врача: — Главное — покой.

Они вышли в коридор. «Может быть, наш приход и явился причиной приступа»,— подумал Парсел и до боли сжал кулаки в карманах халата. Главный врач что-то негромко сказал появившемуся лечащему врачу, потом громче добавил:

— Припадки происходят в одно и то же время, через каждые три дня, и пока нам не удалось докопаться до их истинной причины.

Отвернувшись от мужа, Рейчел плакала тяжело, беззвучно. Она совсем недолго знала Роберта Дайлинга. И не с лучшей стороны. Но это была человеческая трагедия. Вместе с ней Рейчел оплакивала все трагедии мира. Как она желала всем людям добра и счастья, как молила об этом. И, конечно, Роберту, конечно же, Роберту...

...По небу медленно ползли черные облака. Они натыкались друг на друга, поглощали друг друга, вытягивались во все стороны причудливыми узорами. И неизменно превращались в конце концов в огромную пагоду. На каждом выступе пагоды появлялись фигуры невиданных зверей — многоголовых, многолапых, многогородых. Пагода держалась на небе какое-то время, затем рушилась. И вновь черные облака начинали свой медленный тягучий танец.

Роберт шел, по пояс погрузившись в мерно катившую свои воды реку. Низкие пологие берега были сплошь покрыты невысоким колючим кустарником. Дайлинг шел, тяжело передвигая по дну ноги. Армейский китель и брюки, стофунтовые ботинки мешали каждому движению. Несколько раз он порывался сбросить их и не мог. Его мучила жажда. И хотя по поверхности реки мимо него проносились корневища деревьев, вздувшиеся трупы зверей и людей, он остановился и зачерпнул в обе руки речную воду. И вдруг увидел, что это не вода, но кровь. Роберт остановился и долго смотрел, как кровь между пальцами стекает в реку...

Дайлинг провел во Вьетнаме уже три месяца, когда ему неожиданно довелось встретиться с Парселом.

— У нас здесь, знаете ли, высокий гость, очень высокий, — устало сказал Роберту сопровождавший его на фронт штабной полковник.

— Кто же это? — заинтересовался Дайлинг.

— Сейчас увидите. Он говорит, что вы старые друзья.

Они находились на КП 4-й пехотной дивизии. Сюда доносились отзвуки стрельбы. Бои шли и на северо-западе и на юго-востоке от небольшого городка, где, кроме КП, расположились госпиталь и службы тыла.

Дайлинг долго рассматривал в сильный бинокль склоны ближней сопки. Именно там, по словам полковника, шли тяжелые бои.

— Изучаешь вражеские позиции? — услышал он знакомый голос. Дайлинг оторвал бинокль от глаз, повернулся и увидел стоявшего за его спиной Парсела. Чуть поодаль от него переговаривались вполголоса три генерала.

Парсел обнял Роберта. Взял у него бинокль. Быстро прошелся взглядом по гряде сопки, вернул бинокль Дайлингу.

— Видишь вон те вспышки? — спросил Роберт. — Это и есть вьетконговские позиции.

— Вьетконговские позиции,— в раздумье повторил Парсел.

— Какими судьбами ты здесь? И надолго ли?

— Пути господни неисповедимы,— Парсел приложил руку к груди.— Вот прилетел на два-три дня посмотреть своими глазами на врата, через которые наши парни попадают в рай.

— И как, впечатляет?

— Разве дело в сиюминутном впечатлении? — задумчиво сказал Парсел.— Святой Петр свидетель, что я, глядя на все это, чувствую другого, главного врага. Он за тысячи миль отсюда. Но его проклятый дух, его идеи — они здесь, вон на тех сопках.

— Россия...

— Великий Боже, догадаться нетрудно! Ты здесь уже несколько месяцев, верно? Объясни же мне, почему наши парни не только не могут совладать с этими макаками, но, похоже — находятся накануне краха?

— Они считают эту войну чужой. Не хотят умирать неизвестно за что.

— Вот именно, неизвестно за что. О, Господи! Сколько раз я говорил этим болванам из Пентагона: «Удвойте, утройте ставки всем, кто здесь воюет. Удесятерите!» Стимул должен быть — реальный стимул...

Наконец Дайлингу удалось выбраться на берег, и он в изнеможении опустился на крохотную поляну, которую со всех сторон обступал черный, колючий кустарник. Он лег на спину, закрыл глаза и вдруг услышал шипение. Оно нарастало, делалось все явственнее. Роберт равнодушно отметил про себя, что шипение исходило не из одной какой-то точки, оно окружало его. Продолжая лежать с закрытыми глазами, он почувствовал, как холодные мокрые гады поползли через его тело, руки, лицо. «Не кусают», — подумал Дайлинг и потерял сознание...

Он сидел на раскладном стуле в расположении полевого армейского госпиталя. Вокруг него, прямо на земле, лежали раненые. Рядом стоял, облокотившись на одинокую пальму, сопровождавший его штабной полковник. Дайлинг рассказывал раненым о том, что происходило дома, в далеких, благословенных Богом Соединенных Штатах, предрекал скорое и успешное завершение войны.

— Я здесь уже полтора года,— тихо произнес блед-

ный сержант с окровавленной повязкой на голове.— Слушаю капелланов, наше радио, даже газеты иногда читаю.

Он замолчал, и Дайлинг явственно услышал недалекие пулеметные очереди и надсадное уханье мин.

— И что же? — осторожно спросил он сержанта.

— А то, что нигде нет ответа на мой, на его,— он указал пальцем на лежавшего рядом солдата,— на наш вопрос: «Какого черта мы забрались в эти проклятые джунгли? Что и когда здесь потерял наш старый дядюшка Сэм?»

Роберт встал со стула, достал из нагрудного кармана сигару, закурил и стал смотреть на низко плывущие черные тучи.

— Вы откуда? — прервал наконец он слишком затянувшуюся паузу.

— Из Иллинойса.

— Надеюсь, вы не красный?

— Все мои предки, как и я сам — убежденные республиканцы.

— Тогда,— холодно разглядывая сержанта, громко произнес Дайлинг,— по меньшей мере странно, что вы не уразумели простую истину.

— До этой войны я не знал, что мир прямо-таки переполнен простыми истинами.

— Я имею в виду главную для нас сейчас истину: «Если не мы сегодня здесь, то коммунисты завтра будут везде в нашем доме — в Иллинойсе, Мериленде, Калифорнии...»

— Э, мистер, неужели вы думаете, что кто-нибудь из нас и впрямь поверит в эту чепуху...

Дайлинг вспомнил свою последнюю встречу с южно-вьетнамским президентом. Тот широко улыбнулся, жестом приглашая Дайлинга сесть в кресло. Уселся сам, мягко положил руки на колени, слегка наклонив голову набок, вкрадчиво спросил:

— Господин Дайлинг прибыл к нам с почетной миссией укрепления боевой морали наших и союзных нам войск?

— Согласиться с этим,— тоже улыбаясь, ответил Роберт,— означало бы серьезно преувеличить значение моей скромной миссии. Мой президент напутствовал меня такими словами: «Посмотрите на месте, Дайлинг, все ли и так ли делается для душ наших солдат во Вьетнаме». И вот я здесь...

— Для душ...— вразяжку произнес южновьетнамский президент.— Боб Хоуп с девочками недавно гастролировал весьма успешно. Киноленты в тыловых частях крутят забавные. Листовки трогательные раздают. Сеть, э-э, «приютов любви» налажена превосходно... Я, как вы знаете, человек набожный,— президент прикрыл веки, скрестил ладони на груди,— однако во имя бессмертия все той же души вынужден стать закоренелым материалистом.— Он негромко захихикал.— Истребители, вертолеты, минометы и автоматы, по моему глубокому убеждению, лучше всего другого на свете заботятся о душе человеческой. И солдаты — когда их очень много.

«Обезьяна проклятая,— мысленно негодовал Дайлинг.— Третий раз встречаюсь с ним за полтора года. И каждый раз он требует присылки все нового и нового оружия и все новых и новых боевых частей».

— Американцев сейчас здесь больше полумиллиона,— вслух сказал Дайлинг.

— Что такое полмиллиона,— вздохнул президент и вновь смежил веки...

«Военные военными, а этот рыцарь спасения душ передаст мои слова именно тем, кто должен нас услышать,— подумал про себя президент.— Услышать и внять».

Внезапно появился адъютант. Негромко доложил о чем-то. Президент всплеснул руками, притворно вздохнув:

— Вместо того, чтобы воевать против общего врага, наши солдаты стреляют друг в друга.

Дайлинг недоуменно вздернул брови.

— Мои солдаты не поделили с вашими прелестных жриц любви,— еще раз вздохнув, сказал президент.— А ведь это прямо по вашей части.

— Что значит «не поделили»? — громче, чем следовало бы, спросил Дайлинг.

— В районе «приютов любви» произошло серьезное столкновение. Убитые исчисляются десятками...

Когда Роберт с адъютантом президента подъехали к месту, где произошел «досадный инцидент» (так охарактеризует кровавую стычку сайгонская и американская пресса), они увидели, что большой район оцеплен частями военной полиции. Санитарные машины увозили убитых и раненых. Многочисленные пожарные боролись с пламенем, охватившим несколько домов.

К адъютанту подскочил низкорослый полковник, бойко отрапортовал.

— Все, вероятно, приканчивается благополучно,— на ломаном английском сообщил Дайлингу адъютант...

Вконец разбитый, Роберт добрался до своего гостиничного номера. Лифт не работал. На лестнице и в коридорах царил полумрак. Приняв душ, он выпил стакан неразбавленного виски. Задремал, сидя в кресле-качалке. Едва слышно зазвонил телефон.

— Хай, Боб! — услышал он в трубке голос знакомого журналиста, жившего этажом выше.— Надеюсь, слышал уже о «Битве за дом»?

— Слышал,— раздраженно буркнул Дайлинг.— Неужели из-за этого стоило будить в три часа утра?

— Из-за этого, пожалуй, не стоило,— примирительно согласился журналист.— Дело в том, что я один, а у меня четыре гости. Одна другой лучше. И...

— И если бы вы знали, как нам скучно,— игриво прокричал в трубку женский голос.

— У меня спиртное кончилось,— сообщил Дайлингу журналист.— А прислуга вся как сквозь землю провалилась. Ни до одного дикаря не дозвонишься.

— Ну что ж,— помедлил с ответом Дайлинг.— При столь прискорбных обстоятельствах выход, я полагаю, один — топайте все ко мне.

— Bravo! Мы слышим голос настоящего мужчины! — проговорила в трубку на сей раз другая девица.

Дайлингу не понравилась ни одна из них. Вьетнамка была явно старше сорока лет и на лицо ее был наложен чуть ли не фунт всевозможных красок. Француженка была вдвое моложе, но жеманна до неприличия. Приятнее были японки, сестры-близнецы. Роберта забавляло, что он никак не мог определить, где Микко, а где Кикко. Журналист несколько раз хлебнул виски прямо из бутылки, лег на пол и тут же захрапел. Дайлинг помнил, что девицы пили отчаянно много и ничего не ели, хотя какая-то закуска стояла на столе. Потом они впятером перетащились в спальню, и, раздевшись догола, забрались на постель необъятных размеров. Ее покрывал роскошный балдахин. Под потолком лениво вращался допотопный фен. Было жарко и душно, потные тела сплетались в горячий клубок.

Он не помнил, как заснул. Сон сразил его...

Он очнулся от сна уже после полудня и долго лежал неподвижно, с отвращением разглядывая покоившихся

рядом девиц. Шторы были закрыты, и в сиреновом полумраке тела их представлялись ему телами мертвецов.

В тот же день он вновь выехал на фронт, в район, где проводились крупные карательные операции. Пролетая над джунглями, селами и городами в добротном американском вертолете, он в который раз за последние дни думал о тщете жизни...

Он брел по реке, и это была река крови. И лишь шум текущей крови нарушал тишину. Над головой проносились черные птицы. По джунглям рыскали дикие звери. Он знал, что по обоим берегам реки шел страшный, отчаянный, смертельный бой. Но не слышал ни посвиста пуль, ни взрывов мин и снарядов, ни стонов раненых. Так он шел милую, другую, третью, десятую. И хотел выбраться из этого кровавого потока, но не мог. И он сделал то, чего не делал очень много лет — с юности: стал молиться. «Боже милосердный! Ужели я более грешен, чем все те, кого я знал в своей жизни? Призови мою душу к себе, пусть через самое страшное мучение!»

Вот кровь подступила к его подбородку, захлестнула рот, глаза, накрыла с головой. Но он вынырнул, вынырнул у самого берега. И увидел человека, по горло зарытого в землю. Лицо было знакомо. Но он никак не мог вспомнить, кому именно оно принадлежит. «Какая-то необычная голова! — подумал Роберт. — Странная. Вроде шевелится каждой своей клеткой, каждым волосом».

И тут он рассмотрел, что голова торчит среди муравьиной кучи. Жирные, черные муравьи величиною с полпальца деловито сновали по ней вверх и вниз, вдоль и поперек. Исчезли веки. Исчезли уши. Провалились щеки. Однажды Роберт видел в джунглях: так казнили старика партизана. И вдруг почувствовал острую боль в ушах, в веках, в щеках. И с ужасом понял, что это его голова торчит из муравьиной кучи.

«Господи, возьми меня к себе, через любые, пусть самые страшные мучения...»

Большая группа американских и южновьетнамских офицеров стояла на окраине сожженной дотла деревушки. Был ранний теплый вечер. Где-то в кустарнике самозабвенно пели невидимые птицы. Едва осязаемый ветерок, разгоняя запах гари, доносил слабый аромат цветущих деревьев от крайней, чудом уцелевшей хижинки. У входа в нее на земле сидели пять человек. Они сидели лицами к военным, и Дайлинг мог легко рассмотреть их.

«Старшему едва ли исполнилось двенадцать,— привычно отметил про себя Дайлинг.— Весь народ воюет против нас — даже дети. Ну что ж, раз взял в руки оружие, значит, ты — враг. И будешь отвечать по всей строгости, хоть и не жил еще вовсе, и никакой радости не испытал.— Дайлинг зевнул, запрокинул руки за голову: — Да и какая могла быть у них радость? Лишний час сна? Лишняя горсть риса? Лишний банан?»

Роберт снял темные очки.

— Сэр, я бы просил вас не делать этого. Солнце здесь очень коварное,— вежливо напомнил штабной полковник.

«Солнце коварное...— думал Дайлинг.— А что здесь не коварное? Мирные джунгли оборачиваются партизанским адом. Женщины всаживают нож в горло ласкающему их чужестранцу. Дети,— он посмотрел на пятерых, обреченно сидевших у хижины,— эти юные фанатики, по наущению еще более одержимых фанатиков-родителей и с их благословения, идут на верную смерть. И самая большая радость всей их короткой жизни — когда взрослые позволяют им взять в руки настоящее оружие. Такая вот печальная радость... Увы, за каждую радость надо платить! Детские шалости, детские радости... Были ли они у меня?»

Дайлинг усмехнулся. Двенадцать лет... Его отец, мелкий банковский служащий, нарядившись на Рождество Санта-Клаусом, раздавал детям, которые собрались в их доме в тот вечер, подарки. Роберту достался восхитивший всех двухколесный велосипед. Когда возбуждение, вызванное полученными роликовыми коньками, ковбойскими пистолетами и плюшевыми кошками, несколько улеглось, Санта-Клаус сказал:

— Еще, дети, у каждого из вас есть возможность загадать желание. И если это будет в моих волшебных силах, я обещаю его тут же исполнить.

Кто-то попросил доллар и сразу же его получил. Кто-то потребовал пять порций мороженого и едва не заболел на следующий день ангиной.

— А ты, Роберт, что хочешь ты? — Санта-Клаус погладил мальчика по голове.

— Мое желание невыполнимо,— со вздохом проговорил Роберт, который с девяти лет знал, что Санта-Клаус — его отец.

— Все-таки, мне кажется, стоит попробовать,— подбодрил его Санта-Клаус.

— Я хотел бы, чтобы выговорили моего папу дать мне прокатиться на его автомобиле...

И вот он мчится в дешевеньком «форде» по тихим улочкам Ричмонда. И чувство оглушительной радости захлестывает все его существо. Машина повинуется каждому его движению. Он — владыка дороги, победитель любых расстояний. Он знает, что после каникул, а может, еще до их окончания, весь его класс будет восхищаться им. Еще бы, он первый, кто сел за руль настоящего автомобиля!..

Дайлинг мечтательно улыбнулся. Да, пожалуй, те минуты были самыми радостными в его мальчишеской жизни.

Через год на Рождество он приятно поразил отца и мать: Роберт показал им чековую книжку своего текущего счета, который он открыл в банке рядом со своей школой. Деньги были ничтожные — 12 долларов и сколько-то центов. Он выиграл, удачно опустив 25 центов в чрево «однорукого бандита». Правда, помнится, радости не было. Было чувство самоутверждения. Впрочем, пожалуй, радость тоже была. Но, видимо, тогда и кончилось детство...

Два южновьетнамских солдата вывели из хижины пожилую женщину. Она прикрыла глаза руками, а когда опустила их, Дайлинг увидел окровавленные щеки и беззубый рот. За ней вышел американский офицер. Рядом с ним семенил переводчик. Офицер, улыбаясь, дважды повторил одну и ту же фразу:

— Значит, вы, миссис, не знаете, где находится штаб отряда?

Женщина молчала, смотрела офицеру прямо в глаза. Пятеро сидевших на земле напряженно следили за тем, что происходило. Продолжая улыбаться, офицер медленно вытащил из кобуры браунинг и, подойдя к самому маленькому из пятерых, выстрелил ему в упор в затылок. Женщина рванулась к мертвому уже ребенку, но конвоиры преградили ей путь. Американец подошел ко второму из пятерых. Он улыбался, держа браунинг наготове. Женщина сказала что-то хриплым, срывающимся голосом. Офицер, спрятав браунинг, подошел к ней.

— Итак, миссис желает говорить, — произнес он, перестав улыбаться. — Похвально. Я весь внимание.

Переводчик не успел закончить фразу, когда на ноги вскочил старший из пятерых. Он что-то выкрикнул, резко и громко. И было что-то в голосе этого мальчика, что

заставило Дайлинга вздрогнуть. Офицер подошел к мальчику, улыбнулся:

— Наконец-то наш юный друг заговорил. Я обещал, что признание будет стоить жизни. Итак...

Мальчик вновь выкрикнул что-то резко и громко и плюнул офицеру в лицо.

Женщину и четверых детей расстреливали австралиец, два американских и два южновьетнамских офицера. По общей команде каждый выпустил пулю своей жертве в упор в затылок.

«Много крови,— поморщился Дайлинг.— Война».

Невдалеке солдаты соорудили походный стол, накрыли его скатертью. Появились всевозможные закуски, бутылки. Офицеры, негромко переговариваясь, подходили к столу. «Похоронная команда действует проворно: уже и трупы куда-то оттащили,— удовлетворенно подумал Дайлинг.— А то, что произошло, в конечном счете, не только необходимо, но и полезно».

Дайлинг имел в виду секретную директиву, которая предписывала всем офицерам действующих и тыловых частей присутствовать при казнях партизан. И не только присутствовать, но и принимать в них участие.

«Чем раньше все мы поймем обнаженную простоту дилеммы: либо мы их, либо они нас,— тем больше шансов останется у свободного мира».

Дайлинг один за другим выпил два стаканчика виски, почти не разбавив. Из хижины, подле которой установили стол, вышел долговязый широкоплечий капрал, с хрустом потянулся и, воровато оглядевшись, незаметно поманил одного из вестовых. Тот бочком скользнул в хижину. «Какого черта эти трусы и мародеры там делают»,— раздраженно подумал Дайлинг. И как только капрал отошел от хижины, Дайлинг вслед за вестовым шагнул в прохладный сумрак...

Мгновение он стоял на пороге, привыкая к полутьме, прежде чем разглядел извивающуюся спину вестового. И вдруг сердце как бы пропустило один удар, второй... Оттуда, с прелой циновки, из-под извивающегося тела в пропотевшем мундире, на Дайлинга глянули бездонные глаза Лауры. В них не было ни укора, ни гнева, а одна лишь неизбывная мука...

Дайлинг не стал узнавать, кто была эта вьетконговка и что с ней случилось потом, когда и второй вестовой вышел из хижины.

...Он с трудом брел по реке, погрузившись в нее по

пояс. Река была черной. Ее поверхность зловеще блестяла в закатных лучах солнца. Откуда-то появилась чайка. Она долго летела над самой головой Дайлинга и вдруг сильно клюнула его в лоб. «Какая злая птица,— подумал Роберт.— Ведь она метила прямо в глаз, и я чудом увернулся». Чайка то и дело пронеслась над ним, громко крича. На ее крики слетелось еще несколько птиц. Они были жирные, летели тяжело, зло кричали. Каждая норовила клюнуть Дайлинга в голову. Он попытался было отпугнуть их взмахами рук. Но это лишь сильнее разозлило птиц. Тогда он решил спастись от них, нырнув в воду. «Опять кровь,— подумал он,— густая, соленая человеческая кровь». Течение стало заметно быстрее, река ширилась. Дайлинг увидел, что его неотвратно влечет к высокому порогу, который обрывался в безбрежное море...

Он хорошо помнил свой последний день в Сайгоне. Это был день всеобщего безумия и краха, день бегства и позора, последний день единственной войны, которую проиграли его Соединенные Штаты. «Почему?» — мучился Дайлинг, пытаясь найти ответ на этот вопрос. И находил десятки ответов. И не мог найти того единственного, который мог бы его убедить, удовлетворить, заставить поверить в его истинность. Парсел считает, что мы проиграли потому, что вложили во вьетнамское предприятие недостаточно денег. Может быть. Если все на свете измерять, как это делаем мы, деньгами.

Дайлинг не пил уже много дней ни глотка спиртного. Тем большее и страшнее было видеть трезвым взглядом то, что происходило.

Ему казалось, что он никогда не доберется до порта Вунг-тау. Там, на одном из самых дальних причалов его ждал вертолет с охраной. Ждал, чтобы переправить на надежный борт авианосца. Какой-то кретин из городской комендатуры вконец спутал всю систему пропусков, по которым военная полиция разрешала проезд автомобилей. Шпиономания достигла апогея: озверевшая солдатня разорвала на части генерала, который отказался предъявить им документы. В управлении контрразведки произошел взрыв, и ее сотрудники рыскали по городу, вылавливая всех, кто казался им хоть чем-то подозрительным. И вершили на месте суд скорый и неправый. Уголовники, переодевшись в армейскую форму, грабили богатые дома и магазины, останавливали автомобили со штатскими, отбирая у них

драгоценности и валюту. Хаос охватил город. В разных концах его занимались пожары.

Автомобилем Дайлинга управлял морской пехотинец. Это был одноглазый верзила, который, то и дело похотывая и смачно ругаясь, приговаривал: «Мы вас вмиг доставим на нашу надежную лодочку, сэр». Рядом с ним сидели два южновьетнамских офицера. Они были вооружены автоматами и уже дважды за последние десять минут прокладывали машине путь огнем.

Сопровождавший Дайлинга штабной полковник всю дорогу молчал. Приглядевшись к его лицу, Роберт увидел, что тот плачет. Тяжелые слезы скатывались со щек.

— Держите себя в руках, полковник,— сухо бросил Дайлинг.

— Я знаю, что надо уметь проигрывать,— зло ответил тот.— И все же в моей голове не укладывается, как мы могли проиграть вот этим,— он ткнул пальцем в окно, за которым беспорядочно бежали южновьетнамские солдаты: то ли ловили очередного шпиона, то ли преследовали неудачливого дезертира. Дайлинг коснулся руки полковника, кивнул на сидевших впереди офицеров. Полковник смолк.

Они были уже в порту. До нужного причала оставалось не более ста ярдов. Но все это пространство было забито людьми, тащившими домашний скраб, чемоданы, узлы. Пришлось бросить машину. Одноглазый верзила, увлеченно работая огромными кулаками, быстро проложил путь сквозь толпу. Однако южновьетнамский майор, командовавший портовой ротой военной полиции, наотрез отказался пропустить Дайлинга к вертолету.

— Прошу показать документ, подтверждающий ваше право на этот «чоппер»,— потребовал он.

— Какое право? — взорвался Дайлинг.— Какое, к чертовой матери, право?

— Майор,— одноглазый верзила схватил южновьетнамца за грудки,— клянусь своим единственным глазом и формой, дело чистое. Давай команду своим вонючим макакам, чтобы нас пропустили.

Штабной полковник безразлично наблюдал за развертывавшейся на его глазах драмой. Майор что-то коротко сказал стоявшим рядом солдатам, и те прикладами мгновенно сбили с ног одноглазого верзилу. Тут же упал сраженный пулей один из двух офицеров, приехавших с Дайлингом. Роберт подхватил его автомат и дал

предупредительную очередь в воздух. Майор уткнулся ненавидящим взглядом в Дайлинга, выкрикнул слова команды. И тогда Роберт выстрелил в майора в упор и, когда тот упал, продолжал стрелять по его солдатам. Толпа отхлынула назад. Дайлинг, штабной полковник и одноглазый, медленно пяясь и прижимаясь плечами друг к другу, достигли, наконец, вертолета... Скоро они приземлились на борту авианосца. Уже когда сидели за столом в офицерской кают-компании и выпили по двойному виски, Дайлинг грустно заметил:

— Здесь мы потеряли частицу себя, очень существенную частицу, не правда ли, полковник?

— Да разве можно было воевать с этими косоглазыми? У них же от ваших выстрелов душа в пятки ушла!

Полковник выпил еще и добавил:

— А с вами, сэр, я готов пойти в тыл любого врага. Сожалею, что открыл это для себя лишь в последние минуты нашего совместного пребывания там, — он махнул рукой в сторону берега. — А ведь мы великая страна, ведь били же мы когда-то морду и другим? Русским, например.

— Что-то не припомню такого за последние десятилетия, — безрадостно усмехнулся Дайлинг...

...Теперь он плыл по морю на каком-то куске дерева. Высокие, огромные волны вздымались над ним и обрушивались вниз. Неба не было вовсе, сплошная черная мгла и яростно клокочущая вода. Роберт чувствовал, как в его мозг впиваются миллионы иголок. Не в голову, не в кожу на ней, а именно в мозг. «Так, наверное, пытали в средние века, — подумал он. — Инквизиторы, где-нибудь в Испании». И тут же услышал голос штабного полковника: «При чем здесь Испания, средневековье? Зря, что ли, возил я вас четыре месяца по Индокитаю?» «Ах, да, Вьетнам... Теперь будет вечно бельмом на нашем глазу. А как же быть с французами, как быть с их пословицей «на войне как на войне»? Впрочем, они ведь тоже проиграли во Вьетнаме».

Когда особо злая волна вздыбилась выше других, Роберт увидел звезду. Крохотная, как светящаяся точка в черном мраке Вселенной, она вдруг стала расти, шириться во все стороны, надвигаясь прямо на Дайлинга. «Она же раздавит и меня, и эту волну, и всю нашу землю», — успел подумать он и погрузился в небытие.

Прошло какое-то время, и он ощутил себя в ином

измерении. Не было ничего знакомого, привычного. Непонятно откуда исходивший свет пульсировал бледно-сиреневыми потоками. Дайлинг не ощущал ни тепла, ни холода. Он шел куда-то, едва касаясь земли босыми ногами, понимая, что, видимо, не идет, а скорее скользит над землей по воздуху.

Постепенно сиреневый свет истончился, и Роберт увидел, что летит над каким-то городом. Но вместо зданий из земли торчали кресты и надгробия могил. Вновь возникли бледно-сиреневые волны. И вновь рассеялись. Дайлинг увидел, что стоит перед своим скромным семейным домом в Ричмонде. Вокруг Роберта, вблизи его и поодаль, стояли мать, отец, сестра, дядья его и деды, прабабки и дальние родственники, о которых он лишь мельком слышал или знал по семейным преданиям. «Все, кто здесь когда-то родился», — пронеслось в сознании Дайлинга. Все молчали. «Кто и зачем собрал нас всех здесь? — подумал Дайлинг. — Вон и у соседних домов полно людей. И по всей улице. И по всему городу. По всей земле». Опять поплыли сиреневые волны, и спокойный, мягкий, но строгий голос пронзил, казалось бы, самую душу Роберта:

— Я пришел судить вас по делам и поступкам вашим, праведным и неправедным.

Роберт не видел говорившего. Но по тому, что все вокруг упали на колени, он понял, что голос этот достиг души каждого.

— Встаньте, — мягко приказал голос, — кто не нарушил ни одной из десяти заповедей.

Ни один человек не шелохнулся.

«Перевелись, похоже, абсолютные праведники, — бесстрастно заметил Дайлинг. — Да их и не было вовсе никогда на земле».

— Встаньте, кто не нарушил девяти заповедей... семи... пяти... трех... хотя бы одной... — Люди поднимались с коленей и куда-то уходили. Наконец Дайлинг увидел, что он остался один. Один на всем свете. Он вскочил на ноги. Но невидимая сила вновь заставила его опуститься на колени.

— Боже, неужели я самый страшный грешник? — зарыдал Дайлинг. И слезы не облегчили его душу. — Но почему? Скажи — почему?

— Я простил бы тебе нарушение всех заповедей. Ибо сказано: «Да будет прощение раскаявшемуся». Но есть один грех, который не подлежит прощению. Этот

грех — растление души человеческой. Ибо он один порождает все другие грехи. И среди них самый мерзкий и богопротивный — убийство и кровопролитие.

— Разве не был я всю жизнь, каждую минуту искренним и бескорыстным?

— Разве убежденный убийца менее гнусен, чем убийца наемный? Никому, слышишь ты, никому не дано права лишать жизни, которая предопределяется единственно Книгой судеб.

— А-а-а! — закричал Роберт Дайлинг, чувствуя, как он проваливается в бездну, из которой не будет выхода. Никакого и никогда...

Глава четвертая

ВЕЧЕРИНКА У БЕАТРИСЫ...

— Мы оказались низведенными до положения второсортной державы! — толстяк, репортер «Чикаго трибюн», проговорил это зло и громко, и энергично захихнул вилкой в рот добрую четверть бифштекса с кровью (пожалуй, лучшее блюдо весьма посредственной кухни чикагского пресс-клуба). Его спутница, хрупкая блондинка, диктор местного телевидения, мило улыбнулась, подлила в бокалы бургундского.

— Еще каких-нибудь лет двадцать назад перед нами в большинстве стран мира с почтением снимали шляпу, — продолжал толстяк, одним глотком осушив бокал. — Теперь слово «американец» произносится там как ругательство. Черт знает что! Какие-то карликовые государства, которые и на карте-то обозначают лишь цифрами, — не хватает места, чтобы название полностью упомянуть, — пытаются учить нас морали и блокируют наши предложения в международных организациях. Ну, из ЮНЕСКО мы, слава богу, вышли. Пусть-ка без нас попробуют.

— Русские! — выпалил он. — Да, да, русские. Всюду они лезут, везде у них дела — и в Азии, и в Европе, и в Африке, и в Латинской Америке, под самым нашим боком. Даже в Антарктиде!

Он взял бутылку и тут же в сердцах со стуком поставил ее на стол.

— Франция! — воскликнул он. — Какие-то лягушатники сбывают нам свою бурду и делают на нас деньги! Сэм!

Пожилой официант услужливо возник у столика.

— Сэм, дружище, подай-ка нам пару бутылок лучшего калифорнийского красного. А эту французскую мочу больше никогда не ставь на наш столик. Даже если я буду умолять тебя об этом. Идет?

— Пусть будет так, Барри, — согласно кивнул официант. — Это — вино. А как поступать с коньяком?

Толстяк ухмыльнулся, погрозил официанту пальцем, словно говоря: «Ух ты, шельма!»

— Значит, во всем и везде — «русские идут»? — девушка сделала маленький глоток, пробуя вино. Калифорнийское действительно ничуть не уступало бургундскому.

— Если уж быть до конца объективным, — ответил толстяк, не переставая жевать, — все беды мира, и наши тоже, вызываются двумя истоками зла: коммунистами и цветными. Вот! — он отвернул лацкан пиджака. Там был приколот большой круглый значок. По красному полю бежали черные буквы: «Убей русского!» — Они хотят захватить весь мир и превратить всех в своих рабов. И помогают им в этом черные, вообще все цветные. Но мы им еще покажем. Да здравствует белая Америка, великая и вечная!

Он поднял бокал, приглашая ее выпить. Теперь она разглядывала его явно критически:

— Я не знала, Барри, что ты расист.

Толстяк на мгновение замаялся:

— Я никакой не расист. Я нормальный здоровый американец, каких большинство, да поможет нам Бог!

— А ведь в представлении черных Бог — черный, — заметила она.

Он усмехнулся. В его планы вовсе не входило ссориться с «малюткой Сузи». Девушка тоже заставила себя улыбнуться. И ей не хотелось ссориться с этим в общем-то неплохим парнем. Может, он наговаривает на себя. Выпил три аперитива, вина добавил. С мужчинами и не такое бывает... Толстяк огляделся вокруг. У окна одиноко сидел смуглокожий. Толстяк долго изучал его недобрый взглядом. Потом ткнул в сторону смуглокожего пальцем: «Они уже сюда забрались! Вот среди них исключений я не допускаю». Он поднялся и, несмотря

на робкие протесты девушки, направился к столику смуглокожего.

— Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с господином Раджаном? — толстяк вкрадчиво улыбался.

— С Раджаном-младшим, — холодно ответил смуглокожий, внимательно рассматривая незнакомца, который облокотился на стол.

— Корреспондентом «Индепендент... кроникл» в Нью-Йорке?

— «Индепендент геральд», — сухо уточнил Раджан. — Не имею, однако, удовольствия быть с вами знакомым.

— Барри Джордэйн, — толстяк подчеркнуто церемонно поклонился, сел. Тут же вскочил: — «Чикаго трибюн».

Он вновь уселся — напротив Раджана.

— Чем же могу быть вам полезен, мистер Барри Джордэйн из «Чикаго... телеграф»?

— «Чикаго трибюн», — радостно поправил толстяк, не замечая, что ошибка была сделана «этим смуглокожим» умышленно.

— Откуда вы меня знаете?

— Видел в одной из наших газет ваш портрет и информацию о назначении шефом-редактором нью-йоркского бюро.

— Итак, в чем дело? — в голосе Раджана слышались нотки легкого раздражения.

— О, ничего особенного! — толстяк обернулся, махнул блондинке: «Сейчас иду!» — Я хотел спросить, как вам нравится наша бедная многострадальная Америка? Которая всем и во всем помогает и в благодарность получает плевки и проклятия?

— Впечатления? Право, долго рассказывать. Если хотите, могу прислать номера моей газеты с несколькими сериями репортажей. Плевки и проклятия? Не кажется ли вам, что они зачастую вызываются тем, что объекты вашей бескорыстной заботы, мягко говоря, не нуждались в такой помощи и не просили о ней?

К столику от входа двигалась девушка. Пока она пересекала зал, мужчины провожали ее откровенно восхищенными взглядами; кое-кто не удержался от свиста. На девушку, казалось, все это не произвело никакого впечатления. Она спокойно присела за столик Раджана, спросила:

— Ты, надеюсь, без меня не скучал?

— Да вот, мистер Барри Джордэйн не давал! — ответил Раджан. Девушка повернулась к толстяку, нахмурилась. Тот встал:

— Рад видеть вас, мисс Парсел. Очень рад!

— Хэлло,— небрежно уронила Беатриса.

— Ты его в самом деле знаешь? — удивился Раджан, когда толстяк ретировался к своему столику.

— Этого хряка? — Беатриса быстро пролистала меню. — «Вечно потный Барри». Его знают все, кто хоть немного знаком с газетной мафией Чикаго. Пустобрех и трус. Но пишет лихо. Подписывается «Питер Хьюз».

— Так это он? — Раджан обернулся, разыскал взглядом толстяка. — Знаю его статьи, читал. Однако почти все они — сквозь прорезь мушки берчиста.

— Да, уж либералом его не назовешь... Впрочем, в сегодняшних Штатах, как ты сам убедишься, их вообще немного.

Беатриса заказала устрицы. А Барри Джордэйн жаловался своей спутнице:

— Только я собирался этому цветному недоноску утереть нос в лучших традициях благословенного Юга, как заявила Беатриса Парсел из «Нью-Йорк таймс». Сама-то она пока еще ничего собой не представляет. Но — наследница империи Парсела.

Сузи глянула на Беатрису с благоговением и острой завистью одновременно:

— Черт побери! Везет же людям: красавица, да еще миллионы!..

Беатриса ласково коснулась руки Раджана, улыбнулась:

— Ты извини, только что получила письмо от отца, хочу прочитать: не часто балует он меня своими посланиями. Не возражаешь? — и Беатриса погрузилась в чтение.

...А Раджан вспомнил, как полгода назад Маяк пригласил его к себе в кабинет. Был конец дня. Последние полосы завтрашнего номера «Индепендент геральд» — столичной газеты Истардии, подписанные главным, ушли в типографию. Главный редактор был в добром расположении духа, что теперь случалось все реже. Усадив Раджана напротив себя, он поставил на низенький столик, разделявший их кресла, две большие чашки дымившегося напитка, крохотные пирожные в бумажной коробке, восточные сладости в стеклянных вазочках. Главный получал чай прямо с одной из

лучших плантаций северо-восточной провинции Истардии, от старого друга, с которым прошел через многие английские тюрьмы в тридцатые и сороковые годы. Вдыхая терпкий аромат, Раджан гадал, чего ради Маяк устроил такое пиршество. Главный хмурился, пил чай неторопливо, сосредоточенно.

— Вы знаете, на Европейском континенте чай пьют без молока. Удивительно! — Маяк подкладывал Раджану пирожные, лукум, шербет. — Ах да, ведь вы же бывали в Европе... А как вы, дорогой Раджан, посмотрели бы на перспективу поехать нашим собственным корреспондентом в Нью-Йорк? — Маяк сказал это буднично, просто, как если бы предлагал прокатиться в один из пригородных парков столицы — Эдлака. — Видите ли, односторонняя ориентация, взгляд на мир лишь через одну призму лишают журналиста животворного объективизма. Я не против пристрастий (сам в некотором роде пристрастен). Но они должны быть осознанными. Вы много писали о русских. Может быть, даже больше, чем надо, — особенно последнее время. На мой взгляд, необходима психологическая пауза. Она нужна и для газеты, и для вашей журналистской карьеры...

Раджан слушал Маяка напряженно, затаив дыхание. Он даже скрестил руки на груди, чтобы спрятать дрожавшие пальцы. Но после каждого предложения, произносимого главным, он мысленно повторял: «Беатриса». Это был перст судьбы. Раджан сразу так решил. После того как они познакомились на приеме в советском посольстве, было всего лишь пять-шесть встреч, не больше. А потом она улетела вместе с отцом в Нью-Йорк. Прошло четыре долгих месяца разлуки, жизни от письма до письма, мук ревности к неведомой ему действительности, неизвестным соперникам... Маяк еще что-то говорил об ответственности — высшей ответственности перед Истардией. А Раджан, кивая изредка и невпопад, думал только о Беатрисе.

Она встретила его в нью-йоркском аэропорту Кеннеди. Едва он сделал шаг из самолета в швартовый коридор, свой первый шаг на американской земле, как увидел ярдах в пяти от себя девушку. Она была одета в лиловое с золотом сари; густые черные локоны в милом беспорядке падали на плечи; такие же черные брови и черные пушистые ресницы, густо насурмленные веки; поверх левой ноздри сверкает внушительный бриллиант, на каждой из обнаженных рук по десять-пятна-

дцать тонких золотых браслетов. Но все гримеры и костюмеры мира, все мастера париков и драгоценных украшений не смогли бы закамуфлировать, изменить ее глаза. И на этом первом своем шаге на американской земле Раджан снова — как когда-то у себя в Эдлаке! — с радостью, нет — с восторгом утонул в самых прекрасных на всем свете глазах. Утонул. Растаял. Растворился. Был паспортный контроль, и электронно-вычислительная машина скрупулезно проверяла, не является ли он одним из тех, кого разыскивает федеральная и местная полиция или сам Интерпол. Были ожидание и поиск чемоданов. Была очередь к таможенникам и вежливый, внешне даже небрежный, но настойчивый поиск контрабанды (самолет летел из Эдлака с посадками в Бангкоке и Гонконге). Была поездка по пригородам Нью-Йорка и по самому городу. Раджан все делал механически, словно во сне, не видел и не слышал ничего и никого, только одну ее — Беатрису...

Из воспоминаний Раджана вывел голос девушки. Он был печален:

— Папа с Рейчел недавно навестили Роберта Дайлинга. Бедный Роберт! Вот, послушай, что пишет папа:

«Врачи всесильны, когда человек здоров или почти здоров. А если болен, особенно тяжело — увы... Мы видели Роберта, пытались войти с ним в контакт. Ничего из этого не получилось. И, боюсь, не получится уже никогда. Такой был сильный, энергичный человек. Такой пытливый, мощный интеллект!.. Страшно прибавлять ко всему этому «был»... Страшно потому, что он жив. Еще страшнее, что он может жить, вернее, существовать, долго — год, семь, пятнадцать лет. Святой Петр свидетель, при всех наших спорах и счетах, ближе, чем Роберт, у меня друзей не было. И теперь уже не будет. Главный врач клиники полагает, что случай практически безнадежен. Беда в том, что они не знают причины болезни. Похоже, ее не знает вообще никто. Никто, кроме самого Роберта. Увы, его существование продолжается в неведомом нам диапазоне, на неизвестной волне, и общение при помощи доступных нам средств связи невозможно...

Раджан знал Дайлинга по Истардии, знал довольно неплохо. Столичные журналисты между собой частенько называли его «этот мудрый янки-бестия». Неужели мудрость — сестра безумия? Ему было жаль Дайлинга. Как жаль срубленного дерева. Как всего живого, обре-

ченного на безвременную гибель или страдания. К тому же Роберт Дайлинг был другом семьи Парселов, знал Беатрису с рождения, принимал участие в ее воспитании, в ее судьбе. Многое у нее от матери, покойной Маргарет. Многое — от отца. Многое — от Дайлинга. Например, ее работа в «Корпусе мира». Или то, что она приобщается сейчас к нелегкому труду журналиста в газете...

Глядя на задумавшегося Раджана, Беатриса вспомнила разговор с Дайлингом в Эдлаке. «Я тебя знаю, как серьезную девочку, Беат,— сказал он, когда она заглянула однажды в его офис.— Ведь ты серьезная девочка, не так ли?..» — «Разумеется»,— рассмеялась она, не зная, к чему он клонит. «И ты осмотрительна в выборе друзей?» — «Разумеется»,— сказала она уже без смеха, начиная понимать, чего ей следует ожидать от дальнейшего разговора. И решила, что оборвет его резко, даже грубо — в случае необходимости. Но разговор принял совершенно неожиданный поворот. «Ты знаешь, я горжусь тем, что я сын такой страны, как Америка. И тем, что мы — великая нация. А знаешь ли ты, что для нас опаснее всего в мире? То, что мы не хотим сознавать — ответственно и трезво — что мы не одни в этом мире, нет, не одни. Главный порок нашей национальной психологии — комплекс исключительности. Девиз самых ретивых из нас: «На планете все и всё — для нас. Мы — для себя». — «Однако вы всегда воюете за Америку — с комплексом или без». — «Вот тут ты не права. Да, я всегда за Америку. Но я за Америку без комплекса исключительности. Ибо он порождает все худшее, что у нас есть. Морис Шевалье в популярной песенке поет: «Живите и дайте жить». — «Вы впервые так откровенны со мной и я, безусловно, ценю и ваши взгляды и вашу искренность, но...» — «Но зачем я сообщаю тебе все это именно сейчас? Ты извини, если то, что я скажу, покажется вмешательством в личные дела. Я говорю с тобой как с дочерью. Я за Раджаном из «Индепендент геральд» наблюдаю давно. То, что вы потянулись друг к другу, мне показалось естественным. Но при нашем комплексе любой цвет кожи, кроме белого, неприемлем». — «А ваши отношения с Лаурой?» — «Вот мы и подошли к самому существенному. Я люблю Лауру. И сознательно беру на себя бремя ответственности за эту любовь». — «Вы хотите знать, готова ли я нести такое же бремя в нашей люб-

ви с Раджаном?» Дайлинг молча ждал, что Беатриса ответит на его же заданный вопрос. И она ответила: «Готова!..»

К приезду Раджана Беатриса сняла, и совсем недорого, славную квартиру с тремя спальнями в Гринвич-Виллидже. Меблирована она была безалаберно и довольно экзотично: диваны и кресла разных эпох, фантастически несовместимых обивок; кровати, стулья, трюмо из грубых неструганных чурбаков и досок и из редких, лоснившихся от полировки, выдержанных пород дерева; обои, гардины, люстры — казалось, все спорило, все разбегалось, все жило само по себе. И вместе с тем во всем этом хаосе цветов и стилей, во всем противоборстве эпох определенно чувствовался некий стиль. После раздумий и колебаний — Беатриса придирчиво разглядывала квартиру несколько раз — она решила ничего не менять. Пока — во всяком случае.

Гринвич-Виллидж был выбран ею не случайно. Нью-йоркский Монмартр был известен если не особой широтой взглядов, то во всяком случае определенной терпимостью. Беатриса хорошо помнила разговор с Дайлингом. И желала лишь одного — чтобы встреча Раджана с «комплексом американской исключительности» произошла как можно позже, а если повезет, не состоялась никогда...

Раджан прилетел во вторник, а в пятницу утром Беатриса преподнесла ему сюрприз: «Сегодня вечером мы принимаем гостей. В программе — коктейль и танцы. Кто будет? Журналисты, актеры, художники, два-три киношника. Да, дипломаты». Всего собралось человек двадцать пять.

Часам к десяти стало ясно, что вечеринка удалась. Незнакомые (их, впрочем, было немного, почти все знали друг друга) преодолели барьер скованности. Любители выпить постепенно «отклеились» от бара. Любители позлословить расположились в комнатах группками по трое-четверо и взахлеб обменивались последними сплетнями. Любители пустить пыль в глаза с деланной небрежностью повествовали о дружбе и встречах с великими.

Карла Лавит, известная в прошлом киноактриса, прижав Раджана и еще двух молодых людей к стене своим необъятным бюстом, экзальтированно вспоминала:

— Ах какой это был год — 1932-й! Я впервые в главной роли. А публика, публика — как раньше умели носить на руках своих кумиров! А год 1934-й — какой это был необыкновенный год! Съёмки в Испании, съёмки в Швеции, съёмки во Франции! Поклонники, поклонники, толпы поклонников — и каких! Бриллианты, манти, банкеты! А лучший в столетии год 1936-й! Я почти совсем еще девочка, он — голливудская звезда самой, самой, самой первой величины! Разве теперь так любят! — Она умело доливала виски из других стаканов в свой и, кокетливо улыбаясь, выпивала «не испорченный содой чистый напиток». При этом успевала свободной рукой ухватить с блюда сэндвич, или кебаб, или кусок ветчины и говорила, говорила: — Вы Дугласа Фэрбенкса, надеюсь, еще не забыли... Так вот, однажды...

С Беатрисой беседовал неизменный спутник Карлы Лавит, изрядно поблекший от времени красавец Джеф Ройвилл, актер, сценарист, режиссер.

— У Карлы вконец больные легкие и слабое сердце.

— Да? — посочувствовала Беатриса, наблюдая за тем, как кинозвезда лихо опустошает запасы «скотча». Ройвилл проследил за ее взглядом, мягко приобнял за талию, прошептал:

— Это муки великой актрисы, поймите! Ей, Карле Лавит, гениальной создательнице целой галереи классических образов, уже больше двадцати лет не предлагают ни одной роли. Да тут и ангел запил бы. Поверьте мне и ее врачам. Ей недолго уже осталось метаться по подмосткам жизни. Ее почитатели решили сохранить ее для потомков. Вы, конечно, слышали, что одна калифорнийская фирма замораживает тела только что умерших и помещает их в колумбарий, где они будут храниться при определенной температуре и влажности многие годы. Когда медицина станет достаточно могущественной, тела разморозят и вдохнут в них жизнь.

«Шарлатаны гарантируют невеждам бессмертие», — подумала Беатриса, а вслух вежливо сказала:

— Обещающая перспектива.

— Многообещающая! — подхватил Ройвилл. — Только... — Он словно поперхнулся, откашлялся, замолчал, деликатно вытирая глаза уголком платка, элегантно уложенного в наружный нагрудный карман его потертого замшевого пиджака.

— Итак? — улыбнулась Беатриса.

— Огромные деньги — вот что нужно для осуществления этого замысла.— Он всплеснул руками, уронил их вдоль тела, заискивающе засмеялся, хотя глаза оставались тревожными.— Да, огромные. Мы организуем сбор и к вам тоже решили обратиться.

— Но у меня же нет больших денег...— девушка смутилась.

— О да, конечно,— заторопился Ройвилл.— Вы... прошу прощения. Мистер Парсел, ваш папа — я уже несколько раз пытался с ним переговорить. Но его секретарь постоянно отвечает: «Мистер Парсел занят». Утром, днем, вечером один и тот же ответ. Мы, почитатели таланта мисс Карлы Лавит, хотим просить вас...

— Я поговорю с папой,— перебила его Беатриса.— Обязательно, это я вам обещаю.

— Спасибо, мисс Парсел, мы вам так благодарны! И просьба,— он прижал руку к груди,— просьба: это должно остаться в тайне. Мы не хотели бы травмировать актрису. Всякое может быть. Представьте, что мы не соберем необходимой суммы...

— А сколько нужно?

— Это зависит от срока хранения тела в колумбарии. За первые десять лет и при условии полной гарантии оживления сумма взноса близка к миллиону.

На лице Ройвилла появилось такое виноватое выражение, как будто именно он назначил столь непомерную цену.

— Сколько же вы ожидаете получить от моего отца?

— Тысяч тридцать. Может быть, немного больше. Если он хорошо помнит Карлу... Ведь она уже была знаменитостью во времена его молодости...

К Беатрисе подошли две девушки. Рослая брюнетка была в полосатой красно-белой кепке, белых брюках клеш, красной рубашке и белых полуботинках. Низкая, полная шатенка куталась в зеленую шерстяную шаль, из-под которой выглядывала светло-коричневая кофта и такого же цвета макси-юбка. Шатенка обняла Беатрису, прижалась щекой к груди. Брюнетка небрежно кивнула:

— Опять вывозила Кэйт на пленэр.

— Ах, Венди, мы прелестно поработали, не так ли? Твой пейзаж удался как нельзя лучше. А я, наверное, все же бесталанна.

— Не хнычь,— грубо заметила Венди.— Поменьше

надо мечтать, поактивнее кистью двигать. И фантазия — совсем у тебя нет фантазии!

— А что, брюнетка вовсе недурна, — громко сказал, глядя на Венди, знаменитый комик Боб Хоуп. Он, как всегда, находился в окружении поклонниц, которые, заворожено глядя ему в рот, предвосхищали каждое его желание.

— Извините, Боб, — костлявая девица подала ему стакан джина с тоником, надула губы. — Говорят, это две самые бездарные художницы на всем земном шаре.

— И к тому же они слишком нежны друг к другу... Ну, вы понимаете... — добавила дама средних лет, презрительно скривив рот.

— Может быть, в этом что-то есть? — воскликнул комик, еще внимательнее разглядывая Венди и Кэйт.

— Фи, Боб Хоуп, — седая дама, увешанная бриллиантами, позеленела от негодования.

— Не надо ограничивать свободу личности ни в каких проявлениях. Пусть каждый делает то, к чему его влечет, — сказал Хоуп. — Мы живем в свободной стране, не так ли, мэм?

Уже в одиннадцатом часу Беатриса подвела к Раджану невысокого, плотного мужчину лет сорока пяти, подстриженного под бобрлик.

— Знакомьтесь, господа. Вам есть о чем поговорить.

Она едва успела закончить фразу, как ее бесцеремонно увлек за собой Боб Хоуп. Строя свои знаменитые хоуповские гримасы и жарко дыша ей в ухо, он шепнул:

— Представь меня, дорогая, этим двум пикантным подружкам. А то мои ханжи взбунтовались...

— Стефан Грбжинский, — бобрлик качнулся к Раджану, от улыбки лицо его сморщилось в печеное яблоко, из которого вызывающе торчал крупный белый нос. Раджан ответно представился.

— «Индепендент геральд»? — переспросил Грбжинский, и лицо его на секунду приняло какое-то хищное выражение. И тут же вновь собралось в улыбку: — Я заведу кафедрой в Колумбийском университете...

— Как же, как же — кафедрой проблем коммунизма, наслышан, — вежливо вставил Раджан.

— Верно. Ученые нашей кафедры анализируют все заметные выступления мировой прессы по нашему профилю. Получается, заочно я с вами давно знаком.

— И я — с вами.

— А меня? Меня вы знаете, молодой человек? —

прозвучал откуда-то сзади приятный баритон. Раджан обернулся и увидел высокого, широкоплечего старика, одетого в модный спортивный костюм, лысого, румяного, с франтоватыми седыми усиками.

— Джозеф Морсоу,— назвал старика Грбжинский. Впрочем, Раджан уже узнал знаменитого журналиста. Морсоу не раз бывал в Истардии, газеты публиковали его фото, карикатуры и шаржи на него.

— Господин Раджан в большом восторге от русских,— Грбжинский улыбнулся одной лишь прорезью рта.

— Вот как? — Морсоу рассматривал истардийца внимательно и дружелюбно.— Он еще совсем молод. Через симпатии к «красным» в молодости проходят все. Своего рода корь. Выздоровеет.

— Меня Господь Бог уберег от этой «кори»,— Грбжинский нахмурился.

— Стало быть, вы исключение,— Морсоу глотнул из стакана.

— Господин Раджан,— Грбжинский выпил немного мангового сока («Извините, абсолютный трезвенник!»),— насколько помнится по аннотации к вашим статьям, вы из очень состоятельной семьи?

— У вас отличная память.

— Благодарю. Что же вас привлекает в идеологии русских? Разве не мы создали общество не только подлинного изобилия, но и подлинной свободы, в то время как русские до сих пор закупают у нас зерно и отгородились от западного мира железным занавесом, сквозь который не может просочиться подлинная культура!

— Что, собственно, подразумеваете вы под подлинной культурой? Если те фильмы и книги, которыми вы, увы, беспрепятственно наводняете нашу Истардию, то я жалею, что у нас нет железного занавеса...

— Дорогой мистер Раджан,— Морсоу примирительно поднял руку.— У нас много, очень много недостатков. Но есть и величайшее достоинство, которое мы считаем вершиной всех достижений человечества — абсолютная свобода индивидуума! Вы, как я понял из слов Беаты (между прочим, мы оба — Стефан и я, знаем ее с детства), только что приехали в эту страну. Поживите, осмотритесь, постарайтесь понять нас, наши устои, наш образ жизни. И — знаете что? — он на мгновение задумался, словно высчитывая что-то в уме.— Ровно через год встретимся и продолжим эти Великие Деба-

ты. Надеюсь, тогда и аргументы ваши — простите меня за резкость — будут не столь наивными, и...

— Раджан! — сквозь гром музыки и гул голосов прорвался возглас Беатрисы.— Иди сюда!

— Иду! Извините, господа. Я согласен — через год,— Раджан проговорил это уже на ходу.

— Ты, Стефан, хоть и университетский профессор, а практической педагогикой, насколько я понимаю, владеешь слабовато,— проговорил, глядя вслед Раджану, Морсоу.— С молодежью, особенно с иностранцами, да еще материально независимыми, нельзя разговаривать басом.

— Он — типичный выродок! Да, да, выродок! — воскликнул Грбжинский.— Отец — один из богатейших людей Истардии. А сын болтает всякий вздор, чуть ли не из московских газет вычитанный. Сукин сын...

— Ты, кажется, забыл, что он, судя по всему, спит с дочерью Джерри Парсела.

— Увы!..

— Именно поэтому нам с тобою будет неловко, если через год он будет нести ту же коммунистическую чушь. Неловко перед Джерри.

— Год — большой, очень большой отрезок времени. За один-единственный день почти бесследно исчезали иные цивилизации,— улыбнулся Грбжинский.— Цивилизации!

Беатриса стояла у входной двери. Когда Раджан пересек, наконец, всю гостиную, протискиваясь между оживленно беседующими и самозабвенно танцующими гостями, он увидел только что вошедшую пару. Мужчина еще держал в одной руке шляпу, другой помогая женщине снимать легкий летний плащ.

— Раджан,— Беатриса повесила шляпу и плащ на вешалку,— моя очаровательная мачеха и...

— Сеньор Ричард Маркетти,— встала Рейчел.— Секретарь мистера Парсела. А меня зовите Рейчел, ладно? — и она поцеловала Беатрису в щеку.

— Что папа? Он обещал тоже заехать,— Беатриса обняла Рейчел.

— Ему пришлось срочно вылететь в Вашингтон. Звонили от Фрэнка Оупенхартса. Джерри просил извиниться за него. Обещал компенсировать семейной поездкой в Калифорнию. Он сам завтра тебе об этом проекте расскажет.

— Пойдемте к бару,— Беатриса потянула за собой

вновь прибывших гостей. Она никак не могла определить свое отношение к Рейчел. Ей импонировали простота и сердечность молодой мачехи. Правда, когда она вспоминала о матери, ее почти всегда охватывало чувство неловкости за отца. Как он, с его умом, эрудицией, вкусом, мог остановить свой выбор на этой, пусть и славненькой, простушке? Неужели все объяснялось сакраментально просто — молодостью Рейчел? Нет, и еще раз нет! Отец — натура сложная, противоречивая, непредсказуемая. Подумаешь — молодость! При желании он мог бы купить любовь и верность сотен девиц и красивее и моложе Рейчел. Значит, есть в ней какая-то тайна. Какая? Если бы не эти сомнения Беатрисы, они давно бы уже стали подругами. Рейчел так этого хотела. Но сомнения были. И еще была память о матери, которую, как казалось Беатрисе, Рейчел чем-то омрачила. Разумеется, играла свою роль и естественная дочерняя ревность к отцу. Между нею и отцом встала чужая женщина. И Беатриса пыталась понять — не всегда бывая объективной,— в чем заключалась сила этой женщины.

Сейчас Беатрисе не понравилось, что Рейчел пришла с этим Маркетти. Появление на людях с мужчиной, пусть секретарем мужа, но молодым, смазливym — что это? Легкомыслие или вызов? Когда они пошли танцевать, Беатриса даже вспыхнула от негодования. Однако держала себя в руках, беззаботно болтала, пила, смеялась. А Маркетти во время танца, как обычно белозубо улыбаясь, шепотом спрашивал Рейчел: «Миссис Парсел, а мистер Парсел знает, что возлюбленный мисс Парсел — черный? Конечно, это абсолютно не мое дело. Но он не просто отец, он мой босс». — «Он и мой босс,— смеялась Рейчел. — Да, мистер Парсел знает, что Раджан цветной. Он хорошо знает его отца. Мой муж — убежденный либерал. И смотрит на эту связь сквозь пальцы». — «В данном случае,— заметил Маркетти,— его либерализм может обернуться многими неприятностями». — «Согласна,— кивнула Рейчел. — Но мистер Парсел надеется, что Беатриса образумится. Несмотря на то, что отец Раджана богат, как сам Парсел, всем ясно, как божий день, что брачный союз здесь исключается». — «Может быть, всем, кроме Беатрисы и Раджана», — Маркетти сказал это печально, но его улыбка сияла ослепительно, словно опровергая печаль, звучащую в словах.

А Беатрисе вдруг стало грустно. Господи, какая смертная тоска на этой вечеринке! Скорее бы она кончилась, эта суета сует. Скорее бы гости разъехались и они остались вдвоем с Раджаном... Нет, она все-таки должна быть благодарна Всевышнему, который в далекой прекрасной, но нищей Истардии, в Эдлаке, послал ей встречу с Раджаном. Как хорошо, что Бог и ее деятельность в «Корпусе мира» привели ее на прием в русское посольство, где она встретила Раджана. И как здорово, что она тогда начихала на ухаживания этого идиота Тэдди Ласта, корреспондента «Нью-Йорк таймс» в Эдлаке, послала его подальше и у подъезда дождалась Раджана, попросила отвезти к ней домой. Какой он нежный, ее Раджан. И чистый, совсем безгрешный. Как он целовал ее руки, глаза, губы...

Через несколько дней, уже у него дома, Беатриса сказала:

— Ну почему я такая несчастная? Ты знаешь, я должна завтра лететь в Дели, догонять отца.

— Как же жить? — обреченно произнес Раджан, обнимая ее. — Как, ну как нам жить друг без друга?..

И улыбнулся. А улыбка была жалкая, она заметила.

Глава пятая

БУХТА ТИХОЙ РАДОСТИ

...Ужин в чикагском пресс-клубе подходил к концу. Уже был подан сыр, и Раджан знаком попросил официанта принести счет. Уже было принято решение остаток вечера провести в клубе любителей Изящной Словесности. Беатриса раскрыла сумочку и, глядя в зеркальце, поправляла волосы. Ей были видны два ряда столиков. Все заполнены. Малознакомые люди жуют, пьют, смеются, возмущаются, жестикулируют. Вдруг она пристально взгляделась в двух мужчин, поднимавшихся в это время из-за своего стола.

— Ты знаешь, мне кажется, я вижу одного из твоих старых друзей. И как раз того, кого я меньше всего ожидала встретить именно здесь.

Раджан, спрятав в бумажник банковскую кредитную карточку, достал сигарету, закурил. И проследив за взглядом Беатрисы, увидел двух мужчин, уже шедших к выходу.

— Вить-я!

Этот крик услышали все, кто находился в пресс-клубе

бе. Услышали, но не поняли. Понял лишь один, шедший к лифту. Не просто понял, узнал голос. Почти бегом вернулся в зал. И вот они стояли, обнимая друг друга — Раджан-младший и Картенов, обмениваясь отрывочными фразами:

— Шеф бюро «Индепендент геральд» в Нью-Йорке!

— Первый секретарь советского посольства в Вашингтоне!

— Вопросы политические?

— Нет, пресса.

— Давно?

— Полгода, как из Эдлака. А ты?

— Полгода, как из Москвы.

— Господин Раджан-старший в порядке?

— Без перемен. А Аня?

— В порядке.

— Надо же, где встретились!

— Выходит, Земля и вправду тесная.

В разговор вмешалась Беатриса.

— Помните «троянскую лошадь», господин Картенов? Здравствуйте. И добро пожаловать в мою страну!

...Виктор был тогда пресс-атташе в Истардии. И, помнится, на очередном приеме Карлов подвел к нему миловидную молоденькую девушку, бывшую уже немного навеселе.

«Вот, Виктор, ты хотел поговорить с живым представителем «Корпуса мира» в Истардии. Прошу любить и жаловать — Беатриса Парсел. Только что из джунглей!»

Помнится, американка сразу же заговорила о «загадочной славянской душе». «Вы знаете, я очень люблю Достоевского. Он пытался раскрыть миру секреты русской психологии. Выдать более важную тайну, чем любая военная. Наверно, поэтому он у вас так долго был под запретом. Ну, признайтесь!»

Он сказал ей, что тоже любит этого величайшего писателя и что сейчас в его стране Достоевского читают, как гения русской и мировой литературы.

Она быстро перевела разговор на другое.

«Господин Картенов, коль скоро я в русском посольстве, я пью только водку. А вы скверно рисуете нас, американцев, в своей прессе. И местные «комми» вам, естественно, подражают. Например, как это вы пишете о «Корпусе мира»? — Она наморщила лоб, словно пытаясь вспомнить что-то. — Ах да — вот: «Это троянский

конь американского империализма». Ну, посмотрите на меня хорошенько, господин Картнев. Разве я похожа на лошадь?»

Нет, она была очень находчива, эта подвыпившая американка. И уж никак не похожа на лошадь!..

«За объективность в оценках,— продолжила она.— Дно кверху...»

И вот она здесь, в Чикаго, с этим славным Раджаном, встрече с которым он искренне рад.

Беатриса поинтересовалась, каковы планы Картнева на вечер.

— Честно говоря — никаких,— ответил он.— Хотел отдохнуть в своем гостиничном номере. Повалиться на диване. И через малый экран продолжить знакомство со страной. Разве телевидение — не отражение жизни нации?

— Всего лишь отражение,— сказала Беатриса.— И зачастую осколочное. А мы предлагаем вам окунуться вместе с нами в самую гущу жизни, встретить любопытных людей.

— Где же это?

— В клубе любителей Изящной Словесности.

— Не слышал о таком.

— Туда крайне ограничен доступ,— вмешался в разговор президент пресс-клуба, когда они уже выходили из здания.— Мне, например, там быть не довелось. Весьма экстраординарный клуб. Всего пятьдесят членов. Вступительный взнос чрезвычайно высок. А с посетителей — только за вход! — взимается триста долларов!

— Мы приглашены,—равнодушно сказала Беатриса.

— О-о-о! — восхищенно протянул президент пресс-клуба.

С озера дул пронизывающий ветер. Мельчайшие капли дождя словно повисли в воздухе, и все огни, казалось, размокли, расплылись. Беатриса включила печку и радио, и через минуту большой холодный «бьюик» превратился в уютный островок, уверенно бегущий в ночи сквозь мрак и непогоду. Раджан сидел рядом с Беатрисой на переднем сиденье, повернувшись к Картневу.

— Такая встреча! — повторил он несколько раз, сначала восторженно, потом задумчиво. Беатриса молчала. Включив «дворники», она, закусив губу, следила за стареньким «понтаком», который никак не хотел пропустить ее вперед.

— Что же ты, Витя, изменил Истардии? — спросил Раджан с легким укором.

— Истардия в моем сердце — на всю жизнь, — ответил Картенев. — Но что поделать, такова уж судьба дипломата.

Он помолчал. И с легкой ехидцей сказал:

— Однако я вижу еще двух отступников. Не слишком ли много для одного автомобиля?

— Да, многовато, — согласился Раджан. — И у каждого свои причины.

— У меня — самая веская. Я вернулась домой, — сказала Беатриса.

— Самая веская, пожалуй, у меня, — задумчиво возразил Раджан, нежно коснувшись рукой плеча девушки.

— А что вас привело в Чикаго, мистер Картенев? — Беатриса лукаво улыбнулась, словно уличила непоседливого школьника в забавной шалости. — Надеюсь, это не секрет? Ведь вы же не агент КГБ, не так ли?

— Виктор, ты, конечно, понимаешь, что мисс Парсел шутит? — поспешил вмешаться в разговор Раджан.

— Я и шутя и всерьез, — продолжала улыбаться Беатриса.

— Человеку, не понимающему шуток, в наш век перегрузок и перенапряжений просто не выжить, — спокойно ответил Виктор. — Теперь о цели моего визита в Чикаго. Недели две назад я написал письмо редактору чикагской газеты — попытался опровергнуть ее домыслы о системе советского образования. Письмо опубликовали. И один из ведущих тележурналистов Чикаго пригласил меня принять участие в его передаче.

— А мы... — начал было Раджан, но Беатриса перебила его:

— А мы решили просто прокатиться. Проветриться. И выбрали Чикаго.

Раджан взглянул на Беатрису и смолк. Он понял, что она не хочет говорить о действительной цели их поездки. Понял это и Картенев. Чтобы сгладить неловкость, Беатриса со смехом объявила:

— Можно считать это частью нашего будущего свадебного путешествия.

Совсем недавно Тэдди Ласт под большим секретом рассказал ей «горячую» новость. Его приятель, сотрудник ФБР, крепко подвыпив, поведал ему одну из служебных тайн: на Оупенхартса готовится покушение, но

они располагают пока лишь косвенными данными. Куда ведут следы? Следы ведут в Сакраменто и Чикаго. Беатриса решила попытаться пойти по этим следам самостоятельно. Тэдди сказал, что в Чикаго известен даже адрес. Это клуб Изящной Словесности. И хотя других данных не было, она решила сначала ехать в Чикаго, взяв в редакции командировку для написания серии репортажей о чикагских трущобах. Раджан вызвался ее сопровождать. «Русскому, да еще из посольства, знать об истинной причине, позвавшей нас в путь, незачем», — Беатриса в зеркальце глянула на Картенева. Виктор бесстрастно смотрел в окно.

Наконец «бьюик» свернул с мостовой, пересек небольшой темный двор и стал взбираться по пологому широкому въезду. На уровне пятого этажа Беатриса съехала на обширнейшую внутреннюю стоянку, которая была наполовину пуста.

— В каком месте города мы находимся? — спросил Картенев.

— Где-то между Рашем и Уобушем, — неуверенно ответил Раджан. Беатриса остановилась перед какой-то темной дверью, сказала вполголоса:

— Придется нам с вами, мистер Картенев, хотя бы временно называть друг друга по именам. Не стоит здесь афишировать, что вы русский дипломат. Для этого клуб Изящной Словесности — одно из самых неподходящих мест во всей Америке.

Она надавила на едва заметный выступ справа от двери, на высоте человеческого роста. Дверь бесшумно отъехала в сторону и, пропустив их, так же бесшумно вернулась на прежнее место. Они оказались в пустой полуметровой комнате. Мрак едва пробивала слабая темно-рубиновая мигалка в центре левой стены. Беатриса подошла к ней, негромко, но очень внятно сказала:

— Миссури течет вспять.

Отключилась мигалка. Вспыхнул квадрат на той же стене — это распахнулись внутрь двустворчатые двери, и, спустившись на несколько ступенек, Беатриса, Раджан и Виктор увидели, что находятся в большом зале.

— Заметил, какие толстые стены? — шепнул Раджан.

— Дом, наверное, очень старый, — также шепотом ответил Виктор. К Беатрисе подошел пожилой мужчина. Выше среднего роста, одетый в строгий темный костюм, он проговорил хриплым басом:

— Мисс Парсел? Добро пожаловать! И вы, джентльмены.— Поцеловав руку Беатрисы, представился: — Адмирал в отставке Райдхэрст. Дежурный член правления клуба. Прошу.— И едва заметным жестом пригласил следовать за ним. Посредине зала на высокой подставке находился довольно большого размера шар. Он был составлен из множества пластин нержавеющей стали и едва заметно вращался. В свете невидимых ламп пластины вспыхивали и гасли.— Видите четыре параллельные прорези в этом шаре? — спросил адмирал.— В них опускаются входные взносы. К вам, естественно, это не относится, но пригласивший вас предупредил, что гостей будет двое...

— Скажите ему, что нас было трое, адмирал,— спокойно прервала его Беатриса.

— Слово дамы — более, чем приказ. Думаю, мы все уладим с вашим отцом, мисс Парсел.— Райдхэрст вновь поцеловал руку Беатрисы и, оглянувшись на ее спутников, веско сказал: — Девиз нашего клуба: «Ничему не удивляюсь. Обо всем молчу».— И, словно кто-то ему возражал, с нажимом добавил: — Да, именно так.

В разных концах зала стояло дюжины полторы кресел, несколько журнальных столиков, два бара на колесиках. В дальнем углу покоился большой бильярдный стол. И — ни души. Лишь в одном из кресел, уронив голову на грудь, дремал лысый, полный, коротконогий мужчина с пшеничными висячими усами.

— Одна из достопримечательностей клуба — «вечно спящий Уолли», — Райдхэрст, улыбаясь, кивнул на лысого.— Приезжает, обедает, выпивает полбутылки коньяка, спит, точно в двенадцать ночи отправляется домой. И так изо дня в день, из года в год.

Следующий зал был чуть меньше первого. В нем свободно и удобно разместилось пять столов, покрытых зеленым сукном — для игры в рулетку и карты. Здесь было довольнолюдно. На трех столах играли в рулетку, на одном — в карты. Впрочем, было нешумно. Слышались лишь голоса крупье да кое-кого из публики. Те, кто делал ставки, были немногословны.

— Мини-Лас-Вегас,— отметил Раджан. Адмирал бросил на него строгий взгляд и приложил палец к губам:

— Тс-с-с... Девиз клуба священ.

— Все это в высшей степени многообещающе, но при чем тут изящная словесность? — поинтересовалась Беатриса. Улыбка Райдхэрста словно говорила: «Терпе-

ние, господа». Из игорного зала было несколько выходов. Следуя за адмиралом, они вышли через самый незаметный — в правой стене. Миновав довольно длинный коридор, оказались в небольшом амфитеатре. Ряды широких кресел бежали пологой дугой. В полутьме не скоро отыскивали свободные места. При слабом прикосновении кресла легко, как в самолете, откидывались, давая возможность полулежать. Вдруг яркий прожектор осветил высокую сцену. Теперь можно было разглядеть, что зрителей в зале находилось человек тридцать.

— Здесь мы проводим ежегодный конкурс на лучшее художественное чтение. Шесть дней в неделю проходит предварительный отбор. К нему допускаются приятельницы членов клуба. Читать разрешается лишь сошты Шекспира и рубаи Хайяма.

— А каков приз? — спросил Картенев.

— Их несколько, — после едва заметной паузы объяснил Райдхэрст. — Высший приз — денежный и оплаченное шестинедельное кругосветное путешествие.

— Большая сумма? — заинтересовался Раджан.

— Большая, — заверил его адмирал. — По любым стандартам.

Прозвучал мелодичный перезвон, объявляя о начале выступления очередной соискательницы. На сцену выбежала совершенно нагая девушка. Кто-то сидевший впереди Картенева вполголоса сказал:

— А-ля Мерилин Монро в юности. Только бюст маловат.

— Ошибаетесь, — возразил его сосед слева. — Сейчас это модно. Весьма модно.

— Уильям Шекспир, — объявила девушка приятным низким голосом. — Сонет пятьдесят шестой.

Проснись, любовь! Твое ли острее
Тупей, чем жало голода и жажды?
Как ни обильны яства и питье,
Нельзя навек насытиться однажды.
Так и любовь. Ее голодный взгляд
Сегодня утолен до утомленья,
А завтра снова ты огнем объят,
Рожденным для горенья, а не тленья.
Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть двое, выходя на берега,
Один к другому простирают руки.
Пусть зимней стужей будет этот час,
Чтобы весна теплей пригрела нас!¹

¹ Перевод С. Маршака.

Раздались негромкие аплодисменты. Девушка немело сделала книксен, застенчиво улыбаясь, упорхнула за кулисы.

Вновь прозвучал перезвон. Теперь выступали две брюнетки. Тоже нагие, они исполняли сцену «Пастушка и пастушок». Невинные ухаживания постепенно переходили в томный флирт. Апофеоз пантомимы, который совершался при свете багровых лучей, являл собой зрелище откровенно непристойное.

— Эти «колокольчики» весьма в моем вкусе, — удовлетворенно вздохнул сидевший впереди Картенева и сделал какую-то пометку в раскрытой на коленях программе.

...В малом баре клуба Райдхэрст, кивая на большие — в полный рост — фотографии обнаженных красавиц, рассказывал об особо выдающихся победительницах конкурса за последние десять лет.

— Мисс Маккинли, — он отхлебнул немного бренди, подержал его во рту, глотнул, зажмурился, — знаете ли, получила преотличный контракт в Голливуде. Сейчас снимается в очередной картине. Да-а. Загروتски вышла замуж за члена клуба Грегори Келли, контролирует двести двадцать один миллион долларов. А эти, сегодняшние — славные девочки, не правда ли? В меру проказницы. И артистичны.

— Дикция, дикция у них страдает, вот что! — назидательно сказала Беатриса.

— Дикция? — удивился Райдхэрст. — Ах да — дикция. Н-не заметил. — Он посмотрел на Раджана и Картенева, ожидая от них помощи.

— Дикция неотчетливая, — поддержал Беатрису Раджан. Картенев молчал, поглаживая пальцами стакан с соком.

Вскоре Беатриса объявила, что она не прочь «попытать счастья на зеленом сукне». Адмирал вскочил, галантно предложил ей руку. Раджан поспешил за ними.

— Я посижу еще немного и догоню вас, — махнул рукой Виктор.

— Налево по лестнице, через бельэтаж — так короче, — крикнул ему адмирал. — Не заблудитесь.

«Черт меня дернул поехать в этот клуб, — думал Виктор. — Притон какой-то, хоть и шикарный... Правда, одно дело читать о таких злочных местах, и совсем другое — увидеть их воочию... Вседозволенность — какая это, однако, опасная штука. Есть границы, которые не-

льзя преступать, не рискуя умертвить душу человеческую. Нет, я не ханжа, но нельзя все же возвращать человека в доразумное состояние, во мрак темных инстинктов и неосознанных потребностей...»

Виктор вздохнул, отпил немного холодного джуса.

— Джошуа, голубчик, нам пора,— вдруг услышал он призывный шепот. Оглянулся. К нему наклонилась какая-то женщина.

— Извините, мисс. Это недоразумение. Я не Джошуа,— Картенев улыбнулся, встал, разглядывая незнакомку. Лет сорока, миловидная, но с явными признаками преждевременного увядания: морщинки у глаз и у рта, естественная седая прядь в негустых темных волосах. Черное платье с глубоким декольте. На левом запястье в толстом браслете из белого металла мрачно посверкивал крупный рубин.

— Мой славный Джошуа,— дама махнула рукой бармену, и на столе тотчас появилась водка с апельсиновым соком.— Простый раз ты, негодник, сбежал. Теперь тебе это не удастся, нет!

«Час от часу не легче,— раздраженно подумал Виктор.— Пьяная. Да к тому же еще и психопатка». Дама игриво почесала его щеку рубином.

— Джошуа,— пропела она.— Котено-чек! Условия игры прежние. Ты меня первый поцелуешь — я плачу пять тысяч. Я тебя первая поцелую — платишь ты!

Она быстро выпила водку, ухватилась за край стола обеими руками. «Как спринтер перед стартом!» — мелькнула мысль у Виктора.

— Начинаем при счете «три»! — радостно сообщила дама.— Итак, р-р-раз, два-а-а...

— Ей-богу, я не Джошуа! — Картенев, резко отбросив кресло, избежал по лестнице на бельэтаж, быстро пошел мимо каких-то дверей, лоджий, боковых лестниц, ведущих вверх. Услышав пока еще далеко за собой проворные шаги, Виктор юркнул в первую попавшуюся дверь. Сдерживая дыхание, он прислушался: шаги простучали мимо и смолкли. «Повезло, что хоть этот проход здесь не покрыт коврами», — подумал Картенев и повернулся спиной к двери. Он находился в большой комнате. Стены, потолок, пол — все тонуло в зеленой мгле. Терпко пахло табаком, чем-то сладким. Вскоре он уже мог различать предметы и людей. Трое мужчин, одетых в восточные халаты, неподвижно лежали на широких диванах, двое сидели в креслах и курили из кальянов

причудливой формы. Никто не обратил на него внимания, не шелохнулся. Виктор стоял, смотрел на курильщиков неведомого ему зелья и чувствовал, как у него постепенно начинает кружиться голова. Один из лежавших на диване блаженно улыбнулся. Другой залепетал тихо и несвязно:

— Мадам, увольте... Режьте билеты... Джой, ты видишь Абердин?..— И вдруг громко захохотал. Сидевший в ближнем ко входу кресле встал, выпустил кальян изо рта, вперил остекленевший взгляд во что-то видимое ему одному. Постепенно, как в замедленном фильме, все — стены, люди, диваны,— стало наползать друг на друга, ломаться, заволакиваться оранжевыми потеками. С трудом Картенев нащупал ручку двери, осторожно вышел в коридор и тут же плюхнулся в кресло в лоджии. Несколько раз глубоко вздохнул. Полегчало вроде бы. Мимо него пробежали две девушки. За ними торопливо проследовал мужчина. И в наступившей темноте, где-то недалеко от Картенева раздался знакомый уже голос:

— Джошуа, котеночек! Приди в мои объятия! Я чувствую — ты здесь. Я найду, найду тебя. И страсти моей не будет предела! Джо-шуа! — Хотя Картенева все еще поташнивало, он счел за благо исчезнуть из лоджии и скользнул в одну из последних дверей по правой стороне коридора. После полумрака, ослепленный ярким светом, он зажмурился.

— Ты звал его, Генри? — услышал он грубый женский голос. Картенев увидел странную картину. На полу в центре комнаты на четвереньках стоял голый мужчина, с бычьей шеей, могучими плечами и спиной. Верхом на нем сидели две девицы, обе в малиновых бикини. Еще одна такая же девица стояла в стороне, держа в руках длинный хлыст.— Я тебя спрашиваю, Генри! — Она рванула хлыст: «З-з-з-а-х!» «О-о-й!» — Генри с двумя всадницами мгновенно очутился у ног Картенева. Девицы щекотали толстяка, били пятками по животу, пришпоривали. Оторопевший Картенев едва успел захлопнуть за собой дверь, как на нее изнутри обрушился удар хлыста. На дверной ручке закачалась табличка с надписью: «Просят ни в коем случае не беспокоить». Он машинально остановил табличку и стал спускаться с лестницы. Она привела его в небольшое фойе. Откуда-то со стен струился мягкий свет. Еле слышно лилась приятная музыка. Прохладой сочился кондиционированный воздух. Кто-то тихо позвал:

— Виктор! — Он с опаской оглянулся: за круглым столиком у небольшого настенного бара одиноко сидел Раджан.

— Тебе чего налить? — спросил он.

— Мне бы не налить, — ответил Картенев, садясь на низенький круглый табурет. — Мне бы сейчас не помешал хороший ледяной душ.

— Есть все, что угодно, кроме душа.

— Тогда налей чего-нибудь. А где Беатриса?

— Ее, как особо почетную гостью, Райдхэрст пригласил посетить какую-то Бухту Тихой Радости.

— А что это?

— Откуда мне знать? Райдхэрст не пояснил.

— Не знаешь, надолго? По домам, пожалуй, пора.

— Сказал, что через десять минут вернуться. Думаю, вот-вот появятся.

— И в самом деле, легки на помине, — Картенев и Раджан встали.

— Вот и мы! — воскликнула Беатриса, подходя к столику в сопровождении адмирала. — Не думаете ли вы, джентльмены, что наступило время прощаться?

«Чем-то она взбудоражена, — подумал Раджан, но спрашивать ни о чем не стал. — Захочет, сама расскажет».

Прощались с адмиралом в зале, где стоял бильярд.

— «Вечно спящего Уолли» нет, — обвел руками пустые кресла Райдхэрст. — Уже ведь около двух...

Беатриса протянула ему руку:

— Посещение вашего клуба, адмирал, было не только приятным, но и весьма познавательным.

«Точнее не скажешь», — подумал Картенев.

— Лестно слышать. Рад. Очень! — Райдхэрст вкладывал в прощальные рукопожатия всю теплоту гостеприимного хозяина. — Благодарю за визит, за удовольствие от знакомства...

В машине молчали. Беатриса вспоминала посещение Бухты Тихой Радости. Ею оказалась сравнительно небольшая комната. Стены, потолок, ковер — все идеально белого цвета. В комнате не было ничего, кроме двух кресел в центре, невысокой панели с приборами и рулей высоты. Адмирал, ставший сугубо сосредоточенным, деловитым жестом пригласил гостью занять левое кресло, сам расположился в правом.

— В эту комнату, — начал он свои пояснения, — допускаются всего шесть членов клуба. Все они — от-

ставные генералы и адмиралы. Все в прошлом — военные летчики. Исключение было сделано лишь для трех сенаторов. Крупные боссы! Кресла, в которых мы сидим, сняты с одного из бомбардировщиков Б-52 сразу после вьетнамской кампании.

Он надел на голову наушники, другие передал Беатрисе.

— Сейчас будет создана полная иллюзия полета, — он бросил на девушку внимательный, оценивающий взгляд. — Все, что вы увидите, не для слабонервных. Один сенатор — мы в него так верили! — истерику после такого «полета» закатил. Болтать на предвыборных митингах и улыбаться на званых обедах — это еще не все, что требуется от современного политика и истинного американского патриота. Здесь, в этом кресле, проверяется готовность воспринимать реальность близкого будущего и решимость принять его.

Адмирал поправил наушники. Выражение лица его стало суровым:

— Внимание!

Райдхэрст нажал кнопку на панели управления. И сразу она засветилась множеством огней. Одновременно свет в комнате погас. Взревели двигатели. Сзади вспыхнул луч кинопроектора и по стенам и полу побежали широкая взлетная полоса, ангары, еще какие-то аэродромные строения.

— Летим, — сообщил адмирал. Дома стали быстро уменьшаться в размерах. Постепенно вырисовывались очертания Большого Чикаго. Райдхэрст склонился над панелью. По стенам, полу, потолку сероватыми клочьями поплыли облака. — Пересекли Канаду. Идем к полюсу. — Беатриса пыталась рассмотреть что-нибудь внизу, но видела лишь облака, облака, облака. — Пролетели над Мурманском, — голос адмирала был бесстрастен.

— Россия? — Беатриса бросила удивленный взгляд на Райдхэрста.

— Россия, — подтвердил он. Прошло минуты полторы. Облака растаяли. В сизо-розовой дымке все явственнее проявлялись контуры огромного города. Леса, пригороды, реки, парки. — Москва, — адмирал поднял правую руку, сжатую в кулак. Уже можно было разглядеть улицы, мосты, бульвары, отдельные высокие здания. Точками видны были пешеходы, черточками — автомобили. — Мы летим на прежней высоте, — голос

Райдхэрста звучал ровно, внятно.— Телесеан с ведет с высоты одна тысяча пятьсот метров наша беспилотная ракета. Как и Б-52, она делает полный круг над городом.— Площади, церкви, стадионы, жилые кварталы. Вот ракета, послушная сигналам с борта самолета, нырнула вниз.— Выполняя приказ, произвел бомбометание по заданному объекту,— адмирал произнес эту фразу спокойно, словно сообщил, который сейчас час. А на стенах уже вздымались безобразными фонтанами здания. Смертоносный смерч всасывал в себя людей, деревья, машины. Медленно разваливался на куски собор Василия Блаженного: упала одна маковка, вторая, осела на бок главная колокольня... В бушующем пламени плавись, рушились дома. По стенам и потолку полз и ширился, ширился, ширился зловещий, всепожирающий атомный гриб...

«Провидение уберегло Картенева и Раджана от этой Бухты Тихой Радости»,— думала теперь Беатриса. И никак не могла избавиться от ощущения приближающейся истерики. Именно это ощущение охватило ее в тот момент, когда вспыхнул свет и адмирал Райдхэрст бодро воскликнул:

— Поздравляю вас, мисс Парсел, с успешным завершением полета века!

У нее еще хватило сил завести разговор с адмиралом об Оупенхартсе. Однако его имя вызвало у Райдхэрста презрительную ухмылку.

— Вы спрашиваете, как у нас в клубе к нему относятся? За исключением одного-двух членов, все остальные считают его злом для нашей Америки.

— А я могла бы поговорить с этими одним-двумя?

— Они предпочитают держать свои взгляды в тайне. Извините, я — джентльмен.

«Придется искать их через папу,— подумала Беатриса.— Он-то должен их знать...»

Выйдя из машины у центрального подъезда своей гостиницы, Виктор, подавив нервную зевоту, бодро сказал:

— Теперь, по крайней мере, будем знать, что такое изящная словесность по-чикагски.

И помахал вслед отъезжавшему «бьюику» рукой.

Поднявшись в номер, он обнаружил на полу лист бумаги с несколькими строками машинописного текста: «Сэр, прекратите совать ваш вонючий большевистский нос в наши дела. Сегодня — клуб Изящной Словесно-

сти, завтра — Капитолий, послезавтра — Белый дом?
Стоп, красная сволочь!

Запомните: есть 1152 способа убить так, что никакая экспертиза не установит причину смерти.

Искренне
Доброжелатель».

Картенев аккуратно спрятал листок в портфель. Это было не первое подобное послание в Америке и, хотя он понимал, что в Штатах может случиться всякое, страха не было. Усталость, внезапная усталость вдруг охватила его. Он почти физически ощутил ту тяжесть, которая после каждой встречи с редакторами, журналистами наслаивалась одна на другую — эти вечные провокационные вопросы, выпады, уколы, внезапные удары под личиной сочувствия, доброжелательности, симпатии. «При известных условиях можно устать даже от любви,— подумал Картенев.— Но как устаешь от ненависти!..»

Он принял освежающий душ и потом долго лежал в постели с раскрытыми глазами. Как в кадрах кинохроники, в сознании мелькали странные картинки, которые он видел в этом странном фешенебельном клубе, с дежурным отставным адмиралом. Что привело туда Беатрису? О чем она не дала договорить Раджану?.. Вторгаясь в гаснущее сознание, в ушах раздавался страстный призыв: «Джо-шуа, Джо-шуа, Джо-шуа!» И наконец он заснул. Во сне они мчались с Раджаном в «джипах» наперегонки вдоль прокатного стана, строящегося с помощью Советского Союза в Пасеро, в Истардии. Гудел горячий ветер, свистел в ушах. Они вылетели на пустырь сквозь гигантский проем и разом остановились. Глянули друг на друга и громко рассмеялись. Виктор оторопел: в машине Раджана сидела Анка, его Анка. «Ты приехала, родная?» — бросился к Анке Картенев и проснулся.

Глава шестая

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО БЕАТРИСЫ, НАПИСАННОЕ ЗА МЕСЯЦ ДО ПРИЕЗДА РАДЖАНА В НЬЮ-ЙОРК

«Раджи, милый, любимый, несравненный!

Пишу тебе эти слова и понимаю, какие они безликие, стертые, затасканные. Не потому ли зачастую любящие

говорят на языке, понятном лишь двоим? Но для разговора на таком языке нужно, чтобы ты был рядом. На бумагу он не ложится... Я сижу на террасе летнего дома, в сорока пяти милях от «Вечного города», на берегу океана. Три часа дня, идет мелкий, теплый дождь. Грустно. Кажется, небо без усталости тклет из этих белесых нитей саван для надежд и мечтаний. Хочется закрыть глаза и ни о чем не думать. Но я не могу не думать. О тебе, о нас. Думать не конкретно о каких-то предстоящих делах и поступках, а просто так: на свете есть ты, и я, и мы любим друг друга, но между нами — пол земного шара. Я плачу, но слезы легкие, без обиды на судьбу или кого-то. Нет, они льются, а я улыбаюсь, не вытирая их, я знаю — скоро, совсем скоро рядом будешь ты. И я смогу протянуть руку и дотронуться до тебя — в любое время дня и ночи.

Потихоньку привыкаю к газете. Славные ребята здесь трудятся. Всякие попадают, конечно, но в основном это порядочные парни. Помнишь Тэдди Ласти по прозвищу О'кэй? Он процветает. Почему? Ответ даст его новое прозвище, которое теперь пристало к нему намертво: Флюгер. Когда трезв, он со мной в высшей степени почтителен. Когда же хлебнет слегка, пытается волочиться, осыпает комплиментами, приглашает в гости. О боже! Над ним смеяться и то скучно.

Искупалась — и продолжаю тебе писать. Дождь кончился. Солнце, воздух прозрачен и пахнет морем. Настроение радостное... Скользят по воде белые яхты. Их паруса уносят меня вдаль, по годам-волнам, в детство.

...Дом в имении моего прадеда казался огромным и таинственным. Иногда я пряталась в одной из темных комнат и с замиранием сердца слушала, как мама зовет меня обедать. Голос ее ближе, ближе, сердце стучит так, словно маленький молоточек бьет меня в грудь. Но голос слабеет, и я торжествую, я затаив дыхание выхожу из надежного убежища, бегу изо всех сил в столовую, сажусь на свое место, засовываю за ворот платяной салфетку и со строгим лицом смотрю в тарелки. Мама появляется на мгновение позже. Всплеснув руками, сокрушается: «Ты где пряталась, проказница?» Я скромно отвечаю: «Мамочка, но я же здесь все время была». Отец, наскоро прочитав молитву, едва заметно улыбается, начинает есть суп.

Отчего дети так естественно, так горячо, так само-

забвенно мечтают: «Я хочу быть птицею!», «Я хочу быть рыбою!», «Я хочу быть собакою!», «А я — деревом!»... Теперь я думаю, в основе этого лежит перемещение душ. Дети помнят свои бывшие жизни лучше, чище, точнее взрослых. Когда мне было семь лет, я сказала маме, что я хочу ослика, живого, настоящего. Через два дня у нас появился чудесный ослик — ласковый, смешной. Он слушался меня беспрекословно. Как я его любила! Как вместе с грумом расчесывала его гриву, чистила щеточкой бока! Как мечтала сама быть осликом, чтобы никогда-никогда не разлучаться с Майлав. И вот, представляешь, однажды грум хотел его отвести на конюшню, а Майлав заупрямился. И грум, недолго думая, ударил его стеком по морде, да так, что у того из носа брызнула кровь. Что со мной было! Изо всех сил я колотила ухмылявшегося грума по животу, рыдала, кричала, звала родителей на помощь. Когда я немного успокоилась, меня уложили в постель, и я впала в апатию. Именно тогда я открыла страшную тайну: люди могут быть беспощадно жестокими к тем, кто нам дорог, кого мы безумно любим. И от своей жестокости люди получают удовольствие — это я тоже тогда поняла: не от радости других, а от страданий кто-то может улыбаться, испытывать наслаждение. Мне казалось, что пережить это открытие я не смогу. Со страхом, но и с покорностью я ждала смерти...

А в десять лет в моем сердце вспыхнула первая и, как я тогда была абсолютно уверена, единственная на всю жизнь любовь. А он — им был самый красивый, самый добрый, самый умный на свете Роберт Дайлинг. Осознание любви пришло как озарение. Я знала его столько, сколько помнила себя. И всегда, до того рокового дня, он был для меня одним из Страны Взрослых, куда вход нам, детям, воспрещен. И вдруг, это было на Пасху, — я словно проснулась. И увидела прекрасного принца, который мне всего дороже в жизни. Роберт имел дурную привычку — играть в ухаживание за мной, как если бы я действительно была его избранницей. Раньше эти ухаживания были иногда привычной, иногда забавной, но всегда — игрой. На этот раз игра вдруг показалась мне безобразной. Виною тому был и снисходительный тон Дайлинга, и его не очень ловкое перемаргивание при этом с папой. Главное же заключалось в другом. Роберт приехал к нам с очередной своей пассией. Ранее — сколько их было! — я их не замечала. Но эту жен-

щину я возненавидела. И любовь и ненависть я переживала в гордом одиночестве, ни словом, ни поступком не выдав «этим взрослым» всю тяжесть своих страданий. Мне кажется, и мама, и папа, и Роберт о чем-то догадывались. Больше других — Роберт. Он даже пытался, довольно робко и завуалированно, со мной объясниться. Но я едва удостоила его взгляда, полного презрения, и, не дослушав невыносимых по своей беспомощности аргументов («Я ведь твой второй отец», «Мы всегда будем друзьями»), убежала в свою спальню, где и проплакала весь вечер.

То, что я скажу тебе сейчас, я могла бы и не говорить. Но, наверно, лучше, чтобы ты знал об этом. Спустя семь лет после той Пасхи я стала любовницей Роберта. Правда, на одну-единственную ночь. Это было как наваждение, как неизбежная болезнь. Переболев ею, я как бы очнулась от долгого и страшного кошмара. Конечно, я увлекалась какими-то мальчишками — соседями, соучениками, братьями подруг. Даже целовалась не раз. Но Роберт был бог, суровый и нежный. Вне конкуренции. Вне критики. Вне сравнений. В ту ночь кончилось семилетнее рабство. И я не знала, к лучшему ли это. Кумир, пока он не повержен, заставляет жить. Потом жить уже надо смочь самому или выдумывать нового кумира. Мою жизнь заполнило серьезное, систематизированное чтение. И помог мне в этом отец. Думаю, что он не знал про мою близость с Дайлингом. И слава богу! Никто не знал. И Роберт никогда и никак не напоминал про ту ночь в Сан-Диего.

Я не думаю, чтобы ты ревновал меня к Роберту. Особенно сейчас. Бедняга Роберт Дайлинг! Он не интересуется, что стало с Лаурой и с сыном, которого она ему родила. Он даже не знает, в каком столетии живет. Да и вообще, беспочвенная ревность оскорбляет и того, кто ревнует, и того, кого ревнуют.

Как все же близко соседствует в человеке инстинктивное и разумное. Как часто даже очень сильной воли не хватает для победы разума. Я безумно устала от бесконечной борьбы этих двух начал. Хочу расслабиться, забыть обо всем. Пусть будет так: «Ты и я». Нам нет никакого дела до остального мира. Созданный нами собственный наш мир огромнее всех видимых и невидимых миров. И наполненнее. И, конечно, разумнее, и — следовательно — добрее.

У меня есть шкатулка из старинного серебра, мамин

подарок. Я положила в нее девяносто монеток по дайму¹. Это было в тот день, когда я получила от тебя письмо, что через три месяца ты, вероятно, приедешь. Каждый вечер я вынимаю из шкатулки очередной дайм. Уже осталось меньше тридцати. Я не говорила тебе о том, что в нашей семье с даймом связана фамильная легенда-быль. У моей прапрапрабабки было три претендента на руку и сердце. Объявились они на борту шхуны, когда Айлин — так ее звали — плыла из Англии в Новый Свет, намереваясь там попытать свою судьбу. Говорят, она была красавица, но круглая сирота. Она не знала, кому из трех отдать предпочтение, все они были молоды, отважны, хороши собой. И тогда Айлин предложила провести состязание: она подбросит дайм, единственную монету, которая у нее к тому времени оставалась, и тот из троих, кто первый попадет в нее из пистолета, тот и станет ее избранником. Бросили жребий. Выстрелил первый, промахнулся. Выстрелил второй — тоже промах. Выстрелил третий (его звали Ллойд) — на палубу шхуны упала половина дайма, пуля разрежала монету точнехонько пополам. Эту половинку я ношу на цепочке на шее, она передается у нас в роду от женщины к женщине. Мы, Парселы, считаем, что дайм приносит счастье. Иногда, ты знаешь, я чувствую, как во мне играет кровь моей прапрапрабабки Айлин. И я тайно горжусь этим.

Жара меня одолевает. Прощай, любимый, бегу от тебя навстречу внезапно появившимся волнам. Хочу ветра, хочу бури, и свою шхуну, и свой дайм. И чтобы ты был моим Ллойдом. Ведь ты им будешь, я знаю!

Твоя Б е а т а.

Глава седьмая

ЛЕНИВЫЙ УИК-ЭНД

Временами на Джерри наваливалась апатия, даже неизбывная тоска. Чаще всего это случалось в конце дня. «Одиночество в сумерки», — так он сам определял подобное состояние. Он вспоминал, что скоро ему исполнится шестьдесят; что он в жизни все видел, все испытал; что дочь и жена наследуют состояние, каких в

¹ Д а й м — монета, равная 10 центам (амер.).

стране немногого, скорее всего единицы; и что они поэтому переживут его смерть без особого надрыва, поплачут — и успокоятся. Будучи наделен глубоким, цепким умом, он понимал, что его финансово-промышленная империя, созданная такими титаническими усилиями (теперь он мог трезво и как бы со стороны оценить все, им содеянное), со временем распадется. Не потому, что придется произвести раздел всего имущества между Беатрисой и Рейчел. И не потому даже, что нет наследника, которому можно и следовало бы завещать ключевые позиции в деле. Джерри не верил в бесконечное продолжение одного рода, одного клана. Бог с ней, с бесконечностью. Все когда-нибудь умирает: человек, бизнес, цивилизация, галактика... Противоестественно торопить, подталкивать этот процесс, но в равной степени бесполезно его сдерживать.

В основе всех этих мыслей был фатализм. Да, Джерри был убежден, что где-то (не имеет особого значения, где именно) существует Книга судеб, в которой до самого судного дня и обо всем и обо всех сделаны соответствующие записи. В двадцать пять — тридцать лет он открыто смеялся над судьбой. Он говорил — друзьям, любовницам, всему миру, — что по-настоящему сильный человек сам делает свою судьбу. И если она ему чего-то недодает, лишает его чего-то, нужного ему, то он должен взять это недоданное и нужное силой, хитростью, обманом. Он смеялся над судьбой, и она ему покорялась. О, тогда он хорошо знал, что ему нужно. Он разорял конкурента, удачно играл на бирже (он, впрочем, всегда удачно играл), делая очередной миллион — все это были шаги на пути к счастью, к полной безграничной свободе воли.

Неужели человеку нужно прожить долгую жизнь, чтобы понять тщетность и суетность бытия? Всерьез задаться вопросом: «Зачем я здесь?» И задуматься о невозможности дать на этот вопрос сколько-нибудь вразумительный ответ? «Истина в вине?», «истина в любви?», «истина в познании?» — пустое все это. Пустое, как банковский счет банкрота. Значит, «истина в бытии»? Дерево, человек, муравей — все равны перед этой низшей истиной? Но тогда в чем же разница между дервишем и миллионером, между человеком и животным? В мере возможностей, которыми они обладают? А возможности зачем? Но разве не мера возможностей определяет главное — степень свободы воли, полной

свободы выбора, доступной человеку? Не в этом ли и высшее счастье и высший смысл бытия?

«Одиночество в сумерки». Неужели это и есть медленное умирание? Исчезает интерес к приобретению дорогостоящих игрушек, к хорошеньким женщинам (не одинаковы ли они все в конечном счете?), к излюбленным сортам крепких напитков... В такие моменты Джерри устраивал себе своеобразную проверку. Он улетал в Европу и «взрывался»: покупал новые яхты и гоночные «феррари», лихорадочно менял женщин, и пил так жадно, словно каждая новая бутылка была самой последней. И всякий раз, почувствовав в себе прежнего Джерри Парсела, он на какое-то время успокаивался. Но это была проверка Парсела-человека. Несравненно тяжелее было устроить проверку Парселу — главе империи. Какие здесь применить мерки, критерии? Рост прибылей? Но его капитал к этому времени был настолько велик, имел такой рациональный и активный оборот, что на какое-то весьма длительное, хотя и обозримое, будущее рост прибылей обеспечивался и разнообразными — на любую конъюнктуру — вложениями за границей и дома, высокими учетными ставками, крупной игрой на бирже. Он по-прежнему активно и изобретательно, жестко и остроумно руководил деятельностью своих компаний. Почти все свое время он отдавал заседаниям Совета Директоров, инспекционным поездкам на крупнейшие предприятия, встречам с нужными людьми в федеральном Капитолии и в столицах штатов, изучению западногерманской и японской конъюнктуры, ознакомлению с потенциальными емкостями социалистического рынка. Но он-то знал, что все это — ровное, пока незаметное для постороннего взгляда, но тем не менее неизбежное затухание могучего импульса энергии, идущего из прошлого. На создание нового импульса, нового кардинально, качественно, импульса, адресованного в XXI век, он способен уже не был. Не имел сил. И знал это, пожалуй, один он. Да и зачем, во имя и ради чего? Неродившихся внуков? Погрязшего по горло в дерьме человечества? Забота о счастье грядущих потомков? Да плевать ему на них, он их никогда не увидит. К черту вселенскую филантропию (хватит уже созданного им фонда Парсела, да-да, хватит!). Он и пальцем не шевельнет в дерзкой, опасной и — он знает это наверняка! — бесполезной попытке изменить хоть одну букву в Книге судеб. Хватит с него!

Пребывая в таком настроении, Джерри Парсел в сопровождении жены, секретарей и телохранителей в одну из августовских пятниц летел в Сан-Франциско. Хмурый, молчаливый, он пил мартини и смотрел в иллюминатор своего огромного красавца — «боинга». «Пролетаем над Денвером, сэр», — командир корабля с улыбкой нагнулся к Парселу, облокотился на пустовавшее рядом с боссом кресло — Рейчел была в баре. Парсел исподлобья взглянул на высокого, пожилого пилота, ничего не сказал. Тот подождал минуту и вернулся в свою кабину. «Стареет Джерри. Все мы стареем», — подумал он. «Арчи Бликфилд отлетался, — решил в то же время Парсел. — Пока он не гробанул этот тарантас вместе с нами, пора, самая пора списывать его на землю. Пусть на грешной земле покомандует. А то все в облаках витает. Хотя кто знает, где проще?»

Парсел и Бликфилд знали друг друга более тридцати лет. Во время высадки десанта в Нормандии стропы захлестнули купол парашюта Джерри. В затяжном прыжке Арчи сумел вцепиться мертвой хваткой в Джерри, и они приземлились на одном парашюте. С тех пор они не расставались. «Денвер... Денвер... — Парсел всматривался в скопления зданий, едва различимые с такой высоты. — Ах да, здесь на двух наших заводах сейчас местные профсоюзы затеяли эту нелепую забастовку. Их национальное руководство выжидает. Прикидывает, сколько из меня можно выдавить за то, чтобы забастовка ограничилась Денвером». Парсел встал, пошел в кабину пилота. Бликфилд улыбнулся ему своей обычной доброй улыбкой. «Арчи, спасибо, дружище, за подсказку о Денвере. Клянусь святым Яковом, я и впрямь почти забыл об этой забастовке. Столько дел! Сейчас распоряджусь, чтобы все уладили за уик-энд. Каждый день затяжки стоит десятки и десятки тысяч. Но даже не это главное. Главное — нельзя, чтобы забывали: хозяин — я, а не профсоюзы. Так будет, пока не погаснет солнце. И еще — ты не обращай внимания на то, что я иногда излишне сух или даже невежлив. Я, ты знаешь, на всю жизнь — «нормандец» и твой должник». Бликфилд хотел что-то возразить, но Парсел обнял его за плечи: «Не надо».

От Сан-Франциско до Секвойевой рощи кавалькада из трех машин добралась за час. В тени могучих — в пять-семь обхватов — вековых деревьев разместились сотни четыре комфортабельных вилл. На жаргоне трех-

сот семидесяти пяти членов клуба, которому принадлежала роща, эти виллы называли хижинами. Они группировались в обособленные «кэмпусы» — лагеря — по принципу родства, симпатий, связей. В лагере «Лужайка Бэмби» одна из хижин принадлежала Парселу. Ровно в пять часов пополудни он представил собравшимся у него девяти друзьям профессора Стефана Грбжинского.

— Господа, стоит ли говорить о том, как велика честь выступить перед виднейшими практиками свободного предпринимательства. Тема моего сообщения — «Большевистские просчеты и их возможное использование», — Грбжинский откинулся на спинку кресла и сделал паузу, как бы собираясь с мыслями. — Я понимаю, что аудитория весьма и весьма хорошо подготовлена. Поэтому позволю себе остановиться лишь на самом главном. Специалисты русского сектора Колумбийского университета не только скрупулезно фиксируют, но и всесторонне анализируют все отдельные ошибки, промахи, недоделки и недостатки русских. Это первый, низший, этап работы. Второй заключается в том, что разрозненные анализы синтезируются, сводятся воедино. И, наконец, высший этап — подготовка практических рекомендаций на основе синтеза ошибок. Истины ради, сразу оговорюсь, что на первом этапе работы нам помогают сами русские, которые постоянно обнаруживают и, как они выражаются, «вскрывают» свои недостатки. В их прессе публикуются фельетоны, весьма резкие критические статьи и реплики. Есть и специальные сатирические издания. Но от обобщений, тех, которые нас интересуют, они чаще всего воздерживаются...

Грбжинского слушали внимательно. Гости Парсела, соседи по кэмпусу (среди них двое-трое — богаче Парсела), знали, что он не терпит дилетантизма ни в чем. Парсел смотрел на профессора и думал, сможет ли из того со временем получиться крупный политик. Знания, энергия, безупречная биография — все это есть. Связи со столпами бизнеса будут — для того и эта встреча. Он талантлив, первый свой визит сюда сумеет развить в постоянные контакты. И возраст вполне подходящий — пятьдесят. Да, вроде бы все говорит в пользу Грбжинского. Есть, правда, одно «но». Слишком уж он ненавидит русских, и злоба порой вырывается наружу. Не помешает ли она ему сделаться стоящим по-

литиком? Но, с другой стороны, не вербовать же политиков из тех специалистов, которые симпатизируют большевикам?

Грбжинский начал с теории.

— Главное зло,— сказал он,— было совершено в тот день, когда большевики взяли власть. Но переделать природу человека, отменив священный и естественный институт частной собственности, оказалось не под силу даже «освободившемуся пролетариату, вооруженному могучим учением современности — марксизмом-ленинизмом». Я употребил здесь обычное клише русских. Впрочем, дело не столько в словах, сколько в сути явлений. Инстинкты частнособственнической психологии постоянно ставят подножку большевикам, к тому же у мужика отняли веру, которая — хорошо ли, плохо ли,— веками учила его всю жизнь трудиться, и терпеть, суля за это загробную награду — райскую жизнь. Большевики посулили русским рай на земле, но о каком рае можно вести тут речь, господа?..

При словах Грбжинского о вере Парсел вспомнил о старинном русском иконостасе, который он, используя свой дипломатический паспорт, вывез в Штаты из Москвы несколько лет назад. По утверждениям экспертов Парсела, иконостас был бесценной исторической реликвией. А ведь Джерри отдал за него сущий пустяк, кажется, что-то около тридцати тысяч долларов. «Пятнадцатый век?!» — удивлялись гости, рассматривая искусно реставрированные иконы. Но Джерри чувствовал, что отношение большинства его знакомых соотечественников к печальным божественным ликам такое, словно они увидели тотемы дикарей.

В тот свой приезд Парсел посетил воскресную службу в соборе Святого Воскресения в Сокольниках. Он любил и сладкий запах елея, и возвышенное звучание хора, и отрешенные от всего земного глаза ушедших в молитву прихожан. Находясь в очередной раз в Москве, Парсел посещал две-три действующие церкви (каждый раз новые) и обязательно — Елоховский собор. «Мы утверждаем, что русские притесняют верующих. Непохоже... — возмущался Парсел. — Парни из нашего посольства говорят, что даже в их пресловутых анкетах нет вопроса о вероисповедании. А у нас при приеме на работу нужно ответить на такой пункт письменно. И на моих предприятиях — тоже».

Грбжинский продолжал говорить увлеченно, арти-

стично, сопровождая свою речь эффектными жестами, перемежая слова хорошо отрепетированными паузами. А в душе Парсела медленно нарастало чувство досады. Оно ширилось, грозило перейти в раздражение — желчное, открытое.

«А все-таки он болтун, самовлюбленный и самонадеянный. Он ведь ни разу в России не был, с живыми русскими, кроме перебежчиков, не обмолвился ни словом. А какой апломб, какая уверенность в непогрешимости собственных концепций и мнений. И это один из лучших наших советологов! Во всяком случае, в усердии и способностях ему никак не откажешь. Но создается впечатление, что он все время стремится убедить всех нас, у кого есть деньги, а значит, власть, в своей незаменимости для конфронтации с Россией. Ну а если нам почему-либо станет выгодно ее прекратить или хотя бы приостановить? Ведь попав в советники администрации Белого дома по проблемам Советского Союза, готовя рекомендации по культурным, военным, политическим, экологическим аспектам наших отношений, он и такие, как он, сделают все, чтобы помешать этому, ведь тогда они станут ненужными, и им придется убраться назад, в свои провинциальные университетские аудитории».

Видя, как слушатели кивают, соглашаясь с его мыслями, Грбжинский улыбался. «Цели у нас разные, господа,— думал он при этом.— Вы хотите максимально использовать мои мозги. И желательно подешевле. Я же хочу с вашей помощью обрести такое социальное положение, которое отвечало бы моему таланту». С детства Грбжинский был ярким антисемитом. Но тщательно это скрывал. Зная, что среди десяти присутствующих четверо — евреи, он улыбался им особенно умильно, размышляя: «Тряхните несправедливо набитой мошной. Помогите успешно провести мою кампанию по выборам в конгресс. Какой вам от этого профит? Клянусь Матерью Божьей Ченстоховской, отработаю, отслужу». Один из четырех, нью-йоркский банкир Менахим Гольдберг с открытой неприязнью наблюдал за Грбжинским. Он, конечно же, ничего не знал о тайных взглядах профессора по еврейскому вопросу. Но чисто интуитивно этот человек с негромким голосом и манерами утонченного аристократа все больше и больше раздражал Гольдберга. «Типичный университетский выскочка с амбициями Маркузе и потенцией Герострата,— размышлял он.— Чем-то он вызывает такую неодолимую

неприятель?» В это время Грбжинский в очередной раз улыбнулся — теперь непосредственно Менахиму Гольдбергу. Банкир с облегчением улыбнулся в ответ. «Улыбка, его иезуитская улыбка — в ней все дело. Как я раньше не понял? Скользящий... Сейчас, наверно, без таких не обойтись. Да и в мое время, лет пятьдесят назад, они, помнится, процветали. Только тогда они, кажется, не лезли в науку. Все больше орали свои песни по пивным. Да, профессор...»

Грбжинский опасался Гольдберга. Ему было известно, что в двадцатых годах миллионер основал научно-исследовательский институт по проблемам социологии и лично следил за работами сотрудников. «Менахим не терпит верхоглядства, Менахим и в науке выжимает из вложенных долларов золотые идеи», — говорили тогда о нем.

— Господа, я не имею возможности коснуться сейчас ни национальной проблемы, ни проблем, связанных с антагонизмом между поколениями, давлением военных кругов на кремлевскую элиту... Впрочем, все они освещены в тексте моего сегодняшнего сообщения, несколько экземпляров которого переданы секретарю мистера Парсела. Анализ, выводы и рекомендации содержатся в приложении.

Первый же заданный ему вопрос заставил Грбжинского всерьез задуматься. Курт Рингельдорф, известный калифорнийский промышленник, щуплый человек с холеной бородкой и тонкими усиками, как бы невзначай спросил: «Что, по-вашему, основательно подорвало экономику Советов?» — «Вы имеете в виду аресты тридцатых годов?» — выдержав паузу, осторожно спросил Грбжинский. «Нет», — Рингельдорф едва заметно усмехнулся. «Послевоенные неурожаи, карточная система, «затягивание поясов» в связи с необходимостью создания своего атомного оружия?» — размышлял вслух профессор, улыбаясь Рингельдорфу. Тот надел свои массивные золотые очки и обратился к присутствующим, а не к Грбжинскому: «Мои эксперты считают роковым для красной России то обстоятельство, что в ходе войны миллионы советских солдат побывали в Европе. Сами того не ведая, они стали носителями бацилл будущего распада. Эти бациллы — неосознанное восприятие преимущества Запада, западных свобод, западного изобилия — вопреки войне». — «Признаться, мы не думали о таком подходе к проникновению русских в Европу», —

дипломатично сказал Грбжинский. «А вы подумайте», — порекомендовал Рингельдорф. Профессор тотчас согласился: «Непременно, сэ, ваш совет — ценная помощь Колумбийскому университету». А про себя подумал: «Не дает покоя Рингельдорфу последняя большая война. Не может забыть встреч с Гитлером. Гарантии для своих русских заводов обговаривал с фюрером. Да и ни одна наша бомба на них за всю войну не упала. Вокруг все перепахано, а заводы Рингельдорфа целехоньки. Экстерриториальность капитала — хотел бы я знать, кто конкретно ее обеспечивал...»

Второй вопрос задал король авиапромышленности Артур Уэст, подвижный брונет, похожий на состарившегося, но сохранившего спортивную форму легкоатлета: «Какое действительное значение, с вашей точки зрения, имело развенчание культа генералиссимуса Сталина — для России и ее союзников?»

«Сталиным интересуется, — ухмыльнулся про себя Грбжинский. — Лучше бы про своего друга китайского генералиссимуса рассказал. Про то, как после сорок девятого вместе с Чан Кайши ресурсы Тайваня в золото перегонял. Без этого золота да без дешевой тайваньской рабочей силы был бы Артур Уэст незаметным рантье из Сан-Хосе». Вслух сказал: «Низвержение рукотворного бога, как правило, всегда болезненно. В случае со Сталиным это было подобно неожиданному и потому повергающему слабонервных в растерянность взрыву. События, последовавшие вслед за этим в Польше и Венгрии, позволяли надеяться на дальнейшее позитивное развитие, ведущее к утрате веры в какие бы то ни было авторитеты, к нигилизму — предвестнику распада социалистической модели общественной организации». «Но этого же не произошло!» — воскликнул Рингельдорф. «Тогда — нет, — быстро ответил Грбжинский. — Однако вы знаете, что мы извлекли уроки из событий тех лет и из «Пражской весны» 1968 года. И польский кризис восьмидесятых проходил уже в значительной мере под нашу диктовку!.. — Грбжинский самодовольно ухмыльнулся. — И есть основания полагать, джентльмены, что польский раунд еще не проигран нами...»

Было почти десять, когда Парсел без звонка и стука вошел в хижину Лайонела Дорси в кэмпусе «Снежный человек». Он был приглашен к четверти одиннадцатого «на стакан вечернего горячего молока». Он несколько не рассчитал и прибыл раньше. «Подумаешь, всего не-

сколько минут, мы слишком давно и хорошо знаем друг друга, чтобы точно выдерживать протокол на отдыхе», — с этими мыслями Джерри вошел в гостиную и увидел хозяина и двух гостей. Они о чем-то громко спорили, но при его появлении разом замолчали. Джерри расслышал только конец фразы: «...даже внедрим к нему своего человека». Лайонел Дорси поднялся навстречу гостю, усадил, крикнул, чтобы старшая дочь Глория принесла еще молока. «Чего это он суетится? — думал Джерри, здороваясь, усаживаясь, заказывая вместо молока («Ну и порядки в доме!») крепкий мартини. — Почтенные клиенты Пентагона собрались. Сам хозяин — глава корпорации по производству тяжелых бомбардировщиков. В свободное от дел время — воинствующий дамский угодник. Недруги за глаза зовут его «Похотливый Лайон». Карик Блейз — президент компании «Тихоокеанские ракеты». Ранен в Корее. Хромой «пасынок» Макатура. Дин Прайс — владелец нескольких десятков заводов электронной техники. Завсегда Голливуда. Меценат. Все трое местные, калифорнийцы».

— О чем разговор, Дин, если это, разумеется, не тайна?

Прайс кашлянул, посмотрел на хозяина хижины. Тот переглянулся с Блейзом.

— А, это секрет Карика? (Джерри забавляла их растерянность).

— Ненавижу тайны, — буркнул Блейз.

— Мы говорили о тебе, — решил наконец Дорси. — Ничего особенного, Джерри. О твоих успехах в делах.

— О твоей дружбе с Фрэнком Оупенхартсом, — вставил Прайс.

— О твоих последних вояжах в Россию, — заметил, отхлебнув молока, Блейз. — И твоих публичных восторгах по этому поводу.

— В Роще многие недоумевают, — протянул Лайонел, — уж не случилось ли... ну, как бы это поточнее выразить...

— Не свихнулся ли я — вслед за моим другом Робертом Дайлингом?

Все промолчали, и Джерри загорячился:

— Я ненавижу русских так же, как и вы. Но я высказался за торговлю с русскими. И я буду, клянусь Господом, — слышите? — буду торговать с ними, потому что мне, Джерри Парселу, это выгодно. Во многих отно-

шениях. И мне начхать двести тысяч раз на то, как относятся к этому в Роше. Хочу знать — с каких пор удачный бизнес является признаком сумасшествия? Наконец, чем и кому не угодил Фрэнк?

— Из-за него, из-за тех, кто с ним и за ним, кое-кто потерял кое-что на Кубе,— продолжая тянуть молоко, язвительно ответил Блейз.

— Бизнес всегда сопряжен не только с приобретениями, но и с потерями,— громко заметил Парсел.

— Куба — это дуло пистолета, направленного в висок нашей страны,— побледнев, тихо произнес Прайс.

— Боже всевышний, не Фрэнк ли его разрядил? — Парсел понюхал мартини, попробовал его языком. Однако пить не стал, поставил на стол перед собой.

— Сегодня этот пистолет разряжен, а завтра...— начал Лайонел.

— Вы забываете о нашей базе на Кубе. Я убежден, что мы вернем этому острову свободу,— Парсел хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.— И сделает это не кто иной, как Фрэнк Оупенхартс. В том случае, если вы — во имя всех святых — не будете ему мешать. Не надо думать, что мы всегда должны действовать только так, как привыкли. У Фрэнка свой стиль, и он многим нравится, Господи прости!

— Время — деньги, я бы сказал — жизнь,— Карик Блейз с недоверием покачал головой.— Это дуло у виска и в переносном смысле. Пример этих бородачей может показаться заманчивым другим сахарным, банановым, апельсиновым государствам в нашем полушарии. Сегодня Никарагуа, завтра Сальвадор, послезавтра Эквадор или Венесуэла?

— А у нас там, между прочим, везде доллары, как клубника на грядках, посажены,— в сердцах выкрикнул Лайонел.

«Моих посадок там гораздо больше, чем ваших»,— хотел сказать Парсел. Но ничего не сказал. Это был общеизвестный факт. О том, что в кэмпусе «Снежный человек», да и в некоторых других местах им недовольны, Парсел знал давно — от приятелей, от своей разведки. Но не представлял, что это недовольство зашло столь далеко, что бизнесмены второго эшелона, такие, как Прайс, Блейз, Дорси, люди достаточно богатые и влиятельные, но каждого из которых Парсел, если бы он этого очень захотел, мог спокойно упрятать в свой бумажник, будут открыто выражать ему свое

неодобрение. Впрочем, это обычное проявление противоборствующих интересов в бизнесе. Но случайно услышанная при входе в гостиную фраза насторожила Парсела: это уже было похоже на сговор. «А может, и заговор», — подумал он.

В первый же день, когда в поле его зрения попал Ричард Маркетти, Парсел пригласил шефа своей разведки Олафа Ларссона и поручил ему итальянца. Пока Маркетти знакомился (или делал вид, что знакомится) с Нью-Йорком, наслаждаясь комфортом и известной кухней «Ройял Манхэттен», флегматичный и дотошный скандинав, полковник в отставке и бывший резидент ЦРУ в Бангкоке, Веллингтоне и Жёневе, сумел кое-что о нем выяснить. Через восемь дней на стол Парсела легла конфиденциальная записка с пометкой: «По прочтении уничтожить». В ней, в частности, говорилось: «Ричард Маркетти — имя подлинное... Легенда, им рассказанная, верна лишь частично. Родился в Милане в 1950 году, где отец был шифровальщиком в американском генеральном консульстве, а мать — певицей кабаре. Через три года отец погиб при загадочных обстоятельствах. Вскрытие установило отравление сильнейшим ядом. Мать исчезла. Подозревают мафию. Ребенок воспитывался в приюте при монастыре иезуитов. С отличием закончил иезуитский колледж, после чего приехал в США. Штатный сотрудник ФБР. В университете Беркли имел задание разложить изнутри марксистскую группировку. В Атланте живет дядя Ричарда Маркетти — Чезаре Маркетти, мелкий лавочник. Племянника не признает. Задание Р. Маркетти точно установить не удалось. Предположительно оно связано с альянсом Оупенхартс — Парсел. Особо неприятен и опасен следующий нюанс: интересы ФБР в этом деле переплетаются каким-то образом с интересами «Наследников Первых Патриотов».

Прочитав записку, Парсел задумался. Можно было бы устроить скандал. Привлечь большую прессу. Начать судебный процесс. К чему и как придаться — дело юристов, фактура для громкого дела есть. Но что все это даст? И даст ли вообще что-нибудь, кроме чувствительной траты денег и не менее чувствительной трепки нервов? Не умнее ли (и в силу этого — полезнее) сделать вид, что «операция по внедрению Маркетти» прошла незамеченной?

Через полмесяца начальник канцелярии Парсела

объявил итальянцу, что ему предлагается место дежурного секретаря шефа. Маркетти согласился, детально и дотошно расспрашивал, какое жалованье он будет получать.

Флегматичным скандинавом все было продумано до мелочей. Маркетти не имел возможности даже бегло просматривать закрытую переписку; его непосредственным руководителем оказался Олаф Ларссон, который для всех, кроме Парсела, был заведующим отделом персонала и особых поручений. Итак, игра начинается, сеньор Маркетти. Ваш ход! За ним, как и за всеми последующими, будут неотступно следить три, четыре, пять пар очень внимательных глаз. При необходимости Ларссон прибегал к услугам лучших частных детективов, которых знал лично. Более чем щедрый бюджет его отдела контролировал сам босс. Счета оплачивались безоговорочно...

В гостиной Лайонела Дорси тема разговора сменилась в который уже раз. Мужчины обсуждали теперь очередной конкурс на звание «Королевы Роши».

— Каких девочек, если б вы только видели, каких девочек привез из Европы Марк Болдуин! Утверждает, что это его племянницы. По условиям конкурса любые родственницы допускаются к участию, — Карик Блейз прищелкнул языком, застонал, запрокинув голову.

— Ожидается рекордное количество участниц, — сообщил Дорси. — Во всяком случае, получено уже сто двадцать две заявки.

— Миссис Парсел, конечно, будет пытаться счастье? — спросил Дин Прайс.

— Н-не знаю, — своим ответом Парсел явно удивил собеседников. Во всех кэмпусах только и разговоров было что о конкурсе. — Хотя Рейчел, помнится, что-то говорила мне еще в Нью-Йорке.

Вскоре Парсел уже входил в свою хижину. В большом зале, за столовой, на полу сидела Рейчел. Перед ней лежали выкройки, куски материи, иголки, нитки, мел. Рядом на столике красовался «зингер» — последняя электронная модель.

— Я тебя заждалась, — имитируя обиду, Рейчел капризно надула губки. Парсел нагнулся, поцеловал ее. Рейчел, улыбаясь, обняла его за шею. Он подхватил ее на руки, подошел к креслу, сел. Она полулежала у него на коленях, гладила ладонью его лицо.

— Портнихи не управляют? — Парсел вырази-

тельно посмотрел на разбросанные по полу выкройки. Рейчел приподнялась, проследила за его взглядом.

— Ведь завтра конкурс, а платье, которое я специально заказывала в Париже... Словом, оно мне так понравилось, что я отдала его для распродажи в церковный магазин. И срочно шью себе новое. Ты же знаешь, я мастерица на все руки, — она улыбнулась озорно, задорно. — А у тебя как дела? Что это за странное приглашение на стакан молока? Какая-нибудь шутка?

— Шутка не очень веселая, — Парсел вздохнул. — Не нравится кое-кому Фрэнк Оупенхартс, не нравлюсь я, не нравится моя торговля с русскими.

— Кому не нравится? — Рейчел выпрямилась, ноздри ее прямого носа раздулись, в глазах засверкали зеленые искорки.

— Дорси, Прайсу, Блейзу. Думаю, что и многим другим.

— Карлики! — задохнулась Рейчел от негодования. — Карлики и мозгами, и душою. Кстати, и состоянием — в сравнении с тобой — тоже. И они отваживаются делать замечания тебе? Неслыханно! Ты, конечно, поставил их на место, ведь так, Джерри?

Вместо ответа он стал целовать ее губы, глаза, щеки. И от каждого поцелуя Рейчел вздрагивала, замирала, шептала ему на ухо: «Люблю тебя, мой сильный, мой умный, мой единственный...»

Обычно Парсел вставал в шесть часов утра. В субботу и воскресенье он позволял себе спать до половины восьмого. Не была исключением и эта суббота. Рейчел дома уже не было. На ее постели Джерри нашел записку: «Предварительный отбор претенденток с восьми до ленча. Пожелай мне успеха. Рейчи». Парсел надел шорты и безрукавку — и отправился трусцой по однажды проложенному им пятимильному маршруту. «Как там моя Рейчи проходит отбор? Какая пустая забава все эти конкурсы «королев красоты», «мисс штата», «мисс Америка», «мисс мира», «мисс Вселенная». Сколькo, однако, треволнений, слез, интриг и интрижек, подсиживаний и ликований! Как мне хочется, чтобы моей девочке повезло. Хотя шансов у нее никаких. Абсолютное неумение быть объективным — один из самых распространенных человеческих недостатков. Не красавица, нет. Предварительный отбор она, пожалуй, пройдет, там они только фигуру оценивают. Дальше — нет. То есть никаких призов,

никаких ступенек пьедестала почета. Опять расстроится, бедняжка... Какой прозрачный, душистый воздух. Прямо чувствуешь, как он забирается в самые дальние закоулки легких. И ветерок великолепен. О, оркестр! Утешительный мотивчик для выбывающих из конкурса и вдохновляющий для еще участвующих. Любопытно, что было бы с нашей легкой музыкой, если бы не негры. И вообще — появился бы на свет божий джаз? Да и в спорте они многое могут... Кстати, пора мне с Беатрисой поговорить напрямую. Все шушукуются по углам, что моя дочь связалась с черномазым. Думают, я ничего не знаю. Мне надоело разыгрывать из себя непосвященного в тайну, которую смакуют знакомые на обоих побережьях. Отца его я помню, в Женеве встречались. А вот с сыном и с Беатрисой — порознь, естественно — буду беседовать сразу по возвращении в Нью-Йорк. Свобода — свободой, любовь — любовью, а брак — браком. И все это вещи разные, дети мои. И чем скорее вы поймете это, тем будет лучше в первую очередь для вас самих. Имея отцом Джерри Парсела, нельзя выходить замуж за цветного. Нель-зя... А какие же сукины дети все эти Прайсы, Дорси, Блейзы! Мне угрожают. Не прямо, не в лоб, но угрожают. И этот Маркетти — кто он, с кем он связан? И что у него за задание?.. Что ж, долго это неведение продолжаться не может...»

Приняв прохладный душ и наскоро позавтракав, Парсел засел за бумаги. Работалось после пробежки и душа легко...

В четверть второго прибежала возбужденная Рейчел. «Прошла!» — Джерри услышал ее торжествующий возглас, как только она очутилась в гостиной. Он поспешил ей навстречу. И успел увернуться от туфли, которую Рейчел метнула с ноги через всю гостиную прямо в противоположную стену. Вторая туфля ударилась в потолок. Рейчел по-мальчишечьи громко свистнула, бросилась Джерри на шею, закружила его, повалила на ковер. «Из ста двадцати двух отобрали двенадцать. И я — среди них! Если бы ты видел и слышал, что там творилось — слезы, ругань, оскорбления, обвинения в небескорыстном патронаже, взяточничестве. Смех! Члены жюри — все старожилы Роши. Какие уж тут взятки!» Парсел со сдерживаемым удовольствием, внешне спокойно слушал жену. «Любому человеку свойственно стремление к самоутверждению. Достигают его по-раз-

ному: силой, умом, красотой. Суть же одна — крикнуть погромче: «Люди, смотрите, какой я!» Моя славная, смешная Рейчел уже на седьмом небе. Попасть в первую дюжину из ста двадцати участниц — это ли не самоутверждение? Но честолюбие не знает пределов и, тем более, не слушает разума. Вечером будут слезы. Иначе и быть не может — в Роше полно девиц и моложе и красивее ее. Наверняка одиннадцать из дюжины — именно они или приезжие красотки. Однако добровольно отказаться от участия в финале Рейчел было бы труднее, чем пережить новый потоп».

В восемнадцать ноль-ноль фанфары протяжно и радостно пропели о начале парада финалисток. Перебрасываясь шутками, не спеша, на просторном, высоком деревянном помосте появились судьи. Главный судья, улыбочивый владелец кораблестроительных заводов и верфей Поль Донахью, махнул рукой, приглашая на помост участниц. Мощный оркестр, разместившийся справа от помоста, грянул марш. Однако тотчас звуки его расплылись, потонули в свисте, криках, громе трещоток. Раздались и выстрелы — так выражала свой восторг наиболее экспансивная часть болельщиков, юнцы шестнадцати-семнадцати лет. Гвалт достиг апогея, когда на помост одна за другой стали выходить финалистки. В купальниках разных цветов, с широкими яркими лентами — от бедра наискось через плечо, на которых были написаны названия кэмпусов, они напряженно улыбались. «Какие у них у всех напряженные и в то же время разные улыбки, — думал Парсел, отыскивая и пока не находя взглядом жену. — Застенчивые, нахальные, вызывающие, интимные, свирепые... Что ни улыбка, то характер. А вот и Рейчел. Девочка моя, какая же улыбка у тебя? Испуганная. Черт возьми, все, что угодно, только не страх!» С этими мыслями Парсел стал протискиваться поближе к помосту, выкрикивая изо всех сил: «Рейчел! Выше нос! Плюй на все! Рейчел, держись молодцом! Бра-во, Рейчел!» И чем громче он кричал, тем меньше он надеялся, что она его услышит среди этой толпы, которая стонала, рычала, бесновалась. Однажды Рейчел подняла глаза и взглянула, как ему показалось, прямо на него. Но в следующее мгновение он понял, что, глядя на него, она его не видела. Она видела не отдельные лица, а тысячеголовое чудовище — коварное, враждебное, хмельное...

Парсел ошибся, вечером слез не было. Рейчел заняла

третье место и ликовала. Она не знала, что улыбчивый Поль Донахью, подводя итоги работы жюри, сказал: «Джентльмены! Предлагаю приз и звание королевы, естественно, присудить за красоту; второй — за изящество и грацию; третий — за отвагу». Все рассмеялись и согласились. «Слава богу, что не знает. Ей и не надо», — думал Парсел, которому уже рассказали обо всем обстоятельно и подробно. Разливая шампанское гостям, он острил, балагурил, хохотал. Он радовался светлому настроению жены. Когда у человека есть все или почти все, ему, в сущности, нужен пустяк, чтобы острее ощущать счастье. Но такой дополнительный пустяк ему нужен если не каждый день, то очень часто. Этим пустяком может быть приз (за что угодно) — необычный или экзотический, добавление к любимой коллекции, по возможности неназойливые знаки всеобщего поклонения.

Гостями были соседи Парселов по «Лужайке Бэмби», с которыми пришли их родственники и друзья. Очень скоро произошло разделение на две партии: старшее поколение осталось на первом этаже, молодежь поднялась на второй. Рейчел успевала повсюду: сейчас она деловито обсуждает в кругу пожилых матрон всевозможные благотворительные проекты; а вот уже танцует до изнеможения в «Райской Обители» (так «нижние» окрестили «верх»); и снова увлеченно беседует с седой женщиной, хохотушкой и любительницей приложиться к стаканчику, о поддержке подписного листа вспомоществования бездомным кошкам. Джерри коротко посудачил с мужчинами о достоинствах и недостатках «королевы». Большинство сошлось на том, что достоинств все же больше, хотя... Кочуя от гостя к гостю, Парсел, наконец, оказался рядом с профессором Тогавой, старшим экспертом по американскому рынку одной из ведущих японских автомобильных компаний. Он знал профессора лет двенадцать и высоко ценил его энциклопедические познания в области мирового автомобилестроения.

— Добро пожаловать к нам в очередной раз, Тогава-сан, — приветствовал он японца. — Когда же наконец будет готов ваш коварный доклад о путях и методах наиболее эффективного подрыва американского бизнеса?

— Я могу вам сказать хоть сейчас о самом эффективном способе, Парсел-сан, — японец засмеялся, глаза

совсем исчезли в прорезях век.— Только боюсь, вам не понравится то, что я скажу.

— Я весь внимание.

— Случайно уронить одну из ваших замечательных бомб на эту Рошу.

— Пожалуй, это будет чересчур эффективно,— Парсел заставил себя улыбнуться. «Наверное, в каждом японце живет память о Хиросиме и дремлет мечта о новом Пирл-Харборе,— подумал он.— Но далеко не каждый выскажет ее так откровенно. Тогава — осколок западной цивилизации. Ему чужды восточные церемонии».

Они отошли в сторону.

— Я всего два дня как из Токио,— заговорил Тогава.— Кабинет министров шатается.

— Нужно было более ловко брать взятки от нашей славной самолетостроительной корпорации,— Парсел широкой улыбкой смягчил издевку. Это был его минирванш за предложение сбросить бомбу на Рошу.

— В общем-то взятки — вещь, видимо, приятная, но опасная,— бесстрастно заметил Тогава.

— Опасная, опасная, расписки остаются,— поддержал его мысли Джерри. И тут же добавил: — В наше беспокойное время безопасно лишь в собственной кровати спать. И то,— он махнул рукой,— потолок может невзначай рухнуть.

Тогава поежился, словно его внезапно прошиб холодный пот. Уже который год он тайно получал солидные вознаграждения от людей Парсела за передачу им копий всех конфиденциальных деловых докладов совету директоров своей компании.

— Тогава-сан,— Парсел еще больше понизил голос, и японец вынужден был привстать на цыпочки и приложить к уху ладонь,— я подумываю о покупке нескольких автосборочных заводов в Германии, Австралии, Англии...

— В Англии я бы сейчас не советовал,— поспешно возразил Тогава. И затем, уже гораздо размереннее, сказал: — Да, не советовал бы. Кроме всего прочего, очень неустойчив фунт стерлингов.

«Спешит Тогава, торопится,— спокойно подумал Парсел.— Неспроста спешит. Может, они сами планируют выйти на английский рынок?» Вслух сказал:

— Вот я и хотел бы вас просить, дорогой Тогава-сан, связаться с мистером Олафом Ларссоном. Вы ведь

знакомы с ним, не так ли? Отлично. Итак, свяжитесь с ним и набросайте на бумаге ваши рекомендации по поводу предполагаемых сделок.

Японец поклонился, выражая согласие.

— И еще одно,— Парсел взял со стойки барюмку анисовой водки, передал ее японцу («Как обычно?» — «Благодарю, сэр!»), потом взял свой мартини.— Об этих моих планах знаем лишь мы трое: вы, Ларсон и я.

— Я понимаю, Парсел-сан,— сладко улыбаясь, заверил Тогава.— Очень хорошо понимаю.

Около половины одиннадцатого Рейчел, находясь в гостиной нижнего этажа, встала на стул и трижды хлопнула в ладоши. Прервались тосты и анекдоты, все глаза с интересом обратились к хозяйке.

— Господа, у меня для вас приятный сюрприз. С минуты на минуту я жду дорогого гостя,— голос Рейчел звучал торжественно и радостно.— Он уже посетил «королеву» и вторую призершу. Только что мне позвонили, что он направляется сюда.

— Кто он? — раздались насмешливые выкрики.— Бьюсь об заклад, какой-нибудь заезжий король шоу-бизнеса! Боб Хоуп! Дин Мартин! Фрэнк Синатра!

— Нет, никто не угадал.— Рейчел прыгнула со стула.— Давайте поставим ему кресло у этой стены, так, чтобы его могли видеть все.

Со второго этажа вниз потянулась молодежь. Распахнулась парадная дверь, и сразу же послышались приятные мелодичные звуки больших колокольцев. Их несли, попеременно встряхивая, трое восточного вида мужчин. Бритоголовые, в оранжевых балахонах, они шли медленно, полуприкрыв веки, что-то негромко монотонно напевая. За ними следовали две девицы. Тоже наголо обритые, тоже в балахонах, но белых. В руках они несли светильники, в которых тлели благовония. Терпкий, дурманящий запах пополз по всему дому. За девицами, опираясь на посох, плавно двигался невысокого роста грузный мужчина. Бритоголовый, в блестящем лиловом балахоне, он имел осанку величавую, царственную, лицо значительное, запоминающееся: высокий лоб, прорезанный тремя глубокими, короткими, поперечными морщинами; раскосые, очень широко расставленные, огромные карие глаза; крупный нос с высоко приподнятыми крыльями ноздрей; маленькие уши, приплюснутые к голове; красивые влажные губы;

дряблый подбородок с двумя ямками — одна над другой. Группу замыкали четыре парня, одетые в обычные темные костюмы и похожие на борцов-профессионалов.

— Святой Пак Чон И! — пополз по гостиной восторженно-испуганный шепот.— Мессия Пак Чон И! Пророк Пак Чон И!

Пак Чон И сел в кресло, закрыл глаза и, казалось, задремал. Сопровождавшие разместились справа и слева от него. Оцепенение, вызванное появлением святого, постепенно прошло. Женщины и кое-кто из мужчин поодиночке подходили к нему, благоговейно целовали руку, покоившуюся на посохе, край лиловых одежд.

— Феномен,— прошептал Парселу на ухо Тогава, кивнув в сторону Пак Чон И.— Полуграмотный кореец создает себе ореол святого и ведет за собой полтора миллиона фанатичных приверженцев?

— Не такой уже он неграмотный, если сумел создать свою «Новейшую Веру»,— так же шепотом возразил Парсел. «Меня,— подумал он,— больше интересует, с какой целью он объявился в Роще. Не для того же, в самом деле, чтобы благословить своей чудодейственной дланью прелестных победительниц конкурса красоты». В это время к руке Пак Чон И трепетно склонилась Рейчел. Вдруг — и это увидели все, кто был в гостинной,— тело Пак Чон И передернуло конвульсией. Широко, как рыба, вытащенная из воды, раскрывая рот, он хватал воздух и никак не мог надышаться. Потом резко встал, опираясь на посох, и все еще тяжело дыша, медленно раскрыл глаза. Бритые девицы умоляюще простерли руки к присутствующим:

— Тише, леди и джентльмены! Тише, братья и сестры! Тише, люди! На мессию снизошло вдохновенное прозрение.

— Вижу! — вскричал он сильным, пронзительным голосом,— и все как один — мужчины и женщины, глубоко верующие и скрытые атеисты — вздрогнули.— Вижу! Вижу потоки дымящейся крови! Они стремительны, как молния. Они заливают землю и стекают в океан. И океан клокочет и краснеет от человеческой крови. Вижу! Вижу свирепых варваров, несущихся на диких конях. Из конских ноздрей вырывается пламя. Смертоносные мечи безжалостно разят всех. Вот гора из голов младенцев! Вот месиво из тел женщин и старцев! Вот гриф выклеывает мозг у бездыханной прелестной девы!

Святой понизил голос почти до шепота. И тем страшнее звучал он в гулкой, напряженной тишине. Огромные глаза Пак Чон И стали еще больше. Казалось, они занимали теперь все лицо. Каждый, на кого он бросал взгляд, замирал от мгновенно поражающего его ужаса. Но сам Пак Чон И никого из смертных не замечал.

— Вижу! Вижу несметные толпы русских, пьяных от крови и насилий! Они на улицах Филадельфии и Сиэтла, Бостона и Майами! Читаю на небе знамение,— Пак Чон И воздел посох над головой.— Его пишет огнем восьмиглавая комета. Знамение! Оно гласит: «Готовьтесь к гибели, но спасайтесь силою». Силою! У нас два главных врага — явный, он за океаном; тайный — он в душе каждого. Благодушие — вот что страшнее рака. Я заклинаю вас: очнитесь, еще не поздно!

Взгляд Пак Чон И остановился на Рейчел. И, повинаясь гипнотической силе этого взгляда, она подошла к святому. Пак Чон И возложил ладонь правой руки на голову Рейчел. Рейчел стала кружиться, быстрее, быстрее — и вдруг упала на пол. Кто-то из женщин закричал. Джерри и еще несколько мужчин бросились поднимать Рейчел, уложили на диван.

— С ней все в порядке, сейчас поднимется,— сказал Пак Чон И, устало усаживаясь в свое кресло. Действительно, через несколько минут она открыла глаза и, увидев склонившегося над ней Парсела, улыбнулась.

— Я, кажется, что-то натворила? — спросила она, оглядываясь.— Все было как во сне. И сейчас еще ноги немножко ватные.— Она встала, облокотилась на руку мужа.— Веселимся дальше, господа! — Рейчел постаралась сказать это жизнерадостно. Вновь включили квадрофонические системы. У баров сгрудились мужчины. Юноши и девушки поднялись наверх.

Парсел пригласил святого в свой кабинет. Когда они остались одни, Пак Чон И попросил виски и сигару («скотч» и «гаванну», если можно). После нескольких глотков и затяжек он с удовольствием вытянул ноги и зажмурился.

— Надеюсь, вы не сердитесь на меня за то, что произошло только что с миссис Парсел? Поймите, я не в состоянии в такие минуты укротить свою гипнотическую силу. Слово джентльмена, для нее это даже полезно — гимнастика мозга.

Парсел, не отрываясь от стакана, проворчал:

— Она у меня слабенькая. В следующий раз выберите объект покрепче. Но забудем об этом. Мне сказали, вы только сегодня приехали в Калифорнию?

Пак Чон И поднял трагические глаза:

— Поверите ли, мистер Парсел, за весь день первая свободная минута. А какая насыщенная поездка была, пока мы добрались до Сан-Франциско из Нью-Йорка! Перед кем только не приходилось выступать. Студенты, профсоюзники, учителя и, конечно, мои последователи. Да, и даже военные — представьте, пригласили побеседовать с учащимися школы информации Пентагона в Форте Бенджамина Харрисона.

— Это что же, в Индиане? — спросил Парсел.

— Да-да,— почему-то обрадовался Пак Чон И.

— Что же столь неодолимо влекло вас на Дикий Запад?

— Прежде всего лестное для меня приглашение посетить Рошу. Правда, не из вашего кэмпуса — я гость «Снежного человека». Хотя главное в другом — в столь тревожные, тяжелые времена мы не просто должны, мы не имеем права не найти общий язык. Вы можете спросить, кого я подразумеваю под словом «мы»?

Джерри сумрачно покачал головой: «Не надо». Но Пак Чон И продолжил:

— Мы — это люди, руководящие миром бизнеса, и люди, руководящие миром души.

«Альянс, насколько я разумею, древний» — подумал Парсел.

— Древний альянс,— пристально посмотрев на Парсела, словно прочитал его мысли святой.— Понятие абстрактное, если его не осуществляют на деле реальные люди.

— Мы с вами, например? — в раздумье произнес Парсел.

— Допустим.

— Ваш бизнес,— Парсел вновь наполнил стаканы,— трудно поддается... э... как бы это лучше, точнее выразить... вещественному анализу, что ли. Слова...

— Именно слова подвигали человека на свершения — всегда, во все эпохи истории человечества,— быстро возразил Пак Чон И.— Какие слова — вот вопрос, всегда волновавший деятельные умы.

«Совсем не глуп,— отметил про себя Парсел.— Кто мне говорил недавно, что этот новоявленный пророк бу-

дет полезнее эскадрильи бомбардировщиков Б-52 и дюжины атомных подводных лодок? Вспомнил — Луи Вандерберг, самый нефтеносный из всех нефтеносных дельцов Юга. А ведь Луи очень сдержан в своих оценках... А если еще пяток-другой таких пророков объявится? Глядишь, бюджет Пентагона можно будет наполовину урезать».

— Меня лично ваши слова...— Парсел хотел сказать «устраивают», но решил выразить свою мысль возвышеннее,— вдохновляют.

Пак Чон И заметил таким тоном, словно иного ответа он и не ожидал:

— Христос проповедовал где придется. Церкви его веры стали воздвигать много позднее его чудесного воскресения. Я тоже не задумывался о священных стенах, в которых бы звучали мои проповеди. Но приверженцы Новейшей Веры постановили построить уже сейчас двенадцать храмов — три на юге, три на севере, три на западе и три на востоке. Выполняя их волю, я и отправился в путешествие по этой стране. Сбор денег — дело мирское, канительное, зачастую унижительное. Мне бы молиться, а я иду по миру с протянутой рукой. Ибо пример пастыря свят.

Пак Чон И сделал паузу. Он сидел, закрыв глаза, явно вынуждая Парсела заговорить. «В делах веры ты, может быть, и умнее меня,— Парсел разглядывал содержимое своего стакана.— Но в делах денежных диктую я. Я же вижу, святой, что у тебя в руке козырные карты. Выкладывай, выкладывай. Я тоже умею держать паузу не хуже любого бродвейского лицедея».

— Средства на все двенадцать храмов собраны,— нарушил наконец молчание святой.— Последние взносы были сделаны в кэмпусе «Снежный человек» полтора часа назад.

Он назвал имена тех, кто пожертвовал наиболее значительные суммы.

— Достойные люди,— заметил Парсел.

— К вам просьба несколько иного свойства,— продолжал Пак Чон И.— Для подготовки служителей Новейшей Веры будет вскоре открыт теологический колледж. Мы будем счастливы, если ваш фонд сможет установить для этого колледжа пятьдесят ежегодных стипендий. В этом случае постоянная высшая лига Новейшей Веры благоприятно рассмотрела бы вопрос о присвоении колледжу вашего имени.

— Я не тщеславен,— улыбнулся Парсел.

— Ну да, разумеется,— согласился с этим утверждением Пак Чон И.

Парсел встал, прошелся по кабинету. Остановился у застекленной книжной полки, занимавшей целиком одну из стен, взгляделся в свое отражение.

— Теологический колледж Новейшей Веры имени Джерри Парсела! — выкрикнул он громко, будто конференсье, объявляющий следующий номер заезжей знаменитости.— Что ж, звучит.

Он повернулся к Пак Чон И, видимо, довольный кратким совещанием с самим собой. Святой тоже поднялся из кресла.

— Директорат фонда рассмотрит вопрос о стипендиях, я думаю, с позиций наибольшего благопритствования,— Парсел пожал святому руку, провожая его к дверям.— Полагаю, что не ошибусь, если скажу — начинайте подбор стипендиатов.

Еще какое-то время после ухода Пака Парсел сидел за своим огромным письменным столом. Решив немного передохнуть, он раскрыл новый детектив, но не мог себя заставить сосредоточиться на сюжетной канве. «Кажется, по Новейшей Вере высшим существом признается наука. Верховный жрец, исполняющий ее волю — некий божественный интеллект. Наука вечна и абсолютна. По мере взросления человечества божественный интеллект раскрывает закон науки людям. Самоуничтожение и возрождение из пепла является неизбежным законом движения цивилизаций. Каждый новый цикл длится дольше и развитие идет по принципу усложнения. Если поверить этому, какой цикл мы переживаем сейчас?..»

Едва слышно кашлянул внутренний телефон. Парсел нажал кнопку:

— Да?

— Мистер Парсел, здесь Маркетти. Какие будут распоряжения на завтра, сэр?

— Утром едем в Сан-Франциско. Ленч в городе. Возвращение около пяти.

— Это все, сэр?

— Все. Скажите, где сейчас миссис Парсел?

— Я только что относил ей вечернюю почту. Она у себя наверху, сэр.

Гости разошлись. Рейчел была в своей спальне. Она лежала на пушистых белых шкурах, которыми был

устлан пол. Поддерживая ладонями голову, она читала письмо и, болтая ногами, тихонько напевала несложный мотив шотландской народной песенки. Услышав, как раскрылась и закрылась дверь, Рейчел, не поворачивая головы, сказала:

— Джерри, дорогой, я рада, что ты пришел. Ложись рядом.— И, подождав, пока он исполнит ее просьбу, продолжала: — Письмо от Беатрисы. Пишет о работе в газете. Мужчины там все какие-то убогонькие, с комплексами. Впрочем, ей на это наплевать. Она не надышится на своего Раджана.— Рейчел посмотрела на мужа, чмокнула его в щеку. Он хотел что-то сказать, но она положила ему пальцы на губы: — Знаю — ты хочешь еще раз услышать мое мнение о нем. Я могу только повторить то, что уже говорила. Ведь я видела его всего один раз. Он славный мальчик. Тихий, ласковый, добрый. Смуглый немножко больше, чем нужно. Главное в нем — глаза. По-моему, он вобрал в них всю боль и печаль своего народа за многие тысячелетия. Я уверена — за них Беатриса его и полюбила. За них...— Рейчел повернулась на спину, заложила руки под голову. Глядя в потолок, кокетливо прищурилась, наморщив нос. Хорошо зная эту ее манеру, Парсел приподнялся на локте в ожидании: «Сейчас расскажет что-нибудь сокровенное. Что-нибудь из переживаний во время битвы за королевский титул».

— Обычно ты мне даришь сюрпризы. И я тебе благодарна за все. На сей раз моя очередь,— она наклонилась к его уху. Помедлив, прошептала: — В пятницу я была у врача. Он сказал, что я беременна.

— Это точно? — осторожно спросил он.

— Сомнений нет.

После этих ее слов Парсел опрокинулся на спину, закрыл глаза. Рейчел с беспокойством посмотрела на него. «Боже милостивый, он не рад, не рад тому, что я сказала. Может, надо было сделать это как-то иначе, подготовить его. За все полтора года, что мы вместе, он ни разу не заводил разговор о детях. Дура я, дура окаянная, сама все испортила. Нужен ему мой ребенок, как же! Да и я сама — подвернулась под руку, когда у человека случилось горе. Взял как громом отвод — и за то спасибо. Господи, помоги!»

Парсел встал и, не говоря ни слова, вышел из спальни. Почти пробежал по коридору и лестнице, при этом подпрыгнув и попытавшись коснуться рукой высоко

висевшей люстры. «Значит, еще могу, — ликовал он. — Могу, черт побери, произвести на свет наследника!» — «Скажите на милость, — с сарказмом подзадорил его недобрый внутренний голос, — новый подвиг Геракла. Иные и в сто лет, и за сто детей сотворяют. И не одного. А тебе — и шестидесяти нет». — «До других мне нет дела, — пропел Парсел и повторил: — До других мне дела нет! Молодец, Джерри Парсел, славный ты парень. Скоро будет у тебя мальчишка-крепыш. Назовут его Джерри. Джерри Парсел-младший!» Шагая через ступеньку, он спустился в винный погреб, выбрал пару бутылок лучшего старого шампанского. И прихватив в столовой два высоких хрустальных бокала («ее любимых»), вернулся в спальню. Рейчел лежала поперек кровати, зарывшись головой в подушки. Тело ее вздрагивало, слышались слабые, глухие стоны. Неприятно пораженный увиденным, Парсел остановился у ее ног, крикнул:

— Рейчел! — Она медленно повернула к нему мокрое от слез лицо. — Что случилось?

— Ты нас не лю-у-убишь, — сквозь прерывистые всхлипывания произнесла она, кутаясь в цветной плед. — Ты нас не хо-очешь! — И зарыдала сильнее прежнего, горько, безутешно.

— С чего ты это взяла? — Сдвинув в сторону многочисленные склянки и флаконы, Парсел поставил бутылки и бокалы на туалетный столик, сел рядом с Рейчел.

— Да-а-а, — протянула она, утирая глаза и щеки руками, — не успела я тебе сказать, как ты сбежал...

— Любимый мой глупыш, — радостно вздохнул он, притягивая ее к себе, целуя слегка распухшее от слез лицо. — Я ходил вот за чем. — Парсел снял с бутылки фольгу и металлическую сетку. Едва заметно поползла и вдруг с громким выстрелом вылетела пробка. Проливая вино на одеяла, на халат Рейчел, на свой костюм, он наполнил бокалы.

— Ты дала мне вновь испытать забытое уже совсем ощущение счастья.

— Правда? Нет, в самом деле — правда? — Она робко улыбалась, радостно глядя ему в глаза.

— Честное слово Джерри Парсела, — серьезно ответил он. — Пожалуй, последний раз это было, когда Бетриса впервые выговорила слово «папа». Знаешь, за что мы пьем?

— За что, любимый?

— За здоровье Джерри Парсела-младшего и его мамы, лучшей мамы и жены на свете!

Чувствуя, как дрожат пальцы и стекло ударяется о зубы, она взяла бокал обеими руками. Шампанское имело солоноватый привкус, но Рейчел ничего не замечала. Она пила этот самый лучший напиток из всех и смотрела на мужа счастливыми глазами, из которых текли слезы...

— С русскими нужно договариваться о равновесии,— Фрэнк Оупенхартс говорил уверенно, увлеченно.— Кое-кто пытается внушить мне мысль, что я должен исходить из интересов Америки, а о русских пусть болит голова у них самих. Но пора бы понять, что в современном мире интересы так переплетены, что национальный эгоизм, который еще недавно почитался доблестью, сегодня уже никому не по карману. В атомный век он может обойтись так дорого, что все потеряет всякий смысл. А люди все еще мыслят категориями эпохи каменного топора, до которого человечество во второй раз может и не дорасти — выродится в результате послеядерных мутаций.

— Да, пещерная философия,— Парсел усмехнулся,— ныне действительно устарела. И оказывает двойной вред: отпугивает союзников, мобилизует оппонентов.

Они вели беседу на зеленой лужайке, раскинувшейся во все стороны за виллой Оупенхартса. Недалеко от трехэтажного здания шумели волны океанского прибоя. Фрэнк и Джерри сидели в соломенных креслах-качалках под полотняным тентом. Между ними покоился невысокий передвижной бар с встроенным холодильником. Оупенхартс пил виноградный сок, Джерри — martini.

— Вчера я вычитал в одной газете, что в нашей стране якобы слишком много друзей России. Что вы на это скажете, Фрэнк?

— Видите ли, Джерри, американцы — свободно мыслящие люди. И это один из самых чистых и сильных источников нашей вечно развивающейся, юной демократии. Юной не возрастом, а сутью: ежедневно обновляющейся. Нам импонирует доброта, удасть, смелость, бесшабашность, богатейшая одаренность русско-

го национального характера. Точно так же, как я слышал, да и видел, когда был в России, русским импонирует широта, непосредственность, доверчивость, деловитость, смекалистость американцев. ФДР¹, которого я (как и вы, если не ошибаюсь) считаю самым выдающимся президентом первой половины двадцатого века, полагал, что с русскими вполне можно ладить.

— Этого не казалось почти никому из его преемников.

— Но разве хоть один из них сумел добавить к своей фамилии слово «великий»? Да, ФДР...— вздохнул Оупенхартс и забарабанил кончиками пальцев по подлокотнику кресла.— У него есть чему поучиться. А главное его богатство — прозорливость. От признания Советов в тридцать третьем до выработки в сорок четвертом основных принципов деятельности ООН, в рамках которой он видел перспективы сотрудничества с русскими, все делалось во имя и на благо Америки. Каждое его слово, каждый шаг выявляли патриотизм, бескорыстный и преданный. Кому-то, однако, помешало, что он чересчур заигрывает с дядей Джо². Еще кому-то почудилось дыхание сибирского медведя на затылке. В итоге — загадочный уход и глухое подозрение, что кто-то подтолкнул его в могилу.

— Это лишь подозрение. Президентов ведь убивали и публично...— Парсел прикрыл глаза.— Скажите, Фрэнк, а вам никогда не приходило в голову, что ФДР... ну, пусть не явно, где-то в тайниках души, но все же сочувствовал русскому социальному эксперименту? Эти его шуры-муры с профсоюзами и потом Гопкинс, его второе «я», все-таки был когда-то связан с нашими красными...

— Вы это серьезно, Джерри? — в тоне обаятельно улыбавшегося Оупенхартса звякнул металл.

На лужайке появились двое — начальник охраны Фрэнка Оупенхартса и Олаф Ларссон. Они быстро приближались к полотняному тенту и, судя по жестике куляции, что-то заинтересованно обсуждали.

— Эркюль Пуаро и Нат Пинкертон за работой,— шутливо вполголоса произнес Оупенхартс, как бы давая Парселу понять, что не сердится. Ларссон и его спутник этих слов не слышали, хотя были уже совсем близко — ветер дул не в их сторону. Подошли к тенту почти

¹ Франклин Делано Рузвельт.

² Так называли И. Сталина в США.

вплотную. Ларссон приложил палец к губам, прося тишины. Джерри хотел что-то сказать, но так и застыл на полуслове. Ларссон бегло осмотрел бар снаружи. Затем наклонился и стал на ощупь проверять днище. Едва заметное усилие — и он выпрямился, сохраняя по-прежнему невозмутимое выражение лица. На его ладони лежал круглый блестящий предмет размером с четверть-долларовую монету. Но раза в три толще. На сей раз хотел сказать что-то Оупенхартс, но Ларссон вновь умоляюще приложил палец к губам. Достав из бокового кармана металлическую коробочку, он положил в нее круглый предмет и затем сунул коробочку в карман.

— Господа,— сказал он совершенно бесстрастно,— только что мы обнаружили мини-передатчик с радиусом действия тысяча восемьсот — три тысячи метров. Все, о чем вы здесь говорили, передавалось, видимо, на записывающую аппаратуру. Мы проверили отпечатки пальцев, хотя вот эта стопка салфеток нарочно была положена так, чтобы тот, кто поставил передатчик, мог убрать с него все следы. По наблюдениям охраны к бару не прикасался ни один человек.

— Но кто-то же доставил его под этот тент,— воскликнул Парсел.— Не по воздуху же он сюда спланировал невесть откуда?

— Бар прикатил секретарь мистера Парсела.

— Маркетти,— прошептал Парсел.— Вот оно что...

— Кто этот секретарь? — вежливо поинтересовался Оупенхартс, когда Ларссон и начальник охраны ушли.

— Молодой красавец итальянского происхождения,— думая о чем-то своем, ответил Парсел.— Спас жизнь Рейчел.

— Браво. При каких обстоятельствах?

Выслушав рассказ Парсела, Оупенхартс улыбнулся: «Это не он, Джерри. Герой не может быть предателем». Парсел кивнул. «Вряд ли стоит раньше времени пугать Оупенхартса,— подумал он, заставляя себя успокоиться.— Нужны доказательства».

— Россия,— протянул Оупенхартс, возвращаясь к прерванному разговору.— Россия — тема вечная... Давайте поговорим о другом. Нефть. Вы читали доклад Александра Максвелла «Энергетические ловушки. Нефть и горючее будущего»?

— Читал.

— Что вы думаете о его прогнозах?

— Человечество сможет перейти на новый вид энер-

гетики не ранее первой декады третьего тысячелетия.

— Возможно. Хотя я большой оптимист, чем вы, Джерри. Возможно. Значит, десятки лет следует ориентироваться на традиционные виды сырья. И главное из них — нефть. И, вы знаете, в последние дни я лишился покоя. Есть цифры, весьма убедительно доказывающие, что ее запасы далеко не бесконечны.

— Длительную стабильность,— Джерри долго высматривал в вазе орешек поядренее,— длительную стабильность нам может обеспечить лишь надежный контроль над месторождениями в районе Персидского залива, всего Ближнего Востока.

— Джерри, вы читаете мои мысли. Видимо, настало время для детальной глубокой разработки «нефтяной стратегии». В том регионе следует делать ставку на Израиль, Саудовскую Аравию и противоречия в арабском мире,— Оупенхартс встал, зашагал под тентом — пять шагов вперед, пять — назад.

— Да, Иран подложил нам крупную свинью,— заметил Парсел.

— Я оптимист, Джерри,— Оупенхартс побарабанил пальцами по крышке бара.— Никогда не надо считать какой-то вариант абсолютно исчерпанным. Гибкость политика в умении отказываться от предвзятых точек зрения и догматических концепций. Мы изрядно переоценили свои силы и возможности в Иране. Но это не значит, что теперь мы должны навсегда отказаться от попыток реванша. Вспомните, еще не так давно положение в Ливане казалось вполне устойчивым. А теперь устойчивость стала неустойчивой...

После ленча они прогуливались по дорожке парка вдоль берега. Парселу уже надо было возвращаться в Рошу, которую Оупенхартс не переносил. Беседа близилась к концу.

— В недалеком будущем, Джерри, я вижу над Штатами тень японской угрозы.

— Автомобили?

— Это лишь часть тени. Техника, компьютеры, самый широкий ассортимент экспорта. Скоро это гигантское цунами обрушится на нас. В чем тайна японского взрыва?

— Не только в том, что труд там дешевле. Он дешевле в десятках стран. Неистовое трудолюбие, жесткая дисциплина, технический склад ума как характерная черта нации. Вот уже несколько лет мы отстаем от

Японии по росту темпов производительности труда. В недавнем прошлом это вряд ли кто всерьез мог предположить.

— В недалеком будущем это чревато открытой экономической войной. И не только на далеких заморских рынках. Здесь, у нас дома, Джерри. Одна из причин наших трудностей,— продолжил Оупенхартс, видя, что Парсел упорно молчит,— чрезмерная опека государства над военным производством. Я бы сказал, неслыханная для мирного времени опека. Десятки миллиардов долларов оседают бесполезными, нет, вредными наростами на стенках вен и артерий государства.

— Я ждал, что вы это скажете,— Парсел глядел на линию горизонта, где светлое небо смыкалось с темными волнами океана.— В чем вы видите выход?

— Пока наш организм не поразил необратимый тромбоз, необходимо искать «новый курс». Искать и найти. Нашел же его ФДР! Нашел и вывел страну из тупика Великого Кризиса. У этого тяжело больного человека нашлись и великая смелость, и непоколебимое мужество, и точный расчет, и изобретательный разум государственного мужа,— возбужденно говорил Оупенхартс.

Некоторое время они шли молча. Наконец Оупенхартс взял Парсела под руку, доверительно спросил:

— Джерри, неужели вы не видите, что безостановочное накапливание этих страшных бомб и всего прочего ставит всех нас на грань небытия? Неужели вы не видите этого?

Парсел бесстрастно молчал. Он вспоминал основные положения доклада, подготовленного по его просьбе, о переводе экономики на мирные рельсы. Эксперты считали, что он вполне реален и может пройти почти безболезненно. Но ведь это означало бы отстать от русских, которые воспользуются ситуацией. «Я готов торговать с ними, потому что их рынок таит в себе фантастические перспективы, но доверять им нельзя: они будут стремиться лишить Джерри-младшего всего, что я ему оставляю...»

Воскресный вечер в Роше был отмечен событием, участниками которого удостоились быть лишь самые именитые члены клуба. В одной из хижин «Снежного человека» собралось восемнадцать мужчин. До новых президентских выборов оставалось полтора года, и они

проводили встречи с возможными кандидатами. В тот вечер «прослушивался» и «просматривался» сенатор Сейкер. «Нищий миллионер» (пять-семь миллионов в недвижимом, земле и бумагах) Джонатан Уэсли Сейкер был в прошлом популярным адвокатом. Осанка, походка, голос — в ходе многочисленных процессов все было отработано до блеска. Начав играть на политической сцене совсем недавно, сенатор уже снискал известность как сторонник самого жесткого курса. Худой, желчный, он пускал в ход свою знаменитую сейкеровскую улыбку в крайних случаях. «Не обесценивай ее частым использованием, — напоминала ему жена. — Улыбка — твое «секретное» оружие». Уолт Лоджинг, добродушный хозяин хижины, один из столпов химической индустрии северо-востока, предоставил сенатору слово. «Вообразите, — сказал он, — что это ваша инаугурационная речь». Сейкер начал тихо и печально. Америка переживает далеко не лучшие времена. Нужны энергичные, жесткие, может быть, даже жестокие меры, чтобы вернуть былую уверенность, восстановить достоинство, обрести перспективу. Обширные и дорогостоящие социальные программы развращают десятки миллионов людей, создают иллюзии возможности обирать государство до бесконечности, девальвируют главные принципы частного предпринимательства. Как самые непроизводительные расходы, они должны быть сведены к абсолютному минимуму. Государственный аппарат раздут неимоверно. Его сокращение вплоть до ликвидации второстепенных ведомств (занимающихся просвещением, например) назрело и должно быть проведено безотлагательно. Высвободившиеся таким образом средства помогут еще более активизировать оборонный бизнес. Налоговая система нуждается в реформе. Разве это правомерно, что бизнес и рабочая сила в одинаковой степени несут налоговую ответственность? Нет и еще раз нет. Бизнес отвечает за непрерывное расширение производства. Здесь и привлечение капитала и риск. Уменьшение налогов на бизнес будет лишь малой компенсацией за гигантский вклад в развитие национальной экономики. Забастовки являются бичом процветания. Движущая сила этого бича — профсоюзы. Пора вырвать бич из безответственных рук, задуть иллюзии вседозволенности. Красные, левые, черные, цветные чувствуют себя слишком уверенно, привольно. Государственные службы — ЦРУ, ФБР,

другие — должны получить большие права в осуществлении функций действенного контроля за ненадежными. Вскрытие писем, подслушивание телефонных разговоров, непосредственное наблюдение, лишение заграничных паспортов — любые меры пригодны для борьбы с главной и страшной опасностью — угрозой свободному предпринимательству и священному институту собственности.

Слушатели молчали, внимательно разглядывая лицо сенатора, ждали дальнейших откровений. Внешнеполитический раздел он начал с частных. В Африке настоящий союзник — Южно-Африканская Республика. Все другие — временные попутчики. ЮАР надо защищать, беречь. В Азии такой стратегический единомышленник — Тайвань. Европа — извечная клоака. Там начались обе мировые войны. Там форпост против России. Там начинаться и третьей. Логово большевизма следует опоясать еще более густой сетью баз. Есть идея создать «корпус моментального развертывания». Название условное — дело не в нем. А в том, чтобы быть в состоянии перебросить в очень короткий срок в любую точку планеты десятки тысячи солдат. Разрядка — психологическое оружие русских. Вообще возникновение СССР — нелепая и трагическая ошибка, ее нужно исправить, и скоро это будет сделано. «Возмутитель спокойствия» в Западном полушарии Куба тоже ждет своего часа. И надо полагать, что этот час скоро наступит. Необходимо значительно расширить и активизировать радиопередачи, ставящие своей целью расшатать социализм внутри России и европейских стран Совета Экономической Взаимопомощи, превратить их из орудия пропаганды в орудие организации. Два слова о Германии и Японии. Эти мастера молниеносной войны еще не имеют достаточно мощных армий. Обработка лидеров и общественного мнения этих стран должна вестись более интенсивно и методично. Советы мечтают завладеть всем миром. Мир должен не только отстоять себя, но и покончить с их бесплодным и угрожающим природе человека экспериментом. «Я закончил, господа», — сказал Сейкер. И все увидели улыбку сенатора. Ту, знаменитую. И многие ответили ему улыбкой.

— Сенатор, смогли бы вы отдать приказ о начале превентивной ядерной атаки на русских? — задал свой неизменный вопрос Уолт Лоджинг.

— Во имя спасения моей Америки — несомненно и без колебаний.

Прощались с сенатором тепло, почти дружески. Итог встречи резюмировал Уолт Лоджинг:

— Разговор заслуживает продолжения. Хотелось бы услышать о позиции Сейкера по таким проблемам, как «Доллар в мировой валютной системе»; «Профилактика коммунизма в Западном полушарии»; «Дееспособность НАТО»; «Переговоры с СССР»; «Положение на Ближнем Востоке: позиции и перспективы». Я ничего не забыл? Мы приглашаем Сейкера вновь через две недели. На следующий уик-энд приедет конгрессмен Юджин Холт...

Когда Парсел вернулся в свою хижину, Рейчел просматривала его и свои киноплёнки. Каир, Бангкок, Дели, Сингапур, Мельбурн, Крайстчёрч, Бразилиа, Гонолулу — сколько впечатлений, ярчайших, запомнившихся на всю жизнь, иногда комических, иногда трогательных — за один только месяц, за одну поездку! Рейчел охала, вздыхала, от души смеялась, заразила своими радостными воспоминаниями уставшего за день Парсела. Внезапно в боковой гостиной, где они находились, появился Маркетти. Передал Парселу телефонный аппарат:

— Весьма срочно — из Нью-Йорка, сэр. Это третий звонок за последний час.

Парсел улыбнулся Маркетти: «Спасибо, Дик. Вы свободны». Взял трубку и услышал голос первого вице-президента совета своих компаний: «Джерри, я тебя не поднял с постели? У вас уже почти ночь, а в Нью-Йорке еще светло». — «Нет, Гарри, все в порядке. Я рад слышать твой голос. Что-нибудь случилось?» — «Ничего особенного, Джерри. Просто хочу посоветоваться с тобой. Ты ведь завтра будешь в Денвере?» — «Да, черт бы их побрал. Ликвидировать забастовку пока не удалось». — «Вот я и хочу слышать твое мнение. Завтра с утра откроется биржа, и все признаки говорят о том, что наши акции резко пойдут вверх. Ты знаешь, это в связи с объявлением Белого дома о предстоящей поездке президента в Россию. Что будем делать?» — «Деньги», — кратко выдохнул Джерри. «Что-что? — прокричал Гарри. — Какие-то помехи...» — «Никаких помех! — весело крикнул ему Джерри. — Деньги будем делать! Понял? Деньги!»

**ИСПОВЕДЬ ДЖЕРРИ ПАРСЕЛА
В БАПТИСТСКОЙ ЦЕРКВИ
В САН-ФРАНЦИСКО 5 НОЯБРЯ 197... ГОДА**

Он любил эту церковь и всегда заходил сюда, когда бывал во Фриско. Здесь ему хорошо думалось, вспоминалось. Здесь ему казалось, что он напрямую, без посредников беседует со Всевышним...

«В первую же неделю после окончания колледжа я решил посетить свой родной Мемфис. Зачем? Не знаю. Бесцельно бродил я по городу, в котором прошли мое детство и отрочество. Ничто здесь не было мне мило. Напротив, город навевал на меня лишь печальные воспоминания. Здесь потерял я вначале мать, а потом отца. Мать умерла от грудной жабы. Отец, средней руки фабрикант, разорился. Фабрику пустили с молотка, а отец в один прекрасный день исчез из города, бросив меня и младшую сестру Шарон на произвол судьбы. Особенно возмущались его исчезновением две тетки, сестры матери. Они жили в далеком, как самый крайний край земли, Сакраменто, куда мы с сестрой и переехали вскоре.

Там доживал свои дни их двоюродный брат Теодор. Он был проповедник, и, должен признаться, именно дяде Тэдди я обязан тем, что Господь поселился в душе моей. Частенько я набрасывал на плечи черный дядин плащ и начинал произносить проповеди о добре и зле, о любви и терпении, имитируя дядин голос, манеры, используя его слова и выражения. Моим постоянным слушателем была Шарон. В такие минуты она никогда не хихикала; не вертелась, сидела тихо, иногда даже плакала. Однажды дядя Тэдди случайно услышал мою проповедь. «Клянусь Иисусом Христом, неплохо, Джерри,— воскликнул он.— Ты прирожденный проповедник. Ты должен, ты просто обязан пойти по моим стопам, да благословит тебя Бог!» Шарон хлопала в ладоши. Меня распирало от гордости.

Но ведь было же детство, а вместе с ним какие-то свои радости, веселые заботы, захватывающие дух приключения. Увы, ничего не удержалось в памяти. Дом, в котором когда-то прошло столько лет жизни, даже он не взволновал, не вызвал тех чувств, которые, казалось, должны были бы всколыхнуться в душе.

Я отправился на старое кладбище. Черный полиро-

ванный гранит над могилой моей матушки мерцал серыми прожилками. Надпись потускнела, но читалась без труда. «Где-то похоронен мой беглый папаша», — равнодушно подумал я, сидя на невысокой скамеечке вблизи надгробья. Почти рядом с маминой могилой я прочитал на невысокой серой каменной плите: «Здесь покоится прах достопочтенного Эмайджи Клея, верного слуги Господа нашего Иисуса Христа и добрейшего хозяина Малькольма Парсела». Бедный Эмайджа Клей! Он был в нашем доме и дворецким, и поваром, и слугой — на все случаи жизни. Нужно наколоть и напилить дрова — Эмайджа тут как тут. Нужно отвезти меня и сестру в школу, Эмайджа садится за руль нашего семейного «форда». Он убирал двор и красил крышу, стриг газон и поливал цветы, ездил за продуктами и отвозил телеграммы на почту. Зимними вечерами, когда за окном выл и стонал ветер и в окна хлестал косой дождь, когда мама и папа уезжали к кому-нибудь в гости, мы любили, забравшись на кровать Эмайджи, слушать его бесконечные легенды и рассказы о старом Юге. Нас приводили в умиление патриархальные повествования о нежном братстве белых и черных, хозяев и слуг, о подвигах, совершенных неграми в сражениях против северян, этих проклятых янки, стремившихся разрушить старый добрый мир бескрайних плантаций и уютных хижин. Иногда Эмайджа пел старинные негритянские песни. Ему вторили его жена, маленькая, кругленькая, седенькая Эмили и взрослая дочь, высокая и статная Лиз. Иногда эти концерты затягивались за полночь. Услышав шум мотора подъехавшего «форда», Эмайджа и Эмили хватали нас с сестрой на руки и относили в наши спальни.

Мне было лет пятнадцать, когда однажды зимой Эмайджа простудился и слег. Приехал наш семейный доктор, милый и добрый Энтони Амброуз. Диагноз его был неутешительным: тяжкий с осложнениями грипп. Уход и питание не помогали, Эмайджа медленно угасал. Родители в то время уехали куда-то на Север на три недели. Спасти беднягу могло только новое лекарство, дорогое и редкое в те времена. Мать оставила мне это лекарство. Его как раз хватило бы на то, чтобы вылечить одного человека. Я долго боролся с собой, мне хотелось спасти бедного негра. Но ведь лекарства хватило бы лишь на одного. А что, если бы заболел я? Или сестра? Ведь в наших местах свирепствовала эпи-

демия. Так лекарство и осталось нетронутым. Оно лежало в верхнем ящике тумбочки у моей постели, и о нем никто не знал, кроме меня и мамы. Ни я, ни сестра, к счастью, не заболели. Эмайджа умер, как раз к приезду родителей. По их настоянию, вопреки всем правилам и традициям, его похоронили на нашем фамильном кладбище. Негры оплакивали своего черного брата в печальных песнях, провожая в их черный рай. Эмили и Лиз словно окаменели от горя. Мне тоже было жаль старого Эмайджу. Но что я мог поделать? Разве я имел право рисковать жизнью сестры или своей?

Этот жестокий выбор — ты или другой — преследовал меня всю жизнь, как рок. Какие радостные, беспечные, вдохновенные дни провел я в колледже! Все предметы давались мне легко. То, на что другие тратили дни и ночи упорных зубрежек, я усваивал на лету из лекций. Мне везло в спорте. Тренеры считали меня одним из самых незаурядных футболистов тех дней. Когда до окончания колледжа оставалось два-три месяца, я всерьез задумался о будущей работе. Из всех студентов нашего выпуска лишь трое — Мэри, Стив и я — учились по стипендии штата. Это означало, что мы должны были отработать свою стипендию в течение нескольких лет там, где нам укажут власти штата. Случайно я узнал о том, что на троих стипендиатов имелось лишь одно действительно стоящее место. Что было делать? Червь сомнения точил мою душу. Я знал, что Мэри ярая троцкистка. Правда, в те годы ее группа действовала нелегально. Но я-то знал, что Мэри — активистка, «боевик», как ее называли в их организации, фанатично преданная идеям Леона Бронштейна, взявшего псевдоним Троцкий. Я ведь и сам одно время почитывал книги Троцкого. А Стив был помешан на Бакуине. Он проштудировал все работы вождя анархизма. И хотя он сам и члены его группы вряд ли могли бы четко сформулировать различие между платформами Бакунина и Кропоткина, вражда между бакуинцами и кропоткинцами в колледже не утихала ни на день. Стив собирал все книги по анархизму, которые удавалось достать. На стене его комнаты красовалась тельняшка. «Настоящая русская тельняшка, — гордо объяснял он каждому, кто навещал его дома. — Ее носил когда-то видный анархист — русский матрос Балтийского флота». Меня анархизм в свое время тоже интересовал. Но не всерьез, так же, как троцкизм.

Меж тем «охота на ведьм» была в полном разгаре. Профессора, известные ученые изгонялись со своих кафедр только за то, что когда-то имели неосторожность процитировать Маркса, упомянуть о Ленине. Исключались студенты, которых администрация колледжа или университета имела хоть малейшее основание заподозрить в инакомыслии. Изгнать «красную заразу» отовсюду было элементарным долгом гражданина и патриота. Кто не знал в нашем колледже «угрюмого Дуайта»? Но не как талантливого преподавателя, а как всевидящее и всеслышающее око ФБР. Все его сторонились, за глаза проклинали, ненавидели, презирали. В глаза, однако, льстили и угодничали перед ним.

За день до приезда комиссии штата, которая должна была выбрать одного из нас троих, «угрюмый Дуайт» беседовал — я это точно знаю! — с Мэри, со Стивом и со мной. Уж не ведаю, что они наговорили ему про меня, только встретил он меня холодно, даже зло. «Что, молодой человек, решили ниспровергнуть законные власти, не так ли?» Я попытался возразить. «Бросьте, — резко оборвал он. — Мне все известно: и ваши анархистские фантазии и ваши троцкистские утопии». Я настаивал на том, что читать книги — вовсе не значит разделять их содержание. «Выходит, ваши политические убеждения вроде коклюша?» Я скромно ответил, что это были не убеждения, а увлечения из простого любопытства, и я давно избавился от них. Даже легче, чем ребенок излечивается от коклюша. «Как это у вас гладенько получается, — саркастически заметил «угрюмый Дуайт». — Все переболели и все превратились в стопроцентных патриотов. А?» Я ответил, что, к сожалению, это произошло далеко не со всеми. «Ну-ка, ну-ка, будьте хоть раз в жизни откровенны, — потребовал «угрюмый Дуайт». — Как на исповеди. Это зачтется». Что было делать? Я рассказал ему все то, что я знал о Мэри и о Стиве. Они опасны для нашего общества. Для защиты своих идей они не постесняются применить и бомбу, и пистолет, и кинжал. Она — красный агитатор, носит на своей груди в медальоне портрет лидера международных террористов. Он спит и видит, как бы ему вступить в контакт с русской шпионской службой. «Коммунисты, — брезгливо резюмировал «угрюмый Дуайт». — А ты плохой американец. Все знал и столько времени молчал...» Мне было искренне жаль Мэри и Стива. Я слышал, что Мэри долго

и тяжело болела, а Стив, кажется, перебрался в одну из отдаленных провинций Канады. А место получил я. «Угрюмый Дуайт» все-таки поверил мне.

Да, разные пути избираем мы в жизни. Очень разные. И все зависит от того, как и кому повезет. Повезет во всем. В любви, например. Это как раз та сфера, в которой мне везло реже всего. В колледже я засматривался на многих девушек. На меня — никто. Обидно, не правда ли? То, что произошло между мной и Карлин, частенько и сегодня берedit мою душу. А ведь было это несколько десятков лет назад. Карлин была премиленькой девчонкой. Премиленькой и глупенькой. Из зажиточной семьи, с самого дальнего Юга. Училась в колледже отнюдь не по призванию или жизненной потребности, а по престижным соображениям. Представьте себе девушку со стройной фигуркой, но уже в девичестве предрасположенную к полноте, большой лоб, большой рот, сильный подбородок. Глаза голубые, нос пуговкой, волосы пепельные, ровные, до плеч. Это и есть Карлин, долгая на учение, скорая на гуляние и танцы.

Я взял ее силой после того, как здорово подпоил хитрым коктейлем, состав которого сам придумал. В него входило несколько сортов водки и столько же разновидностей рома. На утро Карлин была в ужасе. Она была воспитана в строжайшем пуританском духе. Потеря невинности до замужества считалась страшнейшим из всех грехов. Едва удалось успокоить ее обещаниями вечной любви и преданности. Она привязалась ко мне, как собачонка, подобранная сердобольной душой на улице в зимнюю стужу. Поначалу с ней было легко. Все, что ей нужно было,— это секс и обещания будущего счастья. Однако, признаюсь, мне стало не по себе, когда она через какое-то время объявила, что беременна. Жениться я, естественно, не хотел, да и не мог. Какой из меня жених, когда все мое состояние заключалось в стипендии штата?! От аборта Карлин отказалась наотрез. «Если ты на мне не женишься,— заявила она,— я подброшу ребенка тебе. Сам будешь его воспитывать». Я не раз объяснял ей, что жениться не собираюсь. Она продолжала меня преследовать с какой-то ожесточенной настойчивостью. В одно прекрасное утро я проснулся и понял, что ненавижу ее так, как не ненавидел еще никого. Все, что мне раньше в ней нравилось, теперь

вызывало злое раздражение. То, что еще недавно приводило в умиление, теперь просто бесило.

Однажды она заявила, что преподнесет мне подарок. Я усмехнулся, а она воскликнула: «Очень скоро ты будешь не смеяться, а плакать!» И убежала. Через час весь кэмпус был взбудоражен известием о том, как Карлин пыталась утопиться. Ее вытащили из озера, расположенного неподалеку от колледжа. Карлин увезли в госпиталь. Через какое-то время у нее сделался выкидыш. В колледже она появилась через месяц. Осунувшаяся, молчаливая, с блуждающим взглядом, она проучилась еще несколько месяцев, и, так и не закончив курса, уехала домой. Она не сделала ни единой попытки встретиться и поговорить со мной. Похоже, теперь она избегала меня. Не знаю, был ли я доволен этим. Знаю только, что после отъезда Карлин я искренне жалел о случившемся. Я жалел Карлин. Так же, как я жалел Эмайджу. Так же, как я жалел Стива и Мэри.

Я признаюсь в своих грехах без раскаяния и горечи от содеянного. Я хотел бы, очень хотел бы, чтобы люди умели подавлять в себе мерзость. К сожалению, она слишком часто оказывается сильнее человека. Человек, очищенный от мерзости,— какое это могло бы быть совершенное создание!»

Глава девятая

РУССКАЯ КУХНЯ

Первое впечатление, которое произвел Нью-Йорк на Картенева, было ошеломляющим. Он видел многочисленные изображения этого «Нового Вавилона» на всевозможных репродукциях (цветных и черно-белых), почтовых открытках; его панорама — в самых разных ракурсах, утреннем, дневном и вечернем освещении, подсмотренная из окон домов и с самолетов, с океана и с континента, его районы — богатейшие и нищие, для белых и для цветных, постоянно мелькали на экранах кино и телевизоров, на газетных и журнальных полосах. Но даже самые виртуозные фотоснимки и кинокадры не могли заменить живого восприятия этого вечно меняющегося, вечно движущегося, вечно вздыхающего, жующего, спящего, продающего, пьющего, молящегося, танцующего, плачущего, воруящего, стреляющего, колющегося наркотиками, теряющего работу, голодающего, богатеющего, разоряюще-

гося, умирающего и нарождающегося вновь города... Виктора потрясли необузданность фантазии и грандиозность труда людей, создавших шедевры города-сфинкса. Находясь в свои краткие наезды по разным делам в Нью-Йорке, наблюдая за его разноплеменной, стоязыкой толпой, проезжая через все эти греческие, итальянские, русские, арабские, китайские, еврейские кварталы, он каждый раз думал о том, что вряд ли найдется хоть один человек среди многих миллионов его жителей, который мог бы с полным основанием сказать: «Я знаю Нью-Йорк как свои пять пальцев». Нет, не хватит ни одной жизни, ни ста, чтобы пройти все его надземные и подземные, обитаемые и необитаемые лабиринты, чтобы проникнуть в такие места, которые открыты лишь для избранных, а для всех других являются абсолютнейшим «табу». И тайны там бдительно охраняет смерть, пороки — золото, а хозяева... У каждого фута земли, у каждого дома свои хозяева — тайные и явные, дневные и ночные, юридические и подлинные. И не о крысах и тараканах речь, хотя и тех и других «ночных хозяев» кухонь и подвалов Нью-Йорка с лихвой хватило бы на всю Америку. Огромный город — истинная столица Америки, ее визитная карточка, ее гордость и ее боль.

От кого-то из американцев Картенев услышал такую фразу: «Нью-Йорк — позор Америки, Сан-Франциско — краса Америки, Чикаго — душа Америки» — и не согласился с нею. Нью-Йорк покорила Виктора с первого взгляда. Не помешало даже то, что случилось с ним среди бела дня на углу Пятой авеню и Сорок второй стрит: Виктор вдруг почувствовал, как что-то острое уперлось в спину между лопаток, и услышал негромкий сиплый голос: «Не оборачивайся. Молчком выкладывай «зелененькие». Пикнешь — и ты труп». Брезгливо сморщившись от запаха гнили, приплывшего откуда-то сзади вместе с этими словами, он быстро достал из левого кармана брюк пятидолларовую бумажку, которую тут же кто-то вынул из его руки. Его обогнал метис, дурашливо улыбнулся, подмигнул, повертел перед глазами пустым шприцем без иглы. Получилась почти классическая иллюстрация к предупреждениям консула, которые тот непременно высказывал всем прибывающим в командировку. Светило яркое солнце, вокруг были люди, и много людей. «Да, — подумал Виктор, вытирая платком вспотевшее лицо, — здесь, видно, в

одиначку не погуляешь». Но через пять минут к нему вернулось спокойствие: что ж, подонки есть везде. И по статистике здесь каждый пятый что-то нюхает, курит, глотает, колет. Эпидемия наркомании.

Случилось это во второй приезд Виктора из Вашингтона в Нью-Йорк. А теперь они с Аней были приглашены нью-йоркским издателем Артуром Теннисоном на торжественную церемонию выпуска книги «Русская кухня». Аня, притихшая, видимо утомленная дорогой, сидела с ним рядом, и он при каждой возможности бросал на нее ласковые взгляды, все еще не веря своим глазам: «Приехала. Тут, рядышком. И уже никуда от него не денется...»

В демонстрационном зале фирмы «Теннисон и Теннисон», где выставлялись новые книги и свежие номера журналов, к трем часам собралось человек сто. Слева от входа в конце зала красовалось трехметровое изображение обложки книги «Русская кухня». Ансамбль из пяти человек — балалайка, гитара, гармонь, саксофон, ударные, — одетых в расшитые цветными узорами светлые косоворотки, малиновые шаровары и черные сапоги, — наигрывал «Очи черные», «Калинку», «Вдоль по Питерской»... Колокольчик рассыпал по залу звонкую дробь. Стихли щемящие аккорды, гомон голосов. Артур Теннисон и седоусый шарообразный господин («Колобок» — про себя назвала его Аня) поднялись на невысокий постамент перед гигантской обложкой.

— Дамы и господа, — начал издатель, — сегодня нет на свете более затасканного, обыденного и доступного чуда, чем книга. Но став общедоступной, книга не перестала быть чудом. Недавно мы выпустили при содействии Советского Союза еще одну весьма важную книгу, — Теннисон отыскал глазами Картенева, слегка кивнул ему. Виктор ответил легким полупоклоном. «Вот ведь как, — подумал он. — И название не упомянул. А следовало бы. И как работали над ней, об этом тоже надо было бы рассказать».

Перевод рукописи «Советские лидеры о войне и мире», которая содержала новейшие статьи, обращения, интервью и речи, он привез из Москвы. Понимая ответственность первого поручения, Виктор провел несколько бессонных суток, сверяя перевод с русскими оригиналами. К счастью, неточностей было немного. Размножив на ксероксе окончательный вариант, он разослал текст со своим кратким письмом в тридцать ведущих

издательств Америки. И началась мука. Больше месяца тянулось абсолютное молчание. Он стал обзывать президентов и главных редакторов. Узнав, кто говорит, секретарши его попросту не соединяли. Стереотипным был ответ: «Оставьте ваш номер, он вам позвонит». И никто не звонил. Наконец Виктор выяснил, что из тридцати издательств рукопись получили только восемнадцать. Куда делись остальные двенадцать? Выяснить это ему так и не удалось. Наконец одиннадцать издательств — сухо и стереотипно ответили, что рукопись им не подходит по своему профилю. «Вранье, — нервничал Виктор, получая очередной отказ. — Профиль тот. Содержание не устраивает». Семь раз он ездил в Нью-Йорк для встреч с издателями. И все семь бесед произвели на него гнетущее впечатление. Американцы приводили один довод «убедительнее» другого: перегруженность плана, отсутствие свободных полиграфических мощностей, коммерческая нецелесообразность. И тут, используя личные связи своего предшественника, Картеневу посчастливилось выйти на Теннисона. Тот терпеливо выслушал рассказ о злоключениях Виктора, сказал: «Все эти причины, мягко говоря, надуманные. Им дана команда: «Не издавать!» И они не смеют ослушаться. А мы эту рукопись издадим». — «Не боитесь?» — рискнул спросить Картенев. — «Вообще-то это не безопасно, вовсе нет, — не сразу ответил Теннисон. — Но мы — очень большое издательство. А корпорация, в которую мы входим как дочернее предприятие, — гигант. Ей никакие санкции, ни финансовые, ни политические, не страшны. И потом — мы слишком давно и плодотворно сотрудничаем с Советами».

Книга вышла через полтора месяца. И появилась на прилавках всех книжных магазинов Нью-Йорка и Вашингтона. Однако Теннисон устраивать прием по случаю ее выпуска не стал. При встрече с Картеневым он был, против обыкновения, мрачен.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовался Виктор.

— Такая буря в Вашингтоне, что я, по правде говоря, не раз жалел, что связался с этим делом. — Он вяло улыбнулся.

— Вы полагаете, наше сотрудничество прекратится?

— Нет, я этого не думаю. Мы будем покупать у вас рукописи и будем издавать их. Но боже сохрани меня от политики. — И Теннисон обеими руками закрыл

лицо. — Вы даже не представляете, какой скандал — и где! — мне пришлось пережить. Признаюсь, тут я вспомнил рассказ одного своего старого знакомого. Так вот он без оглядки бежал из Берлина в 1935 году... Советую и вам впредь быть осторожнее. Поймите, это совет друга.

Виктор тогда долго ходил убитый. «Не хотят слышать, не выносят даже самой мысли о том, что может существовать какая-то иная точка зрения. Вашингтон высказался — это и есть истина в конечной инстанции!..»

— Сегодня,— продолжал Теннисон,— мы присутствуем при крестинах этого великолепного ребенка,— издатель показал рукой на трехметровую обложку за своей спиной.— Я с удовольствием предоставляю слово нашему почетному гостю сенатору Эмори Киветту.

«Колобок» привычным жестом вскинул руку над головой, и его несильный голос, модуляциям которого мог бы позавидовать иной драматический актер, стал обволакивать слушателей: «...Как все здоровые люди, я предпочитаю пищу разнообразную, обязательно вкусную и, как правило, обильную. Поэтому я не ошибусь, если стану утверждать, что издательство «Теннисон и Теннисон» оказывает нашему обществу услугу истинно неоценимую. За последнее время им изданы или переизданы великолепно иллюстрированные книги о кухнях Японии, Мексики, Франции, Таиланда, Испании, Греции, Индии, Израиля и — вот теперь — России. Любая национальная кухня — своеобразная антология зачастую многовековых привычек и вкусов, склонностей и увлечений народа с учетом доступных и полезных ингредиентов национальной диеты. Многие наши соотечественники не хотят или не могут слетать, скажем, на острова Фиджи или в Югославию, чтобы отведать тамошние яства и вина. За них это делает их полномочный и одаренный посол-гастроном, мистер Артур Теннисон. Да здравствует его очередной отчет о загадочной... извините... позвольте (он достал из кармана бумажку и прочитал, запинаясь)... ку-ле-бя-ке, о неведомых пельменях, о таинственных щах и об известной всему миру русской водке!

— Теперь дегустация! — воскликнул Теннисон.— Борщ и пирожки!

Сенатор и издатель надели поварские фартуки и колпаки, взяли в руки половники и стали разливать в тарелки всем желающим дымящийся наваристый

борщ. Им помогало несколько женщин, которые предлагали к борщу сметану, раздавали пирожки. Два бармена в разных концах зала наливали в крошечные рюмки водку. Аня вызвалась помогать женщинам. Минут через десять она вернулась к Виктору несколько обескураженная.

— Что случилось? Тебя обидели? — Картенев извинился перед собеседником, взял ее за руку.

— Нет, не то. Эти женщины, они сначала приняли меня за свою, сказали, что, видно, новенькая, что они меня не знают.

— Они эмигрантки?

— Да. А как ты догадался? Когда же они узнали, что я — из посольских, то разом замолчали, как по команде.

— Стоит ли расстриваться? — Виктор улыбнулся жене. Аня приободрилась. — Уверяю тебя, у них гораздо больше оснований для огорчений. Впрочем, бог с ними. Давай пройдемся, на людей посмотрим, себя покажем...

Своеобразная публика собралась в тот день в демонстрационном зале издательства «Теннисон и Теннисон». Владельцы ресторанов, винных магазинов, сотрудники издательств, дегустаторы, шеф-повары. Кое-кто приехал даже из других городов, правда, не очень издалека. Знакомились с Картеневым охотно, беседовали радушно, звали в гости. За каких-нибудь полчаса левый нагрудный карман пиджака Виктора распух от визитных карточек...

Наконец Картенев с Аней приблизились к Теннисону и Киветту. Издатель широко улыбнулся:

— Эмори, познакомься с моими новыми друзьями — миссис Анна Картенева, мистер Виктор Картенев, первый секретарь, пресс-атташе русского посольства в Вашингтоне.

— Рад, — осклабился сенатор. — Рад.

— Мистер Киветт, — заговорила Аня, чуть медленнее, чем обычно. — Вы первый американский сенатор, с которым мне представилась возможность встретиться. Пользуясь этим, хочу вам сказать...

— ...что безудержная гонка вооружений, — подхватил Колобок, — ставит мир на грань ядерной катастрофы. Я угадал? Нет, вы скажите, я угадал? Вы это хотели сказать? — Он снял фартук и колпак, взял рюмку водки, опрокинул содержимое в рот, причем сделал это лихо, и вновь спросил: — Так угадал?

— Об этом мы поговорим позже, — серьезно ответила Аня. — А сейчас я хотела бы сказать вам, как представителю высшей законодательной власти, что, как и многие мои друзья, я люблю Америку Твена и Сэлинджера, Уитмена, Хемингуэя и Фолкнера. И не люблю Америку... — Аня увидела умоляющее выражение лица Виктора и тем не менее решительно продолжила: — И не люблю Америку Джона Берча и Джима Кроу!

— Мы с вами абсолютные единомышленники! — облегченно воскликнул сенатор и поцеловал Ане руку — галантно, напоказ. Кто-то из фотографов успел поймать этот момент объективом. Вспышка. Еще вспышка — сенатор поцеловал русской другую руку.

— А ваша жена — отлично промаринированная штучка! — прошептал на ухо Картеневу Теннисон. — И сколько перца на кончике ее языка!

— А не кажется ли вам, — сенатор выпил еще рюмку, надкусил пирожок. — Не кажется ли вам, что сегодня средний уровень на Западе — я имею в виду литературные произведения — намного выше, чем ваш самый что ни на есть мастерский? И причиной этому ваш так называемый «социалистический реализм» и пресловутая «партийность»? Учтите и еще один чисто психологический момент. Американец не проявляет особого интереса к зарубежным странам без особой на то нужды.

— И к России? — удивилась Аня.

— Россия — исключение. Россию он побаивается.

— Потому, что его со всех сторон десятки лет пугают «русской угрозой»...

Киветт продолжал, словно не услышав сказанного.

— Во всяком случае американскую публику не заставишь читать унылые романы о добыче угля или выплавке стали и надоевшие ему и давно вышедшие из моды повести о битвах второй мировой войны. Для этого у нас есть советологи. Им за чтение подобных произведений и за рецензии на них хорошо платят. Другое дело — книги о зверствах ЧК, о преследовании инакомыслящих.

— А вот вам факт, сенатор. В двадцатых годах девятнадцатого столетия в Бостоне вышла антология «Образцы русской поэзии». Ее составил и перевел некто Джон Боуринг. Он впервые познакомил читателей Англии и Америки с лучшими стихотворцами России — от Ломоносова до Державина и Хемницера. А с какой

любовью и старанием сделаны его переводы. Боуринг не просто прожил несколько лет в России, он изучил и полюбил русский язык.— Картенев вздохнул, загорячился.— А возьмите выпущенные в Штатах антологии советской литературы. Как далеки они от элементарной объективности! Как не хватает Джона Боуринга в сегодняшней Америке. Как не хватает Терезы Робинсон¹, Уильяма Льюиса² и других добросовестных и честных исследователей, переводчиков, издателей. А как увлеченно и бережно переводили и публиковали в России Ирвинга и Купера! Как захлеб их читали!..

— Сколько бы вы, господа, ни спорили, каждый из вас скорее всего останется при своем мнении,— с легким смешком заметил Теннисон.— А раз так, я предлагаю тост за виновницу сегодняшнего торжества — славную «Русскую кухню»!

«Опять этот Теннисон все свел к кухне». Настроение Виктора окончательно испортилось. Он помрачнел.

— Господин Картенев, несколько слов для прессы.

Какой знакомый голос! Виктор обернулся. Перед ним стояла Беатриса Парсел.

— Извините, я, кажется, нарушила ваши раздумья,— она смотрела на него изучающе.

— Нет-нет, я очень рад встрече. А где Раджан?

— Раджан по заданию своей газеты знакомится с Гарлемом. Я по заданию своей — с таинственной русской душой, путь к которой лежит через желудок.

— Ну, с душой посложнее,— вступила в разговор Аня, которую Виктор представил Беатрисе.

Беатриса, не стесняясь, разглядывала миссис Картеневу. «А она ничего. Длинные ноги. Мальчишеская стрижка. Явно похожа на спортсменку, которой пришлось сменить тренировочный костюм на выходное нарядное платье. Нос курносый, глаза серые, припухлые губы. Нет, она явно ничего...» Она улыбнулась русской, сказала:

— Аня Картенева — еще в Истардии мне о вас рассказывал Раджан. Именно такой я вас себе и представляла. Зовите меня Беата, а вас, если не возражаете, я хотела бы звать просто Энн. Согласны?

Женщины отошли к окну.

— Сейчас все расскажу о ваших похождениях в Чикаго, Виктор,— лукаво прищурилась Беатриса, глядя от

¹ Исследовательница славянских языков и литератур.

² Переводчик русской литературы.

окна на Картенева.— Помните клуб любителей Изящной Словесности?

Картенев рассмеялся, а она вновь, как и тогда, подумала: «Как хорошо, что я одна попала в эту Бухту Тихой Радости».

Задание редакции являлось предлогом. Беатрисе так ничего и не удалось узнать о слухах по поводу заговора против Фрэнка Оупенхартса в Чикаго. Тэдди Ласт ее успокаивал: «Такие дела конспирируют знаешь как? Под десятое дно прячут и ключи в реку выбрасывают».

Флюгер шепнул ей, что тот же парень из ФБР мимоходом назвал имя сенатора Эмори Киветта. «Он будет сегодня у Теннисона,— Флюгер вплотную приблизил к ней свое лицо.— Прощупай его как следует».— «Попробую»,— загорелась Беатриса. «Учти, в случае удачи — дюжина поцелуев»,— заторопился Флюгер.

Ее разговор с Киветтом не сложился. В ответ на любой вопрос об Оупенхартсе сенатор возносил Фрэнка до небес. «Или этот сенатор слишком хитер и осторожен,— раздраженно думала Беатриса,— или он чрезвычайно далек от заговора. Или... а что, если этот Флюгер, Тэдди Ласт, умышленно наводит меня на ложный след вместе со своим мифическим агентом ФБР?»

...Перед Виктором остановился невысокий худой человек: одет в старый, но вполне еще приличный костюм, воротничок рубашки ветхий, но умело заштопанный, галстук широкий, старомодный, ботинки изрядно потрепанные, начищенные до зеркального блеска, жидкие волосы на прямой пробор, гладко выбрит, усики старательно подстрижены. Лицо серое, под блеклыми маленькими глазками крупные синюшные мешки. Держа в одной руке рюмку водки, в другой — тарелку с пирожками, он поклонился и заговорил очень тихо, глотая окончания и глядя при этом на верхнюю пуговицу на пиджаке Картенева:

— Пресс-атташе советского посольства? Мистер Картенев Виктор? Вы-то мне и нужны. Десять месяцев без работы. Сын уехал к родителям невестки. Жена ушла к первой любви — менеджеру бродячего цирка. Один как перст.

— Чем могу... помочь? — спросил Картенев.

— Сплю в ночлежке в Бауэри,— продолжал тусклым голосом человек.— Питаюсь по талонам. Было три сердечных приступа.

Виктор ждал, что последует дальше. Человек замол-

чал, освободил руки, стал рыться в карманах. Долго не находил того, что искал. Наконец вынул узкую, плотную карточку, затянутую в прозрачный целлофан, протянул ее Виктору:

— Пропуск. Работал в закрытой лаборатории.

На пропуске четко выделялись слова: «Министерство обороны США».

Человек выпил рюмку, стал быстро жевать кусок пирожка. Выпил еще.

— Свяжите с вашим резидентом,— зашептал он.— Есть важные секретные документы. Они у меня здесь, в кармане. Могу сразу же передать. Знаю также лабораторию, которая подчинена Лэнгли. Есть подходы к копировальщику. Можно, если будут деньги, выйти на контакты в Объединенном комитете начальников штабов. Выведите на резидента. Не пожалеете.

Слушая неожиданного собеседника, Картенев пытался спокойно оценить обстановку и решить, как поступить. То, что это провокация,— ясно. Но что делать? Счет идет на мгновения: внезапно могут подойти двое, и «дело о вербовке» будет сострепано.

На счастье Картенева, Теннисон и Киветт шли прямо к нему. Виктор шагнул к Теннисону и громко сказал:

— Артур, этот человек разыскивает тебя. Говорит, у него к тебе дело.

Теннисон с удивлением разглядывал бедно одетого субъекта:

— У вас ко мне... дело?

Тот держал в руках рюмку и пирожок и вид имел крайне смущенный.

— Нет, я, собственно, случайно,— пробормотал он наконец, метнув на Картенева злобный взгляд.— Здесь ли регистрируется информация о летающих тарелках?

— Извините,— ледяным тоном произнес Теннисон.— Мы на четвертом этаже. А вам нужен восемьдесят четвертый.

Человек еще раз с ненавистью взглянул на Виктора, невнятно извинился и поплелся к выходу. За ним потянулся еще кто-то.

— Сколько на свете любителей выпить и закусить на чужой счет! — хохотнул Теннисон. Виктор тоже засмеялся — громко, отрывисто.

Гарлем надвигался постепенно. Сначала чуть неказистее стал вид домов. Во дворах и на балконах появились веревки с висевшим на них бельем. Потом заметно грязнее стали тротуары. Повсюду валялись обрывки газет, пустые пакеты, банки из-под пива и битые бутылки. Наконец изменился самый воздух. В нем теперь преобладали запахи гнилых фруктов, несвежей пищи, плесени. Слышались детский плач, крики и свист подростков, ругань взрослых. Уличные торговцы, разложив свой нехитрый товар на лотках, а то и прямо на тротуаре, азартно его расхваливали. «А вот зонтики из Гонконга, зажигалки из Сингапура! А вот трусики и лифчики из Сеула!» — горластые зазывалы хватали прохожих за рукав, истово торговались. Парень уговаривал молоденькую женщину, грубо тискал ее. Женщина вырывалась. На тротуаре, сложив ноги по-турецки, сидел старик. Закрыв глаза, он раскачивался и пел что-то заунывное.

За Раджаном уже довольно долго неотступно следовал какой-то мужчина. Раджан обернулся раз-другой, чтобы разглядеть преследователя. Тот ухмылялся, строил рожи, закатывал глаза. Черный, невысокого росточка, худенький, с шарообразной прической, лет сорока пяти. Лицо гладкое, без единой морщины, усики жиденькие, но черные, как и шевелюра — без проседи. И лишь глаза — усталые, мутноватые, постоянно настроже — выдавали человека в годах.

У очередного перекрестка Раджан остановился.

— Эй, человек, — услышал он за спиной веселый баритон. Раджан не оборачиваясь пошел дальше. И увидел знакомую шарообразную прическу уже чуть впереди.

— Для полноты и глубины, ха-ха, бездонной глубины счастья вам ведь нужен не кто другой, а именно я. Веселый Растреп, ха-ха! Понял?

Раджан внимательнее, чем прежде, взглянул на преследователя.

— Веселый Растреп, говоришь? Ну что ж, веди к самому бездонному счастью.

В письме, которое Раджан получил полмесяца назад, главный редактор «Индепендент геральд» писал: «В Истардии, да и во всем мире, само понятие «американский

негр» ассоциируется с нищетой, бесправием, интеллектуальной и эмоциональной ущербностью. Между тем известно, что в Америке имеются черные миллионеры. Хотелось бы получить от Вас очерк или серию очерков об одном из таких процветающих черных. Подобный материал мог бы объективно показать, что именно в Соединенных Штатах черные могут совсем не страдать от своей ущербности, а, напротив, в условиях смертельной схватки характеров, методов, мозгов добиться весьма многого. Вся общественность взбудоражена инцидентом с нашим танцевальным ансамблем «Волшебный лотос». Вы, конечно же, читали, их отказались разместить в гостинице в Далласе из-за цвета кожи, в знак протеста они прервали турне по США и вернулись домой. Так что любому слову от нашего собственного корреспондента в Нью-Йорке сейчас будет гарантирован повышенный интерес...»

Раджан связался со знакомыми журналистами. Белые говорили, что они, конечно же, слышали о черных богачах. Но личных контактов с ними, увы, не имеют. «Увы» говорилось лишь потому, что их собеседник сам был цветным. На самом же деле — и Раджан это очень хорошо чувствовал — его тема их вовсе не занимала, а чаще вызвала брезгливое пренебрежение. Черные говорили, что они встречали преуспевающих собратьев по цвету кожи, но все как один не советовали ему за эту тему браться. Объяснения были разные: то человек неинтересный, то бизнес не весьма почтенный, например, дома свиданий, то еще что-нибудь. Раджан чувствовал: его знакомые чего-то не договаривают...

Повезло ему случайно. Однажды днем, незадолго до обеденного перерыва, он заехал в банк. Из редакции поступил очередной перевод, и ему нужно было зачислить деньги на свой счет. Людей в зале почти не было. Сидя за столиком, он уже заканчивал заполнение формуляра, когда вдруг услышал громкий голос из того угла, где находились кассы: «Не шевелиться! Ограбление! Всем посетителям лечь на пол. Живо деньги положить в этот мешок!» Падая на пол, Раджан успел заметить, что у обоих выходов стоят вооруженные автоматами фигуры с чулками, натянутыми на лица. Внезапно завывала сирена, раздались выстрелы, крики, топот ног. Через полторы минуты в зале уже было полно полицейских. Как выяснилось, старший кассир, находящийся в боковом хранилище, через полуприкрытую брони-

рованную дверь увидел грабителей и включил сигнализацию.

Раджана поразило не само происшествие. О подобном он почти ежедневно читал, слышал из уст очевидцев, наблюдал прямые передачи по телевидению. Но одно — читать или слышать и совсем другое — пережить подобное. И все же он не очень испугался, а изумило его вот что: незадачливые бандиты еще не успели скрыться, еще слышен был визг шин их автомобиля, еще не появился ни один полицейский, еще не успел сам Раджан и другие клиенты встать с пола, как раздались такие знакомые и привычные треск блица и щелканье затвора камеры. И спокойный негромкий голос произнес: «Не спать же вы сюда пришли, господа. Любителей содержимого ваших бумажников давно и след простыл. Прошу очевидцев в двух словах обрисовать свои точные впечатления для прессы». Поднявшись на ноги и смущенно отряхивая пиджак и брюки, Раджан оказался лицом к лицу с высоким, ладным черным парнем. Так он познакомился с Реем Спенсером, корреспондентом одной из херстовских газет. Именно Рей и составил ему протекцию в организации встречи с гарлемским толстосумом. Он даже хотел сопроводить Раджана, но в самый последний момент прослышал от своих доверенных лиц о том, что в Бронксе через полчаса будет подожжен огромный старый пятиэтажный дом. Извинившись перед Раджаном, он, конечно, бросился в Бронкс. В последнее время домовладельцы, чтобы без особой канители можно было выбросить на улицу жильцов, нанимали уголовников, и те устраивали пожары в домах.

— Сейчас там живут нищие и безработные негры! — крикнул он по телефону Раджану на вопрос, зачем нужны такие поджоги. — А домишко сгорит, земля под ним знаешь сколько стоит? Ого-го! Потом на пепелище владельцы построят дорогие небоскребы — совсем для других жильцов. Так что ты действуй без меня. И будь осторожен. Гарлем — всегда Гарлем.

Задание редактора Раджан мог выполнить и в Калифорнии, и в Иллинойсе, и даже во Флориде. Но он ухватился за Гарлем. Почему? Давая характеристики черным богачам, Рей Спенсер заметил: «Наш гарлемский денежный мешок — видный лидер подпольного мира. Да еще с какими связями! Чуть не в самом Белом доме. Все знает, бестия. В курсе заговоров, закулисных поли-

тических сделок, интриг. Оказывает сильным мира сего услуги, разумеется, небескорыстные. Коварный, бесстрашный, хладнокровный». Посоветовавшись в тот же день с Беатрисой, Раджан стал с нетерпением ожидать встречи с гарлемцем. Прошло несколько дней, прежде чем он получил сигнал, что его ждут.

Как велел Рей Спенсер, ровно без четверти пять Раджан подошел к перекрестку двух названных улиц и направился вдоль одной из них в заданном направлении. Ему было сказано, что его найдут и позовут. И вот он шел теперь за Веселым Растрепой навстречу «бездонному счастью». Наконец в одном из гулких каменных переходов на условный стук Веселого Растрепы открылась узенькая одностворчатая дверь и чьи-то невидимые крепкие руки мгновенно втащили в нее Раджана. В полутьме он не рассмотрел толком ни низенькой, узкой прихожей, ни довольно просторной второй комнаты, назначения которой не понял. В третьей комнате он почувствовал, что руки, державшие его, разжались, и, продолжая по инерции двигаться, чуть не ударился головой о массивную каменную колонну. Обойдя ее, он увидел стойку бара, а чуть дальше — зал с дюжиной столиков. Где-то в стенах прятались слабые свитильники, которые источали тусклый голубоватый свет. За большинством столиков сидело по два-три человека.

У стойки бара скучал огромный детина. Он сидел спиной к бармену и ребрами ладоней методично ударял себя по коленям.

— Первый раз здесь? — детина исподлобья, оценивающе посмотрел на Раджана.

— Первый.

— Так вот, — назидательно заговорил детина. — Бубновый Король не любит, когда гости поднимают шум. Значит, прежде всего без шума. Бубновый Король не любит, когда клиенты платят хоть один дайм девочкам. Стало быть, это тоже ясно — плата за все идет менеджеру. А своих девочек Бубновый Король и так не обидит. А теперь главное. Если ты «легавый» — раскальвайся сразу. Я говорю, если ты от «копов» — выкладывай тут же. Всегда можем договориться. Узнаем потом, хуже будет: «пришьем» без разговоров. У Бубнового Короля руки дли-и-инные.

— Кто такой этот Бубновый Король? — простодушно спросил Раджан.

— И-и, да ты круглый невежда, — усмехнулся дети-

на.— Ты что, из Манхэттена сюда свалился? Он не знает, кто такой Бубновый Король! Господа, кто притащил сюда этого типа?

Словно из-под земли вынырнул Веселый Растрепа, стал что-то быстро объяснять. Раджан расслышал только одну реплику:

— Ну, смотри, Растрепа! Если этот — из «копов», жить тебе осталось четверть вечера.— И подходя к Раджану, детина пробурчал: — Гони сто монет за вход.

Вскоре Раджан вновь убедился, что заведение, в которое он попал, было весьма дорогим. Выбрав себе свободный столик, он заказал шотландское виски. И тотчас его получил.

— Семь девяносто девять,— глухим голосом объявил высохший как мумия официант.

— Хорошо, оставьте счет здесь,— ответил Раджан, про себя поразившись баснословным расценкам.

— Извините, сэр, никаких счетов. И деньги, извините, сразу.

Раджан поспешно расплатился. «Странный кабак,— подумал он.— Вероятно, для богатой черной публики. Однако не пора ли объявиться и самому герою будущего очерка?» Но объявился Веселый Растрепа.

— Собственно, то, ради чего мы забрели на этот огонек, сэр, расположено на втором этаже,— он захихикал, закатив глаза.— Если сэр утолил жажду, то милости прошу...

Раджан встал, последовал за вихлявшимся, похотывающим Растрепой. Выйдя из зала, они спустились вниз этажа на полтора по металлической лестнице. В полутьме гулко бухали их шаги. Держась почти вплотную за Растрепой, Раджан удивленно подумал, что ни в баре, ни в зале не слышно никакой музыки. Ему показалось, что и за столиками говорили лишь шепотом, и это усугубляло ощущение жутковатого одиночества, которое он вдруг испытал. Закончилась маталлическая лестница, они быстро пошли по длинному, темному, сырому коридору, который, казалось, был пробит в бетонной скале. Поднявшись на третий этаж в лифте допотопной конструкции, они вышли на просторную овальную площадку, которая была ярко освещена сильными матовыми лампами. Прямо перед лифтом открывался просторный, светлый, устланный мохнатым ковром коридор с многочисленными дверями по обе его стороны. Справа и слева на площадке расположились два мага-

зина детских игрушек. Один из них назывался «Розовые сны», другой — «Рай для маленькой мамы».

— Что за чертовщина? — невольно вырвалось у Раджана. Веселый Растрепа, стоявший спиной к коридору, широко развел руки.

— Теперь, сэр, мне остается получить с вас сто баков за вход на этот этаж и предложить вам купить одну из игрушек либо в «Розовых снах», либо в «Рае для маленькой мамы», — захихикал он, закатывая глаза.

— Может быть, вы мне все-таки объясните, за что я должен платить еще сто «монет» и зачем и для кого покупать игрушки? — едва сдерживая раздражение, произнес Раджан.

Веселый Растрепа прикрыл ладонью рот и умоляюще прошептал:

— Сэр, делайте, пожалуйста, как я говорю. Здесь все без обмана. Фирма гарантирует — если не бездонное счастье, то уж наверняка редкое наслаждение.

Он вновь ухмыльнулся, выхватил из рук Раджана стодолларовую бумажку, добавил шепотом:

— Здесь нас слышат. Поймут, что вы не постоянный клиент. Бубновый Король не признает ни оплошностей, ни шуток. Купите игрушку, и в коридоре я вам все объясню.

Раджан в нерешительности посмотрел на витрину «Розового сна», потом на витрину «Рая для маленькой мамы». Веселый Растрепа незаметным движением руки показал Раджану на «Розовый сон». Подойдя к прилавку, Раджан долго рассматривал смешных обезьян, крокодилов, собак. Все игрушки были дорогие, больших размеров. Наконец он остановил свой выбор на сероглазой светловолосой кукле, одетой в яркий шерстяной брючный костюмчик. Расплатившись, он стал искать глазами коробку, в которую продавщица упакует куклу. Но добродушная пожилая дама поставила ее рядом с ним на пол, ласковым движением оправила костюмчик и умильным голосом произнесла несколько в нос:

— Вы возьмите ее за ручку, сэр, и она сама пойдет рядом с вами. Вот умница, вот красавица.

Веселый Растрепа и Раджан сделали несколько шагов по ярко-красному ковру коридора. Забавляясь аккуратной поступью куклы, Раджан на мгновение забыл обо всем на свете, но голос Растрепы вернул его к действительности.

— По одну сторону, сэр, принимают черные девочки, а по другую — белые.

Только теперь Раджан обратил внимание на то, что все правые двери были выкрашены светлой краской, а левые — темной. «Странные, однако, у этих проституток вкусы,— подумал Раджан.— Игрушки им подавай. Нет, чтобы что-нибудь более существенное — кольцо или брошь...» На многих дверях висели таблички «Занято».

— Заходите сюда, сэр,— подтолкнул Раджана к одной из дверей слева Веселый Растрепа.— Здесь новенькая. Французенка. Пальчики оближешь. Клянусь! Ха-ха!

Раджан потянул дверь, она легко поддалась. И сразу послышался незатейливый чистый мотив народной французской песенки. Комната дохнула на него запахом мятных конфет, свежего молока, полевых цветов. Рассматривая ее через порог, он увидел где-то в дальнем углу большую кровать. Ближе к центру стоял маленький столик с четырьмя стульями, диванчик. Рядом с ним примостилась полка для игрушек, еще дальше — детская кроватка. Раджан в недоумении посмотрел на Растрепу. Тот подмигнул, закатив глаза:

— Сюю минуто, сэр. Мишель, где ты, деточка?

Из глубины комнаты выбежала девочка. Ей было лет десять. Белокурые, мелко завитые волосы доставали ей до пояса. Большие серые глаза внимательно смотрели из-под длинных ресниц. На ней был лишь свободный халатик из прозрачного материала, сквозь который просвечивало худенькое тельце.

— Мишель,— стараясь, чтобы его голос звучал как можно веселее, проговорил Растрепа.— А вот твой новый друг. Он принес тебе куклу. Поздоровайся с ним.

Задумавшись о чем-то, девочка молчала.

— Мишель,— уже менее весело произнес Растрепа,— ты же не хочешь, чтобы я пригласил мадемуазель Сквирк?

— Нет, месье,— вздрогнула Мишель, словно очнувшись.— Не надо, не надо мадемуазель Сквирк.— И обращаясь к Раджану, она заученно произнесла: — Вы осчастливили меня своим визитом, сэр. Вам будет здесь хорошо.

Она подошла к кукле, и Раджан машинально отметил, что девочка и кукла были почти одного роста. Веселый Растрепа с видом победителя вновь зашептал Раджану на ухо:

— Ну, что я говорил? Хороша девочка? А какая умелица! Всему обучена в пансионе мадемуазель Сквирк. В этом заведении Бубновый Король запрещает держать девочек старше десяти лет. Их передают в другие дома. Желаю весело провести время, сэр.

Раджан знал, хорошо знал о торговле детьми, о торговцах детьми — пожалуй, самых безжалостных, самых грязных, самых беспринципных дельцах на свете. Были они и в Истардии, и во многих других странах Востока, и почти во всех странах Запада. Он знал, что детей воровали из школ, из домов, прямо с улиц и в течение нескольких часов переправляли за тысячи километров от их родных мест; что из них делали слуг, воришек, проституток; что их жизнь, обычно длившаяся очень недолго, превращалась в сплошную пытку. Все это он знал. Но впервые лицом к лицу столкнулся со страшным бизнесом в этом гарлемском борделе с чистенькими занавесочками на замурованных окнах, с шикарными магазинами, куда игрушки-подарки, отнятые у детей, возвращались сразу же после ухода клиента.

Мишель деланно смеялась, тянула его за рукав, говорила хрипловатым голосом взрослой женщины:

— Пойдем, милый, я тебя кое-чему научу такому...

Выбежав в коридор, он побрел к выходу. «Вряд ли я сам выберусь отсюда», — подумал он, оглянувшись. И тут же его нагнал Веселый Растрепа.

— Сэр, — зашептал он жарче, чем прежде, — если вам не понравилась эта француженка, мы тут же подберем другую. Здесь всякие есть, со всего света. Только не уходите, сэр. Я потеряю свои комиссионные.

— Сколько же тебе платят? — безучастно спросил Раджан.

— Groши! — буркнул Растрепа. — Сущие гроши. Десять долларов с комнаты, сэр.

— А кому идут остальные?

— Бубновому Королю, кому же еще?

— Я вспомнил — у меня есть срочное дело, — как можно спокойнее сказал Раджан. — Деньги можешь оставить себе. И выведи меня побыстрее на улицу.

— Да, сэр, конечно, сэр, — затараторил Веселый Растрепа. — Спасибо, сэр. И да поможет вам наш всеильный Черный Бог.

Теперь он вел Раджана, казалось, совсем другим путем. Они прошли через помещения нескольких контор,

каких-то складов, магазинов. Везде было безлюдно, тихо. Несколько раз в полутьме шарахались, пищали крысы. Одна из них, крупная, полосатая, не двинулась с места при их приближении, и им пришлось обойти ее. На улицу они вышли через помещение аптеки. Раджан хотел спросить Веселого Растрепу, как ему попасть на ту улицу, на которой они встретились. Но тот исчез.

«Что же мне теперь делать? — растерянно подумал Раджан, медленно шагая назад и вперед перед входом в довольно большой кинотеатр. — Логичнее всего было бы возвратиться домой. Хотя, конечно, обидно возвращаться с пустыми руками. Да, видимо, ничего не поделаешь. Придется снова идти на поклон к Спенсеру».

Разноцветными яркими звездочками бежали огни анонса. Из-за них вечер казался особенно темным. Разбившись на парочки и группы, девицы и парни разных возрастов стояли перед входом, болтали, танцевали, целовались. Пару раз к нему подходили одинокие девицы, предлагали пройтись, повеселиться. Он отшучивался. И вдруг почувствовал, что кто-то крепко взял его под руку и увлекает за собой в темноту улицы. Раджан хотел было остановиться, освободить свою руку, но понял, что не в состоянии это сделать.

Искоса разглядывая своего похитителя, он обнаружил, что это была довольно миловидная мулатка, скуластенькая, с раскосыми глазами и маленьким носом, с гладко причесанными волосами, высокая — почти с него ростом.

— Идите спокойно, не оборачивайтесь, — проговорила она отрывисто, словно отдавая команду. — Есть важное дело. Вас ждут.

«Наконец-то, — облегченно подумал Раджан. — Однако как они могли меня обнаружить через столько времени и совсем в другом месте?» Вскоре они вошли в какой-то мрачный безлюдный тупик. Слепые окна домов чернели глазницами выбитых стекол. К обочине уныло жались авто допотопных моделей. «Самые дешевенькие драндулеты конца пятидесятых — начала шестидесятых годов», — отметил Раджан.

— Вот мы и пришли, — скомандовала девица. — Теперь сюда.

Поднявшись на несколько ступенек в подъезд, который был тускло освещен подслеповатой лампочкой, они остановились у массивной двери. Девица постучала в нее пальцем. Стук был рваный, условный. Дверь сразу

же отворилась, и они оказались в небольшом холле. Тут же, на примостившихся к стене грубых деревянных скамьях дремали пять человек. Девушка завела Раджана в небольшую комнату, усадила на табурет. Сама быстро скинула с себя модное зеленое пальто и осталась в одной розовой коротенькой рубашке. Привычным жестом нашарила под колченогим столом бутылку и два стакана, ловко налила в них темную жидкость. Раджан невольно залюбовался точеными ногами девушки. Она взяла стакан, придвинула к нему другой и, перехватив его взгляд, отрывисто сказала:

— Никогда не путаю дела с шалостями.— Отпила из стакана треть, добавила: — Ты, видно, слышал о Свирепом Хряке? Так вот, это мой парень. Я не думаю, чтобы ты жаждал иметь с ним дело. Никто не жаждет.

Раджан молчал. Сделав глоток из стакана, он чуть не вскрикнул от неожиданности, жидкость словно взорвалась где-то внутри него. В комнату бесшумно вошел мужчина. На вид ему было лет пятьдесят. Через всю правую щеку от уха до подбородка проходил темно-багровый рубец. Он остановился у стола, мельком посмотрел на Раджана, сел на свободный табурет и, взяв в руки бутылку, отпил из нее.

— Где товар? — отрывисто спросила девушка.

— Какой товар?

— Шутить будешь в могиле! — отрезала девушка.— Гонконгская посылочка с яхты «Колдун». Пятьдесят четыре кило такого славенького беленького порошочка. Где они?

— Оставь ты в покое этого хмыря, Сержант. Ты привела не того,— равнодушно сказал мужчина.

— Что ты мелешь, Шрам?! Как это не того? Все сходится.

— Все сходится, а не тот,— так же равнодушно повторил мужчина.— Того я знаю.

— Что будем делать? — Сержант с ненавистью посмотрела на Раджана.— Что?

— Сама знаешь, что предпишет Бубновый Король тому, кто провалит это «лежбище». — Шрам сказал это все тем же равнодушным голосом и еще отпил из бутылки.— Этого,— он кивнул на Раджана,— надо прикончить. Того достать — хоть из-под земли, хоть со дна той бухты, где стал на якорь «Колдун».

Сержант встала, отозвала в сторону Шрама, и они начали о чем-то совещаться. Раджан отрешенно думал

о том, что попал в какую-то нелепейшую и опаснейшую историю. Где-то совсем рядом были Гринвич-Виллидж, Беатриса, знакомые. Где-то совсем рядом был закон. Рядом, но не здесь. Здесь была Сержант и был Шрам, которые, разговаривая вполголоса на непонятном ему жаргоне, то и дело зловеще поглядывали на него. Ну что ж, решил Раджан, он будет драться отчаянно и до последнего, он будет кричать и звать на помощь. А может быть, это всего лишь глупый розыгрыш и сейчас эти люди проведут его к черному миллионеру?

— Орать бесполезно,— сообщила Сержант.— Царапаться тоже. Решим все как разумные люди.

Она вновь надела пальто и положила в карман пистолет, который ей передал Шрам.

— Сам понимаешь,— равнодушно заметил он при этом, обращаясь к Раджану.— Выпустить тебя живым отсюда нам не резон. Ты уйдешь, нас двоих прикончат. А нам жить тоже хочется.

Он запрокинул голову и вылил остатки жидкости из бутылки в рот.

— Пошли,— скомандовала Сержант и двинулась впереди Раджана. В затылок ему дышал Шрам.— Пойдем в обход? — спросила Сержант, покосившись через плечо на Шрама.

— Через «лежбище» короче,— возразил тот.— Все равно через пять минут он уже ничего никому не расскажет.

Они свернули влево и пошли посредине длинной комнаты с низким потолком. По обе стороны от прохода стояли дешевенькие кровати. У изголовья каждой горела слабенькая синяя лампочка. Люди, лежавшие на кроватях — мужчины и женщины — находились в самых причудливых, неестественных позах. Все были в одеждах. Многие стонали, что-то бормотали, о чем-то просили.

— Пришел бы сюда, как все, получил бы свой укольчик и дрых бы на здоровье, и видел бы во сне счастливые картинки,— слегка толкнув Раджана в спину, почти добродушно проговорил Шрам.— Молодец, Бубновый Король! В его бизнесе все лучше, чем у других. И дешевле. Меценат! — Шрам, казалось, сам любовался звучанием малознакомого ему слова.— О благе своих же черных братьев заботится.

— Хватит мертвецу сказки рассказывать,— оборвала Шрама Сержант. Наконец, они вышли в какой-то

внутренний двор, со всех сторон плотно окруженный домами.

— Ну что ж, незнакомец, будем считать, что на этот раз тебе не повезло,— усмехнулась Сержант, загоняя патрон в дуло.

Раджан отступил в сторону и словно нехотя молниеносным приемом каратэ бросил трехсотфунтовую тушу Шрама на Сержанта. Одновременно с этим прозвучали один за другим два выстрела, и Шрам, не издав ни звука, рухнул на землю. Сержант хрипло засмеялась, грязно выругалась:

— Отсюда еще никто без нашего разрешения не уходил живым.— Она вновь вскинула пистолет, но выстрелить не успела — Раджан выбил его из ее руки ногой. Девушка молнией метнулась к нему, вцепилась в волосы, ударила коленкой в пах. Раджан, вскрикнув от боли, резко заломил руку нападавшей за спину...

— Всем стоять на месте! — раздался насмешливый мужской голос, и в свете внезапно вспыхнувшего фонаря Раджан увидел перед собой трех мужчин.

— Ай-ай-ай, как нехорошо! При одном нажатии курка — сразу две осечки,— сиплым голосом произнес тот, что стоял в центре. Он был невысок, приземист, лыс. Снисходительно улыбаясь, подошел к Сержанту, указательным пальцем правой руки отвел пистолет, который она успела подхватить с земли, в сторону:

— Мало того, что ты упустила связного с «Колдуна». Ты чуть было не прикончила почтенного гостя самого Бубнового Короля. Господин Раджан? Очень приятно. Вы почти у цели.

«Что же он не говорит о третьей осечке? — стараясь сдержать нервную дрожь, подумал Раджан.— Ведь она убила человека».

— Что же будет со мной, Чень? — отрывисто спросила девушка.

— Скверные ошибки, Сержант. Хорошо еще, что мы связного сами обнаружили. Случай, прямо скажу, счастливый для тебя. Месяц побегаешь за фараонами в десятом районе, там будет видно. А этого,— он кивнул на неподвижно лежавшего Шрама,— в багажник и на свалку. Славно быть сиротою. Умер — нет назойливых плакальщиков, алчных наследников. И без похорон обойтись вполне можно.

Эти слова, произнесенные назидательно-участливым тоном, были обращены то ли к Раджану, то ли к Сер

жанту, то ли к видимым только одному Ченю слушателям.

— Добро пожаловать, господин Раджан, прошу прощения, если встреча, оказанная вам в Гарлеме, на первых порах показалась не очень гостеприимной,— сиплый голосок Ченя звучал почти радушно.— Виновных мы пожурим. А сейчас прошу,— он показал жестом на узкий проход между домами.

Чень и Раджан разместились на заднем сиденье просторного «линкольна», спутники китайца прыгнули в потрепанный «понтиак», и, промчавшись несколько минут по темным, пустынным улицам, кортеж въехал в подземный гараж. Опять они шли — правда, на сей раз недолго — переходами и коридорами. Потом их медленно потащил вверх старенький, скрипучий лифт, и казалось, этому подъему не будет конца. Но вот кабинка остановилась, и, выйдя из нее, они очутились в довольно просторном и светлом зале. Там никого не было. Однако при их появлении из боковой ниши вышли два верзилы. Один из них показал Ченю глазами на тяжелую красную портьеру, которая закрывала всю левую стену. Китаец проворно исчез за нею. Минуты через полторы он появился вновь, улыбаясь торжественно, просипел:

— Господин Чарлз Хиккери Амадэо Гаргант Рольф Лайон-старший просит вас к себе!

Пройдя сквозь двойные толстые двери, спрятанные за портьерой, Раджан очутился в обширном кабинете. Ему уже довелось бывать во многих кабинетах крупных бизнесменов, президентов компаний, владельцев промышленных концернов, глав всевозможных деловых контор. Этот кабинет не отличался ничем особенным от всех, виденных им ранее: дорогая, но строгая обстановка, отсутствие всего, что могло бы отвлекать от сосредоточенности на главном — на деле. И вместе с тем — необходимый комфорт, изящество, завершенность линий. Из-за огромного письменного стола поднялся невысокий, худой чернокожий человек, быстро подошел к Раджану, который в нерешительности остановился у двери.

— Здравствуйте, господин Раджан-младший. Я слышал, что вы добрались до нас не без приключений. Это верно? — он подвел Раджана к небольшой кожаной софе у одного из окон, сам сел в кресло. Чень подошел к книжному шкафу, занимавшему целую стену, открыл

фальшивую дверцу, за ней оказался бар с холодильником.

— Для нас, журналистов, подобные приключения — сущий клад,— заметил Раджан. Мельком взглянув на окно, он только теперь понял, что оно было фальшивым. Через него, так же как и через другие три-четыре окна, открывался вид на залитую ярким солнечным светом реку, зеленые луга и леса за ней. Лайон-старший тоже посмотрел на окна, сказал:

— В наших местах обычные окна только отвлекали бы от работы. Шум, да и запахи...— Он безнадежно махнул рукой. Подошел к столу, нажал какую-то кнопку, и во всех «окнах» вспыхнула жизнерадостная панорама ночного Нью-Йорка.— Так, пожалуй, лучше? — Он выжидающе посмотрел на гостя. Раджан с интересом рассматривал панораму, пытаясь определить точку, с которой она могла быть сфотографирована.

— Господа, что прикажете вам налить?— Чень поглаживал бутылку.

— Кампари,— после некоторого раздумья сообщил Раджан.

— А вам, сэръ, как обычно?

— Разумеется! — кивнул Лайон-старший, принимая из рук китайца стакан мангового сока со льдом.

«Бережет себя король,— подумал Раджан.— До ста лет, наверное, мечтает править своими несчастными подданными».

— И мне тоже,— послышался голос откуда-то из глубины комнаты. Невольно обернувшись на этот голос, низкий и густой, Раджан обнаружил, что в кабинете находится еще один человек. Он стоял, прислонившись спиной к стене, и являл собой весьма живописную фигуру. Одетый в серебристо-белую тогу, ростом не менее семи футов и очень широкий в кости. Все лицо его и вся голова были покрыты кудрявыми черными волосами. На каждом пальце обеих рук громоздилось по массивному перстню с крупными, разных цветов камнями.

— Держи свой любимый: ром темный, ром светлый, две водки и «бурбон».

— С Ченем вы уже познакомились. Однако вряд ли вы успели узнать, что он отменный астролог и судьбу предсказать умеет, как, пожалуй, никто в нашем городе,— сказал Лайон-старший, сделав несколько мелких глотков из своего стакана.— А это Агриппа, мудрец, искусный строитель долларовых пирамид и полководец

невидимых армий, воюющих за более рациональное распределение совокупного национального продукта.

Раджан был удивлен внешностью Лайона-старшего. Почему-то он ожидал встретить человека более крупного, более яркого, экстравагантного. У Лайона-старшего лицо было каким-то смазанным, все черты — мелкими, даже обычно густые у негров волосы — у него были редкими и не вьющимися. Костюм, рубашка, туфли — все было обыденным, средненьким, неброским. Единственное, за что мог зацепиться взгляд, были руки. Когда он вставал, они свисали, казалось, до колен. И ладони — огромные — такие, что в них можно было спрятать по зрелой папайе. Раджан слышал от Спенсера, что Лайон-старший мог одним ударом кулака убить человека. «Он и убивал, — спокойно сообщил Рей Раджану. — Своей карьере на первых порах он и обязан этим невероятным кулачищам. Мозги ему пришлось пустить в ход уже потом, когда он понял, что одной силой путь наверх не проложишь. Тогда-то он окружил себя людьми пре-любопыт-ными».

— Итак, цель вашего визита, — начал Лайон-старший, глядя прямо в глаза Раджану, — цель вашего визита...

— Она, насколько я понимаю, весьма сложна. Но — при условии вашей помощи — может быть достигнута довольно легко, — заметил Раджан, выдержав взгляд хозяина. — Для крупной истардийской газеты, которую я представляю в Нью-Йорке, мне поручено написать очерк о вас.

— Ха-ха-ха! — захохотал Агриппа. — Легко! Вы только взгляните на нашего героя с пером-мечом и с бумагой-щитом. Ха-ха-ха!

— О вашем прибытии в Нью-Йорк мы знали заранее, господин Раджан, — хозяин спокойно посмотрел на Агриппу, и тот мгновенно смолк. — Полезно, знаете ли, иметь верных людей повсюду. И там, где за соблюдением закона наблюдают, и там, где налоги взимают, и там, где иностранные паспорта и визы выдают. Нам совсем не безразлично, кто прибывает в наш город. Особенно, если это цветной.

— Нам известно, например, о чем вы пишете в «Индепендент геральд», — радушно просипел Чень.

— И о том, кто бывает на вашей квартире в Гринвич-Виллидж, — добавил Агриппа, сверкая белками глаз и ровными, словно натертыми мелом зубами.

— И о мисс Парсел, мисс Беатрисе Парсел,— продолжал Лайон-старший.— Как видите, нам известно о вас гораздо больше, чем вам о нас. Я уж не говорю о вашем отце, господине Раджане-старшем, перед финансовым гением которого я преклоняюсь и с которым имел удовольствие встретиться однажды, три года назад — в Дакаре.

«Любопытно,— подумал Раджан.— Я только намереваюсь начать сбор материалов о нем, а этот Бубновый Король уже так обширно обо мне осведомлен».

— Из всего того, что я о вас знаю,— продолжал Лайон-старший,— я могу сделать вывод, что имею дело с человеком весьма разумным. Итак, вы хотите написать очерк обо мне, Лайоне-старшем, которого в Гарлеме никто не зовет иначе, как Бубновый Король. Положим, «Бубновый» можно отбросить. Это слово появилось уже потом, чтобы подчеркнуть мою феноменальную удачливость.

— Удачливость, на девяносто процентов обеспеченную тем, что нам всегда удавалось вовремя заткнуть рот газетам,— Чень выпил небольшую рюмку анисовой водки.

— Из практики своего отца вы, должно быть, знаете, что внутренняя механика любого бизнеса не выносит «паблисити»,— оторвавшись от своего напитка, проговорил Агриппа.

— Но вы же дали согласие на встречу со мной?

— Дал,— подтвердил Лайон-старший.— Потому что знал, с кем имею дело. Так вот «Бубновый» — бог с ним. Но «Король» — вот в чем штука! Не единственный в Гарлеме, но скажем так,— один из трех. А знаете ли вы, что значит быть королем в Гарлеме?

— Прежде всего это значит,— улыбнулся Чень,— что ты обо всех должен знать все, а о тебе никто ничего знать не должен.

— Но ведь ваш бизнес...— Раджан с вызовом посмотрел на Лайона-старшего и решился.— Ваш бизнес чудовищный.

— Что вы знаете о моем бизнесе, чтобы выносить о нем такое категоричное и поспешное суждение? — спокойно спросил Лайон-старший. Лишь на мгновение его глаза сузились. На одно мгновение.

— Он по ошибке залетел в «ясли», а потом на «лежбище»,— просипел Чень.

— И что же? — впервые за все время улыбнулся

Лайон-старший.— Что столь чудовищного обнаружили вы там, господин Раджан-младший?

Наступило довольно долгое молчание.

— По-вашему, может, и впрямь, естественно,— бледнея от гнева, чуть дрогнувшим от волнения голосом произнес Раджан,— что девятилетние девочки ложатся в постель с мужчинами ради ваших мерзких прибылей? Может быть, ваши «лежбища» являют собой вершину прогресса человечества, и живые трупы, которых вы пичкаете сердобольно дешевыми наркотиками, служат каким-то высшим, недоступным моему пониманию, целям?

В комнате вновь воцарилось долгое молчание...

— Мой отец,— заговорил, наконец, Лайон-старший,— был нищим, больным негром. Знаете, чем он из года в год кормил нашу многочисленную семью? Весь Манхэттен был разделен на небольшие участки, в каждом — по несколько домов. В «своих» домах он собирал отбросы по помойкам. Эти отбросы и были нашими ужинами, обедами, завтраками, нашей обычной и праздничной едой. А умер, вообразите, от радости. Мне посчастливилось в свое время получить стипендию в Колумбийском университете, и вот на домашней вечеринке по поводу завершения моей учебы он встал, чтобы сказать свое родительское слово. И упал бездыханный. А сказать ему было что. «Грех белого, — говаривал он,— белый. Грех черного — черный. Проступок белого — шалость, проступок черного — деяние адово». А что, разве не так? В Гарлеме все страшнее, грязнее, ужаснее, чем в любом белом районе. Что, там нет детской проституции или торговли наркотиками?

— Есть. Все есть. Только там этим бизнесом занимаются белые, а потому он и выглядит благопристойно,— просипел Чень.

— А скольким людям мы не даем умереть с голоду,— спросил Агриппа.— И кто сказал, что у проститутки менее почетный заработок, чем у сенатора? Он посылает молодежь за моря и океаны — сражаться и умирать, а она... она одарит каждого желающего и кредитоспособного любовью и лаской.

— Господин Лайон-старший обеспечивает работой,— Чень посмотрел в папку, которую он достал из скрытого стенного шкафа,— восемнадцать тысяч семьсот тридцать два человека!

— Дома любви, игорные центры, тотализатор, сеть

«распыления порошочков», «синдикаты экспроприаторов»... Всего не перечислишь,— задумчиво проговорил Лайон-старший. И, словно спохватившись, заметил: — Это, и вообще все, что вы слышали от нас,— он показал пальцем на Ченя, Агриппу, прикоснулся ладонью к своей груди,— не подлежит огласке. Надеюсь, вам ясно?

«Благотворители своих черных братьев и сестер, их отцов и матерей, их детей и внуков,— с горечью думал Раджан.— Пожалуй, с неменьшим основанием можно назвать благодетелем того, кто вышибает ящик из-под ног приговоренного к повешению». Он вспомнил, как Рей Спенсер рассказал ему о рядовом деле Лайона-старшего, об обычной афере, каких много. Бубновому Королю стало известно, что крупный американский фонд выделил миллион долларов для оказания помощи беднякам Гарлема. Из своих людей он склотил инициативный комитет. Для встречи с этим комитетом прибыл респектабельный джентльмен, полномочный представитель фонда. Он сообщил членам комитета, что желательно было бы составить списки десяти тысяч самых нуждающихся хронических безработных. Такие списки с адресами и с указанием количества иждивенцев были составлены за сорок восемь часов. Представитель фонда приехал еще раз, чтобы окончательно обсудить и утвердить списки. На этот раз его принимал сам Лайон-старший. В итоге миллион был поделен следующим образом: представитель фонда получил пятьдесят тысяч, члены комитета — пятьдесят тысяч, Бубновый Король — девятьсот тысяч долларов. Слухи об этой афере просочились в прессу. Однако из десяти тысяч, включенных в списки и якобы расписавшихся в получении своих ста долларов, не нашлось ни одного, кто отважился бы выступить против Бубнового Короля и его банды.

— Гарлем,— вечно кровоточащая язва,— продолжал меж тем Лайон-старший.— Зачем же обнажать язвы? Ведь этим не вылечишь их, а многим не таким уж конченым людям сделаешь плохо. Предположим, в результате какого-нибудь несчастного случая не станет меня, Агриппы, Ченя, других. И что же? На наше место, ни секунды не медля, придут Джеймс, Ральф, Фредди... А вы думаете, мы самые худшие, самые жадные, самые безжалостные? Не-е-ет! Чень закончил университет в Бонне, Агриппа — в Англии, я — два —

здесь, в Нью-Йорке. А, как известно, образование даже дьявола красит, душу убийцы смягчит. Слышали ли вы что-нибудь о Хромом кардинале? Этот невежда за десять утаенных центов без долгих сомнений отправляет своих людей в бессрочную командировку ко всем архангелам.

— А девочки в его домах без выходных и без игрушек,— просипел Чень.

— «Лежбища» дороже, и «порошочки» разбавлены.

— Да что говорить,— махнул рукой Лайон-старший.— Хромой кардинал и справедливость не знакомы друг с другом.

Он посмотрел на свои наручные часы, улыбнулся:

— В это время мы обычно ужинаем, господин Раджан. Здесь недалеко есть великолепный мексиканский ресторанчик. Хозяин, оркестр, девочки — все свои люди. Можем и перекусить, и повеселиться на славу. Как вы на это смотрите?

— Спасибо, я не голоден,— поспешно солгал Раджан.— Кроме того, мне уже нужно спешить.

— В такой компании у него, конечно, нет аппетита,— ехидно заметил Агриппа.

— Прежде чем вы уйдете, господин Раджан, я хотел бы сказать вам несколько слов.— Чень подошел к Раджану почти вплотную. Скрестив руки на груди, он закрыл глаза. Лицо его сделалось бледным, словно из него ушла вся кровь — до последней капли.— Будучи истардийцем, вы, несомненно, имеете свой гороскоп. Ваши астрологи многоопытны и проницательны. Но и у меня на родине искусство общения со звездами древнее и почитаемое. И, хотя я мог бы много рассказать вам о вас и о вашем прошлом, а многое и предсказать, ограничусь лишь одним замечанием, которое, может быть, вам пригодится. Напрасно вы приехали сюда в поисках счастья. Ваша счастливая звезда далеко, очень далеко отсюда.

— Не принимайте к сердцу астрологические экспромты Ченя,— сухо произнес Лайон-старший.— Как у всех звездочетов, у него склонность к преувеличениям. Если я вам понадоблюсь когда-нибудь, только не для интервью,— он криво усмехнулся,— позвоните по телефону, записанному вот на этой карточке. А теперь прощайте. Вас доставят к тому месту, где вы бросили свою «мазду», за пять минут. Будете писать отцу, передайте от меня искренний привет.

— Я хотел бы получить от вас, господин Лайон-стар-

ший, правдивый и откровенный ответ на один деликатный вопрос и, если можно, без свидетелей,— сказал, поднимаясь, Раджан.

— Говорите смело, господин Раджан-младший. И если ваш вопрос касается лишь меня, вы получите ответ. Что же касается свидетелей, то их здесь нет. Чень, Агриппа и я — одно существо, имеющее три отдельных оболочки — черную, красную и желтую.

— В последнее время,— начал после минутного раздумья Раджан,— мне довелось слышать дважды, нет — трижды — о заговоре против Оупенхартса. Известно ли вам что-либо об этом?

— Что есть такие разговоры, я знаю,— уклончиво ответил Бубновый Король.

— Насколько они основательны?

— Дыма без огня не бывает, я так полагаю.

— Где, по вашему мнению, очаг огня?

— Очаги,— уточнил Бубновый Король,— Техас, Иллинойс, Калифорния.

— Кто отец заговора?

— Господин Раджан-младший, я и так сказал вам гораздо больше, чем мог.

Когда Раджан ушел, в кабинете Лайона-старшего поначалу воцарилось молчание.

А затем Агриппа и Чень стали осыпать один другого упреками.

Наконец, Лайон сказал:

— Господа! Стоит ли так нервничать? Все на сей раз обошлось благополучно.

И Чень и Агриппа, придвинувшиеся во время перепалки почти вплотную друг к другу, разошлись в разные углы кабинета.

Они знали: Бубновый Король сохраняет спокойствие лишь внешне. На самом же деле он взбешен и не без основания. Не сработал механизм, который налаживался долгими годами. Мелкий, казалось бы, промах мог обернуться самыми неожиданными и печальными последствиями. Раджан-старший был не на шутку встревожен отъездом сына в Нью-Йорк. Он знал о романе сына с Беатрисой, но не верил в возможность брака между ними. Идею о том, чтобы Раджан-младший написал очерк о черном миллионере, подбросил Маяку один из сотрудников «Индепендент геральд», верный человек Раджана-старшего. Рей Спенсер «случайно» близко познакомился с Раджаном и «случайно» вывел его на Буб-

нового Короля. Отец преследовал двойную цель: через Лайона-старшего и его людей приоткрыть сыну глаза на положение небелых изнутри, в самом Гарлеме; а главное — обеспечить ему надежную и заботливую охрану. С каждым днем, с каждым годом его все неотступнее преследовал страх, что его финансовое царство останется без наследника и тогда вся его жизнь пройдет впустую. Он даже подумывал о том, чтобы обсудить будущее Раджана-младшего и Беатрисы с Джерри Парселом. От мысли этой он отказался по многим соображениям, главным из которых было то, что Парсел никогда не согласится на брак своей дочери с цветным, каким бы богачом он ни был. Да и сам Раджан-старший, будучи убежденным националистом, вовсе не одобрял возможность этого брака, — мало, что ли, состоятельных красавиц на выданье в благословенной богами Истардии?

Лайон-старший оказывал услугу Раджану-старшему отнюдь не бескорыстно. Истардиец обещал передать Бубновому Королю один из своих маршрутов доставки наркотиков из «Золотого Треугольника» в Штаты. Маршрута надежного, отлаженного. И такую богатейшую алмазную жилу он чуть было не потерял из-за небрежности каких-то людишек, имени которых он никогда не слышал и о самом существовании которых не желал знать.

— За жизнь и благополучие Раджана-младшего ты, мой любезный Чень, отвечаешь своей мудрой головой, — Лайон-старший подошел к китайцу, положил руку на его плечо. Чень прикрыл глаза, поклонился. Агриппа оскалился в улыбке. Оба знали, что предвещал ласковый голос Короля.

— Те трое, что были направлены на встречу Раджана-младшего, больше нам не нужны.

Чень хотел возразить, но Король чуть повысил голос:

— Ты сам знаешь, что это закон и, как всякий закон, он должен соблюдаться. А эту девку, — повернулся он к Агриппе, — эту девку...

— Сержанта? — тихо сказал Агриппа.

— Да, — ласково подтвердил Лайон-старший, — завтра же продать в бардак Хромого кардинала. Кто утрачивает нюх и чутье, тот теряет для нас ценность, не так ли?

Бубновый Король с задумчивой улыбкой разгляды-

вал Ченя и Агриппу. А мысленно повторял самый конец своего разговора с Раджаном. Ишь до чего этот истардиец докапывается — кто стоит за заговором против Оупенхартса!

...О своем походе в Гарлем Раджан рассказал Беатрисе после того, как уехали Картеневы. При Викторе и Ане его сдерживало странное чувство неловкости или даже стыда перед русскими за виденное там.

Беатриса слушала рассказ Раджана внимательно, стараясь не выдать своего равнодушия. Что мог он рассказать ей о Гарлеме нового? Что можно поделаться со всей болью человеческой, которая скопилась на этом черном полюсе Нью-Йорка?

— Чем терпеть, чем допускать такое, не лучше ли разом взорвать к чертовой матери всю эту цивилизацию! — воскликнул Раджан с ненавистью. Беатриса вздрогнула, она впервые видела его таким.

— Раджан, любимый, успокойся, — говорила она, обнимая его.

Тихо зашелестел телефон. Беатриса нехотя сняла трубку: «Кто бы это еще мог быть?»

— Алло, мисс Парсел? Здесь Дик Маркетти. Переключаю вас на мистера Парсела.

— Я не разбудил тебя, девочка моя? Завтра мы будем в Нью-Йорке. Я хотел бы, чтобы ты приехала к нам на ленч.

— Хорошо, папочка, ровно в двенадцать тридцать мы будем у тебя в Манхэттене.

— Я жду тебя одну.

— Хорошо, — недовольно произнесла Беатриса. «Не часто папа в разговоре со мной бывает столь категоричен», — подумала она и вспомнила свой недавний разговор в редакции с Тэдди Ластом. «Пользуясь правом старого знакомого, — скороговоркой произнес Тэдди, — хочу предупредить тебя о том, что многие не одобряют твоей затянувшейся связи с этим цветным». — «Многие?» — зло переспросила Беатриса. «О'кей, не многие, а все». — «Надеюсь, наши герои не собираются линчевать иностранного журналиста, покусившегося на добродетель белой леди?» — ядовито усмехнулась она. «Что он иностранный журналист, это мало кого волнует, о'кей? Несчастные случаи приключаются внезапно и с премьер-министрами и даже с принцами крови». — «Это что — и впрямь угроза, Тэдди?» —

«О нет, просто дружеское предупреждение. В этом сложном и запутанном мире не все дозволено даже богам! Впрочем,— улыбнулся Тэдди,— впрочем, дочери Джерри Парсела все простится. Любая блажь — если она, конечно, временная, о'кей? И чем временнее, тем лучше».

ГАЗЕТНАЯ ХРОНИКА

«Сегодня на одной из улиц Гарлема обнаружены три трупа, два женских и один мужской. По данным редакции, убитый мужчина — некто Шрам — один из людей Бубнового Короля. Женские трупы пока не опознаны».

Глава одиннадцатая

О ЧЕМ НЕ МОГ ВСПОМНИТЬ ПОТЕРЯВШИЙ РАССУДОК?

Он медленно шел по дну реки, по пояс погрузившись в воду. Ему безумно хотелось пить. И хотя он видел, что по реке проплывают вздувшиеся трупы людей и животных, он обеими ладонями зачерпнул воду и поднес ко рту. Это была не вода. Это была кровь... Голова его раскалывалась от боли, словно на нее надели раскаленный стальной обруч. Мозг пронзали тысячи иголок. Несмотря на эту пронзающую его боль, он пытался упорно смотреть в одну точку, сводя зрачки в уголки глаз. Он мучительно хотел осветить что-то в своей памяти, но так и не мог...

Дайлинг возглавлял тогда ЮСИС в Эдлаке, в Истардии. В этот день с утра они с Джерри Парселом по их просьбе были приняты послом СССР в Истардии Калитиным. Они ехали прощупать почву: реально ли привлечение иностранного частного капитала в сталелитейную промышленность Истардии в связи со строительством с помощью русских металлургического завода в Патеро. Разговор касался в основном аспектов научно-технического сотрудничества.

— Меня приятно поразил недавно президент Дадхан,— Парсел сделал маленький глоток кофе, поставил чашечку на низенький стол.— Он объяснил мне, почему так успешно идет строительство завода в

Патеро. Оказывается, в характере русских много общего с характером истардийцев! А как полагаете вы, господин посол?

— Я согласен с президентом,— ответил Калитин.— Кстати, от ваших соотечественников я слышал, что у нас много общего и с американцами. Как вы полагаете, господин Парсел?

— Есть, пожалуй, кое-что,— неуверенно ответил тот.

— Стремление к первооткрывательству и нелюбовь к диктату,— вставил Дайлинг.

— Не рано ли Истардии обзаводиться такими крупными заводами? — спросил Парсел.

— Но искусственно сдерживать прогресс — дело безнадежное! — сказал Калитин.

— Мой вопрос относится не к стране,— уточнил Парсел.— Я сомневаюсь в возможностях государственного сектора.

— Я не разделяю ваших опасений,— немного помедлив, проговорил Калитин.— Государству будет трудно лишь на первых порах,— продолжал он.— Такова логика преимущественного развития предприятий группы А.

— Разумеется,— согласился Парсел.— Но ведь это означает досадное перенапряжение всей нации!

— Зачем же преувеличивать? — сказал Калитин, внимательно глядя на Парсела, потом на Дайлинга. «Неужели учуял что-нибудь о возможной распродаже 49 процентов акций завода в Патеро?» — тревожно думал Роберт, улыбаясь.

— Вы знаете законы экономики не хуже меня, господин Калитин,— Парсел вежливо склонил голову.— У Патеро впереди самое трудное — завоевать рынки. И не только свой собственный, но и иностранные. Конкуренция — вещь жестокая...

«Наша цивилизация — цивилизация злобы и ненависти,— размышлял Дайлинг, глядя то на Калитина, то на Парсела.— Дети ненавидят своих родителей, мужья — жен, сестры — братьев, соседи — друг друга. Что уж говорить о людях далеких и незнакомых, о чужестранцах,— о людях разных вероисповеданий, убеждений, цвета кожи!.. Человек убивает человека из-за нескольких центов в джунглях большого города, из-за глотка воды — в пустыне, из-за ничтожных низменных благ — везде и всюду. Женщину завоевывают, чины и награды вырывают, место под солнцем захватывают.

Следуя животным инстинктам, мы мучим и истязаем себе подобных другого пола — и называем это любовью. На самом же деле, это жажда забыться, обмануть ненависть, которая у нас в крови. С этой же целью придуманы наркотики: от табака до ЛСД, от пальмовой водки до виски... Куда и на кого Всевышний израсходовал все гены доброты? Дикие звери одного вида живут по законам справедливости. Человек живет по законам коварства, насилия, злобы. Так люди жили десять тысяч лет назад. Так они живут сегодня. Так будут жить всегда...»

Дайлинг иногда размышлял о взаимоотношениях, которые складывались между русскими и истардийцами в Патеро. И не мог, отказываясь их объяснить, а тем более принять за норму. «Доброжелательность, искренность, доброта,— думал он,— все это — пропагандистская чушь, парадная витрина, искусная реклама. Базой для отношений, реальной базой в этом мире могут быть лишь сила и ненависть. И никто никогда ни при каких обстоятельствах не переделает природы человека...»

Виктор Картенев и еще один советник проводили их до автомобиля.

Дайлинг, похлопывая Виктора по плечу, поинтересовался:

— Как поживает Раджан-младший? Ведь вы с ним видите, не правда ли?

— Отлично поживает! — ответил Виктор, удивленный осведомленностью Дайлинга.

— Передайте ему привет от меня и от Беатрисы Парсел,— крикнул Дайлинг уже из автомобиля.

Через полчаса Дайлинг сидел в своем кабинете. Напротив его стола за маленьким столиком переставляла многочисленные телефонные аппараты его личный секретарь — истардийка Лаура.

Внезапно, отшвырнув все бумаги, Роберт посмотрел на девушку так, словно видел ее впервые, и весело сказал:

— Лаура, знаешь, а почему бы нам не поужинать у меня?

Она опустила вниз длинные, пушистые, будто не настоящие, а приклеенные ресницы. И вот они уже мчались по сонному Эдлаку в его автомобиле к самому фешенебельному району города, где на улице Прогресс народа стояла его вилла.

За ужином он много рассказывал о себе. И она мысленно проплывала с ним на джонке по каналам Гонконга, заходила в сумрачные, прохладные буддийские храмы Бангкока, гонялась на «джипе» за львами по полям Кении, бродила потрясенная и подавленная величием зрелищ по пещерам Аджанты и Эллары в Индии. А он все рассказывал и рассказывал. И подливал в ее бокал старого амонтильядо.

Истардийки очень стыдливы и робки. Но Лаура не сопротивлялась... Плясали огоньки свечей на столе. Где-то громыхал твистом стереофонический комбайн. Где-то пронзительно и сумасшедше кричали цикады: «Жизнь! Жизнь!» И потолок качался, и дом летел в небытие. И вместе с домом — они. Истардия. Вселенная... В любви Лаура была искренна и самозабвенна.

Недели через две она пришла заплаканная — скандал с матерью. Дайлинг предложил ей бросить работу секретарши и перейти к нему в дом экономкой.

И вот она принимает его гостей, обворожительно улыбаясь, слушает, как он оживленно говорит о политике со своим американским приятелем. Общий рынок, бундесвер. Какое ей до всего этого дело? Ей хочется иметь свой дом, свою семью, свою машину, своих детей, своего мужа. Но то, что дала ей жизнь, так шатко, так призрачно. Она обнимает Дайлинга за шею и шепчет ему в самое ухо:

— Милый, пора пригласить на ленч!

Она могла бы объявить об этом громко, всем, но ей приятно лишний раз прикоснуться к нему, почувствовать, что он здесь, рядом, что это не сон.

Когда Дайлинг с Парселом проходят из бара в столовую, Парсел тихо — не понять: в шутку ли, всерьез — говорит:

— Роберт, прислал бы ты Лауру вечером в мою комнату. Пусть разотрет поясицу. Видно, к перемене погоды разболелась.

Дайлинг секунду молчит.

— Ты знаешь, Джерри, она беременна...

— И отлично! Хорошенькие женщины почти постоянно беременны.

Дайлинг так крепко берет Парсела за лацканы пиджака, что раздается треск рвущейся материи. Улыбаясь, побледневший Дайлинг говорит:

— Джерри, я люблю эту женщину!

Парсел никогда не слышал от Дайлинга подобных

признаний. Они всегда не только делились впечатлениями от каждой новой женщины, которая появлялась в их жизни, но частенько «угощали» друг друга очередными любовницами. А теперь Парсел видел глаза человека, который может убить. Сейчас. Здесь.

Он опешил от неожиданности, от внезапного страха. Но привычно взял себя в руки.

— Извини, Роберт, я пошутил. Право, глупая вышла шутка.

И подумал про себя: «Это не забудется тебе, старина Роберт».

Когда Дайлинг решил взять Лауру с собой в Штаты в отпуск, он полагал — и вполне резонно, — что в Вашингтоне ему не придется задержаться надолго. Отчет был подготовлен заранее. На решение текущих вопросов в ЮСИА и в Госдепартаменте уйдет не более одного-двух дней. А там — путешествие на автомобиле на Юг. Майами. Пляж. Океан.

Особый интерес у руководства ЮСИА вызвало его предложение всемерно пропагандировать теорию «конвергенции» — о неуклонно сходящихся — а отнюдь не параллельных! — путях развития капитализма и социализма, которые на каком-то этапе их эволюции сольются в одну, единую формацию.

— Эта теория, — заявил Дайлинг на заседании Совета по контрпропаганде, — идейно разоружит значительную часть левых сил, деклассирует наименее стойких, парализует колеблющихся. Естественно, если обе формации трансформируются и в конце концов абсорбируют друг друга, какой смысл бороться, страдать, приносить жертвы? Правда, здесь существует определенная опасность дезинформировать преданные нам умы, невольно подтолкнуть их на преднамеренное сползание влево. Однако шансы возникновения обратной реакции ничтожны и ее легко предотвратить...

В эти три дня Лаура много бродила по Вашингтону. По его паркам и музеям. Осматривала памятники. Наблюдая за детьми, игравшими на набережной Потомака, на зеленых лужайках и тихих улочках Чевы Чейз или Силвер Спринг, она нет-нет да и прикладывала руку к животу, где уже билось второе сердце. Сердце ее первенца, Дайлинга-младшего (она была уверена, что родит мальчика). Извечная радость женщины, впервые готовящейся стать матерью, мешала ей видеть нередкие косые брезгливые взгляды. Слышать

отпускаявшие по ее адресу — за ее спиной — шипящие реплики:

— Ку-клукс-клан безмятежно спит, и цветные бестии удобно уселись на шее белых!..

Она долго стояла в одиночестве перед памятником Линкольну. Тихо молилась: «Большой отец! Линкольн-саиб! Сделай так, чтобы я и мой сын были счастливы. Чтобы наш Роберт любил нас и был с нами. Сделай так, ради всего святого на свете, и я клянусь, больше никогда ни о чем не попрошу ни небеса, ни людей». Упав на колени, плакала. Плакала, улыбалась. Еле слышно вновь и вновь повторяла слова своей молитвы. Линкольн как бы в раздумье смотрел вдаль. По-хозяйски прочно сидел в кресле, крепко взявшись за подлокотники, молчал. Она и не ждала, что он заговорит, как иногда говорили каменные боги в истардийских храмах. Просто плакала от счастья. И трепетно молилась доброму богу страны своего Роберта.

Наконец на исходе третьего дня их пребывания в Штатах Роберт объявил:

— Едем!

И вот они мчатся на Юг в просторной, удобной машине. Лаура не переставала удивляться богатству этой страны. Его страны. Беспечному виду сытых, счастливых людей. Вспоминала Истардию. Сравнивала ее с Америкой: изобилие, которое здесь выставлялось напоказ, с нищетой, которую там ничем нельзя было прикрыть, никак невозможно было спрятать. Конечно, Роберт не показывал ей изнанку Штатов. С их миллионами безработных. С очередями за похлебкой, пособиями. С трущобами, где люди заживо гнили. Конечно, и в Истардии не везде нищета. Там живет один из самых богатых людей на земле. Тысячи людей там купаются в такой роскоши, которая многим, даже очень богатым американцам, и не снилась. Но общее впечатление именно таково: здесь — богатство, там — нищета. Однако Лаура о той нищете думала уже как-то равнодушно. Ведь Америка — страна ее Роберта. А значит, и их сына. А значит — и ее. Место жены — рядом с мужем. И какое ей, в конце концов, дело до того, что где-то там далеко!

После трех дней пути они остановились под вечер в мотеле недалеко от Майами. Было ветрено, хмурое небо рано опустило на землю сырые сумерки. Ветви деревьев резко стучали в окна. Зябко кутаясь в теплый

халат, Дайлинг сидел на диване. Отхлебывал из стакана виски. Листал вечернюю газету. Лаура вот-вот должна была прийти из аптеки, расположенной в трех кварталах от мотеля, куда она отправилась за какими-то мелочами. Отбросив газету, Роберт закрыл глаза. В Вашингтоне он каждый вечер спешил к Лауре. Раза два вырывался с работы днем. По нескольку раз на день звонил. Боялся оставить ее слишком долго одну. Какая-то смутная тревога не покидала его. Теперь он успокоился.

«Судьба на старости лет одарила меня Лаурой,— думал Роберт.— Сколько знал я женщин, и все что-то от меня хотели, требовали. Высчитывали. Лаура ничего не высчитывала перед той, первой ночью в Эдлаке».

Да, с Лаурой все было иначе. Она сама была иной. И Роберт мучительно чувствовал, что чего-то он ей, единственной, самой желанной, не договаривает. Чего-то не доделывает, чего-то не додумывает. И все пытался восполнить лаской, нежностью. Он и сам не знал раньше, сколько нежности может вместить его сердце. Видно, за всю жизнь не растратил он и малую часть того, что было ему отпущено.

Сквозь дремоту Роберт услышал, как вернулась Лаура. Она подошла, опустилась перед ним на колени. Не открывая глаз, он гладил ее волосы. Лаура взяла его руку, приложила к своему животу. Он ощутил несколько слабых биений. Новая жизнь. Продолжение его жизни...

Что же было потом? Дайлингу трудно было отделить явь от кошмара, который возвращался вновь и вновь... Кто-то вывернул его руки. Кто-то умело всадил ему в рот кляп. Кто-то сильно ударил в солнечное сплетение. Открыв глаза, Роберт увидел в комнате троих рослых мужчин в черных полумасках. Двое держали его. Третий схватил Лауру за волосы. Ударил наотмашь ребром ладони по шее. С силой швырнул на пол.

«Джим Кроу,— мелькнула у Дайлинга мысль.— Но ведь она не негритянка! Она не негритянка! Она — истардйика!» — мысленно кричал он. Кричал, как ему казалось, оглушающе. Но сквозь кляп слышалось лишь глухое мычание. Его еще раз ударили по лицу. Кажется, кастетом. Потекла кровь, теплая, тягучая... Его держали так, чтобы он мог видеть, как Лауру насиловали. И били. Били головой об пол. Били ногами по животу. Били каблуками по пальцам.

— Сука цветная!

Когда он очнулся, в комнате стояла неправдоподобная, угрожающая тишина. Стекла окон были разбиты. Повсюду валялись осколки. С трудом повернув окровавленную голову, он увидел Лауру. Она неподвижно лежала на полу лицом вверх, широко раскрыв глаза. Превозмогая боль, он подполз к ней. Приник ухом к груди. И вдруг похолодел, услышав ее голос. Ровный. Спокойный. Громкий:

— Я — лотос. Не рвите меня. Я хочу жить.

И замерла, затихла. Ее широко раскрытые глаза по-прежнему глядели в потолок.

У Дайлинга не было слез. Неся Лауру на руках к машине, он думал лишь о том, чтобы не причинить ей боли. Бережно уложив ее на заднее сиденье, сел за руль. Осторожно тронул автомобиль. Через полчаса он подъехал к городскому родильному дому. Дежурный врач любезно приветствовал Дайлинга, не обратив, казалось, внимания на его растерзанный вид. Он вызвал двух санитаров и сам вышел к машине. Дайлинг ждал на лестнице, у входа. Прошла минута. Другая. Санитары с пустыми носилками вернулись в помещение. За ними шел врач.

— Послушайте, что это значит? — крикнул Дайлинг, схватив врача за руку.

— А это значит, мой милый, — сказал тот, резко высвобождаясь, — что ты со своей крошкой заблудился. Адрес не тот. В этом доме с самого его основания не было цветных. И не будет.

— Но ведь она не негрityнка. Она — истардийка.

— Какая разница? Цветная.

— Но ведь она умирает, доктор.

— Это я как-нибудь переживу. А вот если я лишусь всех моих пациенток, ты, что ли, будешь кормить мою семью?

— Да я тебя в каталажке, мерзавец, сгною! Я из Госдепартамента, я...

— А по мне — будь ты хоть сам президент! — врач плюнул ему под ноги. — Проваливай, да поживее. Тут тебе не Вашингтон. Сейчас кликну своих парней — тогда тебе и твоей милашке и госпиталь не понадобится. Ну!..

Теперь Роберт Дайлинг плакал. Плакал, не переставая, пока вез Лауру через весь ночной город, сиявший разноцветными огнями реклам, в полутемный район смрадных трущоб. Туда, где находился родильный дом,

доступный для его Лауры...

Он старался вытеснить из сознания воспоминания о том, что произошло ночью в мотеле под Майами. И после нее. А если воспоминания одолевали его, старался побыстрее накачаться виски. Когда он понял, что память сильнее алкоголя, он начал посещать притоны. Впадая в полузабытье от героина или морфия, он не переставал видеть перед собой полные ужаса и страдания, беззащитные, молящие о помощи глаза Лауры, лежавшей на полу.

Она улетела в Истардию дней через пять. На другой день после выхода из родильного дома. Осунувшаяся. Молчаливая. Крепко прижимала к груди сына, родившегося на два месяца раньше срока.

Роберт тоже молчал. Он не пытался, не смел удерживать Лауру. Провожая ее на аэродроме, он только моляще заглядывал ей в глаза. И видел в них не осуждение, не неприязнь, не ненависть, нет — ледяную пустоту. Он заикнулся было о сыне, о его дальнейшей судьбе. Она сделала вид, что не расслышала его слов.

Вернувшись в Эдлак почти сразу же вслед за Лаурой, Дайлинг сделал все, что было в его силах, чтобы разыскать ее. Но не разыскал. Она канула в эту огромную загадочную страну, как в пучину. И исчезла.

В ЮСИС никто не заметил в Дайлинге никаких перемен. Никто и не знал о том, что произошло там, в Майами. А он? Он не ощущал теперь прежнего удовлетворения от работы. Вообще ничего не ощущал. И жил, и работал как автомат.

У него часто и подолгу болела голова. Болела печень. И он все чаще вспоминал, что уже не молод. Не за горами шестьдесят...

«Чертов сквозняк! При такой жаре — верное воспаление легких!» Дайлинг нетерпеливым взмахом руки подозвал слугу. Раздраженно распорядился выключить фены. Надо же додуматься — включили фены и кондиционеры одновременно...

Он одиноко скучал в зале эдлакского аэропорта, ждал прибытия самолета Нью-Йорк — Эдлак. В телеграмме, полученной Дайлингом накануне, говорилось: «Эдлаке буду один день тчк Сообщаи Беатрисе тчк Парсел». Найти Беатрису не удалось. Она моталась где-то на севере Истардии по точкам «Корпуса мира». Вся в отца. Не сидится им на месте. Носятся по свету, как корабли, потерявшие якоря.

Дайлинг увидел Парсела на верхней площадке трапа. Бодрый. Свежий. Улыбающийся. Только после того как они обнялись, Дайлинг заметил, что у Парсела изредка дергается левая щека. Да лицо чуть темнее, чем раньше. Словно на него легкая тень легла. Стюардесса несла за ним небольшой плоский чемоданчик.

— Фу ты! Словно и не уезжал отсюда. Жарища,— Парсел ослабил узел галстука. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.— Что-то я не вижу Беатрисы. Надеюсь, она здорова?

— И я надеюсь. Не мог ее найти. Воюет за наши идеалы на благословенных просторах Истардии.

— Жаль! — Парсел даже остановился на секунду.— Впрочем, нагонит нас в Нью-Дели. А что воюет — это хорошо.

— Ты остановишься в гостинице?

— Я предпочел бы у тебя. Если, конечно, это тебя не стеснит.

— С каких пор между нами стали необходимы подобные церемонии?

Парсел промолчал. Открыв заднюю дверцу автомобиля Дайлинга, он пропустил вперед стюардессу. Дайлинг в недоумении обернулся:

— Но, простите, мисс...

— Рейчел,— спохватился Парсел.— Извини, что не представил раньше, Роберт. Моя секретарша. После окончания траура по Мардж станет миссис Парсел. Не обращай внимания на ее костюм. Она прямо с работы.— И он ласково потрепал Рейчел по щеке. Девушка настороженно взглянула на Дайлинга...

— Очень рада познакомиться с вами...

Дайлинг внимательно разглядывал ее в зеркальце над ветровым стеклом. «Хм... У Джерри никогда не было вкуса. Ни в выборе жизненных удовольствий, ни в подборе женщин. Романтическая история в духе слезливых немецких пьесок. Богатый вдовец женится на нищей сиротке...»

За ужином Парсел был задумчив, рассеян. Мало ел. Почти ничего не пил. Что-то тихо напевая, подошел к комбайну, включил. Столовая наполнилась мелодиями симфонического джаза. Парсел стоял у окна, прижавшись лбом к стеклу. За окном — черная бездна. Лишь где-то далеко мерцал огонек. Жизнь. В пустоте...

Дайлинг, наоборот, был неестественно возбужден. Ухаживал за Рейчел. Несколько более настойчиво, чем

следовало бы гостеприимному хозяину. Парсел, казалось, ничего не замечал. Рейчел сначала по неопытности поддерживала игру. Но когда Дайлинг под столом положил руку ей на колено, поняла, что игра заходит слишком далеко.

Дайлинг пригласил ее танцевать. Крепко прижал к себе. Рейчел мягко высвободилась из его объятий, прищурила свои великолепные темные глаза и, улыбаясь, еле слышно сказала:

— Вы не меня хотите, вы хотите ему сделать больно. А ведь вы его не стоите. Он добрый. И... и несчастный. А вы — злюка. Зачем делать другим плохо?

Вернулась к столу, расплакалась.

«Черт-те что! — думал Дайлинг, берясь за стакан с виски.— Недотрога из летучего бардака!»

К нему подошел Парсел. Взял его за локоть.

— Спасибо, дружище, что ты опекаешь Беатрису.

— А мне, знаешь ли, Джерри, не нравится, что ты втягиваешь Беатрису в сомнительные дела.

Дайлинг выжидающее смотрел на него.

— Я имею в виду Патеро.

— Это она тебе сказала? — криво усмехнулся Парсел.

— Нет, не она. Резидент ЦРУ.

— Твой резидент дурак и болтун, видит бог,— насупился Парсел.— Ну да ладно, с ним мы разберемся. А Патеро... Видишь ли, Роберт, для тебя это — всего лишь сомнительные дела, в которых ты сам, впрочем, играешь не последнюю роль. Для меня же, клянусь Иисусом Христом, это одна из генеральных акций нашей внешней политики.

— Саботаж пуска Патеро, Джерри,— рискованная авантюра. Да, я играю в ней свою роль. Но ведь меня никто не спрашивает, нравится она мне или нет.

— Значит, пусть русские опять выигрывают?

Парсел разглядывал Дайлинга, словно видел его впервые. «Будущая забастовка ему не нравится,— думал он.— Тоже мне критик выискался. Тысячу раз плевать я хотел на твои сантименты. Мы платим деньги. И их надо отрабатывать. Что и как делать, буду определять я, Джерри Парсел».

— Подобные «акции» и без того подорвали престиж Соединенных Штатов! Иногда я стыжусь, что я американец. Что же касается Беатрисы...

— «Престиж», «стыжусь» — клянуть святым Яко-

вом, раньше я никогда не замечал у тебя подобных настроений,— прервал Дайлинга Парсел.— Что же касается Беатрисы, то предоставь ей самой решать, каким путем идти в жизни. Уверен, она не будет стыдиться, что она американка! И не забывай, ни при каких обстоятельствах не забывай, что отец ее я, а ты — всего лишь крестный.

Парсел отчужденно посмотрел на Дайлинга и молча вместе с Рейчел вышел из комнаты.

Глава двенадцатая

КОЛОДЕЦ

Беатриса сидела за учительским столом, рядом с другим волонтером «Корпуса мира», тщедушным мальчишкой из Нового Орлеана. Все время, пока они присутствовали на экзамене по государственному устройству США в колледже этого города, расположенного в ста милях от Патеро, он хихикал невпопад, подмигивал ей, пытался под столом коснуться ее колен своими длинными, липкими от пота пальцами.

«Надеется соблазнить одинокую скучающую соплеменницу»,— лениво, без злости думала она. Брезгливо скривив губы в ответ на очередную ухмылку соотечественника, она встала из-за стола и подошла к окну.

— Что такое чистая демократия? — слышит Беатриса за своей спиной голос парня из Нового Орлеана.

— Чистая демократия,— бойко тараторит девичий голосок по-английски, почти без акцента,— это такая форма правления, при которой руководство всеми общественными делами находится в руках народа, и народ сам устанавливает законы и налоги, решает вопросы войны и мира...

«Наше американское народовластие!..— усмехается Беатриса.— Достопочтенный член конгресса Райт Патман совсем неплохо скомпилировал свою книжечку в виде тысячи и одного ответа на вопросы. С сорок восьмого года держится. И сколько изданий вышло...

Демос! Мы на все лады твердим — народ, народа, народу, о народе. А я, когда слышу это слово, вспоминаю чикагскую бойню и покорно бредущее на смерть раскормленное стадо.

Народ! Есть те, которые делают политику, и есть те, по отношению к которым ее делают. Первых — единицы. Они — идолы. Их лица красуются на газетных и жур-

нальных полосах, смотрят с экранов телевизоров и со стен всевозможных кабинетов. Они призывают с предвыборных плакатов, транспарантов и значков, требуют, объявляют войны. Они живут в изображениях на камне, бумаге, стекле, полотне, металле.

А вторых — миллионы, сотни миллионов. Большинство, нет, подавляющее большинство людей на планете не более чем муравьи. И их вечное коловращение, заботы, дела, тревоги, удачи и несчастья не что иное, как суэта гигантского муравейника. И ничего тут не поделаешь — таков мировой порядок. Он неизменен, как смена времен года. Какое счастье, что я родилась в семье Парселов! Иначе и я стала бы обыкновенным муравьем...»

Беатриса вспомнила, как неделю назад Роберт Дайлинг выступил в Эдлаке с лекцией о свободе, о демократии, об извечных и священных правах человека. Аудитория была избранная, строго ограниченная — дипломаты третьего мира, аккредитованные в Истардии. Говорил он вдохновенно. Еще бы, лучший оратор Госдепартамента.

Беатриса улыбнулась: красавчик Роберт, умница Роберт, везунчик Роберт! Как она гордилась своей родиной, слушая его лекцию, ее институтами свободы, ее незыблемыми устоями. Да, конечно, далеко не все, что он говорил, соответствует действительности. Но главное то, что США — лучшая в мире страна, единственный оплот свободного мира. Это-то ведь истина! А остальное не так уж важно, и об остальном нет смысла говорить, чтобы не отвлекать от главного...

...На вопросы отвечает последний экзаменующийся — юноша, одетый в богатые яркие одежды, с округлым женственным лицом и узеньким лбом:

— Билль о правах... Джефферсон... Адамс... Сдача генерала Ли Гранту... Линкольн... Тридцать второй президент... Коммунизм... Железный занавес...

Жара на улице еще не спала. Сев в свой двухместный спортивный «бьюик», она опустила верх и через минуту уже мчалась по главному шоссе, пересекавшему Истардию с северо-запада на юго-восток, по направлению к видневшемуся вдали горному массиву. Шоссе широкое, ровное, без крутых виражей. Встречных машин почти не было. Какое наслаждение лететь в удобной стальной коробке, которая беспрекословно повинуетя твоему малейшему движению!..

Вечер подкрался внезапно, окрасив все вокруг сначала в голубые, потом в синие и, наконец, в фиолетовые тона. Потянуло прохладным сквозняком. Яркие россыпи звезд не приглушала даже огромная оранжевая луна. Она вынырнула из-за далеких, невидимых гор, и, деловито оглядевшись и выбрав наикратчайший путь, пустилась вдогонку за ускользнувшим днем...

Раджан сидел на террасе трехэтажного особняка, принадлежавшего дяде его друга — владельцу всех текстильных фабрик в этой провинции Истардии.

Он приехал в городок на несколько дней по поручению редакции — подготовить материал о «Корпусе мира» в Истардии для воскресного приложения к «Индепендент геральд». Решение приехать именно сюда пришло тотчас же, как только он из случайного разговора с Тэдди Ластом узнал, что здесь находится Беатриса Парсел. Раджан уже поездил по окрестным деревням, побывал в мастерских по ремонту тракторов, в больницах, в школах — везде, где работали молодые американцы. Впечатлений было много, противоречивых, иногда взаимоисключающих. Но не хватало главного — он не понимал, чем морально обосновано создание «Корпуса». Среди волонтеров «Корпуса» он видел и убежденных подвижников, и откровенных циников — всяких. Первые, пожалуй, было больше. Что же двигало ими — бескорыстное стремление помогать слабым и отсталым? Но, общаясь с волонтерами, он пришел к поразительному выводу: многие из них с трудом переносят ежедневные контакты — с цветными, с туземцами, грязными, неграмотными, больными. И все же живут и работают бок о бок с ними — почему?

Утром, когда он поделился своими размышлениями с приятелем, тот пообещал пригласить на вечер «прелюбопытную соединенноштатскую особу». И вот они встретились вновь — Раджан и Беатриса Парсел.

«А ведь она едва узнала меня,— горько подумал Раджан.— Или притворяется? Но притворяться-то ей зачем?»

Они уже натацевались, поужинали, поболтали друг с другом о каких-то пустяках и сидели сейчас молча. Пили кофе, курили.

Беатриса чувствовала странную истому, которая обволакивала ее тело, словно теплая вода в ванне. Улы-

баясь, она думала о том, как, в сущности, нелепо, что из центра современной цивилизации она добровольно — добровольно! — забралась на край света; что вот сейчас она сидит на террасе этой виллы на окраине городка, который во всех географических учебниках значится как первоисточник чумных эпидемий на Земле, и пьет кофе с каким-то почти неизвестным истардийцем Раджаном; и совсем не думает о судьбах человечества, и даже о своей судьбе. Вдруг она рассмеялась:

— Знаете,— обратилась она к Раджану,— моя мама долго уговаривала меня не ехать сюда. Там же на каждом шагу кобры, слоны, тигры, крокодилы,— убеждала она меня. А я взяла и удрала!

— Ну и как, не жалеете? — спросил Раджан.

— Нет, ни капельки!

«Ну, положим, у нее это блажь,— подумал Раджан.— Экзотики захотелось — вот и прилетела. Но ведь таких, как она, единицы. Дочь миллионера — и в «Корпусе мира». Это, пожалуй, явление более редкое, чем белый слон в Бирме».

— А как же насчет крокодилов и кобр? — стараясь поддержать разговор, снова спросил Раджан.

— Признаться, пока я их видела лишь в зоопарке в Эдлаке,— раздраженно ответила Беатриса, думая в то же время про себя: «Этот газетчик, видимо, считает меня круглой дурой, да еще избалованной, взбалмошной маменькиной дочкой».

— Знаете что? — Девушка придвинулась к Раджану, положила ладонь на его руку.— Вы же разумный человек и не можете не понимать, что ваша страна, в силу целого ряда причин, должна работать бешеными темпами лет сто, нет — двести, чтобы хоть немного приблизиться по уровню жизни к моей стране. Мы же стремимся резко сократить эти астрономические сроки, оказывая вам помощь деньгами и людьми. Люди эти — сотни, тысячи американцев. И я в их числе. А про маму — лирическое отступление. Надеюсь, вы верите в мою искренность! — Она старалась в полумраке разглядеть выражение его глаз.

— Да, конечно,— пробормотал Раджан. Прикосновение ее прохладных пальцев волновало, ее улыбающиеся губы были так близко.

«Это что, тоже входит в программу помощи?» — грустно сострил он про себя. И тут же подумал, что Беатриса чего-то не договаривает.

— Помощь — это я понимаю. Это — материально,— негромко проговорил он, боясь разрушить тот невидимый мостик, который, как ему казалось, духовно соединил их вдруг в какие-то доли секунды.— У меня много, очень много всего. Я даю кому-то, у кого ничего нет или почти ничего. Даю какую-то часть. Малую часть. У меня почти не убавилось. Скажем даже так — практически вовсе не убавилось. И вместе с тем, я кого-то...— он хотел сказать «облагодетельствовал», но потом решил, что это будет ей неприятно,— кого-то сделал счастливым,— продолжал он после короткой паузы.— Схема примитивная. Но примерно так оно и есть. И это понятно. Но едут тысячи людей. Едут, можно сказать, бескорыстно. Почему?

— Энтузиасты,— Беатриса произнесла это слово просто, без малейшего оттенка пафоса. Она отодвинулась от Раджана, закурила.

«На моей родине,— думала она,— сильна религия или то, что мы, американцы, под ней сейчас понимаем — с джазами в церквах и боксирующими, играющими в футбол пастырями. Дань веку!.. Но ведь почти в каждом доме есть Библия. И десять заповедей каждый американец вызубривает сызмальства.

Мудрые люди — мой отец, Оупенхартс, Дайлинг — придумали для молодежи библейский идеал на современный лад: езжай за моря и океаны, помогай ближнему. Почему за тридевять земель? Потому что к отвлеченному идеалу прибавляется весьма реальная романтика путешествий. Романтика трудностей. Романтика приключений. Романтика подвига даже. Подвига самопожертвования во имя блага ближнего.

Мрачные шабашы хиппи и битников, немощные кривляния юнцов — в одиночку или бандами — все это никуда не ведет.

А здесь — идеал: неси помощь и свет правды во все концы земли. И, главное, каждый мой зеленый соплеменник, вроде этого плюгавого парня из Нового Орлеана, пропутешествовав десять тысяч миль и попав хотя бы в эту Истардию, воочию убеждается: как недосягаемо велик в сравнении с местной нищетой ставший таким привычным, приевшийся до скуки, до одурения наш американский «образ жизни», с его телевизорами, стиральными машинами, холодильниками, электрическими зубными щетками, легкодоступными автомобилями, домиками на колесах для путешествий, стандартны-

ми бифштексами в закусовых и безвкусными сосисками в аптеках...

«Одна из моральных отдушин для оздоровления нации», — как сказал бы отец.

И что же — я должна этому Раджану втолковывать, что «Корпус мира» нужен нам самим, может быть, даже много больше, чем всем этим слаборазвитым, недоразвитым и развивающимся странам, вместе взятым? Ну, уж нет, только не я!..»

— Такие же энтузиасты, как те русские, что строят Патеро? — прервал Раджан затянувшееся молчание.

— Я предпочла бы отвечать на менее сложные вопросы, — сухо сказала Беатриса. — Русские!.. Судя по статьям, которые я читала в «Индепендент геральд», более компетентного эксперта, чем вы, в области познания русской души не сыщешь во всей Истардии. А я русских только и видела-то в нью-йоркском ресторане «Раши ти рум».

— Разве вы не бывали в Патеро? — удивился Раджан.

— Бывала. И не раз. Туристским галопом проскачешь за час по цехам в группе любознательных паломников с разных концов Истардии и мира. Этим и исчерпывается мое знакомство с Патеро. Про строителей я уж и не говорю. При беглом осмотре они все кажутся на одно лицо — что русские, что истардийцы...

Беатриса сказала Раджану далеко не всю правду. Она не хотела, да и не могла ее сказать. А правда заключалась в том, что Роберт Дайлинг поручил ей познакомиться с лидерами правых профсоюзов завода, выяснить их настроения. «Наиболее надежных мы завербуем. Пуск первой очереди Патеро должен быть сорван, — сказал ей Дайлинг. — Без профсоюзов это, пожалуй, невозможно. В случае успеха гарантирую тебе интересную работу в ЮСИА. О задании никому ни слова. Оупенхартс и его «яйцеголовые» друзья считают, что историю надо делать чистенькими ручками. А я полагаю, что в борьбе годятся любые средства. Лишь бы они вели к победе». Роберт знал о стремлении Беатрисы добиться успеха в жизни собственными руками и делал на это ставку. Он не ошибся. В течение короткого времени Беатриса пять раз ездила на завод. Представилась научным сотрудником известного американского университета. Это же подтвердила телеграмма из Эдлака. Тема работы: «Профсоюзы Истардии». Остальное

показалось Беатрисе несложной и даже забавной игрой.

— Если хотите, я могу устроить для вас экскурсию на завод по особому плану. Могу предложить также свои услуги в качестве гида,— сказал Раджан.

— Нет, нет, спасибо! — поспешно возразила Беатриса. И добавила: — А вы что же, собираетесь поехать туда еще раз?

— С Патеро связано, в известной мере, мое будущее...

— Как так?

— Мой главный редактор, господин Маяк, обещал, что, если очерки о пуске первой очереди Патеро будут иметь успех, я поеду зарубежным корреспондентом нашей газеты.

— Конечно, в Москву?

— Нет, почему же? Он сказал, куда я захочу.

— О! Поздравляю! Налейте по этому поводу большие рюмки...

Они выпили стоя, думая каждый о своем.

— Проводите меня до гостиницы,— сказала Беатриса. И он молча, покорно пошел с ней рядом. Было безлюдно. Луна едва просвечивала сквозь тяжелую, в полнеба тучу. Они медленно шли, взявшись за руки. Далекие. Чужие...

Миновали спавшего под тусклой лампой портье, вошли в ее номер. В темноте, на ощупь, она нашла стаканы, налила виски, усадила Раджана на кровать. Они долго сидели рядом. Молча, короткими глотками отпивали обжигавший горло напиток. Вслушивались в себя.

Раджан осторожно обнял Беатрису. И, отвечая ему, она вздрогнула, словно от испуга. Ее быстрые, короткие поцелуи волновали его. Он попытался поглядеть ее щеки и вдруг ощутил на своей руке слезы. А она все крепче обнимала его, целовала, дышала все прерывистее...

Он ушел от нее перед рассветом и долго бродил по улицам беззаботно спавшего городка. Часам к шести он вернулся в дом своего приятеля, не раздеваясь, лег на кровать и тотчас же провалился в небытие. Без четверти восемь слуга разбудил его к завтраку. Он быстро умылся, надел свежий костюм и вышел в столовую. Есть не хотелось. Выпив чашку чая и сославшись на головную боль, вернулся в свою комнату. Сел за письменный стол, достал бумагу, ручку и приготовился было писать заказанную статью. Но слова не ложились на

бумагу. Мысли путались, вылетали из головы, не успев сложиться. Он принял таблетку от головной боли, но это не помогло. Не помог и черный кофе. Он смотрел в окно, ничего не видя за ним, курил одну сигарету за другой.

Он прилег на диван, закрыл глаза. И вдруг ясно увидел перед собой Беатрису. И хотя она была в темных солнечных очках, он чувствовал теплоту ее серо-голубых смеющихся глаз...

«Нужно встретиться, увидеть ее — и все пройдет!» — попытался обмануть себя Раджан. Однако тут же возникла мысль о том, что это не поможет.

«Ну хорошо, предположим, я найду ее в колледже. «Здравствуйте», — скажу я ей. «Здравствуйте», — ответит она. А дальше что? А дальше вот что: «Я заболел вами...» — «Бедный юноша, мне вас жаль. Очень. Кажется, еще Аристотель установил, что глупость неизлечима...» — «Разве любовь — это так уж глупо?» — «Между вами и мной — да. Что вы мне можете предложить? Руку и сердце? Свои четыреста-пятьсот истардов в месяц? Под вашу руку и ваше сердце не дадут даже грошовой ссуды. А вашего жалованья не хватит на то, чтобы купить в Эдлаке флакон парижских духов... К тому же вы знаете, что ожидает в США белую женщину, вышедшую замуж за цветного?»

Час спустя Раджан сидел в купе экспресса, увозившего его в Эдлак. Решение уехать пришло внезапно. Он отправился на вокзал, даже не попрощавшись с приятелем, у которого жил. В поезде ему пришла в голову шальная мысль: «А что, если попросить отца выделить мне сейчас какую-то долю наследства? Ведь как-никак, а на дочери американского миллионера сын хочет жениться!...»

Нет, с отцом говорить об этом бесполезно. Жениться на иностранке? Он скорее умрет, чем даст согласие, а вместе с ним и деньги. Его партия считает, что в Истардии все самое лучшее...

Занятый этими мыслями, Раджан пропустил ленч. Да он и не хотел есть. Чтобы хоть как-то отвлечься, он купил в киоске на одной из станций томик Сименона. Но даже король детектива не смог сейчас изменить ход его мыслей. Отбросив книгу, он попытался вздремнуть, но так и не смог: то скрипели пронзительнее обычного тормоза, то слишком громко смеялись соседи по купе. То вагон начинало резко раскачивать из стороны в сторону.

И Раджан понял, что онсилится убежать от самого себя и, в общем-то, он струсил, отступил без видимых на то причин, и теперь он будет жить лишь надеждой на встречу, вести счет часам и дням, кидаться к телефону при каждом звонке, просительно заглядывать в глаза почтальонам. И ждать чуда.

«О боги,— думал он, засыпая,— если я чем-то разгневал вас, простите меня, верните мне прежний покой. Клянусь, я не самый худший из истардийцев. Я не крал. И не убивал. Я не говорил «да», когда думал «нет», и не отказывал в подаянии просящим. О боги, сжальтесь надо мной!..»

Беатриса проснулась в тот день поздно. Она долго лежала в постели и смотрела в окно на хмурое небо, на мелкие капли дождя на стеклах.

Начинались дожди. Они были благом для туристов — жара спадала, наступало время относительной прохлады, недолгая передышка между двумя натиска-ми зноя. Для истардийцев — и горожан, и селян — ливни были жестоким бичом. Они несли с собой опустошающие наводнения. Защитных сооружений, даже в низинных районах страны, почти не было — возведением таких сооружений никто не занимался: в казне не хватало средств на содержание и ремонт дорог, шоссеиных и железных, построенных десятки и сотни лет назад, а иностранные фирмы не видели никакого резона вкладывать в это деньги. Свирепые волны многочисленных рек, мгновенно вздувавшихся, набрасывались на города и деревни, сея смерть и ужас. Тысячи людей гибли, многие от укусов змей — обезумевшие гады, выползая из залитых водой нор, ошалело бросались на первого встречного. Миллионы людей снимались с насиженных мест, уходили на безопасные возвышенности. Гибли дома и мосты, заводы и дороги, посеы и скот. На месяц-другой словно бы вымирали целые районы страны. Ущерб от наводнений исчислялся десятизначными цифрами.

Вдоль незатопленных дорог, у обочин которых на узлах с рухлядью обреченно сидели изможденные истардийцы, мчались комфортабельные автобусы с любознательными, сытыми, нарядными иностранными туристами. Их мало интересовали истардийцы с их наводнениями, голодом, эпидемиями. Так, десяток занятых фото на память; например, трехлетний голый бездомный истардиец благодарит белого дядю за десятицентovou шоколадку. Истардийцев тоже мало интере-

совали туристы, их гигантские, словно раскормленные, автобусы, их стрекочущие кино- и фотокамеры. Туристы хотели жить. Истардийцы пытались выжить...

Брызги секли стекло справа налево. Когда скапливалось несколько капель, они скользили вниз, оставляя на мгновение едва заметную дорожку на стекле, которая тотчас пропадала. И новые капли стекали вниз.

Беатриса встала, выключила кондиционер, распахнула окно. В комнату медленно вливался влажно-прохладный воздух. Облокотившись на подоконник, девушка задумчиво смотрела вдаль, словно хотела проникнуть взглядом сквозь пелену дождя. Она не обращала внимания на теплые брызги, падавшие на ее голубенькую пижаму, на шею и волосы.

Настроение у Беатрисы было скверное. Во-первых, давно нет писем от мамы. Во-вторых, отец обещал дать телеграмму из Сан-Франциско сразу, как только приземлится, но до сих пор и от него ничего нет.

В мыслях своих Беатриса упорно обходила действительную причину своего скверного настроения — то, что произошло между нею и Раджаном. Обычно эпизоды такого рода вовсе не волновали.

«Что же, собственно, произошло вчера? — думала она, сидя на диванчике и медленно отхлебывая только что принесенный чай со сливками. — Понравился ли мне Раджан? Н-н-не знаю... Экземпляр с несколько увеличенной черепной коробкой. Комплекс неполноценности, присущий в той или иной мере многим мужчинам, у него он, видимо, объясняется цветом кожи. Впрочем, это только с точки зрения стопроцентного американца...

Умен ли он? Похоже. Видимо, добр. Великодушен ли, мужествен ли? Не знаю!..

Тогда почему же, зачем все это было? Без взаимной симпатии. Без особого влечения даже. Если бы я опьянела и он воспользовался моей слабостью... Но я-то знаю, что это не так. Вот тот угреватый из Нового Орлеана, тот бы не упустил такую возможность...

Или две души, заблудившись на жизненных перекрестках, спотыкаясь и падая, бредут на ощупь в поисках одна другой?..»

Чай давно остыл, а Беатриса все сидела на диване, подобрав под себя ноги, рассеянно смотрела в окно. Была суббота, священный американский уик-энд. Ничего не хотелось, даже думать. Сейчас бы на легкой парусной яхте нестись по волнам, над волнами, в открытый

океан. Или парить на планере — высоко-высоко. Тишина. Покой. Увы, все это — и яхты, и планеры — все это далеко, на другой планете, в ее Соединенных Штатах Америки...

Беатриса приняла душистую ванну, оделась, проглотила показавшийся ей безвкусным «бранч»¹. Сев в свой «бьюик», нажала кнопку пневматического подъема крыши. Автомобиль был ее страстью с детства.

Ей предстояло проехать миль шестьдесят на юго-запад. Там, в забытой всеми истардийскими богами деревушке, двое парней из «Корпуса мира» заканчивали постройку глубинного оросительного колодца. Она должна была привезти им письма, продукты, сигареты. «Смешно, — думала она. — Этот Раджан даже не пожелал встретиться со мной сегодня. Все правильно, все как в старых добрых романах: она пала и переживает угрызения совести, он обольстил и в мужской компании расписывает свою победу во всех деталях... «Господа, — говорит он, — я вложил в свою любовь всю многовековую ненависть цветных к белым порабощителям!»

Ну и черт с ним! Если для него это мелкий эпизод, то для меня и того меньше. Ничего не было... Вообще ничего».

Придя к такому решению, Беатриса вскоре упокоилась. По радио Кони Фрэнсис доверительно напевала всему подлунному миру песенку о какой-то «маме, чья дочка взяла да и влюбилась». Ее сменил Акер Билк. Он поведал безропотным радиослушателям, что «в основе своей любовь, в общем-то, одинакова и в Англии, и во Франции, и в Италии». За ним забасил Луи Армстронг, который стал упорно приглашать всех «заглянуть в гости к Дюку Эллингтону». Франк Синатра звал «приходить и танцевать с ним». «Кингстон Трио» и «Шэдоуз» пытались опьянить аккордами меланхолии и ритмами грусти...

Вдруг дождь кончился. За окном мелькали редкие пальмы. Иногда над шоссе сплетались могучими ветвями платаны. На их вершинах десятками, сотнями сидели, нахохлившись, угрюмые грифы. Отрезок равнины, по которому сейчас проезжала Беатриса, был бесплодным. Когда-то, лет пятьсот назад, здесь ветвилась широкая сеть каналов. Богатые деревни лежали одна от другой на расстоянии полета стрелы. Но люди своей продаж-

¹ Комбинация из позднего завтрака и раннего ленча (амер.).

ностью, ограниченностью, постоянной мелочной враждой с соседями разгневали богов. И однажды, когда они проснулись, чтобы вновь приняться за прерванные на ночь греховные склоки, они увидели, что вода ушла. Мenee чем через год в округе на многие и многие мили не оказалось ни одного жителя. Дома, покинутые владельцами, ветшали, разваливались. Вскоре пески Великой пустыни похоронили под собой некогда процветавшие деревни и плодородные поля. Лишь видневшиеся кое-где развалины крепостей и храмов безмолвно свидетельствовали о том, что здесь когда-то жили, трудились, сражались и молились.

Наконец среди нескольких чахлах деревьев показались десятка три лачуг. Жизнь едва теплилась здесь, и то лишь благодаря полувысохшему гнилому колодцу, неведь как уцелевшему и неизвестно кем поддерживаемому. Его воды едва хватало на то, чтобы напоить жителей деревеньки, да скудно полить несколько маленьких участков, дававших жалкий урожай. Здесь-то и решено было построить глубоководный колодец, который дал бы хорошую воду, много хорошей воды и людям, и скоту, и будущим полям.

Беатриса нашла ребят из «Корпуса мира» в одной сравнительно опрятной с виду хижине. У самой юной жены глубокого старца, главы деревни, только что благополучно закончились роды. Старик получил наследника, которого принимали Майк и Ричард. Вся деревня сбежалась смотреть, как два чужеземных бесстыдника исполняют обязанности знахарки. Роженица наотрез отказалась было от их помощи. Но старик приказал, и она смирилась. Теперь молодая мать, усталая и счастливая, ревниво следила за каждым движением своего первенца. Старик сидел тут же и, как подобает мужчине, хранил на лице выражение полнейшего бесстрастия. И лишь иногда выцветшие глаза его загорались отцовской гордостью. Ребенок, мальчик фунтов девяти, время от времени жалобно попискивал.

Беатриса, Майк и Ричард вышли на улицу. Высокий, широкоплечий негр Майк шумно вдохнул и выдохнул воздух через широкий, приплюснутый нос, расстегнул рубашку и стал обмахивать ею волосатую грудь. Низенький, коренастый крепыш Ричард спокойно закурил и, поблескивая стеклами очков, смотрел куда-то вдаль за синие холмы, видневшиеся далеко на северо-западе.

— Как он смешно закричал: «Ма-а-а!» — Майк сморщил нос в улыбке.

— Майк, а вы по-настоящему умеете принимать детей? — удивилась Беатриса.

— Я перед поездкой обучался по курсу полицейских, — ответил тот.

— И часто приходилось вам на практике применять свои знания в этой области?

— Это мой первенец! — Майк снова, на этот раз широко, улыбнулся.

— Отличный повод для победоносной реляции в Госдепартамент, — серьезно заметил Ричард.

— Вот он смеется, — кивнув на Ричарда, продолжал Майк. — А ведь я только что не дал угаснуть едва затеплившемуся огоньку жизни.

— А тебе никогда не приходило в голову, мой милый акушер-практикант, — заговорил Ричард, внимательно глядя на Майка, — что истардийцев вообще чересчур много и что каждый такой лишний огонек жизни увеличивает и без того многочисленные бедствия этой нации?

— Если следовать твоей логике, я должен был потушить огонек, вместо того чтобы его поддержать?

Ричард пожал плечами, хмуро отвернулся.

«Пожалуй, не следовало посылать белого с негром вдвоем в такую точку, как эта, — подумала, наблюдая за парнями, Беатриса. — Пропагандистского эффекта практически никакого, какой уж там эффект в этой дыре! Тут самый образованный житель, и тот расписывается кружочком. А Ричард с Майком грызутся. И с каждым днем все сильнее. Скорей бы уж заканчивали свой колодец...»

Она передала им письма. Ричард, не распечатывая своих, посмотрел на часы и, прыгнув в «джип» умчался куда-то. Майк пригласил девушку в их палатку. Там, усевшись за походный письменный стол, он долго разглядывал марки, печати на конвертах, угадывал почерки, бормоча что-то себе под нос и улыбаясь. Каждое письмо он читал долго, шевеля губами, как это делают малограмотные. Лицо его то хмурилось, то становилось задумчивым, даже мечтательным; то вдруг он принимался беззвучно хохотать, то, порицая кого-то, покачивал головой из стороны в сторону и неодобрительно цокал языком.

— Что нового дома, Майк? — спросила Беатриса, когда он прочитал все письма.

— Дома все по-старому, мисс Парсел, — печально улыбнулся он.

«Только бы не начал сейчас ныть о загадочных убийствах в Атланте! — неприязненно подумала девушка. — Билль о правах, сто лет со дня окончания гражданской войны, ку-клукс-клан, Мартин Лютер Кинг! Все это я сама знаю. Знаю и то, что и еще сто лет пройдет, а негритянская проблема в Штатах не будет решена».

Но Майк молчал. И только спрятав прочитанные письма в задний карман джинсов, бросив взгляд на будильник, стоявший на столе, он нерешительно сказал Беатрисе:

— Как бы его в конце концов не застукали истардийцы...

— Кого? — насторожилась Беатриса.

— Да Ричарда же, мисс Парсел, — замылся было Майк, — по ночам к нему какие-то типы таскаются... А тут до восточной границы — рукой подать, три-четыре мили. С этой стороны полно истардийских войск, с той — чужих. У Ричарда передатчик в «джипе» стоит. Я сам видел. Очень плохо замаскированный передатчик. Каждое воскресенье в это время он уезжает часа на три-четыре. Попадется — скандал будет. На всех нас тень ляжет...

— Ты с ним говорил? — спросила Беатриса.

— Говорил, — Майк махнул рукой.

— Ну и что?

— Обругал по всем правилам Джорджии. «Ты, — говорит, — негр, молчи. И не суй свой расплюснутый нос куда не надо. Не то останешься без языка, без ушей и без носа. Это я тебе гарантирую точно так, как верно то, что Нью-Йорк стоит на Гудзоне...»

Беатриса молчала.

«Сопляк ничтожный, — думала она о Ричарде. — Делает дело на паршивый цент, а вреда может принести на миллион. Что, если этот негр не будет молчать? Допекут его чем-нибудь белые братья, он и брякнет где-нибудь заявленьице для прессы. Нет, надо их немедленно разъединить. А Ричарду устроить взбучку. Как только вернусь в Эдлак, поговорю с Дайлингом».

Она уехала из деревни, так и не дождавшись Ричарда. Вскоре она забыла о нем, и о негре, и о затерянной в глуши деревушке. Ее мысли вернулись к тому, что произошло вчера. Может быть, Раджан ждет ее в отеле. Она попыталась представить себе, каким он будет — нежным, влюбленным или развязным нахалом. Она

была готова и к тому, и к другому. И именно потому, что была готова, тотчас же отбросила оба варианта и стала строить планы мести, которые осуществит в Эдлаке.

«Что это со мной? — думала она, взлетая на полной скорости по крутым серпантинам дороги.— Неужели он действительно задел мою душу? Нет, нет и еще раз нет. И все же, когда я его встречу, я поиздеваюсь над ним всласть!.. — и она ясно представила себе его растерянное лицо.— Но за что, собственно, я буду ему мстить? За то, что сама же не оттолкнула его? Нет! За то, что он воспользовался моей минутной слабостью. Он должен, он обязан был уйти... А если бы я была женщиной, ушла бы я на его месте? Скорее всего нет. А почему я должна была ему понравиться? Ведь осталась же я к нему равнодушной... И почему меня вообще трогает его отношение ко мне?»

Беатриса все больше злилась — на Раджана, на себя, на весь свет. И гнала машину все быстрее и быстрее. Она опять въехала в полосу дождя и только тогда стала постепенно сбрасывать скорость.

Поездка изрядно утомила ее. Запарковавшись у своей гостиницы, она почувствовала себя разбитой, опустошенной. Проходя мимо портье, скользнула по нему небрежным взглядом. Однако в глубине души таилась надежда, что портье скажет: «К вам несколько раз приходили, мисс!», или: «Вам несколько раз звонили, мисс!», или: «Вам просили передать это письмо, мисс!». Но портье только молча вытянулся в струнку, а затем низко склонился при ее появлении, изобразив на лице такую глупую, подобострастную улыбку, что надежда ее мгновенно растаяла. И проходя к своей комнате, Беатриса про себя обозвала портье болваном, словно бедный малый и в самом деле был виноват...

Глава тринадцатая

РОЖДЕСТВО

Рождественскую неделю Парселы проводили на ранчо Оупенхартсов. Всего там собралось человек тридцать — родственники, самые близкие друзья. Ранчо, расположенное на юге Флориды, было небольшим. Оно стало собственностью семьи Оупенхартсов случайно, ведь они были северянами, и, естественно, не имели ни-

каких владений в «этом рабовладельческом паноптикуме». В тысяча девятьсот восемнадцатом году полковник Сондерс погиб на фронте в Европе, а так как никаких родственников, кроме Оупенхартсов, у него не оказалось, то флоридское имение перешло к ним. Это имение и жило ожиданиями наездов Оупенхартсов от Рождества до Рождества. «Неделя имени славного полковника Сондерса!» — весело смеялись Оупенхартсы. И любили эту теплую, тихую, радостную неделю на юге.

В «День Подарков» (второй день рождества) Оупенхартс и Парсел с женами с утра отправлялись на пляж. Оупенхартс хотел закончить свой разговор с Парселом, который они начали еще в сочельник. Мужчины сбросили халаты и, подставив тела ласковым лучам зимнего солнца, пошли вдоль песчаного берега. Парсел, как всегда на юге, был в больших темных очках. Оупенхартс же, напротив, очков не признавал и, щурясь на ласково блестящие волны, слегка похлопывал себя ладонями по груди, животу, ногам. Он был намного выше Парсела, великолепно сложен и, когда был без корсета, как сейчас, походил на атлета в хорошей форме. Джессика, глядя на них издали, улыбнулась, подумала: «Дон Кихот и Санчо Панса! И в натуре обоих есть сходство с этими литературными героями». Разумеется, она не сказала об этом своем наблюдении Рейчел из боязни ее обидеть. Однако и у Рейчел, глядевшей на обоих мужчин, возникли свои ассоциации, которыми она тоже решила не делиться с Джессикой. «Самонадежная молодость важно шествует рядом с обогащенной опытом мудростью. Глядя на них, очень трудно понять, кто хвост, а кто голова».

— Многие ставят мне в вину, — усмехнулся Оупенхартс, — что я позволил случиться на Кубе тому, что случилось. Вот ведь и вы, Джерри, в глубине души осуждаете меня.

Парсел хотел что-то возразить, но Оупенхартс взял его под локоть:

— Не надо, Джерри. Самое неприятное для меня во всем этом то, что я же больше всех нас раздосадован поворотом событий в Карибском море.

Он посмотрел на линию горизонта, где волны были совсем белесыми. Подумал о чем-то, встряхнул головой. Стал барабанить пальцами по груди:

— В девяноста милях отсюда те самые красные колхозы, о которых мы с вами, помнится, говорили после

вашего возвращения из одной из поездок в Россию. И это, по-вашему, мне должно нравиться?! Но не можем же мы рисковать судьбами Америки, да и всего мира, из-за одного островка, на котором мы все-таки продолжаем сохранять свою военную базу.

— Но не кажется ли вам, Фрэнк, что бактерии с этого острова неудержимо движутся в Центральную и Южную Америку?

— Вопрос по существу,— Оупенхартс быстро повернулся к Парселу.— В качестве ответа у меня такой же вопрос по существу: «Неужели у Америки не хватает мозгов, средств, людей и оружия, чтобы перекрыть все пути этим бактериям?»

— Всего этого, пожалуй, у Америки хватит,— кивнул Парсел.— Вы забыли, впрочем, еще одно условие успеха.

— Какое же? — живо спросил Оупенхартс.

— Решимость действовать,— твердо проговорил Парсел.— Не обсуждать в многочисленных комиссиях и комитетах, подкомиссиях и подкомитетах; не планировать на низших, средних и высоких уровнях всевозможных учреждений и ведомств, штабов и групп штабов. А действовать. Может быть, иногда и с ошибками. Но — действовать.

— Предположим,— задумчиво проговорил Оупенхартс.— Предположим. Какое бы действие предприняли вы, Джерри, будь вы на месте главнокомандующего?

— Всестороннее и массированное вторжение,— не медля ни секунды, ответил Парсел. Оупенхартс снисходительно рассмеялся.

— То есть,— спросил он, все еще улыбаясь,— пойти на прямую конфронтацию с русскими, что само по себе может сбросить нас всех в бездну небытия?

— Но это, по-моему, тот случай, когда все средства хороши! — громче обычного заметил Парсел. Оупенхартс опустил в одно из просторных соломенных кресел, стоявших под тентом, жестом указал Парселу на другое. «Не может, не хочет и никогда по своей воле не отречется от главной заповеди — вседозволенности», — думал Оупенхартс. Слуга, высокий щеголеватый негр, принес на длиннейшем проводе телефонный аппарат — Оупенхартса вызывал из Небраски, где он проводил каникулы с друзьями, брат.

— Джерри, вы когда-нибудь занимались историей? — испытующе глядя на Парсела, спросил Оупен-

хартс, закончив телефонный разговор. Но тут же, увидев недоброе выражение глаз собеседника и что-то вспомнив, добродушно воскликнул: — Простите, ну как же — ведь вы прослушали полный курс всеобщей истории в университете Святого Лойолы в Чикаго! Тем не менее не сочтите это за экзамен и ответьте на один вопрос. Просто я себя хочу проверить. Так вот этот вопрос: «Почему кончались неудачей все или почти все революции прошлого?» Последняя русская не в счет.

— Причин много, и они всегда бывали различными. Однако...— Парсел сказал это быстро, но, словно загнувшись, замолчал, задумался.

— Вот именно — однако! — подхватил Оупенхартс.— И это «однако» есть не что иное, как физическое устранение вождей!

«Это верно,— думал Парсел, глядя на Оупенхартса.— Верно для всех времен и народов, начиная с восстания Спартака и до наших дней. Еще неизвестно, как бы все перевернулось в России, если бы в восемнадцатом году Каплан стреляла чуть точнее. Вполне вероятно, что мы не обсуждали бы с Фрэнком то, что вынуждены обсуждать сегодня. И всего-то каких-то один-два выстрела...»

—...В соответствии с моим настоятельным предложением Центральное разведывательное управление заканчивает разработку нескольких вариантов физического устранения Фиделя Кастро,— устало произнес Оупенхартс.

«Молодец, мальчик,— подумал Парсел.— Только такие вещи надо делать сугубо тайно. Даже имея дело с ЦРУ. Ох, какое огромное множество свершений в истории так и остается тайным, не становясь, слава богу, явным. О многом приходится думать, делая историю. И о том, чтобы руки выглядели чистыми. Право, кому охота мараться...»

— Да, в случае успеха все «лавры» — исполнителям,— словно читая мысли Парсела, слабо улыбается Оупенхартс.— Исполнители — наши друзья, кубинские иммигранты. Народ разный, но отчаянный...

«Отчаянный»,— усмехнулся Парсел.— Более точное для них определение — отпетый. Впрочем, такие людишки всегда кстати. И иностранцы, и свои собственные. Чем, например, плох мой Бубновый Король из Гарлема? И деньги делает, и в других делах полезен. А иностранцы?»

Парсел разыскал глазами Джессику Оупенхартс с детьми и Рейчел. Только что искупавшись, они растерлись мохнатыми полотенцами, чему-то смеялись, о чем-то говорили под другим тентом ярдах в трехстах от того места, где находились мужчины. Вот к женщинам подошел Маркетти, присел на корточки перед Рейчел. Она толкнула его рукой, засмеялась. Он легко повалился на спину, смешно задрогал ногами. Тотчас же подскочили маленькие Лео и Адриана Оупенхартс, упали на него. Началась забавная возня.

«Иностранцы, черт бы их всех побрал!» — с откровенной неприязнью думал Парсел, наблюдая за Маркетти. Завтра женщины с детьми отправляются на два дня в Эверглейдс. Что ж, сама по себе поездка в этот роскошный национальный парк похвальна, слов нет. Однако Рейчел опять попросила, чтобы их сопровождал Дик. «Джерри, любовь моя, — сказала она, смешно потершись носом о щеку Парсела. — Тебе ведь Маркетти на эти два дня совсем не нужен, ведь так? Ни на вот столечко не нужен! А нам он мог бы здорово помочь. И дети с ним гораздо более управляемы. И мало ли что в пути может случиться». — «Спаситель однажды — спаситель всегда, — принужденно засмеялся Парсел. — Пусть будет по-твоему. Он мне и впрямь в эти два дня не будет нужен». Парсел подумал также о том, что будет лучше, если итальянец не узнает о тех иностранных визитерах, которых они с Оупенхартсом собирались принять в эти два дня. Приезжали инкогнито два арабских шейха, и избавиться на это время от лишней пары глаз было весьма кстати.

Однако уже второй месяц Парсела волновало другое. «Иностранцы... По данным Ларссона, Маркетти не просто проявляет признаки внимания к Рейчел, он явно ухаживает за ней. Она появлялась с ним на новоселье у Беатрисы, на открытии выставки Малых Голландцев. Сегодняшняя ее просьба о том, чтобы он сопровождал их в Эверглейдс, далеко не первая. Конечно, они почти одного возраста и смотрят на многие жизненные проблемы одинаково... Какова цель его ухаживаний? Чем обладает он таким, чего нет у меня? Конечно, молодостью, но одна она против всего того, что стоит за мной? Маловероятно. Почти совсем невероятно... Если... если Рейчел не увлеклась им всерьез. А почему бы и нет: он молод, недурен собой, тактичен, сдержан... Наконец, он спас ей жизнь. А женская благодарность, как

справедливо писал один из европейцев прошлого века, — преддверие любви. Но ее слова, ее страстные уверения, что она не мыслит жизни без меня?.. Положим, я слишком хорошо знаю жизнь, слишком хорошо знаю, что человеческому коварству нет ни пределов, ни границ. Но зачем Рейчел снова бедность, от которой я ее избавил? Хотя этот «макаронник» мог ей объяснить, что в случае развода она получит столько, что о бедности уже никогда и речи не будет... Если приходит чувство, все вопросы отступают. А если не отступают, то их безжалостно изгоняют. Но ведь Рейчел на пятом месяце беременности? И этот Маркетти работает у меня как раз полгода. Неужели Рейчел и этот проклятый итальянец...»

Еще с минуту Парсел с ненавистью разглядывал Маркетти, который теперь болтал о чем-то с Джессикой Оупенхартс. Услышав свое имя, Парсел встал и увидел, что Оупенхартс, готовый войти в воду, повернулся и зовет его. Парсел помахал Оупенхартсу рукой и пошел навстречу волнам. Он любил морские купания во Флориде. Любил за великолепную «легкую» воду, которая как бы сама несет безо всяких твоих усилий; за какой-то удивительно приятный, легкий, почти неуловимый запах, который он ощущал только здесь и нигде больше; за то особое настроение, которое всегда появлялось у него именно здесь и которое чрезвычайно важно, чтобы получать высшее, абсолютное удовольствие от морского купания — полная свобода от всяких страхов, что может ухватить за руку ли, за ногу какое-нибудь злое чудовище или рыба. И сейчас, как всегда, Джерри, недалеко отплыв от берега, лег на спину и закрыл глаза. Блаженно покачивало, в ушах мерно шумела тихая волна, солнце ласкало кожу... Когда Парсел вышел на берег, Оупенхартс сидел под тентом, пил виноградный сок со льдом, просматривал какие-то бумаги.

— Нет, вы только посмотрите, что пишут о нас эти «макаронники» и боши! — нервно рассмеявшись, Оупенхартс передал Парселу две газеты. Тот взял, прочитал сначала по-немецки: «Американцы — ярко выраженные неврастеники атомной эпохи. Они суеются и дергаются. Они взирают на мир сквозь прорезь танка». В итальянской газете был так же жирно отчеркнут абзац: «США не способны принять мир таким, каков он есть, ибо — в силу специфики своего развития — они лишены исторической памяти».

— Да? — Парсел вопросительно посмотрел на Оупенхартса.

— Это мы-то лишены исторической памяти? — возмущенно воскликнул Оупенхартс. — Мы, которые не раз спасали этих самых европейцев — и от холода, и от голода, и от кризисов. От большевизма, наконец!

Парсел налил себе слабенький martini, укутался в большую мохнатую простыню, поудобнее расположился в кресле... «Все правильно, все, к сожалению, справедливо, — думал он, отпивая martini, слушая Оупенхартса. — У тех же немцев и, уж конечно, у итальянцев эта самая историческая память исчисляется тысячелетиями. Зато мы, как молодая нация, со спокойной совестью заявляем на весь мир: «Бог ныне поручил Америке исстрадавшееся человечество!» Поручил — и баста. И что надо делать — мы знаем лучше всех, потому что именно на нас возложил Господь ответственность за судьбы мира».

— Если мы лишены исторической памяти, — никак не мог успокоиться Оупенхартс, — то европейцы на-чисто лишены исторической благодарности. Кто в двадцатые годы предоставил займы Германии? Кто в сороковые годы взорвал два атомных устройства и тем самым отрезвил вооруженные до зубов орды русских, опьяненных своими победными маршами?..

— Вы знаете, Фрэнк, что им больше всего не нравится, этим европейцам? — Парсел обезоруживающе улыбался. Знакомый с манерой Джерри улыбаться так, когда он готовил свой очередной подвох, Оупенхартс хмуро молчал. — Им не нравится та часть нашей военной доктрины, которая гласит: «Мы готовы сражаться до последнего европейца».

Оупенхартс встал, сделал несколько шагов, остановился у одной из металлических растяжек, поддерживающих тент. Спросил:

— Как вы думаете, что опаснее для нашей страны — большой ядерный конфликт или перенаселение со всеми его последствиями?

Парсел ответил быстро и уверенно:

— Ядерного конфликта бояться — последнее дело. К нему надо быть готовым каждую секунду, его надо начинать превентивно, чтобы победить.

— А если победа невозможна вообще? Как это у вас все просто...

«Это та самая простота, на которой стоит и будет

стоять Америка,— подумал Парсел.— Хорошо этому выхоленному парнишке, у которого и отец, и дед были миллионерами, думать обо всем человечестве. А я со своим происхождением не могу позволить себе такого. Ему не надо доказывать свою приверженность извечному порядку вещей. А мне... Эта свора из Роши, презирающая меня за то, что свои деньги я сделал сам, а не получил по наследству, видимо, всерьез принимает мое желание извлечь барыш из торговли с русскими за симпатию к ним. А Оупенхартс чересчур элитарен, чересчур интеллектуален для того, чтобы укротить свору из Роши. Ему надо меньше красиво говорить и больше действовать, чтобы показать силу — и здесь, нашим, и тем — за океаном. Но весь вопрос в том, способен ли он действительно выдержать ту войну нервов, которую мы ведем с красными: ведь они не остановятся ни перед чем, чтобы «экспроприировать экспроприаторов» во всем мире».

— Дик,— Джессика Оупенхартс лукаво посмотрела на Маркетти.— Вы всегда производили на меня впечатление человека, который любит животных.

— Вы не ошиблись, мэм.

— Вот уже полчаса, как — я не сказала бы «самая красивая», и не сказала бы «самая преданная», но определенно «самая доверчивая» из нас — ждет вашего приглашения поиграть в мяч.

Джессика погладила голову лежавшей у ее ног шотландской овчарки: «Лэсси хорошая девочка! Лэсси хочет поиграть и выкупаться вместе с мистером Маркетти!» Маркетти ударил большой разноцветный мяч ногой, и через минуту человек и собака носились по волнам вдогонку друг за другом.

— Ну что, он уже шевелился? — с любопытством обратилась Джессика к Рейчел.

— Вчера я совершенно определенно почувствовала, что он толкнул меня ножкой прямо в ребро. Первый раз! Это было так явственно, что я, почувствовав этот удар, оторопела.

— Значит, перевалило на вторую половину,— ласково улыбнулась Джессика.

— Но ведь будет мальчишка, правда? — заглянула ей в глаза Рейчел.— Ведь девочка не может быть таким буйном! Он мне полночи заснуть не давал, все колотил пяточками.

— К сожалению, нет таких симптомов, которые до-

стоверно указывали бы на пол ребенка,— вздохнула Джессика.

— Но я же чувствую,— недовольно воскликнула Рейчел и сама удивилась своему тону.— Я же чувствую по активности, что это мужчина!

— Когда я ходила с сыном,— Джессика положила руку на плечо Рейчел,— я почти вообще ничего не ощущала. А девочка, боже мой, чего только я не натерпелась! Бывали дни, когда я с уверенностью твердила: «Фрэнк, у нас будет тройня, как минимум».

— Дети...— задумалась Рейчел. Она осторожно погладила себя по животу. И вдруг ощутила толчок точно в то место, где в этот момент находилась ее ладонь. «Словно он что-то хочет сказать мне»,— подумала она, прижав к животу обе ладони. Однако повторных толчков не было. «Почти все женщины, которых я знаю, хотят родить мальчика. И это так естественно. Ведь мальчик — это наследник лучших качеств любимого мужчины, его преемник, продолжатель рода. Мы меньше всего думаем о девочках, о дочках, ибо любим своего единственного мужчину самоотверженно. Пусть Джерри не красавец, но наш сын возьмет от него именно то, за что я люблю Парсела, чем горжусь: его ум, его силу, его мужественность. Наверное, девочек хотят одинокие матери. Это тоже естественно. Для них дочь — будущая подруга, самый близкий человек. Ах, ну к чему вся эта философия! Иногда я чувствую себя самкой зверя. Он кормит семью, мое извечное призвание — ее продолжать, растить детей, хранить жизнь».— Хотите одну совсем не рождественскую историю?

— В мире столько еще слез и печали,— неопределенно протянула Джессика.

— Но эта история,— возразила Рейчел,— произошла несколько дней назад и, представьте, прямо на наших глазах.

— Фрэнк говорил, что вы ездили в Кливленд,— теперь глаза Джессики смотрели заинтересованно.

— Верно. В Кливленде это и произошло,— вздохнула Рейчел...

Легкий ветер доносил ароматное дыхание кустарников и цветов, ласково звенела теплая волна, дети Оупенхартсов играли то в чинные игры взрослых, то в жестокие детские игры. А Рейчел Парсел рассказывала о самоубийстве кливлендского безработного и о попытке его жены отомстить...

— Как много сейчас подобных случаев,— негромко отозвалась Джессика Оупенхартс.— Когда я была моложе, мне хотелось раздать все деньги, мои и Фрэнка, бедным. Вообще всем бедным, неважно где — в Бостоне или в Калькутте. Увидев чужого голодного ребенка, я лишалась аппетита. Плакала, переживая за уродов и калек. Потом поняла: все во власти божьей. Бог дал — бог взял. Не мы придумали этот свет, не мы установили в нем порядок вещей, не нам его и менять. Я убеждена, что где-то существуют незримые, но высшие весы, и на них каждому человеку отмеривается его доля радости и печали.

— А если этих отмеренных на точных весах радостей у кого-то вовсе нет и вся его жизнь состоит из одних печалей? — спросила Рейчел.

— В таком случае, моя дорогая,— словно успокаивая ее, произнесла Джессика,— этих радостей было с избытком у его предков или будет у потомков. Впрочем, давайте пошлем этой женщине и ее сироткам сладкого пирога.

Ярдах в трехстах от того места, где находились женщины, из воды выбежали Маркетти и Лэсси. Собака подбежала к Парселу и улеглась у его ног. Маркетти тоже подошел к боссу, спросил: «Я вам не нужен, сэр?» Парсел молча покачал головой, посмотрел на итальянца, как показалось Оупенхартсу, неприязненно, даже зло. Маркетти быстро пошел к «женскому» тенту, гоня перед собой разноцветный мяч. Вскоре с ним поравнялась Лэсси. «Приятный мальчик этот Дик,— думала, наблюдая за Маркетти, Рейчел.— Не заумный, не задавака. Остроумен. Правда, жадноват до денег, видимо, маловато их было в его семье».

— Джессика, дорогая, как вы думаете, Дику хватает этих самых жизненных радостей, отмеренных судьбой?

Джессика с искренним удивлением посмотрела на Рейчел. Рассмеялась:

— Вообще-то из меня плохая гадалка. Что же касается Маркетти, то я о нем, честно говоря, задумывалась меньше, чем о нашей Лэсси. Гор-р-раздо меньше! — И Джессика захлопала в ладоши, закричала: — Лэсси! Лэсси! Ко мне!

Оставив мяч, собака бросилась к хозяйке. «Аристократка! — обиженно подумала о Джессике Рейчел.— Собака ей ближе, «гор-р-раздо» ближе, чем этот па-

рень...» Маркетти подошел к Джессике, заговорил о чем-то. Джессика охотно ему отвечала. На лице Маркетти, словно приклеенная, держалась его обычная сладкая улыбка. Джессика тоже улыбалась, привычно, равнодушно. «Вот две маски на лицах,— Рейчел встала, налила себе сок, потрепала за ухом Лэсси.— Обе вызваны к жизни необходимостью. Только одна всячески хочет привлечь к себе внимание, а другая всячески хочет себя от него оградить... Впрочем, бог с ними, с масками»...

После ленча Парсел и Рейчел прогуливались в декоративном парке ранчо.

«Хотелось бы особо привлечь ваше внимание, сэр, к одному обстоятельству,— вспомнил Парсел недавний устный доклад Ларссона.— Тем более что данные о нем поступают из разных мест — Чикаго, Гарлема...» — «Что же это?» — «Видите ли,— Ларссон на мгновение замялся, но тут же продолжал,— мисс Парсел предпринимает самостоятельные поиски нитей якобы намечающегося заговора против мистера Оупенхартса. Ей в этом активно помогает господин Раджан-младший». — «Вот как,— спокойно заметил Парсел, хотя был поражен тем, что услышал.— Расскажите-ка поподробнее». Выслушав Ларссона и отпустив его, он несколько раз медленно прошелся по кабинету. «Идиотка,— думал он, не в силах заглушить в себе раздражение.— Поставлена на ноги целая государственная служба, исследованием заняты лучшие профессионалы. А тут — на тебе, два дилетанта хотят выскочить в герои, всех обштопать, спасти Америку. В таких делах в два счета можно и под нож, и под пулю, и под колесо угодить. И будет сработано так, что никаких концов не найдешь. Беата, девочка моя! Зачем, ну зачем ты лезешь в самое пекло опасной политической игры? Жизнь — смертельная битва. В ней нет места для забавной игры в воры — сыщики... Надо поговорить с Беатой и строго-настрога запретить эти ребячьи шалости с вполне настоящим динамитом».

В тот же вечер Парсел встретился с дочерью. Но разговора не получилось. Выслушав его, Беатриса, смеясь, сказала: «Ты, папа, всю свою жизнь выстроил сам. И никогда никого не спрашивал, что тебе делать и как. А я твоя дочь. И этим, я полагаю, все сказано». Парсел сердито смотрел на дочь и не знал, огорчаться ему или радоваться. Но ведь она так завершала их разго-

вор во второй раз. Первый раз это произошло совсем недавно, когда он коснулся ее взаимоотношений с Раджаном. Да, характер у Беатрисы был жесткий. Его, Джерри Парсела, характер. «Пока я жив, убережь ее ото всех бед — моя забота, — горько думал он. — А когда я уйду, кто защитит мою девочку? Кто? Ее черномазый дружок?»

Глава четырнадцатая

ВСТРЕЧА В ПИЦЦЕРИИ

Недалеко от одного из выездов из Нью-Йорка на север расположилась небольшая уютная пиццерия под приятным названием «Итальянское каприччио». Ее маленькие окна, словно прищурившись, глядели из полуподвального помещения на шумную, почти всегда безлюдную улицу. Рядом с зальчиком, в который едва втиснулось пять столиков, примостился скромный бар. Днем посетителями этого отнюдь не фешенебельного заведения бывали главным образом водители и пассажиры проезжего транспорта. По вечерам клиенты менялись. Заходили жители соседних улиц — развлечься, мелкие гангстеры и проститутки — скоротать время, завести знакомство. За неделю до Рождества часов в шесть вечера в «Итальянское каприччио», которое особенно славилось среди знатоков своей пиццей с анчоусами, приехали двое мужчин — молодой и пожилой. Владелец пиццерии Альберто Гвездуччи, сорокалетний глава многочисленного и шумного семейства, был платным осведомителем ЦРУ. Он отлично знал пожилого — Вернона Ковэра, начальника отдела тайных операций ЦРУ. Тот частенько навещал «Итальянское каприччио», всегда с разными спутниками. Так было и на сей раз — молодого спутника Ковэра хозяин видел впервые. Усадив гостей за свободный столик, Альберто сам принял заказ на вина, доверительно сообщил, сгибаясь в поклоне: «Еду вам подаст Ева». Тотчас появилась прелестная юная итальянка.

— Мне надо перекинуться парой слов с хозяином, — словно извиняясь, сказал Ковэр, обращаясь к Маркетти. — Зато оставляю вас во власти чар нашей благоухающей апеннинской розы. Ева, мне как всегда, с анчоусами, — и, улыбнувшись, Ковэр исчез.

— Вам тоже с анчоусами? — Ева с профессиональной внимательностью разглядывала Маркетти.

— А что бы вы сами пожелали съесть, если бы были голодны, как мать Ромула? — по-итальянски спросил он.

— Вы итальянец? — деланно удивилась она, хотя сразу же догадалась об этом.

— Да, синьорина, — он слегка поклонился.

— Тогда тоже с анчоусами, — девушка улыбнулась Маркетти, обдав лаской широко раскрытых блестящих черных глаз. «Хороша, клянусь Франсиском Ассизским — хороша!» — млея Дик.

— Сейчас ваша пицца пожалует — прямо с плиты! — И она исчезла на кухне. Маркетти думал о том, почему в бедных, именно в бедных многодетных семьях его соплеменников появляются на свет божий девочки неземной красоты. Как они расцветают в пятнадцать лет, увядают в двадцать, высыхают или раздаются вширь в тридцать... Ему хотелось пить и есть. Несколько раз он оглянулся на дверь, за которой исчезли и Альберто, и Ковэр, и Ева. Однажды его глаза встретились с глазами неопрятного старика, который неторопливо ел свою пиццу за соседним столиком. Маркетти и в голову не могло прийти, что за ним наблюдают люди Ларсона. Ах, хороша Ева!.. Он, кажется, отдал бы год жизни за то, чтобы на одну-единственную ночь стать ее Адамом!

Внезапно появился Альберто.

— Где же кьянти? И где мой друг?

— Они оба вас ждут, — шепнул Альберто. — Следуйте за мной.

Альберто быстро провел Маркетти через кухню. Вскоре они оказались в небольшой комнате, где стояло всего два стола. Один из них был накрыт. За ним сидел Ковэр. На другом стоял старенький проигрыватель.

— Не хватает музыки, — словно очнулся от глубокого раздумья Ковэр, когда пицца и вино были поданы, и Альберто, пожелав им приятного аппетита, удалился. — Музыка! Без нее и аппетит не тот.

Вынув из яркой обложки с портретом великого немецкого музыканта новенький черный диск, Ковэр положил его на вертушку, включил проигрыватель. Полились умиротворяющие звуки какой-то знакомой мелодии. Ковэр выпил бокал вина и с удовольствием принялся за пиццу.

— Ай да пицца! Ай да Альберто! У нас в Вашингтоне нет ничего похожего.

— Отменная пицца, ничего не скажешь,— согласился Маркетти.

— Чувствуется мастер. Профессионал высокого класса. А вы считаете себя профессионалом? — неожиданно спросил Ковэр.

Маркетти пил вино маленькими глотками, собираясь с мыслями.

— Разумеется, считаете,— продолжил Ковэр, не дождавшись ответа.— Но какой же профессионал приведет за собой на встречу «хвост»? А вы привели. Хорошо, что зрительная память меня пока не подводит. Я видел это лицо — и недавно — в одной частной фото-теке. Ну ладно, его сейчас пустят по ложным следам. Но вы взяты под подозрение не только людьми Парсела, что само по себе крайне скверно, вас подозревает и служба Оупенхартса. Вы понимаете, что это значит?

Маркетти угрюмо молчал. Наконец он выдавил из себя:

— Вы это точно знаете?

Ковэр ничего не ответил. Похлопав Маркетти по спине, он сочувственно произнес:

— Только не скисай. Это последнее дело. Ешь.

Вернону Ковэру было ничуть не жаль этого смазливового итальянца. «Задание у него было не из самых легких, конечно,— думал Ковэр, глядя, как через силу ест и пьет Маркетти.— Легко сказать — следить за настроением, связями, намерениями самого Джерри Парсела. Но уж если взялся!.. Спокойнее всего было бы убрать этого Маркетти куда-нибудь в Африку или даже в его Италию. Но это уже будет третий провал, третья неудача моих сотрудников за последние полгода. А шеф не любит неудачников. Да и кто их любит... Нет, это не годится. Тогда остается один выход — сделать так, чтобы Маркетти сам «подставился» под Парсела. В таком случае он будет «жертвой» обстоятельств, а это совсем другое дело».

— Как у тебя с миссис Парсел?

— Думаю, неплохо,— осторожно сказал Маркетти.

— Сейчас необходимо отвлечь внимание людей Парсела от твоего задания. Сделать это можно, пустив их по ложному следу. Рейчел Парсел должна стать твоей любовницей. Мне ли, старому человеку, объяснять тебе, как это делается?

— Я делаю все, что возможно в рамках приличий,— отведя глаза в сторону, проговорил Дик.

— Сынок, ты заговорил о каких-то приличиях! — Ковэр всплеснул руками. — Речь идет о деле всей твоей жизни, а ты — о приличиях!

— Я боюсь, что может произойти что-то непоправимое, — удрученно вымолвил Дик. — Боюсь панически.

— Дик Маркетти, Дик Маркетти, — с укором повторил Ковэр, — ты закончил нашу школу. Потом ты закончил школу телохранителей в Джорджии. Мы проверяли тебя в деле. И никогда, даже в самой критической ситуации, ты не проявил и тени трусости. Что же случилось сейчас? В чем ты сомневаешься? Стоит ли лечь в постель с молодой, красивой, веселой, богатой бабой, чтобы заручиться ее покровительством?

Маркетти молчал, перебирая пальцами соломенную оплетку бутылки. «Как у него все просто. Лечь в постель... А Джерри... Джерри есть Джерри. Ковэру очень хочется ударить Парсела побольнее, и чужими руками. Парсел тоже кому-то мешает. Кажется, калифорнийской группировке. Но ведь и я мешаю Парсеяу... Все мы, все до единого, кому-то мешаем. Только я не могу устранить некоторые помехи, а Парсел — еще как может!..»

— Она беременна, — глухо сказал Маркетти. Ковэр легонько улыбнулся. «Этот «макаронник» еще, не дай бог, «расколется» — если люди Парсела прижмут его поплотнее. Ишь как юлит, извивается...»

— Я попробую, — проговорил наконец Маркетти. — Попробую...

Глава пятнадцатая

ВИВАТ, АКАДЕМИЯ!

— Виктор Андреевич, как вы посмотрели бы на то, чтобы выступить перед студентами и профессорами университета с лекцией о нашей стране? — обратился как-то к Картеневу советник-посланник, когда они расходились по своим кабинетам после совещания у посла. — Заодно и с прессой встретились бы, а? Вот приглашение.

Виктор взял из рук советника-посланника приглашение, стал читать:

«Уважаемые дамы, господа!

В наш век напряженности и трений люди должны как можно больше общаться друг с другом. Сознавая свою ответственность перед будущим, мы решили в рам-

ках нашего университета провести Неделю Международных Общений. В ходе этой недели будут организованы выступления представителей тех государств, которые откликнутся на наши приглашения. Также будут приветствоваться демонстрация документальных фильмов (непропагандистского характера), диапозитивов, фото-выставок, раздача туристских проспектов.

Нами разослано более пятидесяти приглашений, и мы надеемся, что представитель от вашей страны — Союза Советских Социалистических Республик сможет нас посетить и вместе с нами поработать для достижения лучшего взаимопонимания между народами.

В случае необходимости мы с радостью предоставим места для проживания в нашем студенческом общежитии.

Искренне ваш Джаэлз Линдберг, вице-ректор». Они вошли в кабинет советника-посланника.

— Что ж, наверное, стоит принять приглашение. Только справлюсь ли я? Опыта выступления перед большой американской аудиторией у меня нет.

— Знаю,— заметил советник-посланник.— Но ведь когда-то и надо начинать. Учтите вот что, Виктор Андреевич. В Чикаго один из старинных американских университетов. Учебное заведение с традициями и великолепно подготовленными преподавательскими кадрами. Правда, там очень высока плата за обучение. В Америке два университета могут находиться в самом тесном соседстве и отличаться друг от друга как день и ночь. А то, что вы недавно были в Чикаго и снова поедете в тот же штат, не имеет значения. В Иллинойсе можно бывать много раз и всякий раз открывать для себя что-то новое.

Вечером Виктор рассказал Ане о приглашении.

— Что представляет собой этот университет? — найдя на большой карте Америки университетский городок, к югу от Чикаго, раздумывал Картенев вслух.— Что за дух там царит? Что за нравы?

— Хочешь, я к соседям сбегаяю? — предложила Аня.— У них наверняка есть подходящие справочники.

Соседями была семья Володи Снегова, корреспондента ТАСС в Вашингтоне. Снеговы жили двумя этажами выше. Через десять минут Аня возвратилась с несколькими толстыми книгами.

— Пока тебя не было, опять звонил наш добрый знакомый Яков Вайнберг,— сообщил Виктор.

— И что — все то же? — нахмурилась Аня.

— Что же нового может он придумать?

Вскоре после приезда Ани в Вашингтон им стал звонить по телефону «ваш бывший соотечественник Яков Вайнберг». Он звонил каждый день, кроме суббот, примерно в одно и то же время и начинал хаять — весьма нервно и злобно — все, что было оставлено им «там, в Союзе». Поначалу Аня и Виктор пытались что-то объяснить, спокойно возразить. Однако дискуссии не получалось — оппонент начинал орать, нелепо браниться, иногда даже нецензурно. Он скоро надоел и стал вызывать раздражение. И вот теперь, как только они узнавали его голос, сразу же бросали трубку. Однако он был настойчив, этот Яков Вайнберг. И набирал их номер вновь и вновь. «Да он словно работу выполняет!» — возмущалась Аня. «Работу — нет, — улыбался Виктор. — Подрабатывает — вполне возможно». Вновь зазвонил телефон. Аня отключила его, выдернув штепсель из розетки.

— О! Нашел! — Виктор уселся в кресло, стал читать вслух: — «По американским понятиям университет старинный: имеет три факультета; одновременно учатся одна тысяча сто — одна тысяча двести студентов; обширная библиотека, спортивный городок, общежитие; расположен в стороне от жилых массивов; недавно вступил в строй новый ансамбль университетских зданий».

— Звучит заманчиво, — проговорила Аня. — Что ж, я с удовольствием на неделю превращусь в студентку.

Листая справочник, Картенев вспомнил свою первую поездку на юг Истардии и выступление перед студентами частного привилегированного колледжа. В одном из его внутренних дворов, который был покрыт разноцветным тентом, собралось семьсот пятьдесят подростков и юношей. Их агрессивность, откровенная враждебность были ему непонятны. Все самые злобные вопросы, которые обычно так или иначе затрагивает в материалах о Советском Союзе западная пресса, были обрушены на Картенева. Это его первое публичное выступление в Истардии воистину явилось для него испытанием на умение мыслить точно, молниеносно, логично. На первый взгляд казалось, что вопросы задаются без какой-то продуманной системы. Но система была. Когда позднее в Эдлаке Картенев поделился своими впечатлениями с Калитиным, посол улыбнулся.

— Есть и система, и бескомпромиссная логика, —

сказал он.— Существует она столько, сколько существует разделенное на имущих и неимущих человечество. Имя этой системе, этой логике — классовая.

Виктору трудно было смириться с мыслью, что пятнадцатилетние мальчишки ненавидели его лишь за то, что он был представителем иного общественного строя. Ненавидели яро, активно. И не скрывали этого. Он ответил на все их вопросы. Но чувствовал, что его диалог с ними был похож на беседу с глухими.

Конечно, американские студенты — совершенно иной народ. Картенев знал, что они не любят длинных речей и уж совсем терпеть не могут ораторов, которые говорят по бумажке. Кульминация любой встречи — ответы на вопросы. Конечно, эти парни и девушки ориентируются на иные ценности, руководствуются иными понятиями, воспитаны иной культурой, но любопытство — им должно быть свойственно, должны они стремиться узнать и понять то, чего не знают и не понимают. Что ж, если все пойдет по сценарию, заранее разработанному в Госдепе — с отрепетированными вопросами, с разученными выкриками и репликами, с умелым и жестким председательствованием — что ж, в таком случае его поездка станет никчемной. Нет, будут и статьи в газетах, и репортаж по телевидению, и несколько доброжелательных лиц в толпе, будет и его отчет о поездке. Не будет только чувства удовлетворения; кого же, в самом деле, может удовлетворить диалог с глухими. А сколько подобных диалогов ежедневно ведется во всем мире...

И вот теперь они подъезжали к университету. Виктор внимательно вглядывался в полотно шоссе. Посмотрел в заднее зеркальце: серая «тойота» по-прежнему висела на хвосте его «пontiака» — все пятьсот миль. Промелькнули веселые симпатичные рожицы, и наконец они приехали.

У центрального подъезда административного корпуса их встречали парень и две девушки. Одна из них, в светлом платье, курила, другая — в беленьких узеньких брючках и такой же беленькой курточке оживленно спорила с пареньком в новенькой джинсовой рубашке. Вдали на дорожках кэмпуса виднелись одинокие фигурки. Было тихо и покойно. «Понтиак» подкатил к подъезду. Парень не спеша подошел к машине, оставив девушек на ступеньках.

— Вы из русского посольства? — спросил он, и

Виктор в который раз уже поразился жесткой красоте звучания американского английского.— Надеюсь, ваше путешествие было приятным. Вице-ректор ждет вас.

Приблизились девушки, вложили вялые ладони по очереди в руки Ани и Виктора.

— Как у вас здесь красиво! — заметила Аня.— И тихо, как в лесу.

Они вошли в здание и двинулись по широкому прохладному коридору. Студенты и преподаватели, попадавшиеся навстречу, разглядывали их с явным интересом. Вице-ректор вышел из-за своего большого овального стола, энергично потряс их руки, широко улыбаясь. Худой, узкоплечий, с большой лысой головой — а-ля Юл Бриннер — он поминутно поправлял узел своего невзрачного галстука. Когда расселись за длинным столом, вице-ректор спросил:

— Может быть, вы устали?

Виктор посмотрел на Аню:

— О нет, мы же ночевали в Питсбурге.

— Ах так! — ректор улыбался, изучающе разглядывал Аню и Виктора.— Тогда я, пожалуй, немного введу вас в курс дела. Итак, на наши приглашения откликнулись представители девяти стран. Зная о том, насколько дипломаты обычно перегружены работой, мы считаем подобный процент участия весьма и весьма высоким. Вся программа, как мы вам об этом писали, рассчитана на неделю. Сегодня вы ознакомитесь с нашей альма-матер. Сегодня же и открытие недели. Во вторник, среду, четверг и пятницу мы проведем национальные дни восьми стран, по две в день. В субботу, если это не вызовет возражения с вашей стороны, будет проведен национальный день Советского Союза. Это делается с таким расчетом, чтобы в нем могли принять участие и многие родители наших студентов. Предварительные приглашения им уже направлены. В воскресенье — заключительный день, который мы предполагаем отметить спортивными состязаниями, концертом наших талантов и торжественным ужином.

— Все это представляется весьма привлекательным,— сказал Виктор.— Правда, меня немного смущает одно обстоятельство.

— Что именно? — быстро спросил вице-ректор и поправил галстук.

— Не покажется ли другим обидным, что мою страну особым образом выделяют?

— Думаю, что нет. Советский Союз — великая страна. В конечном счете, от нас с вами зависит, быть ли этому миру свободным и счастливым, или полететь в бездну небытия. А теперь, если вы не возражаете, вот эта троица,— вице-ректор показал на девушек и парня, которые встречали Картеновых,— поможет вам разместиться и ознакомиться со всеми нашими достопримечательностями.

Студенческим общежитием оказались двухэтажные кирпичные коттеджи, расположенные в полумиле от административного здания.

— Вы, наверно, все здесь отличники,— с улыбкой обратился Виктор к девушке в белом костюме — Ивон.

— А вам самому, когда вы были студентом, так уж все время хотелось заниматься? — спросила подружка Ивон Джудит.

— Насколько мы знаем, ваша молодежь зимой, весной и осенью денно и ночью учится, а летом с энтузиазмом работает. Так ли это на самом деле? — невозмутимо спросил Эрнест.

— И так, и не совсем так! — серьезно ответил Виктор.— Студенческие строительные отряды, в которых ребята работают летом, и, кстати, получают за это немалые деньги, дело совершенно добровольное.

«Да, особой доброжелательностью тут, пожалуй, не пахнет. А впрочем, где ее взять, если с детских дней американцу настойчиво вдавливают в голову, что хуже советских и Советского Союза нет ничего ни на этом, ни на том свете, ни во всей Вселенной».

— Мы зайдем за вами через полчаса,— объявил Эрнест.— Вам надо с дороги привести себя в порядок.

У выхода из столовой их ожидали два бородатых длинноволосых парня в потрепанных джинсах и безрукавках. Парни были босиком.

— Нам сказали, что вы из русского посольства, обратился к Виктору один из них.

— Да, это так,— подтвердил Виктор.

— Очень рад,— парень протянул Виктору руку.— Бенджамин Девис, председатель студенческого комитета «Против ядерной смерти». Наш университет расположен в предместьях Чикаго. Мы приехали пригласить вас выступить у нас в понедельник. Сможете?

Он передал Картеневу конверт с приглашением. «Возвращаться все равно через Чикаго,— подумал Виктор.— Почему бы и не выступить, если зовут?»

— В какое время? — спросил он.

— Ровно в полдень, если вам это подходит,— быстро ответил Девис.— Спасибо, мы вас будем встречать у южного въезда в кампус в половине двенадцатого в понедельник.

Девис помахал всем рукой и через минуту исчез вместе со своим молчаливым спутником. Меж деревьев несколько раз мелькнул их старенький «фольксваген».

Вечером в актовом зале собралось около тысячи студентов. На сцене по обе стороны от вице-ректора расположились иностранные представители. Трое были из Африки, трое из Латинской Америки и двое — из Европы. Виктор оказался между африканцем и европейцем. Процедура была продумана до мельчайших деталей. Однако случилось непредвиденное. Когда вице-ректор представлял третьего африканца, у входа в зал послышался шум. Он постепенно рос, пока в зал не вошли с громкими криками человек десять — двенадцать. Все они были в черных полумасках. Передние несли транспарант, на котором большими буквами было написано: «Черномазые, убирайтесь прочь в свою вонючую Африку!», «Назад, на деревья — поближе к бананам!», «Кандалы и наручники — лучшая одежда для черных!», «Да здравствует ЮАР!» — выкрикивали вошедшие, остановившись в проходе.

Вице-ректор изменился в лице. Выражение благожелательности сменил откровенный испуг.

— Господа! — поспешно выкрикнул он в микрофон.— Господа! Прошу вас прекратить эту недостойную демонстрацию и покинуть зал.

В ответ кто-то крикнул:

— Сейчас мы и тебя пристрелим, жалкий прихлебатель черных ублюдков!

В зал ворвалась еще одна группа в черных полумасках. Эти выкрикивали лозунги через мегафон. Вице-ректор, поправляя галстук, говорил что-то в микрофон, но теперь его совсем не было слышно. В этот момент со сцены сбежал в зал Эрнест. Он подошел к человеку, сидевшему в первом ряду вблизи от прохода. Между ними произошел короткий разговор. Человек медленно поднялся, посмотрел куда-то в зал, махнул рукой, нехотя хлопнул в ладоши. Мгновенно подня-

лись на ноги полицейские, которых раньше не было видно. «Да их тут человек тридцать — сорок!» — прикинул Картенев. Полицейские медленно, словно нехотя, вышли в проходы и стали теснить демонстрантов. Делали они это без суеты, ловко, профессионально.

— Я приношу извинения за то, что нас отвлекли от того, ради чего мы здесь сегодня собрались,— все еще дрожащим голосом произнес вице-ректор.— В нашей стране каждый волен высказывать все, что он считает нужным. Так что инцидент, созданный демонстрантами, предлагаю считать ничтожными издержками абсолютной свободы индивидуума.

«Представляю, какими издержками нас порадуют в субботу, в наш день»,— подумал Картенев.

Впрочем, он ошибся. Правда, народу пришло больше, гораздо больше, чем на все другие национальные встречи — человек семьсот. И единственным нарушителем спокойствия оказался одинокий пикетчик, который кругами ходил перед входом в здание с довольно длинной палкой, к которой был прибит плакат: «Советский империализм — единственная и главная угроза миру и свободе!» Пикетчику было лет сорок. Он непрестанно жевал резинку и, казалось, не обращал никакого внимания на иронические замечания студентов, спешивших в зал. Одет он был весьма своеобразно: бриджи и сапоги, американская армейская рубашка, советские погоны с одним просветом и четыремья звездочками для старших офицеров на каждом, немецкая военная каска времен второй мировой войны. За широченным поясом торчало несколько пистолетов самых различных систем.

— Чем не огородное пугало! — шепнула Аня на ухо Виктору, когда они проходили мимо пикетчика. Уже в зале Виктор сказал:

— Ты вчера легла спать в десять. А я в одном из ночных выпусков телевизионных последних известий видел, как такое вот «огородное пугало» укукошило одиннадцать человек. Так, ни за что. Только потому, что они имели несчастье попасть на глаза очередному шизоиду.

Выступление Картенева «Россия — вчера, сегодня, завтра» слушали очень внимательно.

Он начал со связей Киевской Руси с Византией. «Американцы с гордостью меряют свою историю мерками девятнадцатого, в лучшем случае — восемнад-

цатого века. Пусть почувствуют, сколь древна цивилизация славян». Услышав о том, что через несколько лет исполнится тысячелетие со времени крещения Руси, зал оживился, заговорил. Затем вновь все затихли... Виктор назвал вехи героической истории России: год 1242... 1380... 1612... 1812...

— Многим не нравится то, что произошло в России в 1917 году. Но это, как говорится, их личное дело... Волею народов в России было низвергнуто самодержавие, власть перешла в руки трудящихся — рабочих и крестьян. Россия начала строить социализм, создавать индустрию. У Советской страны много достижений, о которых не «помнят» на Западе. Когда говоришь, что первым человеком в космосе был советский гражданин, ваши критики пожимают плечами: ну и что же? Зато когда у нас засуха и неурожай, они вопят на весь мир: «Советы все свои беды сваливают на засухи и войны». Кстати о войнах. Недавно по одному из третьестепенных каналов американского телевидения был показан фильм «Неизвестная война». О чем бы, вы думали, этот фильм, о какой войне? О нашей Великой Отечественной против Гитлера. Оказывается, для вас это неизвестная война. А мы потеряли в ней 20 миллионов человек. Это ли не пример двух диаметрально противоположных подходов и оценок одного и того же исторического события. И какого события! Мы заслонили грудью своей мир от коричневой чумы. И почти три года терпеливо ждали, пока откроется второй фронт. Не просто ждали — истекали кровью.

— Я воевал в Италии, — прервал Картенева грузный пожилой человек в очках, взяв один из микрофонов, расставленных в зале. — Я склоняю голову перед вашими великими жертвами.

— И мы чтим память союзников, погибших в Европе, Африке, на Тихоокеанском театре военных действий. Россия, единственная держава в Европе, приветствовала и поддерживала американскую революцию, ее освободительные войны, — сказал Картенев. — А когда грянула революция в России, США сделали все, чтобы ее задушить. Американские войска высадились на Севере, потом во Владивостоке. Не с цветочками — с пушками и пулеметами. Президент Вильсон сам на своей машинке отпечатал составленное им «Обращение к русским политическим группировкам». О чем в нем го-

ворилось пышными и красивыми фразами? Под видом помощи русскому народу миротворец Вильсон ставил своей целью задушить Советы. Ведь когда писались эти фразы, американские экспедиционные силы уже бесчинствовали на нашей земле.

— Не все же думали так, как хитрый Вудро,— осторожно возразил грузный пожилой ветеран.

— Не все,— согласился Виктор.— Тогда же сенатор Роберт Лафоллет из Висконсина заявил в конгрессе о том, что дело самих русских разбираться, хорошее или плохое у них правительство. По американским стандартам, мол, негоже Америке предпринимать попытки сбросить его. У Соединенных Штатов, сказал он, есть свои собственные проблемы, и лучше заняться тем, чтобы в будущем добиться процветания и обеспечить самоуправление собственному народу.

— Ну вот, видите! — облегченно вздохнул ветеран.

— Увы,— возразил Картнев,— решали не Лафоллет и его единомышленники. Решал хитрый Вудро и те, кто стоял за ним. Что же получилось в итоге? Революционные русские армии громили и белых, и интервентов. Американские войска были вынуждены покинуть пределы России к апрелю 1920 года. Но крейсер «Сакраменто» ушел из наших вод только в конце двадцать второго, прихватив с острова Русского, что под самым Владивостоком, последний отряд американских солдат. И это произошло, заметьте, уже после того, как закончилась наша гражданская война. После!

Зал молчал.

— Но были, были в истории и другие моменты,— продолжал Виктор.— вспомните еще раз вторую мировую войну — нашу общую борьбу с фашизмом. вспомните Сталинград. Я не хотел говорить, но моя мать погибла под Сталинградом. Отец пал еще раньше, под Смоленском. В каждой советской семье есть те, кто не пришел с поля боя. Лучшие сыны и дочери моего народа шли на смерть во имя будущей счастливой жизни. И если наши армии встретились на Эльбе как добрые союзники и друзья, то это был триумф разума, триумф здравого смысла.

В зале по-прежнему стояла тишина. Все-таки среди присутствующих были те, кто помнил Сталинград, помнил встречу на Эльбе, читал о них.

— Но если мы могли быть союзниками тогда, в битве

против общего и злейшего врага — фашизма, то почему мы не можем жить в дружбе теперь? Не просто сосуществовать, а вести совместный бой против врагов, которые являются общими для вас и для нас. Я имею в виду рак, нищету, голод. Да, у нас различные социально-экономические системы. Нас разъединяет пропасть предрассудков, взаимного незнания, недоверия. Так неужели разумно углублять эту пропасть? На мой взгляд, куда мудрее и конструктивнее найти точки приложения общих усилий и ресурсов ради общего блага... Над миром нависла угроза атомной катастрофы, не гуманно ли будет объединить наши усилия против этой величайшей беды? — Виктор закончил.

Не успел Эрнест, который председательствовал на вечере, объявить, что «начинается сессия вопросов и ответов», как в зале поднялось много рук.

— А правда, что из Москвы до Владивостока на поезде ехать больше семи суток? — спросил отутюженный блондинчик и, покраснев, сел.

— В какой части Советского Союза расположен Вьетнам? — задавший этот вопрос плечистый парень в светлом спортивном костюме вышел в проход и, чтобы не терять времени на возвращение, уселся в проходе на пол.

— Женятся добровольно или по партийному приказанию? — женщина лет пятидесяти строго смотрела на Виктора и Аню...

Наконец вопросы иссякли. «Я могу отвечать?» — шепотом спросил Эрнеста Картенев. Тот поспешно кивнул, и Картенев придвинул к себе один из микрофонов. «Придется заняться ликбезом, — мысленно сказал он себе. — Самообладание и выдержка — вот главное. Дирижеры этого провинциального Конкурса Любопытных хотят вывести тебя из равновесия. Зачем же ты будешь делать им такой подарок? Не нервничай и улыбайся, улыбайся пошире!»

— Когда мы ехали сюда из Вашингтона, я предполагал, что вы очень мало знаете о моей стране. Но я не думал, что ваши представления о ней столь превратны. Хотя последнее обстоятельство вполне объяснимо. Итак по порядку. Да, от Москвы до Владивостока скорый поезд идет семь суток. А это значит, что моя родина — огромная страна и не скрою, мне приятно об этом сказать. И не потому, что я хочу похвастать. Нет, совсем по иной причине говорю вам об этом. В мире много

пишут и спорят о загадочном феномене — таинственной славянской душе. Чтобы хоть чуть-чуть приподнять завесу над этой «таинственностью», скажу: на мой взгляд, бескрайние просторы России во многом способствовали широте русского характера. А где широта — там и удаль. Там и доброта, и веселье, и бесстрашие. Там и мерка всему громадная — и счастью, и горю, и правде, и чести. Да, от Москвы до Владивостока поезд идет семь суток...

Теперь вопрос следующий: «В какой части Советского Союза расположен Вьетнам?» Я не могу точно сказать, что стоит за этим вопросом — элементарное невежество, безудержная жажда провокаций или не столь уж наивное желание, пользуясь присутствием представителей прессы, покуражиться над советским дипломатом. На этот вопрос могли бы ответить тысячи и тысячи американских парней, сложивших свои головы в далеких вьетнамских джунглях. И те тысячи искалеченных, раненых, получивших увечья от своего же «оранжевого» облака. Я видел их шествия у Капитолия и Белого дома. Я мог бы на память процитировать надписи на плакатах, которые они несли, и лозунги, которые они скандировали... Все они хорошо знают, что Вьетнам так же далек от моей страны, как от вашей...

В зале стояла гробовая тишина. Вдруг в одном из задних рядов резко встала девушка, совсем молоденькая, почти девочка.

— Браво, русский, все — правда, все точно так и есть. Кто-нибудь может оспорить то, что мы услышали? У меня отец погиб там, во Вьетнаме... И за что? Кому это было нужно?

Никто не повернулся на ее голос. Все продолжали сидеть, потупив глаза, в абсолютном молчании.

— Теперь о любви и партийном диктате. Поверьте, нам трудно всерьез отвечать на подобные вопросы. Они звучат для нас фантастически нелепо. Извините.

Больше вопросов не было.

«Неужели все молодые американцы так слепо верят тому, о чем пишут их газеты? — думала Аня, когда Виктор заканчивал говорить.— Неужели их социальная активность мертва? Страшно. Это же своего рода атрофия вкуса к жизни. Модная западная болезнь, истоки которой — пресыщение». Она вспомнила разговор с вице-ректором во время вечеринки на дому у одного из профессоров университета.

— Студенческая жизнь в университете зависит от того, что происходит в окружающей социальной среде,— сказал тогда вице-ректор, поправляя галстук.— Знаете, как у океанских волн — бывает девятый вал, а бывает и абсолютный штиль...

Народу в зале перед началом кинофильма заметно прибавилось. Кроме документальных, Картенев привез свой и Анин любимый художественный — «Сорок первый». Однако не была еще прокручена и половина ленты, а Картенев с недоумением обнаружил, что люди покидают зал.

— Может ли быть, что мы настолько психологически несовместимы? — с горечью прошептала Аня.— Смотри, им не нравится то, что мы считаем почти шедевром!

Картенев молчал. «Ну хорошо, сейчас в студенческом движении явный спад,— думал он.— Но не может же не быть у студенчества элементарного интереса к жизни, естественного, простейшего. Правда, студенты одного университета — это еще не все студенчество. Но где те ребята, которые сжигали призывные повестки во Вьетнам? Где те парни и девушки, те отчаянно смелые бунтари, которые бросали правду в лицо администрации, не думая о последствиях?»

Уже в фойе Виктора и Аню нагнал парень борцовского телосложения. Он откашлялся. Заговорил страстно, быстро: «Вы не судите по нашему университету о всех студентах страны. Здесь учатся в основном отпрыски «денежных мешков». Я ни за что в жизни сюда бы не попал, если бы не благотворительный фонд моего штата для одаренной молодежи. Но таких, как я, здесь всего 19 человек. Мы против войны, против расизма. Мы хотим дружить с ребятами из Советского Союза. Так и передайте дома — мы хотим жить в дружбе».

Он крепко пожал руку Виктору и Ане и исчез в одном из коридоров.

Виктор подумал, что на чикагском телевидении ему выступать было куда интереснее, чем в этом сытом и таком благополучном, таком безмятежном «Храме наук». В тысячу раз труднее. Но и интереснее. Тогда последний телефонный вопрос был, пожалуй, единственным нейтральным, не враждебным:

— Сэр, что произвело на вас наибольшее впечатление в Америке?

Картенев молчал, задумавшись. Ведущий мельком взглянул на часы.

— На ответ у вас есть двадцать пять секунд. Итак, что произвело на вас самое сильное впечатление в этой стране?

— Да, да, — словно перебирая в уме воспоминания, сказал Виктор медленно, негромко... — Соседство захватывающей дух высоты с безмерностью бездны.

...Это было в Чикаго, на смотровой площадке самого высокого в мире здания «Сиэрс Тауэр». Асмер Треммер, сопровождавший Виктора журналист, представил его Рикардо Чилиано, физику, нобелевскому лауреату. Тот задумчиво смотрел на раскинувшийся внизу город.

Постепенно они разговорились.

— Прихожу сюда иногда поразмышлять о грядущем, — сказал ученый.

— Америки? — поинтересовался Картенев.

— И Америки тоже, — помедлив, ответил Чилиано.

— Наш друг — марксист, — Треммер улыбнулся, похлопал Виктора по плечу. — У них все будущее по полочкам разложено.

— Я бывал в России, — заметил Чилиано, откинув прядь седых волос со лба. — Знаю русских коллег. Ничего у них нигде не разложено. Все — в поиске. Если бы объединить наши богатства с их полетом...

— Да умножить все это на общие знания! — подхватил Треммер.

— Мы, — продолжал Чилиано, — безмерно разобщаем, обедняем ресурсы планеты — природные и человеческие.

— Обедняет всех гонка вооружений, — уточнил Виктор. Чилиано быстро взглянул на него, заговорил после паузы:

— Моя деятельность не имеет касательства к войне. Но вы правы: бомбы обделяют людей. Однако верно и то, что переделать свою натуру человек не властен. Вы не верите нам, мы не верим вам. Так повелось не вчера, от первобытных племен. Путь, казалось бы, пройден немалый. А инстинкты те же.

— Где же выход?

— Я верю в инстинкт самосохранения рода. Не спорю, пассивная позиция. Но мы и делать кое-что

пытаемся. Я вице-президент общества «Ученые США — за мирное решение». Конференции, петиции...

— А Пентагон все новые миллиарды глотает,— усмехнулся Треммер.

— Мечтаю создать машину,— произнес нараспев Чилиано,— которая одним нажатием кнопки уничтожила бы все оружие на всей земле. Все — и в мгновение.

— Но ведь это же утопия! — воскликнул Картенев.

— Когда-то и самолет, и подводная лодка, и тем более полет в космос были утопией,— серьезно ответил ученый.— А что бы подумал питекантроп, увидев башню, на которой мы с вами сейчас стоим?

— Военные не допустят такого изобретения,— забеспокоился Треммер.

— И еще я мечтаю, чтобы в мире не было голодных и бездомных, несчастных, одним словом,— продолжал Чилиано,— я не бедный человек. Все свои деньги я с удовольствием раздал бы жаждущим и страждущим. Но я понимаю — это не решение. Это было бы каплей в море. Я не Иисус Христос. Однако сама мысль, что где-то в мире от голода умирает ребенок, невыносима.

— Мистер Картенев скажет: «Система виновата»,— повернулся к Виктору Треммер.

— Не знаю,— с тоской в голосе сказал Чилиано,— я не политик, Я всего лишь ученый.

В понедельник в половине двенадцатого Картенева подъехали к тому месту, где их должен был встречать Бенджамин Девис. Это был один из многочисленных боковых въездов в кэмпус популярного чикагского технического колледжа. Здесь начиналась тенистая аллея многолетних лиственниц, под которыми разместились два-три неприхотливых деревянных столика со скамейками. «Подождем,— сказал Виктор Ане, опускаясь на одну из них.— Американцы обычно точны». Аня открыла дверцу, но из машины не вышла. Сидела, откинув голову, прикрыв глаза широкой розовой панамой.

Наконец со стороны хайвея к «понтиаку» подъехал потрепанный «фольксваген». Из него вышел Бенджамин. Трое его спутников остались в машине. «Часы можно проверять»,— восхищенно подумал Картенев.

— У нас не совсем спокойно,— проговорил Девис, радушно поздоровавшись.— Вообще-то ничего особен-

ного, но тайных агентов понаехало порядочно. Почти все въезды администрацией перекрыты. Вы следуйте за нами, я знаю, где мы сможем беспрепятственно проехать. Теперь так. Мы думаем, что поскольку вы дипломат, ради вашего же спокойствия вряд ли стоит сейчас выступать. Мы и сами не знали, что обстановка так обострится. Однако если вы не против, мы хотели бы объявить, что вы — по приглашению ректора — находитесь на территории кэмпуса.

Картенев кивнул: «Конечно».

— Тогда в путь, — заключил Девис.

«Фольксваген» развернулся, рванул с места. Картенев поспешил за ним. На дорожке, по которой они прибыли в кэмпус, могли едва-едва разминуться две машины. Внезапно оборвалась густая роща, сквозь которую, изгибаясь, бежала дорожка. Замер как вкопанный «фольксваген». Завизжал тормозами, едва не наехав на машину Девиса, «пontiак». Аня и Виктор подошли к Бенджамину и его спутникам, которые о чем-то громко спорили.

— Согласен, — расслышал Виктор последние слова Девиса. — Ты, Реджи, быстро сообщи ребятам, что взрывать будем через пятнадцать минут. Потом — похороны.

Только подойдя к Девису и его спутникам, Аня и Виктор увидели, что «фольксваген» остановился перед довольно обширной площадью. Она упиралась в большое и, судя по всему, новой постройки светлое здание. Вся площадь усеяна сидевшими прямо на асфальте довольно плотно друг к другу молодыми людьми.

— Сидячая забастовка, — показав рукой на площадь, сказал Бенджамин. Мельком переглянувшись, Аня и Виктор рассматривали сидевших на земле.

— Против чего забастовка? — спросил наконец Виктор.

— Они, сволочи, нас обманывают! — зло крикнул чернобородый, устроившийся у самого колеса «фольксвагена». — Военным нас продают. За счет наших мозгов к властям подлизываются.

— На днях нам стало известно, — пояснил Бенджамин, — что администрация нашего колледжа уже несколько лет подряд заключает контракты с Пентагоном. Студенты и преподаватели разрабатывают вроде бы невинные усовершенствования.

— Решают как бы абстрактные технические задач-

ки. И только! — вставил тощий лысеющий юноша.

— Как бы не так! — продолжал Девис. — Эти на первый взгляд абстрактные разрозненные задачи на самом деле являются звеньями сложнейшего комплекса. И заказчики — военные ведомства.

На ступенях широкой пологой лестницы, которая вела в здание, стояла группа людей в штатском и в полицейской форме. Полицейские были видны и вдоль всех сторон площади. Но вот девушка вынесла на лестницу микрофон. Рядом с ним на специальной подставке высился национальный флаг. К микрофону подошли двое. Один из них был во фраке, цилиндре, белых перчатках. На груди у него красовалась светлая дощечка. Черным на ней было выведено: «Почтенный Ученый». Другой был в военном мундире с генеральскими погонами, в армейской фуражке с высоченной тульей. Они церемонно раскланялись друг с другом, поприветствовали сидевших на площади, затем — стоявших на ступеньках лестницы.

— Ваше превосходительство, — загнусявил Почтенный Ученый. — Как прекрасно, как великолепно я себя чувствую, исполняя ваши поручения.

— Ах, Господин, дарующий смерть! — пробасил генерал. — Как прекрасно, как великолепно я себя чувствую, передавая вам наши поручения. Как вы полагаете — может ли быть что-нибудь чище «чистой бомбы»?

— Чище «чистой бомбы», ваше превосходительство, может быть только моя совесть.

— О-хо-хо! А-ха-ха! — захохотал генерал. — Мы решили наградить вас медалью конгресса «За спасение недвижимого».

С этими словами генерал поднял со ступенек и вручил Почтенному Ученому полутораметровый плакат. На нем была изображена бомба, которая своим оперением стояла на множестве долларовых ассигнаций. Почтенный Ученый преклонил колено и несколько раз поцеловал плакат. При этом он воскликнул: «Ваше Кроваожадное Превосходительство! Я обещаю изобрести и такую бомбу, которая будет уничтожать все живое, но сохранять не только недвижимое, но и движимое».

— Браво! — загремел генерал. — В этом случае мы совершенно категорически обессмертим ваше имя и присвоим вам звание «Почтенный Рыцарь Всех Бомб и Снарядов».

— Да здравствует Пентагон — колыбель добра и

цитадель совести! — закричал Почтенный Ученый. — И да не оскудеет его дающая рука.

— Да здравствует наша наука! — вторил ему генерал. — Она убивает все ненужное и множит все нужное.

Откуда-то сзади раздался колокольный звон. Он нарастал, и по мере того, как все громче выплескивался на площадь, на ступени лестницы выдвигалась процессия. Она состояла из людей, одетых в черное. Шестеро передних несли гроб. Вот процессия вышла на площадь и направилась к ее центру. Сидевшие раздвигались, давая ей дорогу. Колокольный звон сменился звуками траурного марша, который звучал тихо, но внятно.

— Кого хоронят? — испуганно спросил Почтенный Ученый.

— Великого Администратора, — плачущим голосом произнес генерал.

— За что же его, беднягу? — продолжал Почтенный Ученый.

— За нарушение всех предвыборных обещаний! — плачущим голосом сообщил генерал, и откуда-то из-под его парика на ступеньки брызнули «слезы».

— Какое несчастье! — завопил Почтенный Ученый. — Какое несчастье, ваше Восхитительное Превосходительство.

— Что еще? — удивленно спросил плачущий генерал.

— Если так, сколько же еще предстоит похорон! — вздохнул Почтенный Ученый. — Сколько придется хоронить конгрессменов, сколько сенаторов...

— Губернаторов, — пуще прежнего залился слезами генерал.

Гроб установили в центре площади. Все сидевшие на ней встали, образовав несколько огромных кругов. Двое в черном принесли тонкие сухие поленья, бумажный мешок с углем. Вскоре вокруг гроба занялся костер. Огонь быстро слизнул звездно-полосатый флаг, которым был покрыт гроб. В абсолютной тишине слышалось потрескивание горевшего дерева. Исчезли Почтенный Ученый и генерал. У микрофона теперь стояли Бенджамин Девис, какая-то девушка, несколько духовных лиц.

— Так будет с каждым, кто, в надежде обмануть историю, пытается обманывать собственный народ! — звонко проговорила девушка.

— Ибо мы все знаем и помним слова Авраама Линкольна,— продолжал Бенджамин.— «Можно долго обманывать часть народа, и можно обманывать весь народ какое-то время, но нельзя обманывать весь народ все время».

— Долой лжецов! Долой преступных маньяков! — раздались выкрики в толпе.— Долой убийц!

У студентов в руках оказались незаметные до сих пор камни и палки. Выстроившись в шеренги, демонстранты повернулись лицом к полицейским, которые неожиданно окружили площадь. Раздались слова команды. Полетели гранаты со слезоточивым газом. Разрываясь, они порождали грязно-черные клубы, которые мчались по площади. В воздухе засвистели камни, замелькали палки. Крики и стоны неслись со всех сторон. На площадь выскочили четыре полицейских фургона. Демонстрантов пытались затолкнуть в эти машины. Студенты ложились на асфальт. Полицейские, разбивая в кровь лица, тащили их волоком, награждали свирепыми пинками. К микрофону подбежало сразу несколько человек в штатском. Они сбили с ног Бенджамина и его спутницу, подхватили микрофон, понесли его ко входу. Тут же их окружила дюжина студентов. Драка была короткая, но жестокая. Одному штатскому проломили голову, и он, зажав рану руками, побежал вниз по лестнице и потом по площади. Кровь заливала ему глаза, его пронзительный крик вырывался из всех других шумов. Девушке, видимо, сломали ударом кастета ключицу, и она, потеряв сознание, повисла на руках Бенджамина. Микрофон был возвращен на свое место, и Бенджамин выкрикнул в него срывающимся голосом:

— Смотрите все! Смотрите, что эти изверги готовят для всех нас!

На северной окраине площади, где до сих пор было пустынно, появилось несколько человек. Они быстро установили какое-то устройство и, отматывая присоединенный к нему провод, бросились прочь с площади. Прошло всего лишь несколько секунд, и бесшумно вспыхнул над устройством ослепительный свет. Грязно-серый дым столбом вознесся в небо, и над кампусом, надо всем этим районом города пополз чудовищный «атомный» гриб.

— Вот что готовят для нас «гориллы» из Пентагона и «ястребы» из Капитолия! — гремел над пло-

шадью голос Девиса.— Не дадим убить себя! Не дадим убить всех других! Не дадим ядерным самоубийцам покончить с нацией.

Стихшее на какое-то время побоище вспыхнуло с еще большим ожесточением и силой.

«Давно уже пора садиться в машину»,— подумал Виктор. Он посмотрел на Аню, и она, словно прочитав его мысли, раскрыла дверцу. Уже сквозь стекла своего «пontiака» они видели, как большая группа полицейских стащила со ступеней Бенджамина, который продолжал держать на руках девушку...

Глава шестнадцатая

ПИСЬМА МАТЕРИ

Письма эти, перевязанные красной шелковой ленточкой, тоненькой пачкой путешествовали с Картеневым повсюду, куда бы ни забрасывала его судьба. Читал он их не часто, всегда под настроение, никогда — при свидетелях. Из всех близких ему людей одна Аня знала их содержание.

Сейчас он не спеша подошел к окну, раскрыл шторы и долго смотрел на ночной Вашингтон. Красивый, но холодный город... Они только что вернулись из этой тяжелой поездки в Чикагский университет. Они очень устали. Аня уже спала, еле добравшись до постели. Где-то за тысячи километров, на другом конце света Москва. А под Сталинградом в скромной братской могиле лежит прах его матери. «Надо будет непременно съездить туда в отпуск, поклониться маме...» Захотелось перечитать ее письма.

Виктор включил настольную лампу, достал письма, стал читать.

Письмо первое

5 июня 1942 года, Москва.

Витюшенька! Сыночек мой любимый, единственный!
Солнышко мое!

Письмо это, если я погибну, передаст тебе твоя бабушка. Она расскажет тебе о том, как оставила тебя, годовалого, на ее руках и ушла на фронт. Иначе я не могла.

Светленький мой!

Ты родился через две недели после того, как твой отец уехал воевать с фашистами. У тебя был лучший папа на свете. Добрый, ласковый, сильный. Так случилось, что ты никогда его не видел. Но ты можешь гордиться своим отцом. Он погиб под Смоленском, сражаясь как герой.

Я очень любила его, сынок. Отомстить за его смерть в нашей семье, кроме меня, некому. И я пошла на фронт. Верю: ты поймешь, когда вырастешь, что твоя мама не могла иначе.

Целую тебя тысячу раз, мой родной, кровиночка моя.

Живи долго, счастливо, как мечтали мы с твоим папой.

М а м а

Письмо второе

23 ноября 1942 года, Сталинград.

Дорогая Катюша!

Не писала давно даже маме. Идут очень тяжелые бои.

В короткие передышки мечтаем о будущем. Мы знаем, что эта война последняя, и ради одного этого стоит умереть. Когда мы говорим об этом в землянках или в окопах, где смерть в двух шагах, нам, конечно же, не хочется умирать. И тем, у кого есть дети, и холостякам. Никому не хочется. Но каждый знает, что бескровных побед не бывает. И мы платим за нашу грядущую победу самую дорогую цену. Каждый надеется остаться в живых, но не за счет другого. Да, каждый мечтает дожить до победы. Но никто не знает своей судьбы. Только что справа и слева, в одном коротеньком метре, погибли ребята, с кем я делила дымное тепло землянки, глоток кипятка, сухарь. Тлеет шинель, ее полы и рукава пробиты осколками, а на мне — ни царапины. Все говорят: «Повезло!» Конечно, повезло. Хотя частенько я вспоминаю лермонтовского «Фаталиста»...

Сегодня фриц совсем не тот, что три, четыре месяца назад. Сбили мы ему спесь. Показали, как говорят ребята, кузькину мать. Воюет так же зло, но чаще сдается в плен. И жалуется: на вши, на морозы. Хотя настоящих наших морозов еще как следует и не нюхал.

Сегодня день рождения Оли. Утром политрук подарил ей букет цветов. Нарисовал карандашом на листе армейской газеты гвоздики и ромашки. Вечером ребята собираются устроить концерт с трофейным аккордеоном...

Целую. Твоя любящая подруга Вера.

Письмо третье

17 июля. 1943 года. П/п 2416.

Дорогая Наталья Семеновна!

С сердечной мукой вынужден сообщить Вам, что Ваша дочь, а наша замечательная боевая подруга Вера Картенева смертью храбрых погибла в бою за нашу Советскую Родину. Случилось это в черные дни прорыва из окружения, черные дни отступления. Нас оставалось пятеро, кто перенес, выстрадал все это. Вера была, пожалуй, самой сильной и самой стойкой из всех нас.

За что мы все любили эту замечательную женщину, нашего товарища, нашу верную боевую подругу, сестру Веру?

За верность и скромность, храбрость и самоотверженность, с которой она так героически сражалась и отдала свою молодую жизнь. Для нас она была больше, чем сестра, больше, чем боевой товарищ и друг.

Мужайтесь, дорогая Наталья Семеновна! Вы должны вырастить Верочкиного сына. А мы все, кто останется жив, обязательно будем Вам помогать. Когда сын в светлом будущем вспомнит о своей матери, пусть увидит он не только ее прекрасный облик, а столь же прекрасную Родину-Мать во фронтовой шинели, спасающую будущее всего человечества от насилия и позора.

Всегда Ваш, капитан Варенцов Иван Петрович.

...Виктор спрятал письма. Вздохнул. Подумать только, он теперь почти вдвое старше мамы. Когда она погибла, ей было всего 23 года. А папа был убит, не дожив до тридцати. Они ушли такими молодыми, чтобы жили мы, чтобы жизнь на земле продолжалась...

Он присел к столу. Достал лист бумаги и попытался сосредоточиться. Надо было обдумать, на что он обратит внимание советника-посланника в своем отчете о поездке.

ПИРРОВА ПОБЕДА

— Какой нетонкий эксцентрик, этот Джерри Парсел! — осторожно оглядевшись по сторонам, воскликнул молодой гость. — Нет, чтобы придумать нечто воистину экстравагантное, воистину американское — он выбрасывает ежегодно, я даже боюсь назвать сумму — ради устройства этого бала «Голубой Козленок».

— Во-первых, — возразил пожилой гость, — стоимость этого ежегодного бала хорошо известна: полмиллиона долларов. Иными словами, на каждого приглашенного расходуется две тысячи. Не так уж и много. Особенно, если учесть, что благотворительные базары и аттракционы с лихвой вернут хозяину все его затраты.

Они подошли к высокой пирамиде, расположенной в самом центре большого парадного зала нью-йоркского особняка Парсела. У пирамиды была срезана вершина. Вместо нее, на высоте примерно пятнадцати футов, размещался вольер, в котором находился голубой козленок.

— Позволю себе не согласиться с другим вашим замечанием, — продолжал пожилой гость, надевая очки и внимательно разглядывая животное. — Мне представляется, трудно придумать что-либо более американское, чем этот бал.

Он попробовал пальцем отколупнуть кусочек золотой краски, которой была окрашена пирамида. Впрочем, поняв тщетность своих попыток, он продолжал:

— Ритуал этого бала был определен более полувека назад покойным отцом покойной Маргарет.

— Да, но почему козел? — молодой гость недоуменно пожал плечами. — И почему именно голубой?

— Теперь уж точно и не помню, — улыбнулся пожилой гость, — кажется, кто-то из предков Маргарет где-то далеко на Диком Западе поймал именно такой расцветки козла...

— Ну и что же? — не унимался молодой гость. — Почему этому событию нужно посвящать ежегодный бал, да еще приглашать на него цвет нью-йоркского общества?

К собеседникам подбежала молодая женщина. На ней было бледно-сиреневое платье с глубоким декольте, на лице — полувуаль, оставлявшая открытыми лишь глаза и лоб.

— Как, господа, вы еще без масок? — и она протянула к ним лоток, висевший у нее через плечо. На лотке были стопками разложены всевозможные маски — от самых простеньких до довольно замысловатых. Против каждой стопки приколот маленький ценник: 100 долларов, 350 долларов, 500 долларов... Пожилой гость быстро взял самую дорогую маску, небрежно отсчитал несколько сотенных ассигнаций, вручил их женщине. Молодой гость, напротив, выбирал долго, примерял то одну, то другую, ворчал, что никакая ему не подходит и, как бы между прочим, спросил:

— А что, без маски никак нельзя?

— Никак, — улыбнулась женщина. Молодой гость вновь стал недовольно перебирать маски. — Вот эта вам больше всего к лицу! — проговорила, теряя терпение, женщина и протянула ему одну, за триста долларов:

— Вы так думаете? — раздраженно пробурчал молодой гость, но маску взял и деньги вложил. Чтобы хоть как-то выказать свое неудовольствие, он не вложил их в руку женщины, а с досадой бросил на лоток. Женщина собиралась уже было направиться к другим гостям, но пожилой легонько удержал ее за руку:

— Скажите, почему именно голубой козленок?

— О, господа, — оживилась женщина, — эта история прямо в духе наших пионеров! Один из предков Маргарет Парсел, выйдя из фургона, увидел в двадцати шагах от себя козленка. Козленок рыл землю ногой и не обратил на человека никакого внимания. Тогда наш бравый пионер схватил винтовку и выстрелил. И что бы вы думали? Он был очень метким стрелком, а тут промахнулся. Подумать только, с двадцати шагов! Козленок исчез. Когда наутро пионер проснулся и вышел из фургона, он вновь увидел козленка на том же месте. При свете солнца пионер хорошо разглядел, что мех у козленка был светло-голубого цвета. И вновь он рыл копытцем землю. «Не знамение ли это свыше?» — подумал пионер. И стал копать там землю. И что бы вы думали, господа? В том месте оказалось столько золота, что оттуда и началось богатство предков Маргарет. Я не прощаюсь с вами, господа. Милости прошу к моему прилавку во время Базара Сувениров...

Гости меж тем прибывали. Внутренняя стоянка была рассчитана машин на пятьдесят, не больше. Поэтому

«кадиллаки», «роллс-ройсы», «мазератти», «мерседесы», бесшумно подкатив к центральному подъезду особняка и бережно высадив своих пассажиров, оглядели фонтан и искали пристанища на близлежащих улицах. Стоявшие у въезда полицейские лениво обменивались краткими замечаниями, надменно разглядывали густую толпу зевак, собравшихся, как обычно, на тротуарах. Войдя в дом, вновь прибывшие попадали в довольно широкий и длинный вестибюль, из него — в малую гостиную и далее — по выбору — в одну из трех больших гостиных.

Хозяин и хозяйка встречали всех в малой гостиной. Они выстаивали там ровно четверть часа и затем отправлялись в длительный «вояж» по всем четырнадцати большим и малым залам и холлам первого этажа. За эти четверть часа они успевали поприветствовать лишь сто первых гостей. Поцелуи, рукопожатия, вопросы о здоровье, о том, как идут дела, о том, как здоровье близких родственников и лучших друзей... Мелькали туалеты стоимостью в несколько тысяч, браслеты, кольца и перстни стоимостью в несколько десятков тысяч, ожерелья и кольца стоимостью в несколько сотен тысяч. Молодость и красота соседствовали со старческой дряхлостью и уродством, быстрота и энергия — с вялым угасанием. Большинство гостей представляли хорошо известные в деловом мире фамилии. Однако было немало и нуворишей, разбогатевших после второй мировой войны, главным образом на военных поставках или нефтяном буме. То там, то тут собирались небольшие группы по родственному или — реже — по деловому признаку. Гости медленно двигались друг другу навстречу, обменивались приветствиями, шутками, новостями. Устав от разговоров, направлялись к многочисленным столам и барам; устав от еды и питья, шли танцевать; устав от толчеи, выходили в сад. Закуски и напитки были самыми изысканными, оркестры и комики — самыми знаменитыми. Все приглашенные были, разумеется, пресыщены всем самым лучшим, самым редким, самым дорогим. Поэтому главный смысл бала для большинства заключался в самом факте появления на нем, надежно удостоверявшим принадлежность к избранным. От года к году контингент гостей изменялся мало. Несколько смертей, два-три человека, чьи банковские счета так возросли за минувший год, что стали пропусками на этот бал.

...Беатриса появилась с Раджаном, не предупредив отца. Бал «Голубого Козленка» был ее семейным праздником, и она считала, что вправе пригласить на этот праздник любого, кого сочтет нужным. О неприятном разговоре с отцом за ленчем Раджану она не рассказала. Надеялась, что время на их стороне, что отец в конце концов смирится. Они приехали минут через сорок после назначенного времени и вместе с другими запоздавшими гостями прошли в дом. В малой прихожей их поприветствовал лишь Маркетти. Ни Парсела, ни Рейчел там уже не было. Они встретились час спустя на одной из больших веранд, выходящих в сад. Вконец запыхавшись после модного танца, Беатриса попросила Раджана принести ей чего-нибудь выпить. Она полулегла на небольшой темно-бордовый диванчик и смотрела через распахнутое окно в сад, погруженный в полутьму. Мелькали какие-то таинственные тени. Слышался чей-то шепот. Где-то, наверное в самой дальней беседке, едва слышный, раздавался женский смех. Закрыв глаза, Беатриса чувствовала, как ее тело словно колышется на больших теплых волнах. Слышались удары, ритмичные удары прибоя. Она, все так же не открывая глаз, прижала ладони к вискам. Удары сделались заметно слабее. Беатриса усмехнулась: «Пьяненькая! Немного пьяненькая! Но позволителен вопрос: когда мне и быть пьяненькой, если не сегодня? Мне так хорошо, хорошо. Только вот мамы рядом нет...» Мама... Из одного из этих залов Беатриса и провожала ее в фамильный склеп. Мама... Беатриса вспомнила, как она когда-то случайно услышала разговор между мамой и отцом. Девочке едва исполнился шестой год, но разговор этот она запомнила на всю жизнь.

— Тебе мало этих девок на стороне! Ты и в дом при-тащи одну из своих потаскушек...

— Ты всегда преувеличиваешь, Мардж. Луиза — невинное дитя. К тому же она прекрасная гувернантка — Беатриса в ней души не чает!

— В вестибюле сидят полицейские. Они просят разрешения обыскать комнату, в которой проживает это «невинное дитя».

— Что за чепуха! У Луизы рекомендательное письмо от самого графа Кутюрье.

— Не имею чести знать этого графа, но представляю, какие прелести и способности Луизы он расписал тебе в своих рекомендациях. Дело, однако, серьез-

нее, чем ты думаешь. Это «дитя» подозревается в соучастии в ограблении.

— Боже милостивый!

— Снова ты поминаешь имя Господа всеу и снова связываешься с бездарной актрисой и беззастенчивой авантюристкой. Я молю Бога, чтобы наша дочь никогда не узнала о той ужасной двойной жизни, которую ведет ее отец.

— Мардж! Клянусь Всевышним, не стоит так волноваться по столь незначительному поводу. Пусть полиция займется своим делом. Я уверен, что это недоразумение очень скоро выяснится. И, милая Мардж, у меня ничего не было с этой девочкой!

Беатриса очень хорошо помнила, что ее охватило тогда чувство обиды за Луизу. Но не была она довольна и тем, как говорила и как вела себя мама. Отец, отец — другое дело. Он всегда, несмотря ни на что, вызывал у нее чувство симпатии, и осознанной, и инстинктивной. Едва увидев его, она уже радостно улыбалась. А ведь он был с ней достаточно строг, и пока ей не исполнилось четырнадцать лет, все подарки, все экстравагантные сюрпризы она получала только из рук матери. Став старше, она внутренне всегда была на стороне отца в его легкомысленных «проказах». Временами, когда она задумывалась над этим, ей самой все это казалось странным, плохо объяснимым. Ведь она обожала маму. И не была по натуре ни особенно страстной, ни хоть чуточку распушенной. «Я — папина дочка, — говорила она сама себе с усмешкой. — Не знаю почему, но я готова простить моему папке все, что бы он ни сделал. За его силу. За его ум. За его широту. Что может быть прекраснее в мужчине, чем эти три качества? Ни-че-го!» А то, что отец тяжело перенес смерть мамы, еще больше возвеличило его в глазах Беатрисы.

Беатриса открыла глаза. Перед ней стояли трое: Раджан протягивал высокий стакан ледяного лимонада, смешанного пополам с пивом — ее любимый шэнди; Рейчел и Джессика Оупенхартс, улыбаясь, внимательно разглядывали ее прическу.

— Клянусь Озирисом, — воскликнула Джессика, — перед нами сама Клеопатра Великолепная!

— Антоний, — в тон Джессике проговорила Беатриса, обращаясь к Раджану, — дай мне утолить жажду слезами лотоса!

— О да, — вступила в разговор Рейчел, — слезы

лотоса — единственные сладкие слезы во Вселенной.

— Это и понятно, ведь это слезы разделенной любви,— к беседовавшим присоединился Дик Маркетти, который привел за собой официанта с подносом, уставленным напитками. Каждый не спеша наливал себе свое — виски, джин, вино, коньяк — или готовил нехитрую, но приятную смесь, добавляя тоника, содовой, простой воды. И льда.

— Вы бы только посмотрели, господа, каким смешным выводком выглядят Вандергольды,— смеялась Джессика.— Впереди чинно выступает папа Вандергольд, за ним Вандергольд-мама, а за нею — в порядке старшинства — все братья и сестры Вандергольды соответственно с мужьями и женами.

— А поскольку в семье Вандергольдов по неизменной традиции в советы директоров, правления и наблюдательные советы входят не только мужчины, но и женщины,— продолжала Рейчел,— то получилось нечто вроде выездного заседания правления банка «Вандергольд и К°».

— Как я завидую вашему предку, Беатриса! — вздохнула Джессика.— Романтика, поэзия, свист пуль и грохот каменных обвалов, засады краснокожих и непрерывные стычки с ними. Жизнь!

— И не без чудес! — заметила Беатриса.— Какой-то голубой козленок находит золото и определяет вот уже более двухсот лет судьбу нашей семьи.

Слушая разговор женщин, Раджан думал о своем. Он знал, что Джерри Парсел — один из самых богатых людей Америки. Но, признаться, не ожидал встретить такую роскошь в его доме. Роскошь, не скрытую от глаз других, а, напротив, кричащую о себе во весь голос. Он видел роскошные дворцы и у себя в Истардии. Но чтобы целый зал был инкрустирован затейливыми золотыми пластинами, искусно врезанными в плитки разноцветного мрамора, весь зал — и потолок, и пол, и стены — такого он не видел еще никогда. И эти туалеты, и драгоценности, и яства... Роскошь как бы кричала: «Я правлю всем светом! На остальное мне наплевать!»

Раджан вспоминал Гарлем. И содрогался. Это же совсем рядом. Подумав о Гарлеме, он внимательнее огляделся вокруг. Маски и полумаски не могли скрыть факт, который поразил его: здесь, на этом балу, кроме официантов, не было ни одного человека с небелым цветом кожи. Не считая его самого. Но ведь он не был при-

глашен. Его привезла дочь хозяина, уверенная, что она вправе делать все, что ей хочется. Он не знал, так ли это на самом деле. Не знал и истинного отношения ее отца, мистера Джерри Парсела, к их роману. И отношения всех этих людей, собравшихся сегодня здесь. Однако, прожив в Америке около полугода, он уже приобрел определенный опыт, кое-что ему подсказывали коллеги-журналисты — дружественные, нейтральные, откровенно враждебные — многое он чувствовал интуитивно, еще о большем смутно догадывался. Будучи представителем древней и мудрой цивилизации, человеком умным и тонко чувствующим, он мгновенно читал наспех скрытое презрение в глазах неуча и дилетанта, умел за приветственными словами вышколенного эрудита разглядеть глубоко спрятанную ненависть. В его стране были очень сильны кастовые, религиозные, сословные барьеры. Но там никому не приходило в голову ставить человека вне закона, руководствуясь расовыми соображениями.

Перед поездкой в Штаты, помнится, Раджан лишь однажды задумался о том, что в этой стране судьба его может сложиться совсем независимо от воли его и его любимой. Это произошло в американском посольстве, когда он приехал туда за въездной визой. Его встретил весьма учтивый консульский работник — воплощение вежливости, радушия, остроумия. Они минут двадцать поговорили о культурной жизни Нью-Йорка, и время для Раджана бежало незаметно. Внезапно взгляд его упал на развернутую полосу «Лос-Анджелес таймс». На полосе синим карандашом была отчеркнута какая-то заметка. Раджан без труда прочитал заголовок: «Насильник и убийца черной девочки все еще не найден». Американский дипломат, перехватив его взгляд, оборвал фразу об очередной театральной премьере на Бродвее на полуслове. Сложив газету, он сунул ее в ящик своего стола; словно бы извиняясь, заметил: «Джорджия. Юг. Традиции. Ездить туда на первых порах я бы вам, говоря откровенно, не рекомендовал». «Что же, и через двести лет после революции и через сто лет после гражданской войны все еще живы рабовладельческие, каннибальские традиции?» — подумал он тогда. И оказался во власти гнетущих, тяжелых сомнений, которые, правда, рассеялись, как только он ступил на борт самолета «пэнэм», который должен был доставить его в Нью-Йорк к его мечте, к его возлюбленной, к его Беатрисе.

И вот он здесь, в ее доме, на балу в обществе избранных. И с ним все ласковы и предупредительны. Беатриса внешне спокойна, уверена, тверда. Но Раджан изучил Беатрису достаточно для того, чтобы понять, что она нервничает — и, пожалуй, не нервничала так уже давно. Раджан не думал о том, что в этот вечер на карту была поставлена судьба его и Беатрисы, их любовь. Но он понимал, что подавляющему большинству собравшихся в тот день в особняке Джерри Парсела людей была противна сама мысль о том, что белая женщина может принадлежать темнокожему и быть с ним счастливой. «А если,— думал Раджан, взглядом лаская Беатрису,— ее отец, могущественный Джерри Парсел, мыслит иначе, чем так привычно большинству? Ведь чем-то должен же от них отличаться он, сам Джерри Парсел?»

— Я всегда с удовольствием бываю на вашем ежегодном балу,— улыбаясь под маской, говорил Фрэнк Оупенхартс.— У вас обычно обходится без излишних церемоний. Некоторые физиономии, правда, до того осточертели, что лучше бы их не видеть вовсе, но тут уж ничего не поделаешь: не у вас, так у себя все равно увижу...

— Скоро, как обычно, будут разыгрываться призы,— вполголоса произнес Парсел.— Мне хотелось бы сделать маленький подарок Джессике, но так, чтобы она об этом не подозревала. Ведь у нее послезавтра день рождения, не так ли?

Оупенхартс подтвердил.

— Послезавтра я буду в Тель-Авиве,— продолжал Парсел,— и не смогу лично поздравить ее. Так вот, один из главных призов сегодня будет вручен за ответ на вопрос: «Где был основан первый в истории человечества банк?»

— Признаться, и я не припомню — где,— смущенно сказал Оупенхартс.

— В Эфесе,— спокойно, с трудом скрывая нотки превосходства, заметил Джерри.— У меня к вам просьба, Фрэнк. Расскажите сейчас Джессике какую-нибудь историю, но такую, чтобы в ней обязательно фигурировал первый в мире банк в Эфесе. Тогда она и станет победительницей.

— Спасибо, Джерри,— не переставая улыбаться,

дружелюбно произнес Оупенхартс.— Вы настоящий друг, но истина дороже. Я не могу принять ваше предложение. И все же — спасибо!

«Чистюля,— неприязненно подумал Парсел.— Во всем, что касается лично его или его семьи. Впрочем, это его дело. Но беда в том, что он и большую политику чистыми ручками делать хочет. А это уже дело отнюдь не только его. Кто бы мог подумать, что его предвыборные речи, его яйцеголовые друзья — все всерьез. Я так надеялся, что со временем он переменится, поймет, как... Ну, ничего, об Эфесе Джессика узнает из другого источника».

— ...Вы знаете, Джерри, что составляет фактическую мощь нашей нации? — спросил Оупенхартс, опуская кубик льда в свой бокал с соком.— Мощь американской нации составляет совокупность индивидуальных финансово-экономических инициатив. И добрая половина этих «инициатив» собралась сегодня здесь и радостно чтит память Голубого Козленка.

— Сэр,— перед Парселом возник высокий брюнет в маске.— По точным подсчетам,— негромко сказал брюнет, отведя на секунду маску от лица, так, чтобы Парсел узнал его,— прибыло двести сорок восемь гостей.

— Хорошо, Маркетти,— Парсел улыбнулся. Не столько Маркетти, сколько Фрэнку Оупенхартсу.— Продолжайте веселиться.

— Двести сорок восемь, сэр, не считая мисс Парсел и господина Раджана.

— Ах, так! — проронил Парсел, однако ни Оупенхартс, ни Маркетти не поняли, с каким выражением были произнесены эти два коротких слова.

— Я давно, кажется, целую вечность не видел Беатрисы,— оживился Оупенхартс. И обратился к Маркетти: — Вы оказали бы нам любезность, сэр, если бы не сочли за труд проводить нас к ней. Не так ли, Джерри?

Парсел кивнул, и Маркетти, ежесекундно оглядываясь, стал прокладывать путь из одного зала в другой...

«Явились,— думал меж тем Парсел.— Что ж, наверное, они и впрямь любят друг друга... Беатриса всю жизнь, без единого исключения, была вольна поступать так, как она хочет. Этот парень вырос в стране, где деления людей по цвету кожи не было и нет. Наших нравов и обычаев он, по-видимому, еще не усвоил. Да и

на Беатрису наш недавний разговор не произвел, выходит, никакого впечатления. Выходит, перед всеми этими двумястами сорока восемью Великолепными нелепо выгляжу я один. Правда, все они пока еще полагают, что своенравная наследница замка Голубого Козленка тешится с заморской игрушкой. Что ж, не будем их разубеждать в этом...» Они уже подошли к открытой веранде, на пороге которой стояли Беатриса, Раджан, Рейчел и Джессика. Беатриса поцеловала отца, повиснув у него на какое-то мгновение на шее. Обняла Фрэнка Оупенхартса. Подставила ему щеку для поцелуя.

— Простите, господин Раджан, мы с вами нигде не встречались раньше? — вежливо спросил Оупенхартс. И по тому, каким тоном это было сказано, и по тому, что Оупенхартс едва заметно склонил голову набок, Парсел понял, что тот слышан о романе Беатрисы. «Представляю, сколько пересудов идет повсюду по этому поводу. Хотя в семье Оупенхартсов весьма устойчивы традиции Севера, — размышлял Парсел, чувствуя, как безнадежно портится поначалу безмятежное настроение. — Верно Эйб Линкольн говаривал: «Все люди рождаются равными... кроме негров». Парсел вспомнил о своей встрече с Раджаном в доме Роберта Дайлинга в Эдлаке. Тогда молодой истардиец показался ему интересным собеседником. Вспомнилась Джерри и встреча с Раджаном-старшим в Женеве. Как огромен и вместе с тем как тесен этот мир... Тогда в Эдлаке, Парсел смотрел на этого парня как на возможный источник интересной информации по некоторым аспектам истардийской политики. Теперь он видел в нем лишь человека, который собирается (пока, слава богу, только собирается) сделать из него, Джерри Парсела, всеамериканское посмешище. Не умышленно, нет. В силу стечения обстоятельств.

— А вы опасный человек, — улыбаясь продолжал Оупенхартс. — Я читал интервью, которое моя жена давала вам во время ее поездки в Истардию. И ваши комментарии к ее ответам.

— Фрэнк несколько утрирует, — вмешалась в разговор Джессика. — Просто у нас с господином Раджаном различный подход к целому ряду проблем.

— Например, к тому, каким должно быть Общество Равных Возможностей, — опутив маску, прищурился Оупенхартс.

— Господа, — взмолилась Беатриса, — можно хоть

один день в году провести без политических дебатов? — И тут же капризно надув губы, объявила: — Я хочу танцевать!

— Танцевать! Танцевать! — тотчас присоединились к Беатрисе Рейчел и Джессика. Парсел обернулся, ища глазами бар. Джессика и Раджан уже выделяли невероятные па только что родившегося модного танца. Беатриса пыталась приобщить к тому же Фрэнка Оупенхартса. Маркетти бережно танцевал с Рейчел.

После танца первыми вернулись Беатриса и Оупенхартс. Оба часто дышали. Щеки Беатрисы порозовели. Оупенхартс, держась обеими руками за поясицу, морщился и улыбался одновременно. «Донимают беднягу боли в позвоночнике», — понял Парсел. Вслух сказал:

— Жаль, Фрэнк, что не приехал ваш младший брат. Уж он-то знает в танцах толк.

— И в танцах, и во многом другом, — тепло сказал Оупенхартс.

— А что, с Ллойдом что-нибудь стряслось? — вежливо поинтересовалась Беатриса.

— Он был вынужден срочно вылететь в Южную Америку по делам одной из своих фирм, — ответил Оупенхартс. И отошел в сторону, чтобы налить себе и Джессике какого-то сока.

— Этот Ллойд не последний парень в нашем королевстве! — заметил Парсел, глядя на Беатрису. — И умен, и красив, и холост...

— Папочка, ты, похоже, решил дать мне совет по матримониальной части? — Беатриса поцеловала отца, попробовала martini из его стакана, поморщилась.

— Тебе налить чего-нибудь? — спросил Парсел.

— Не беспокойся, папа. Раджан сделает... Когда все это закончится, мы с тобой немного потолкуем, хорошо?

— О'кей, девочка!..

Жюри готовилось объявить короля и королеву бала. Основная масса гостей столпилась теперь в большом зале, где находилась пирамида с Голубым Козленком. В жюри входило шесть женщин и шесть мужчин. Они долго обсуждали итоги всех предварительных конкурсов, ответы на викторины. Споры были довольно бурными, и, наконец, во втором часу ночи председатель жюри объявил королем семидесятилетнего крепыша с бицепсами гимнаста и стрижкой армей-

ского капрала. Королевой избрали тоненькую, но с весьма рельефными формами семнадцатилетнюю девушку с короткими косичками, в которые был вплетен огромный бант. На короля возлагала корону Беатриса, на королеву — сам Парсел. К этому времени все гости сгрудились в зале. Задние теснили передних. Раздавались свист, визг, крики.

Подняв скипетр, король возгласил: «В соответствии с декретом, который был издан два столетия назад, сейчас состоится традиционное крещение королевы. Джентльменов прошу преклонить колени. Музыка!» Ударили барабаны, запищали виолончели, все мужчины в зале опустили на одно колено. Голубой Козленок оказался в руках Беатрисы. Над срезанной вершиной пирамиды стали медленно выдвигаться прозрачные стенки стеклянной ванны. Ванна была заполнена шампанским. В ней плавала счастливая королева бала. Раздались аплодисменты, приветственные возгласы. Невидимые оркестры исполняли торжественный марш. Осторожно выбравшись из ванны, королева набросила на свое бикини пурпурную мантию и медленно стала опускаться в зал по узенькой лестнице. Наступило время последней лотереи. Разыгрывалась стеклянная ванна королевы.

По крутой лестнице, скрытой в одной из стен кабинета, Джерри поднялся на третий этаж, в свой кабинет. Уселся в любимое кресло, устало откинувшись на спинку. Было темно. Шумы нижнего этажа совсем не проникали сюда. Джерри долго сидел в темноте и в тишине. Потом включил слабый свет, придвинул к себе телефон, набрал номер.

— Это я, — сказал Парсел в трубку.

— Да, сэр, внимательно слушаю вас.

— Думаю, настало время осуществить операцию «Нежный грим». Она должна быть поручена ювелиру. Есть у вас ювелиры?

— У нас есть ювелиры, сэр.

— Учтите, что отец клиента — мой партнер. Я не хотел бы причинить ему излишних неприятностей.

— Да, сэр, вас понял. Все будет сделано чисто. Исполнитель — действительно ювелир. Со стажем и опытом. Время операции, сэр?

— Через двадцать пять — тридцать минут клиент выедет из моего дома.

— Я все понял, сэр. Приступаю к операции. Когда можно вам сообщить о результатах?

— Через час-полтора меня можно будет застать по тому телефону, который у вас есть.

Парсел вновь ощутил усталость. Теперь к ней пришивалась тревога. Чем она была вызвана? Парселу казалось, что последнее время кто-то постоянно противостоит ему. Кто-то могущественный, безжалостный, агрессивный. «Клянусь господом, мнителен я стал чрезмерно, вот что. Старею, должно быть...»

— Вызови сейчас же Сержанта,— коротко бросил Бубновый Король Ченью. Тот широко улыбнулся:

— Она сегодня спит здесь, внизу. Через пять минут будет у тебя.

Действительно, через пять минут Сержант стояла перед Бубновым Королем.

— Садись,— просипел ей в самое ухо Ченью.— Садись, дело есть.

Она села, уставилась в пол. Бубновый Король помолчал, внимательно вглядываясь в лицо женщины, потом сказал:

— Хватит дуться. Провернешь одно дельце, сразу наверстаешь все, что потеряла за этот месяц по своей глупости.

— Обижайся не обижайся — жить надо. Какое дельце?

— Ты того парня помнишь, которого вы со Шрамом чуть не шлепнули на «лежбище»?

— Век бы его не помнить,— лицо Сержанта передернулось от злобы.— Из тысячи узнаю.

— Не разучились еще кэбом кэб «целовать»? — спросил Ченью, глядя на Бубнового Короля.

— Сам знаешь, что нет,— сказала Сержант.

— Вот и отлично,— сказал Бубновый Король.

Он посмотрел на часы.

— Дом Парсела знаешь?

— В Манхэттене?

— Да. Через пятнадцать минут чтобы была там,— Бубновый Король повернулся к Агриппе: — Ты ее прикроешь. Заодно проверишь работу.

— Я?! — изумился Агриппа.

— Ты,— деловито подтвердил Бубновый Король. Агриппа насупился, но молчал.

— «Поцелуешь» аккуратно, так, чтобы он отделался царапинами да легкими ушибами,— проговорил Бубновый Король.

— Ты не сказал, кого «целовать»,— усмехнулась Сержант.

— Что же, я тебе о мистере Раджане-младшем просто так напомнил? — угрожающе спросил Бубновый Король.

Сержант остановила свой мощный темно-синий «крайслер» в полусотне шагов от выезда из особняка Парсела. Вплотную за ней примостился «додж» Агриппы.

— ...Я, пожалуй, не поеду с тобой в Гринвич-Виллидж,— украдкой зевнув, сказала Беатриса.— Очень устала. И с отцом хочу поговорить. Он просил именно сейчас и наедине. Ты не обидишься?

— Что ты, Беатта! — Раджан обнял приникшую к нему Беатрису, стал жадно целовать ее.

— Не надо, любовь моя,— легонько оттолкнув его, Беатриса тихо засмеялась.— Еще один такой поцелуй — и я уеду с тобой сию же минуту хоть на край света.

Наконец Раджан отстранился от нее:

— Нет, нет, ты и впрямь устала. И так редко видишь своего отца. Утром я позвоню.

Он послал ей воздушный поцелуй и быстро пошел к выходу, минуя фонтаны, клумбы, беседки. Хотя было очень поздно, чувствовал себя Раджан легко и радостно. Впервые благодаря Беатрисе он сумел взглянуть изнутри на кусочек жизни вершителей судеб Америки. Именно изнутри. Он познакомился с Фрэнком Оупенхартсом, беседовал с Джерри Парселом. «Что ж, может быть, мне и удастся найти с ним общий язык,— думал Раджан, садясь в свою машину.— Я не могу жить без Беаты. Значит, нужно найти этот общий язык во что бы то ни стало. Сегодня мистер Парсел как будто был менее суров, чем тогда, за ленчем в Эдлаке. Даже тост за меня произнес. И за Истардию». Отъехав от тротуара, он включил радио. Шла очередная ночная передача последних известий. Раджан стал крутить рукоятку настройки. Раздались звуки блюза. «Пожалуй, это лучше, чем зловещие сообщения о бомбах и крови»,— решил Раджан. Блюз сменила песенка. Ее исполнял смешанный дуэт. Мелодия была гармоничной, приятной. Раджан сначала не разобрал слов, стал при-

слушиваться внимательнее, прибавил звук. Дуэт пел:

Пусть жизненный путь я избрал неторный:
Что толку, что был я смелый?
За черных был бог всегда черный,
За белых — всегда белый.
Ах, черный, черный, черный!
Жить хочешь? Будь покорный.

Песня Раджану не понравилась. Он вновь протянул руку к рукоятке настройки и тут увидел в заднем зеркальце, что за ним следуют две машины. «Тоже где-то загуляли»,— подумал Раджан. Решив пропустить машины, он сбросил скорость. Как по команде, обе машины замедлили ход. Раджан резко прибавил газ. Машины не отставали. Все трое ехали на довольно большой скорости. Вдруг шедший следом за Раджаном «крайслер» стал постепенно выравниваться с ним. В зеркале он увидел лицо водителя. Это была женщина, и ему показалось, что где-то он ее уже видел. Женщина опустила стекло и что-то крикнула. Раджан решил, что она просит пропустить ее, и взял левее. Теперь «крайслер» вплотную придвинулся к машине Раджана. Женщина вновь что-то крикнула. Лицо ее исказила злоба. Раздался удар, скрежет металла о металл. Раджан понял, что «крайслер» отжимает его под встречный автомобиль. Он попытался удержаться на осевой линии, но «крайслер» был намного мощнее. «Только бы дать проскочить встречному,— с надеждой подумал он.— Только бы дать ему проскочить!» Вот встречный фургон пролетел мимо, и Раджан у первого перекрестка резко крутанул руль влево. Завизжали шины, и через мгновение он врезался в маленькую «мазду» ярдах в десяти от угла. Прежде чем потерять сознание, он еще увидел, как справа от него, где-то на той улице, по которой он только что мчался, взметнулся кверху столб огня. Это Сержант, которую он узнал в самое последнее мгновение, не смогла удержать триста двадцать лошадиных сил своего «крайслера». Тот пересек улицу и врезался в металлический столб, который, войдя в кабину, превратил тело Сержанта в сплошное кровавое месиво. Свернув на перекрестке, «додж» миновал «фольксваген» и остановился невдалеке от него. Через несколько минут завывли сирены. Появились

полицейские и пожарные машины, карета муниципальной «скорой помощи».

— И откуда только эти зеваки берутся? — недовольно пробурчал один полицейский другому. — Темень, ночь, знай себе сопи в плечо жены.

— Свидетелей никогда нет, — откликнулся второй. — А зевак всегда хоть пруд пруди.

Агриппа дождался, пока санитары вытащили Раджана из машины, перенесли его на носилках в карету «скорой помощи».

— Здорово этот парень покалечился? — небрежно спросил он у врача, который только что осматривал Раджана.

— Похоже, с ним все в порядке, — врач достал сигарету, закурил. — Если, конечно, не повреждены внутренности при ударе.

Агриппа несколько минут постоял в раздумье. Наконец принял решение, и вскоре его «додж» исчез в боковых улицах...

Ричард Маркетти уехал с бала в четверть первого. Ровно в полночь он сдал дежурство сменному телохранителю и намеревался поехать к одной из своих подружек, испанской певичке. Они договорились, что он заедет за ней не позднее половины первого и они уютно проведут остаток ночи в ее миленьком гнездышке. У входа в ресторан «Барселона», где выступала певичка, Маркетти перехватили двое парней. Пока один молча глазел по сторонам, заложив руки в карманы пиджака, второй, неожиданно обняв Маркетти цепкой рукой, прошептал ему на ухо:

— Цезарь возвращается в Рим. — Услышав пароль, Маркетти тут же понял, что мечте о гнездышке не суждено сбыться. Помрачнев, он произнес отзыв:

— Кассий не дремлет.

— Свою «железку» оставишь здесь. Поедешь с нами, — командовал цепкорукий. Маркетти едва раскрыл рот, чтобы что-то сказать, собеседник его опередил:

— Твою птичку мы уже предупредили, что сегодня ты изменяешь ей с делами.

Маркетти кивнул.

— Хочешь, я могу с ней остаться, — ослабившись, предложил второй.

Маркетти смолчал. С этими парнями лучше не задираться. Долго петляли по городу: проверяли, нет ли «хвоста». Минут через тридцать вернулись к ресторану «Барселона».

— Видишь вон тот черный лимузин? — сказал цепорукий, указывая на «кадиллак», стоявший у противоположной стороны улицы. — Подойдешь к задней левой дверце, постучишь три раза, откроешь дверцу, сядешь, и тебя повезут.

В два часа ночи Маркетти поднялся в лифте на четвертый этаж небольшого дома в Манхэттене. «Отсюда пять минут ходьбы до особняка мистера Парсела», — отметил про себя Маркетти. Выйдя из лифта, он оказался в коридоре, мягко освещенном скрытыми лампами. На диванчике, широко расставив ноги, сидели двое. Не обратив никакого внимания на Маркетти (Дик прекрасно знал, что они сторожат каждое его движение), они продолжали пить пиво из маленьких пузатых бутылок. В конце коридора была дверь. Войдя в нее, Маркетти оказался в крохотной гостиной. Там было уже две двери, и он остановился в раздумье. Вдруг одна из них отворилась, и из нее выкатился коротышка, одетый в безукоризненный вечерний костюм.

— Оружие сдать, — хрипло скомандовал коротышка. Маркетти не спеша достал пистолет, отдал его.

— Второй! — грубо потребовал коротышка. Маркетти молчал. Тогда коротышка стал бесцеремонно его ощупывать. Делал он это профессионально, и, хотя Маркетти прикосновения его рук были неприятны, он не мог не отметить высокую квалификацию незнакомца.

— Так бы и сказал, что второго не захватил, — примирительно произнес коротышка. — Время бы зря не теряли. Иди, тебя ждут, — и он подтолкнул Маркетти к другой двери. Маркетти вошел в довольно большую, скудно освещенную комнату. На широком диване сидел сухощавый человек в элегантном темном костюме. По бокам от него сидели еще двое. Свет на них не падал, и лица их были плохо видны.

— Здравствуйте, Маркетти. И садитесь, — худощавый округлым жестом указал на кресло, тонувшее в полумраке. Маркетти сел. Перед ним оказался маленький столик. Стена напротив представляла собой картину или ковер. «Какая великолепная многоцветная абстракция!» — подумал Дик, не в силах оторвать от нее взгляд. Разноцветные круги, переходившие один в другой, накладывались на такие же разноцветные четырехугольники. Все линии входили одна в другую, нигде не разрываясь, нигде не завершаясь.

— Лабиринт жизни, не правда ли? — мягко заметил худощавый. — Он безвыходен, ибо смерть есть продолжение жизни.

— Иногда более желанное, чем жизнь, — проговорил сидевший слева.

— Гораздо более желанное, — поддакнул сидевший справа и захохотал. Худощавый мельком бросил на него взгляд. Хохот тут же оборвался.

— Надеюсь, будет у нас когда-нибудь время поговорить и о живописи, — худощавый прошелся по комнате, остановился рядом с Маркетти. С минуту он разглядывал Дика, потом вернулся к дивану, сел. — Мы довольны вами, Маркетти. В ЦРУ относительно вас подозрений нет, и мы вам доверяем.

— Пока доверяем, — сказал тот, что сидел справа и снова коротко хохотнул. Худощавый вновь с досадой посмотрел на него и счел нужным пояснить Маркетти: — Это нервы. Несколько войн прошел.

Маркетти слышал о Смеющемся Джиме, одном из самых страшных людей среди «Наследников Первых Патриотов».

— К делу, господа. У нас мало времени. Итак, поручение ЦРУ вы выполняете успешно, — худощавый потер левую щеку ладонью. — Мы даем вам нелегкое задание. Необходимо разработать в деталях план ликвидации Фрэнка Оупенхартса. Поручается это еще двум членам организации. Будет принят лучший план. Срок — три недели.

— Вас не удивляет задание? — спросил левый.

— Для своего круга Оупенхартс достаточно «розовый», — подумав, заметил Маркетти.

— Для своего круга? — вскричал левый. — Для всей Америки, кроме нескольких десятков комми, да еще тыщонки-другой вонючих ниггеров.

— Из-за его нерешительности и пассивности мы ежегодно теряем двести пятьдесят миллионов долларов только на одной Кубе! — правый вновь хохотнул и смолк.

— Мы не хотим повторения Кубы ни у нас под боком, ни на самом краю этого света, — вкрадчиво проговорил худощавый. — Кратчайший путь к этому — ликвидация таких, как Оупенхартс. Ждем вас через три недели.

— Господа, — Маркетти подошел к выходной двери, повернулся лицом к сидевшим в комнате, — благодарю

за оказанное мне доверие. Надеюсь, будете мною довольны.

— Да поможет вам бог!

Глава восемнадцатая

СНОВИДЕНИЯ НАЯВУ

«Боже, какой здесь белый, уныло белый, смертно белый потолок»,— Раджан тяжело вздохнул, закрыл глаза. В нью-йоркском просвитерианском госпитале, куда он попал после автомобильной катастрофы, все наводило на него тоску, уныние. Сестры были чересчур медлительны, еда слишком однообразна, а воздух пропитан такими мерзкими запахами, что его постоянно преследовали позывы на рвоту. «За триста семьдесят пять долларов в день можно было бы, кажется, устроить все поприличнее»,— думал он с раздражением. Главной причиной всех его недовольств, устойчиво скверного настроения было, разумеется, то, что он, в сущности здоровый человек, впервые в жизни вынужденно привязан к больничной койке. Не на день, другой, на полтора-два месяца. Ну и глупейшая история, в которую он попал. А все по милости какой-то пьяной девицы, которая не только перебила ему ключицу и сломала несколько ребер, но и убила себя. А что, если самоубийца? Раджан представил лежащую в гробу девушку, всю усыпанную белыми, розовыми, оранжевыми цветами. Однако, как ни силился, лица девушки вызвать в своем воображении не мог, и уже было совсем отчаялся, как вдруг покрылся испариной — из гроба на него смотрела Беатриса. Взгляд ее был печальный и ласковый. Раджан вздрогнул всем телом и медленно открыл глаза. Голова была тяжелая, очень хотелось пить. «При чем здесь пьяная девица? — с досадой поморщился он.— Это же была Сержант, Сержант! И что только она потеряла на ночной улице, с какого очередного «дела» мчалась?»

Здесь, в госпитале, он постоянно впадал в легкое забытие. Дремотное состояние длилось, как правило, недолго. Сновиденья сменяли одно другое причудливой чередой. Раджан нашарил кнопку звонка, вызвал сестру. Она появилась почти тотчас, молоденькая, стройная, изящная, словно любовно выточенная статуэтка. Раджан предпочитал всем другим сестрам эту

мулатку. Она всегда улыбалась искренне, не по обязанности. Вот и сейчас добрая улыбка светилась в ее черных глазах, подчеркивала красоту припухлых губ.

— Сестра Аннабэл,— тихо проговорил Раджан.

— Да, сэр?

— Я хотел попросить вас звать меня просто Раджан.

— Да, сэр...— привычно ответила она и вдруг загнулась.— Сэр... Раджан...

— Просто Раджан, без всякого «сэр»,— он громко засмеялся и тут же сморщился от боли в груди.

— Вам же нельзя смеяться! — Аннабэл тоже поморщилась, словно сама ощутила боль. Марлевой салфеткой она осторожно стерла пот с лица Раджана.

— Так будете звать меня по имени? А то я опять засмеюсь,— улыбнулся Раджан.

— Буду,— сразу же согласилась она. И произнесла несколько раз нараспев по слогам: — Ра-джан. Ра-джан. Ра-джан! Звучит как песенка или как стих.— Помолчав, добавила: — Вы что-нибудь хотели сказать, сэр?

Улыбнулись они одновременно.

— Если вам не трудно, дайте мне, пожалуйста, стакан апельсинового сока.

Подав ему сок из холодильника, Аннабэл дождалась, пока он вернет ей пустой стакан. Но Раджан поблагодарил сестру, поставил стакан на столик и закрыл глаза. «Песенка, стих...— думал он.— Весь мой народ, вся моя страна — как песня, как стих, что поются веками на гигантских подмостках — земле моих предков. И эта песня бывает то вся как родник до самого доньшка пронизана солнечным светом радости и счастья, то — и гораздо чаще — покрыта темной тенью ненастных туч и бурь». Тут же Раджан невесело усмехнулся — он поймал себя на том, что мыслит категориями чужими, иноземными. Ведь на его родине именно тень считалась благодатью, а вовсе не палящее, знойное, все иссушающее и испепеляющее солнце.

Увидев, что он задремал, Аннабэл бесшумно вышла из палаты.

Сон Раджана был легкий и светлый. Он видел себя на большой, цветущей, ухоженной ферме. Он шел вдоль поля, на котором зрела капуста. Вдали однообразно тархтел маленький трактор. За рулем его сидел крупный мужчина с лицом, коричневым от загара. Густая седая шевелюра еще сильнее оттеняла загар. На мгновение

приложив ладонь козырьком к глазам, прикрывая их от солнца, он приветливо помахал Раджану рукой и продолжал свою работу. Потянулись картофельные посе­вы, и Раджан увидел невысоко над ними мирно стре­кочущий вертолет. За ним стелилась дымка то ли пыли­цы, то ли химикатов. Пилот, чем-то неуловимо похожий на водителя трактора, улыбнулся, кивнул Раджану как давнишнему приятелю. А вот над бескрай­ними плантациями томатов словно в воздухе повисли ажурные дождеваль­ные установки. Осторожно, стараясь попадать колесами в междурядья, медленно ехал на юрком «джипе» «хозяин дождей» — оператор. Между двумя за­мерами влаги в почве он дружески подмигнул Раджану, поднял над головой вытянутый вверх большой палец правой руки. Пшеничные массивы сменялись бах­чами, хлопковые плантации — морем куку­рузы, персиковые и апельсиновые рощи — многомиль­ными волнами клубничных гряд. Вскоре поля кончились, потянулся бес­конечный, высокий, ярко освещенный ма­неж. Вдоль его стен выстроились колосья пшеницы вели­чиной с дерево, арбузы и дыни высотой с трехэтаж­ный дом. С потолочных балок свисали золотистые и фиолетовые гроздья, и каждая вино­градина была размером с футбольный мяч. И всюду кружились, танце­вали, веселились беззаботные, как дети, люди — и во­дитель трактора, и пилот, и оператор, и еще много, много мужчин и женщин — радостных, счастливых.

— Сэр, простите, что я бужу вас, но вам все равно необходимо делать укол — время. И потом, к вам посе­титель.

Раджан лежал молча, пока пожилая сестра со смешным именем Пэтси готовила шприц.

— Ой!

— Что, больно, сэр? Извините, бога ради.

— Ну что вы, сестра Пэтси! Это я так, от неожиданности. Скажите, сестра, это приснилось или ко мне действительно кто-то пришел?

— Да, сэр, к вам пришли. Я же сказала, — забеспо­коилась она, торопливо пытаюсь отыскать что-то в кармане халата. Попеременно доставая салфетку, ша­риковый карандаш, надкусанное печенье, она, что-то бормоча себе под нос, отправляла их назад. Наконец в ее руке оказалась записная книжка. Она долго иска­ла нужную страничку. Затем, водрузив на нос изрядно потрепанные очки в металлической оправе, прочитала:

— Господин Раджан-старший.— И, сняв очки, вопросительно уставилась на Раджана.

— Папа! — воскликнул он.— Это мой отец, сестра.

— Но он же живет за тридевять земель,— просто-душно изумилась женщина.— И вот приехал навестить сына. Не всякий, ох, не всякий родитель решится на такие затраты. Я знаю. Пятнадцать лет по госпиталям мотаюсь...

Когда отворилась дверь и на пороге появился отец в окружении телохранителей, Раджан попытался приподняться на локте, но застонал и чуть не потерял сознание от боли.

— Вы не шевелитесь. И говорите поменьше,— выпроваживая телохранителей в коридор, сказала, вдруг улыбнувшись, сестра Пэтси. И лицо ее показалось Раджану не таким уже безобразным.

Отец полулежал в низеньком хрупком креслице. Он вытянул ноги, скрестив на груди руки и закрыв глаза. «Странно видеть отца и его телохранителей не в наших национальных одеждах, а в европейских костюмах. Я словно ощущаю, как им неловко, тесно, не по себе в этих брюках и пиджаках... А отец постарел...» Раджан с щемящей болью разглядывал его седины, сеточки морщин у глаз и рта.

— Разумеется, постарел,— не размыкая век, произнес медленно, как бы в раздумье, отец. Голос его, глухой, усталый, был едва слышен. Раджан, как в детстве, как всю жизнь, поражался этой способности отца читать мысли собеседника.

— Одно известие о том, что ты попал в катастрофу, состарило меня лет на тридцать. Да, не меньше,— неспешно сказал он.

— Все обошлось, папа,— успокаивающе произнес Раджан.

— В те минуты,— продолжал Раджан-старший,— у меня заканчивался поздний ленч. Я подавал шербет в моем любимом хрустальном кубке главному гостю. Гость неловко принял кубок, он выскользнул из его рук и упал на мраморный пол. Да как упал! Ни единого осколка крупнее горошины не отыскивали... В тот самый миг я понял: с тобой случилось несчастье.

Помолчали.

— Прилетев навестить тебя, я решил повстречаться с отцом Беатрисы.— Раджан-старший сидел прямо, говорил отчетливо, держал при этом в своих руках руку

сына.— Ты, конечно, знаешь, что мы партнеры по бизнесу?

Раджан слегка пожал пальцы отца: «Знаю».

«Я видел и ее»,— хотел сказать Раджан-старший, но смолчал. Вслух продолжал:

— Я, как и прежде, продолжаю считать, что она тебе не пара.

— Может быть, я — ей?

— Может быть. Хотя лично я так не считаю.

Раджан осторожно высвободил руку, спрятал ее под одеяло.

— Не обижайся,— мягко сказал отец.— Я говорю то, что действительно думаю. Я, пожалуй, не менее богат, чем Парсел. Но каждый раз, приезжая в эту страну, я чувствую себя крайне неудобно. Да и не видел я здесь счастливых людей. Смеющихся, даже хохочущих — сколько угодно, а вот счастливых — нет...

— Но ведь бывают же исключения,— Раджан выдал из себя полуулыбку. Отец печально смотрел ему прямо в глаза.

— Однажды, когда мне было лет семь, я убежал из нашего дворца от многочисленных назойливых служанок и опостылевших гувернеров. Целый день носился я с ватагой уличных сорванцов. Мы воровали манго на базаре, играли в повстанцев и армию, дразнили калек и прокаженных. Под вечер мы оказались на окраине, на Вороньей поляне — там всегда кружилась крикливая стая ворон. И увидели поучительное зрелище. В центре стаи стояла абсолютно белая ворона. Никто не знал, откуда она взялась. Она была больше, чем любая из ее черных братьев и сестер. Но их было много. И они бросались на нее всей стаей, клевали, били крыльями. Она яростно сопротивлялась, в какое-то мгновение даже показалось, что она обратит в бегство своих врагов. Однако тут в «бой» вступили мы, люди. Камнями мы забросали ту, которая — это я, увы, понял уже в зрелом возрасте — заслуживала сочувствия и защиты...

И снова помолчали.

Раджан-старший вспоминал встречу с Парселом в его нью-йоркском особняке. Хозяин долго сокрушался по поводу несчастного случая с Раджаном, воздавая хвалу небесам, что все обошлось. «Вы знаете, у нас ежегодно за рулем гибнет теперь пятьдесят тысяч человек. Впечатляющая цифра, не правда

ли? — И тут же, как бы между прочим: — Говорят, мы с вами скоро станем дедушками... Как вы к этому относитесь?» — «Я с великим удовольствием стал бы носить этот благословенный титул, если бы событию предшествовал обряд бракосочетания моего сына с его избранницей по всей форме наших предков». — «Вот вам и первое «но», — быстро сказал Парсел. — У моих-то предков были совсем иные обряды». — «Обряды, пожалуй, можно совместить», — протянул Раджан-старший, чтобы выяснить, куда же, в конечном счете, клонит Парсел. «Можно, — согласился тот. — Обряды — можно». — «И... наследства можно», — Раджан-старший долго подыскивал подходящее слово, ибо «деньги» было грубо, а «капитал» — слишком формально. «И наследства — можно, — снова согласился Парсел. — Но как совместить законы людей и законы веры? — И повторил: — Людей и веры?» Тут их взгляды скрестились, и Раджана-старшего обожгло неприязнью, может быть, даже ненавистью американца.

Раджан-старший не мог знать, что на другой день после катастрофы Парселу позвонил насмерть перепуганный Бубновый Король и стал слезно просить прощения за то, что его человек несколько перестарался, впрочем, поплатившись за это собственной жизнью. А Парсел, для порядка рявкнув на «гарлемского придурка», не без удивления поймал себя на мысли, что был бы, пожалуй, больше удовлетворен трагическим исходом...

Раджан полудремал. Отец сидел, поставив локти на колени и положив подбородок на ладони обеих рук. «Если бы мой мальчик знал о тайных мыслях Парсела, которые я, как мне кажется, прочитал. Если бы он знал!.. Вот мысли Беатрисы оказались для меня непроницаемыми. Видимо, ее биополе сильнее моего. Она каждый день навещает Раджана, иногда и утром и вечером. И мила и умна, только мысли замкнуты, чувства спрятаны». Раджан-старший достал из кармана внушительный блокнот и погрузился в изучение своего нью-йоркского расписания — до отлета его самолета в Лондон оставалось семь с лишним часов. Через полтора часа должна была состояться еще одна встреча с Парселом. Затем — визит к двум братьям-банкирам, аборигенам Уолл-стрита. Недолгая беседа с главой крупной брокерской фирмы и владельцем престижной

адвокатской конторы. Вот, пожалуй, и все. Ах да — по дороге в аэропорт беседа в машине с Бубновым Королем, у него какие-то вопросы по окончательному налаживанию «моста наркотиков»...

Раджану виделось, что он стоит на какой-то площади в Вашингтоне. Он силится вспомнить, на какой именно, и не может. В центре площади высокая статуя, она спрятана под трепещущим на ветру покрывалом. Вокруг колышется толпа любопытных. Низенький пузатый джентльмен с сигарой во рту, улыбаясь, разрезает ленточку. Покрывало падает. Взорам присутствующих предстает молодой, энергичный, рвущийся вперед мужчина.

— Леди и джентльмены! — кричит низенький с сигарой. — Дорогие соотечественники! Вы стали свидетелями исторического события. Только что открыт памятник «Неизвестному Счастливому Американцу». Вся фигура отлита из чистого золота. Да здоровствует «Счастливый Американец!» — Бодрые звуки оркестра тонут в криках ликующей толпы. Раджан умиляется до слез, тоже что-то кричит, машет руками. И вдруг видит перед собой старую, скромно одетую даму. Она говорит тихо, но он слышит каждое ее слово. Его поражают вначале гримаса боли и страдания на ее лице, а потом и то, что она говорит: «Посмотрите хорошенько на лицо этого Счастливого. У него глаза мертвеца, рот и улыбка, шея и уши. Неужели вы не видите, что это мертвец? Ах, какая ошибка, какая роковая, ужасная ошибка!» И Раджан вдруг понимает, что дама права. «Боги, — молит он. — Вдохните в него жизнь. Он ведь такой молодой, красивый, энергичный!» Вокруг ликует народ. Раджан слышит голос ушедшей далеко-далеко дамы: «Ошибка, Господи, роковая, ужасная...»

Отец поднялся, ласково прикоснулся к щеке сына. Громко, обращаясь и к Раджану и к вошедшей в палату сестре Аннабэл, спросил:

— Ты все-таки не хочешь перевестись в лучший госпиталь?

— Спасибо, папа. Мне хорошо здесь.

— Выздоровливай, Радж.

Раджан отвернулся к окну, чтобы скрыть слезы. Впервые за долгие годы отец назвал его как в детстве — Радж.

Наверное, было поздно. Окно выделялось черным квадратом на белой стене. Раджан смотрел на этот чер-

ный квадрат и думал о том, что отец уже наверняка дома. В госпитале он вдруг стал тосковать о доме. О родине. Раньше этого чувства почти не было. Нет, оно, конечно же, было, но у него просто не хватало времени ни на что, кроме Беатрисы. Откуда же появилось это время теперь? Теперь он прикован к постели. Он не может встать и пойти к ней, к своей Беате. И вынужден ждать, когда она придет к нему. А у нее, похоже, дела.

Действительно, у Беатрисы Парсел последнее время появилось особенно много дел. И почти все они были так или иначе связаны с начинавшейся предвыборной кампанией Фрэнка Оупенхартса. Отношение Парсела ко всему, чем занималась теперь его дочь, было крайне двойственным. Ему совсем не нравилось, что она пытается обнаружить нити «этого мифического» заговора против Фрэнка. «Есть ФБР. Есть ЦРУ. Для любителя это не просто бесполезное, это в высшей степени опасное предприятие. Я же говорил ей об этом». В то же время предвыборные заботы заставляли ее проводить дни и ночи напролет с руководителем избирательной кампании Фрэнка Оупенхартса — его братом Ллойдом. Парсел знал, что Ллойд давно тайно вздыхает по Беатрисе. «Может, все само собой и устроится, — с надеждой размышлял Парсел. — Против такого зятя, как красавчик и умница Ллойд, я, пожалуй, не стал бы возражать».

Раджан не слышал, как Беатриса вошла в палату, как села у него в ногах на кровать. Повернув голову, он сначала увидел расплывчатое темное пятно. Потом пятно превратилось в силуэт женщины, силуэт — в Беатрису. В темноте профиль ее был строгим, чужим. Она сидела неподвижно, глядя в стенку, поверх его головы. А он смотрел на ее лицо, и оно казалось ему тоже чужим. «Вот мы и бредем в потемках, не видя один другого, — подумал Раджан. — Неужели так вот и слепнет душа?» На какое-то мгновение он почувствовал острое болезненное жжение в груди. Включив свет, он увидел, что по щекам Беатрисы текут слезы.

— Ты плачешь? Не надо, любимая. Мне намного лучше.

— Я плачу? — удивилась Беатриса. И, коснувшись пальцами щек и глаз, нервно рассмеялась. — И правда — плачу.

Она взяла руку Раджана в обе ладони и, наклонив-

шись, целовала его пальцы. «Что-то неладное со мной творится,— думала она.— Смех не вовремя, слезы не вовремя».

— Как твои дела? — Раджан любовно теребил ее волосы.— Ты совсем забыла меня, не была целых пять дней. Я правильно сосчитал?

— Ты правильно сосчитал, Радж, милый,— он никогда не видел ее такой смущенной,— но я же влезла по горло в предвыборную кампанию.

— Уже?

— Конечно, милый. Совсем не за горами первичные выборы. Почва начинает дымиться. Иногда я словно иду босиком по раскаленной сковороде.

— Какие-нибудь новости насчет заговора против Оупенхарта?

Беатриса понизила голос, нагнулась к уху Раджана:

— За полторы тысячи долларов один из сотрудников ФБР рассказал, что ниточка тянется к «Наследникам Первых Патриотов».

— Думаю, что они слишком мелко плавают,— с сомнением протянул он.— Вряд ли он им по зубам.

— Ты прав,— поддержала Беатриса.— За этим стоит кто-то покрупнее. А мафия для отвлечения внимания.

— Кто же этот, вернее, эти, покрупнее?

— Через две недели за сто тысяч мне обещали передать документы.

— Что ж, две недели срок не такой уж большой.— Раджан поудобнее устроил голову на подушке.— А какие прогнозы на выборы?

Беатриса махнула рукой.

— Обычная история. Оптимисты уже делят портфели, ты знаешь об этом из телепередач. Пессимисты же подсчитали все наши потери и пришли к выводу, что эти плачевные результаты не стоят столь титанических усилий. И это ты знаешь из тех же телепередач...

— Тогда чего же я не знаю? — грустно улыбнулся Раджан.

— Ты не знаешь, например, что Ллойд Оупенхартс делает особую ставку на молодежь.— Она вновь наклонилась к нему.— Или того, что республиканцы намереваются тайно установить в нашей штаб-квартире подслушивающую аппаратуру. И мы их в самый неподходящий для них момент разоблачим. Здорово?

— Здорово! — согласился Раджан.— Этот Ллойд, видно, парень хоть куда.

— Умница, смельчак,— подхватила Беатриса. И осеклась.— Впрочем, ничего особенного. Опыт рождает мудрость, как любит говорить мой отец.

Раджан, казалось, не обратил особого внимания на ее восторженные эпитеты в адрес младшего Оупенхартса. А она — бывает же такое! — по-настоящему открыла для себя Ллойда в случайной беседе с отцом, на которую Парсел отнюдь не случайно пригласил Беатрису. Темой разговора были русские дела в связи с некоторыми предложениями по экспорту. Она не произнесла ни слова, но ни слова и не пропустила. Когда Ллойд ушел, отец как бы мимоходом спросил:

— Ну, как он тебе показался?

Она медленно повернулась к отцу.

— Профессор Грбжинский по сравнению с ним провинциальный олух. А ведь Ллойд не кремленолог. Но какая эрудиция! А память... И никаких предрассудков, спор — абсолютная свобода мысли... Откуда же он черпает все эти данные, цифры, прогнозы? В прессе ведь этого нет.

— И не может быть,— невозмутимо согласился Парсел.— Все это он черпает из данных, стекающихся к Фрэнку.

— Ты знаешь,— после некоторого молчания задумчиво сказала Беатриса,— он ведь чертовски красив, этот Ллойд Оупенхартс. Раньше он казался мне слегка фатоватым. Сегодня я поняла, что скорее всего ошибалась. Он совершенно американский тип — мужественный подбородок, открытый взгляд, крутые скулы. И усики, и чувственный нос — все это совсем иначе «работает», когда знаешь, с каким интеллектом все это сочетается. Брат вполне достоин своего брата. Вполне.

Сейчас, глядя на Раджана, лежавшего с закрытыми глазами, она пыталась отогнать от себя воспоминания о том разговоре и была бессильна это сделать. И чем упорнее она гнала его прочь, тем явственнее перед ее мысленным взором вставал облик Ллойда. Она вдруг стала рассказывать нелепую историю из предвыборных будней, говорила преувеличенно громко, первая смеялась своим же шуткам. И с ужасом понимала, что и шутки вовсе не смешны и говорит она совсем не то, что следовало бы. Наконец она смолкла — чуть ли не

на полуслове. Раджан по-прежнему лежал с закрытыми глазами. Может быть, он задремал? Она долго, очень долго смотрела на его лицо. Не было никаких мыслей. Лишь ощущение, что вот так, глядя на него, она могла бы просидеть всю жизнь. Отрешенность. Покой. Тишина.

И тут Беатриса вспомнила, что в машине у центрального входа в госпиталь ее уже — она мельком бросила взгляд на часы — полтора часа ждет Ллойд Оупенхартс. И вдруг, покраснев, словно она совершила нечто недозволенное и постыдное, ощутила страстное желание быстрее вырваться из этой мрачной больницы с ее тошнотворными запахами и сырой, страдальческой тишиной. Она несколько раз поцеловала Раджана отрывисто и неловко — в лоб, в висок, в щеку — и бросилась вон из палаты.

Глава девятнадцатая

НЕДАВНЯЯ АКЦИЯ

Много деловых тайн было у Джерри Парсела. Таких, о которых не подозревала и не догадывалась ни одна служба экономического шпионажа обеих Америк, Европы и Азии. Сохранению этих тайн наряду с прочим способствовало и то, что он едва ли не по самым высоким в мире тарифам оплачивал разветвленную сеть своей контрразведки. Она же отвечала и за сохранность личных секретов Парсела.

Среди подобного рода секретов Парсела был и такой, о котором не знал даже друг юности Роберт Дайлинг. В Женеве на имя мадемуазель Кув де Лярош пять лет назад был куплен особняк. Фасад его выходил в парк Мон Репо.

Здесь, наедине с Софи Кув де Лярош, Парсел ежегодно проводил две недели. «Имею же я, в конце концов, право на двухнедельный отпуск в году?» — говорил он накануне отъезда Маргарет. И исчезал словно в небытие. Многочисленные его помощники различных рангов имели инструкции на все случаи жизни — землетрясение, революция, война. «Миллионом больше, миллионом меньше, — разве две недели наедине со счастьем и покоем не стоят небольшого риска?» — думал Парсел, глядя в иллюминатор снижавшегося над Женевой самолета.

Софи была двадцатидвухлетней парижанкой — невысокое, худенькое создание, чье личико природа наградила всем чуть-чуть в избытке: глаза чуть побольше, чем у рафаэлевских мадонн, носик — чуть длиннее, чем у Марии-Антуанетты, губы чуть крупнее, чем у Джинны Лоллобриджиды. При классически правильных чертах лица она выглядела бы заурядной красоткой. Однако все «неправильности» лица Софи соединялись столь гармонично и естественно, что мужчины при виде ее немели от восторга.

Когда Парсел познакомился с ней в одном из дешевых ресторанчиков в центре Парижа, ей было семнадцать лет. Она уже успела вконец разочароваться в жизни и была близка к тому, чтобы идти на панель.

Парсел увез Софи в Женеву. Чтобы она не особенно скучала в те пятьдесят недель, которые он отсутствовал, он купил ей салон мод. Он никогда не требовал от нее никаких отчетов. Приезжал на свои «две недели счастья» и пропадал до следующего года. Ни писем, ни звонков. И вот Парсел приехал к ней снова, нарушив им же самим установленное неписаное правило: не появляться у Софи дважды в год. В ее особняке он намеревался принять необычного делового гостя.

До ленча оставалось полтора часа. Парсел не спеша шел по парку. После смерти Маргарет он неожиданно погрузился в мистические настроения. В какой бы город он теперь ни приезжал, непременно посещал там храмы, выстаивал и высиживал службы, терпеливо выслушивал проповеди. Хотя он и был баптистом, но с равным чувством душевного успокоения посещал и костелы, и синагоги, и православные церкви, и мечети. Вот и теперь он возвращался с утренней службы в новом методистском соборе. «Слова Христа о рае люди воспринимают по-разному, — думал он. — Одни считают, что он говорил о рае в этой жизни, здесь, на земле. Другие, что слова Учителя следует понимать так: достижение рая возможно как на земле, так и на небесах. Третьи утверждают, что Христос считал рай достижимым лишь на том свете, после сведения человеком всех счетов с этой грешной землей...» Сам Парсел был скорее согласен с третьими.

Обычно вояж в Швейцарию был для Парсела увеселительной прогулкой. А тут в первый же вечер не-

приятная для обоих неожиданность. Софи не влекла его больше как женщина. В объятиях очаровательной француженки Парсел вдруг вспомнил Рейчел, простушку Рейчел, законную жену Рейчел. И это лишило его сна на всю ночь. Софи, которая была безмерно благодарна ему за то, что он создал ей безбедную и беззаботную жизнь, привыкла к нему, даже, вероятно, по-своему любила его, не на шутку встревожилась...

Парсел был уже ярдах в ста от особняка, когда к центральному его подъезду мягко подкатил большой стального цвета «мерседес». Из него вышли шесть высоких, плечистых парней в белых восточных одеждах. Затем появился среднего роста мужчина лет пятидесяти. На нем был кремовый костюм европейского покроя, летняя соломенная шляпа. Большие темные очки наполовину закрывали лицо. Он посмотрел по сторонам и увидел Парсела.

— Господин Парсел?

— Господин Раджан?

Истардиец снял очки, обменялся с американцем рукопожатием.

— Я думаю, часа на полтора вы могли бы отпустить своих молодцов,— Парсел улыбнулся.

— Разумеется! — воскликнул Раджан-старший и едва заметно кивнул парням. Те сели в машину, и она исчезла за деревьями.

— Тихо здесь! — глядя на лежащий перед его глазами парк, заметил истардиец. Американец распахнул дверь, пропуская гостя.

Когда Парсел перед отъездом из Истардии побывал в Патеро, он провел там почти все время в обществе директора строящегося завода Рамасингха. Они знали друг друга чуть ли не четверть века — познакомились еще в Штатах, когда Рамасингх учился в Массачусетсе. Во время осмотра строившихся цехов завода, а потом коктейля в его, Парсела, честь он и узнал от Рамасингха о планах Раджана-старшего относительно завода в Патеро. Однако к тому времени предприимчивый истардийский богач отправился в длительную деловую поездку за рубеж. Парсел передал Рамасингху свое расписание на ближайшие месяцы и попросил его организовать встречу с Раджаном-старшим в наиболее удобном для обоих месте. Таким местом оказалась Женева.

Обычно истардийцы сдержанны, скромны, застенчивы. Но Раджан-старший, в нарушение всех правил сложного, устоявшегося тысячелетиями этикета предков, не сводил глаз с хозяйки дома. Это было в высшей степени странным для него самого: после смерти жены вот уже много лет он не замечал женщин. Лишь однажды, в своем новом роскошном дворце близ Эдлака, он предался безумной многодневной оргии, о которой и сейчас вспоминать ему было горько и стыдно. Парсел, незаметно следя за истардийцем, внутренне посмеивался.

— Долго вы задержитесь в Женеве? — Парсел налил истардийцу коньяк. Они сидели в широких креслах старинной работы. Софи извинилась — вышла дать указания повару. Прислуживала пожилая горничная.

— Еще три дня.— Раджан-старший, закрыв глаза, смаковал золотистую жидкость.

— Часто бываете в Швейцарии?

— Нынешний раз — третий.

— Вам не нравится этот город?

— Да нет, не было нужды. У меня здесь контора, которая решает все проблемы без моего личного участия.

Горничная наполнила рюмки, предложила закуски.

— Знаете,— с улыбкой сказал Парсел,— я ведь знаком с вашим сыном.

Раджан-старший этого не знал. «А мне казалось,— подумал он,— что мой наследник все больше знает с левыми да красными».

— Во время моей поездки в Патеро,— продолжал Парсел,— любезный Рамасингх показал мне подборку статей вашего сына, напечатанных в одной из газет Эдлака. Забыл сейчас ее название.

— «Индепендент геральд»,— подсказал Раджан-старший.

— Кажется, так. Очень, знаете ли, любопытный материал. И написан с обезоруживающим энтузиазмом. Увы, не всегда за ним можно скрыть отсутствие профессионального знания предмета и, что еще важнее, некоторой инфантилизм мышления. Отличный парень ваш сын, но...

— Совершенно верно, инфантилизм мышления! — оживился гость.— Смехотворна главная концепция этих статей: будущее Истардии за государственным сектором. Да, частная инициатива в крови

каждого истардийца! Посмотрите на наших бедняков. Только один из каждого миллиона — самый отъявленный бездельник и горлопан — мечтает об «экспроприации экспроприаторов». Остальные сами жаждут разбогатеть и готовы для этого на все. Инфантилизм — вернее не скажешь. Остается надеяться, что с возрастом это пройдет...

Появилась Софи, пригласила мужчин перейти в столовую. Однако сама сесть за стол отказалась и вышла, сославшись на необходимость «руководить усилиями повара». «Совсем истардийскую обстановку создает для господина Раджана-старшего», — усмехнулся про себя Парсел, хорошо изучивший француженку.

— Одному Богу известно, что будет завтра, — задумчиво сказал Парсел за столом.

— Но ведь надо же действовать! — почти шепотом проговорил истардиец. Он покраснел, салфетка упала с колен на пол. — Спасение в действии!.. Я читал и Ленина, и «Капитал», и многое другое. Мне они не доказали, что за ними будущее, нет! Но они доказали мне вот что: для нас гибельно сидеть сложа руки и уповая на богов. Боги помогают лишь энергичным, предприимчивым и предусмотрительным. Да, надо действовать!..

— А разве мы не действуем? — почти бесстрастно спросил Парсел. Понюхал вино, взял на язык, еще раз понюхал. — И вы это знаете не хуже меня. Если бы мы не действовали...

— Значит, надо действовать активнее! — прервал его Раджан-старший.

— Ведь нашли же мы с вами время, — Парсела забавляло волнение гостя, — чтобы встретиться за тысячу миль от вашего и моего дома, встретиться именно для того, чтобы договориться, как действовать!..

Они перешли за небольшой столик. Горничная подала сыр. Истардиец медленно крошил рокфор крохотным ножичком, слушал.

— Я не люблю грубую силу, — Парсел поморщился, — «подвиги» в духе рыцарей «плаща и шпаги». Все должно быть в рамках закона. Нашего закона. Что мне понравилось в вашем плане, как его кратко изложил Рамасингх? Гениально простая идея. Ни саботажа, ни насилия. Хотелось бы в двух словах услышать ее из ваших собственных уст.

— Извольте. Русские вкладывают в строительство металлургического завода в Патеро девяносто пять миллиардов истардов.

— Немалая сумма! — заметил Парсел, знавший ее раньше.

— Но и ставка, в случае успеха, немалая: серьезное укрепление позиций государственного сектора и, следовательно, — русского влияния в стране.

«Бойтесь, как бы не проснуться однажды нищим, — думал Парсел, наблюдая за гостем. — Все боятся! Святой Яков свидетель, и я боюсь. И он. Все...»

— Сорок девять процентов акций, — продолжал Раджан-старший, — будут проданы инженерам и рабочим завода, включая строительных, после того как он вступает в строй. Стоимость акций составит приблизительно 16—18 миллиардов истардов: Через сеть моих агентов акции можно будет перекупить в течение одного-полутора месяцев. Дополнительные расходы составят примерно 9 миллиардов. Сюда я включаю максимальную стоимость комиссионных — до двадцати пяти процентов от номинальной цены акции — владельцам и столько же — перекупщикам.

— Имея сорок девять процентов акций, можно активно влиять на политику, — Парсел задумался. — Можно и при меньшем проценте... А с точки зрения юридической — законна ли такая массовая скупка?

— Мои юристы занимались этим вопросом, — ответил Раджан-старший. И улыбнулся — впервые за всю встречу. — С точки зрения закона нет никаких ограничений и препятствий. Контингент владельцев — инженеры и рабочие завода — определяется лишь при первоначальной продаже акций. После этого акции превращаются в столь же обезличенные финансовые знаки, что и банковские билеты. И будут котироваться на биржах страны, как все другие акции.

— А что могут придумать русские?

— Ровным счетом ничего. Это чисто истардийское дело.

— Итак, остается один человек, — Парсел встал, прошелся по столовой.

— Кого вы имеете в виду? — недоуменно спросил Раджан-старший.

— Кого я имею в виду? — переспросил Парсел. «Этот истардиец не хочет принимать во внимание все факторы. Чересчур самонадеян, видит Бог, — думал

он. — Самонадеян — потому что еще никогда крупно не проигрывал». — Президента Дадхана, — сказал он.

— Допустим, — согласился Раджан-старший. И потому, как он это сказал, Парсел понял — его гость не допускал такого поворота событий. — Допустим, — продолжал истардиец, — он захочет провести ограничивающий законопроект через парламент. Но упреждающего действия он не сумеет предпринять — слишком мало мы ему дадим времени. Если же он вознамерится поступить так постфактум, это может привести к правительственному кризису. У нас, знаете ли, есть немало друзей в парламенте, и очень верных!..

«Знаю, — думал Парсел. — Только вряд ли их голосов достаточно, чтобы вынести вотум недоверия правительству. Увы, маловато у вас этих очень верных, господин Раджан-старший!»

— Второе, что теоретически мог бы предпринять Дадхан, — продолжал истардиец, — национализировать завод. Но этого он не сделает повесьма простой причине — в казне нет денег. Даже для того, чтобы взять в государственный сектор контрольный пакет акций завода, Дадхан вынужден был сделать кабальный заем у швейцарских банков. Других вариантов у него нет!..

— Есть, — коротко возразил Парсел. И Раджан-старший поразился перемене, происшедшей в нем: из сибаритствующего, благодушного собеседника он мгновенно превратился в жесткого, с мертвой хваткой бизнесмена.

— Есть, — повторил Парсел. — Например, предложить русским создать смешанное предприятие, то есть углубить их внедрение в экономику Истардии.

— Но ведь такого у нас еще никогда не бывало, — не слишком уверенно возразил встревоженный истардиец.

— Все когда-то происходит впервые, а когда-то в последний раз. — Парсел снова добродушно улыбнулся. — Мне очень нравится ваша идея. И я, пожалуй, войду с вами в пай, — рискну своими долларами. Но я привык, прежде чем рисковать, досконально изучить и степень прибыльности предприятия, и степень риска. Я полагаю, у нас есть еще какое-то время, чтобы обдумать вопрос всесторонне.

— Есть, но немного, — осторожно сказал Раджан-старший. — К такой сделке подготовиться следует весьма тщательно.

— Вот и отлично, клянусь Всевышним! — заключил Парсел, передавая гостю чашечку кофе. Тот умоляюще сложил руки на груди: «Чай». В столовую вошла Софи, поставила перед истардийцем чашку крепкого чая. Гость обмирал, глядя на сидевшую напротив него француженку.

Глава двадцатая

ВЕЧНЫЙ РИТМ

Схватки у Рейчел продолжались уже шесть часов подряд с небольшими перерывами. Джерри все время был рядом с нею. Он не хотел даже на минуту отлучиться из палаты, боясь пропустить самый миг рождения ребенка. Джерри не спрашивал у врачей — их было три, — когда начнутся собственно роды. Он знал, что это бесполезно, что ответить на этот вопрос мог лишь сам Господь Бог. Рейчел, казалось, не смотрела ни на кого. Ее мутный взгляд был устремлен в потолок. «Господи, она и думать-то сейчас не может ни о чем», — с жалостью подумал Парсел. Он ошибался. Рейчел думала в этот момент о нем. «Думала», — если можно было так назвать отрывочные, скомканые мысли, вихрем пронесившиеся в ее сознании. «Джерри, Джерри, Джерри, любимый Джерри вдохнул в меня всю эту нечеловеческую, всю эту адскую боль. Вот эта боль затопляет, захватывает, замуровывает меня всю в себе, всю в себе. И источник ее, этой боли — он, Джерри. У меня будет от него ребенок, я буду любить, любить, люби-и-ить этого ребенка, как я люблю отца. Как противоестественно, что самое дорогое рождается в звериных муках. И причина их — Джерри. Мой Джерри, мой любимый, будь ты проклят во веки веков, любимый! Легче умереть, чем терпеть эти муки. Легче умереть... Ах, если бы сейчас умереть и не ощущать больше этих страданий. Умереть! Но... Как же ребенок, как же Джерри? Они будут без меня. Меня не будет. Все будут и всё будет, а меня не будет. Зачем же мне проходить через нечеловеческие пытки, чтобы потом уйти в небытие? Оставить маленького Джерри, его и моего сына, в наследство будущей жизни — вот зачем. И это — счастье? И это — счастье, счастье, сча-а-астье! Больно, ох, как больно. И что за противное лицо расплылось кровавым мясистым пятном, прямо напротив меня? И что за бесформенные губы уроды. Что

за зубы вампира! Что за уши дегенерата! Господи, да это же Джерри, мой любимый Джерри, мой ненавистный Джерри. Ему бы хоть тысячную долю моих теперешних страданий! Он не просто любил бы, он бы обожал нашего сына, который грядет в моих муках, слезах, поте и крови. Сыночек, приди, приди скорее!..»

Схватки на какое-то время прекратились. Рейчел заплакала от облегчения. «Джерри, извини меня, любимый,— беззвучно молила она и сквозь слезы видела не мужа, не его лицо, фигуру, а расплывчатый, бесформенный белый комок.— Прости за то, что помутившийся от боли разум вдруг мог пожелать тебе смерти... Джерри, жизнь моя, человек, вдохнувший жизнь в мое дитя». Светло улыбаясь, Рейчел протянула мужу руку. Он осторожно взял ее своей большой, сильной ладонью. Недолгое это прикосновение принесло благодатное успокоение измученной женщине. Она затихла, задремала даже. И улыбалась сквозь слезы. Вспомнила их недавнее путешествие по Европе. Ее поразил Кипр. Поразил своим гордым спокойствием, дикой красотой, горькой мудростью веков. И остался в памяти на всю жизнь, подарив Рейчел эпизод, поразивший ее равно и своей фатальной неожиданностью и своей необычностью. После ленивых купаний в нежащем летнем море, вечерних — во время заката — ничегонеделаний в шезлонге, с книжкой в руке, после блаженно-скучных двух-трех дней в этом крохотном, удаленном от всех туристских троп, дорог и деловых маршрутов городке они с Джерри решили совершить конную прогулку в горы. В поездке по Европе Парселов сопровождали Маркетти, Ларссон и два телохранителя. Дик договорился с владельцем гостиницы обо всем необходимом для прогулки. Правда, Ларссон выразил сомнение, что босса с супругой не стоит отпускать далеко вперед одних с проводником, как на том настаивала миссис Парсел. Маркетти согласился с доводами Ларссона — Южная Европа переживала эпидемию похищений с целью получения выкупа. Они решили, не говоря о том Парсела, держаться к ним максимально близко, не попадая в то же время в их поле зрения. Лошадки оказались маленькими, жилистыми, проворными. А как только они ступили на тропу, особенно круто забирающую вверх, Парсел, ласково потрепав своего конька по густой и длинной гриве, воскликнул, обращаясь к жене:

«Это же прирожденный горец!»

«И моя кобылка просто очарование!» — вторила ему Рейчел.

Проводник, грек лет сорока пяти с лицом, заросшим щетиной до самых глаз, постоянно улыбался. По-английски он понимал лишь «йес» и «ноу», и Парсел сразу же стал над ним беззлобно подтрунивать. «Теперь налево?» — спрашивал он, и грек радостно кивал, медленно и почтительно говорил: «Йес, маэстра». — «Ну почему же маэстра?» — допытывался Парсел. Грек энергично кивал, повторял: «Йес, маэстро, йес». Рейчел улыбалась. Ей нравилось то, что у мужа хорошее настроение. Грека она в глубине души побаивалась: весь заросший, какой-то дикий, непонятный. Все непонятное всегда вызывало у нее недоумение и страх: в детстве — бури и грозы, привидения, позднее — странные люди, вещие предсказания, необъяснимые совпадения предчувствий и событий. Минут через пятнадцать они поднялись уже довольно высоко. С одной из просторных площадок, словно бы искусственно окаймленной высоким ярко-зеленым кустарником с белыми маленькими цветками, их взорам во всем своем великолепии предстало море. Спокойное, безбрежное, оно, казалось, отдыхало после недавнего неистового, коварного шторма. Небо было белесо-голубое, и потому вода у далекого горизонта казалась совсем темной. Они спешили и теперь стояли у самого обрыва. Держась за одинокое деревце, Рейчел заглянула вниз. Там, ярдах в трехстах, белыми всплесками вскипала волна, дробилась об острые угрюмые скалы, едва выступавшие из воды. Рейчел отпрянула от края, прикинула всем телом к деревцу. Парсел задумчиво спросил: «Что-то вспомнилось неприятное?» — «Нет, дорогой, — словно удивляясь, проговорила Рейчел, не открывая глаз, — голова закружилась. На миг я представила, что лечу туда, на эти страшные скалы и...» Муж обнял ее за талию, прижал к себе. Проводник отправился дальше, лошади нежадно пощипывали высокую траву, их поводки были захлестнуты за ветвь деревца. Джерри поднял жену на руки. Рейчел обняла его за шею, нашла губами его губы. Раскрыв глаза, она смотрела прямо в зрачки мужа. Они ширились, ширились, и вот уже поглотили ее целиком. Вернувшись в этот земной мир, она какое-то время смотрела в абсолютно пустынное — ни облачка, ни птицы,

ни самолета — небо. Потом повернулась к Джерри, стала медленно целовать его лицо. Он тихо улыбался, подложив руки под голову на мягкую подушку из мха и травы. Рейчел казалось, что остановилось время. Она встала, еле слышно напевая какую-то песенку, прошлась по полянке. Потрепала по шее свою кобылку. Та ласково потерлась о плечо Рейчел теплой мордой. Эти белые цветы — как сладко они пахнут, как дурманят... Словно во сне, Рейчел почувствовала, как ее ноги мягко-мягко скользят по траве. Вот подогнулись колени, и она падает в траву, в эту пушистую, роскошную постель, такую широкую, такую шелковистую. Вот уже и самый край, дальше — бездна, там, внизу, далеко-далеко, и скалы, и море, и смерть. Рейчел ухватилась за куст, ноги ее соскользнули с края площадки, и она повисла над пропастью. Все произошло так нелепо и внезапно, она и вскрикнуть-то не успела, лишь сдавленно негромко простонала. Но Парсел услышал. «Держись!» — страшно прохрипел он. В следующее мгновение он обхватил пальцами левой руки ее запястье. Правой он вцепился в деревце почти у самой земли. И когда ему уже казалось, что он вот-вот вытащит Рейчел на площадку, он вдруг почувствовал, как его ноги еле заметно заскользили к пропасти. Он стиснул зубы и, собрав все силы, рванулся назад. В это время деревце надсадно хрустнуло и стало подаваться под весом двух тел. Почувствовав это слабое, но явное движение, Рейчел, зажмурив глаза, прошептала: «Отпусти меня, Джерри!» — «Молчи!» — выдохнул он, еще крепче стиснув ее запястье. И тут подоспели Маркетти и Ларссон. «Джерри ведь мог не выдержать и разжать пальцы,— размышляла теперь Рейчел.— Но любовь сильнее силы тяжести. Значит, стоит жить на этом свете».

Схватки продолжались. Когда было не особенно больно, Рейчел испытывала не то чтобы чувство стыда, а скорее мучительной неловкости. Джерри, ее муж, ее возлюбленный, отец ее грядущего вот-вот ребенка видит ее беспомощной, бесстыдно распластанной на этом ложе мук. Как это должно быть неэстетично, неприятно, может быть, даже отталкивающе. А ведь она хочет, чтобы он ее любил, чтобы он любовался ею, чтобы она всегда оставалась для него желанной. Кто, скажите на милость, придумал пускать мужей в помещение, где вершится сокровенное таинство появления на свет де-

теныша человеческого? Ведь еще целая жизнь супружеская впереди, а для него нет больше во мне тайны. А ведь любовь — это тайна, и в этом ее прелесть и красота. Эти крики, эти слезы, эти стоны, это вывороченное наружу естество — какая уж тут красота. Но схватки начинались вновь, и все мысли исчезали, все, кроме одной, — скорее бы все это так или иначе кончилось. И смерть уже не казалась ей худшим исходом.

После восьми часов бесплодного ожидания Джерри вышел в комнату дежурного врача, связался по телефону с первым вице-президентом своей головной компании и сообщил ему, что он может отсутствовать и сутки, и двое, и более. Основные распоряжения его были лаконичны, строги, точны. Он собирался в очередной вояж по Латинской Америке и хотел приобрести акции ведущих местных компаний миллионов на двадцать пять — тридцать. Местных. Легче будет налаживать контакты с новыми президентами, хунтами, диктаторами. Легче будет и поддерживать прежние связи.

Дела, дела... Он вспомнил свою недавнюю поездку в Бразилию. Для всех это была рутинная деловая поездка американского миллиардера в тот регион мира, в котором в какой-то, скажем, незначительной степени концентрировался его деловой интерес. Однако для самого Парсела эта поездка была весьма значительным предприятием. На беззаботный, веселый уик-энд, который совпал с бесшабашным, безудержным, бескрайним ежегодным фестивалем, в Рио-де-Жанейро были приглашены американские послы практически из всех стран Латинской Америки. Но это не было региональным совещанием, осуществлявшимся по плану и под эгидой Государственного департамента. Все послы были личными гостями Джерри Парсела.

На одной из тихих окраин Рио, на просторном участке земли стоял большой трехэтажный особняк. В нем было сорок пять комнат, несколько холлов, большая библиотека, кинозал, на каждом этаже — бар и небольшая столовая. Дом был построен четверть века назад. Его владельцы предполагали разместить здесь гостиницу. Почему-то план их не осуществился, и доверенный Парсела приобрел этот дом с аукциона за пустячную сумму. Парсел тогда даже поблагодарил посредника за удачную покупку. Приезжая в Рио-де-Жанейро, Парсел неизменно заглядывал в свое «бразильское имение». Но останавливался всегда в одном

из небольших, дорогих отелей в северной части города. Теперь же особняк оказался как нельзя более кстати. Несколько человек, отправленных Ларссоном из Нью-Йорка за неделю до намеченного уик-энда, привели все помещения особняка в порядок в соответствии с личными инструкциями босса. В субботу, когда небо над Рио вспыхнуло разноцветными гирляндами фейерверков, когда взрывы петард сотрясали стекла в небоскребах и лачугах, когда улицы превратились в сплошное море бушующего веселья, и конфетти, и серпантины вываливались тоннами, в особняке Парсела во всех комнатах и холлах вспыхнул свет. Любопытным, а таковых по предположению и Парсела и Ларссона могло оказаться не так уж мало,— даже при помощи современной электронной аппаратуры — вряд ли удалось бы что-либо увидеть или услышать. Особняк стоял в самом центре участка, огороженного с трех сторон трехметровой каменной стеной. Со стороны же широкой авениды возвышался на такую же высоту причудливого литья чугунный забор. От любой точки ограды до здания было не менее полумили. Кроме того, дом был со всех сторон обсажен деревьями, которые закрывали его от постороннего взгляда густой зеленой ширмой.

Парселу не нравилось, как Государственный департамент ведет работу в странах Южной Америки. «И дело даже не в том,— размышлял Парсел, когда его самолет пошел на посадку в Рио,— что у меня в разных странах континента, уважаемых, мало уважаемых и совсем неуважаемых, вложено более трехсот миллионов долларов. Хотя это далеко не пустяк. Дело в том, что если события будут и впредь развиваться в том же направлении, Бог видит, скоро мы не только свои миллионы, а вместе с ними и всю Южную Америку — мы голову потеряем. А это как-никак самое дорогое, что у меня есть». Парсел недобро усмехнулся. С недавних пор он начал скверно себя чувствовать при посадках, и это раздражало, даже бесило его. Но, увы, ничего не поделаешь, годы. Никто еще не научился заставлять их вернуться вспять. Парсел стиснул зубы, готовясь к неприятным болезненным ощущениям.

Когда он подъехал к своему особняку, было около девяти часов. Пропустив большой черный лимузин, могучие створки механических ворот захлопнулись, и Парсел вздохнул с облегчением. Бесшабашное веселье хмельного города — боже мой, куда ушли те вре-

мена, те блаженные, легкомысленные, буйные годы, когда он — правда это бывало нечасто — на три-четыре дня безоглядно бросался в водоворот такого вот фестиваля? Подобного рода мысли были своеобразным внутренним кокетством. Наверное, он и сейчас без труда выдержал бы трехдневный кутеж. Но... надо работать, работать еще энергичнее. «Не будешь работать, как буйвол, как слон, как верблюд,— потеряешь все нажитое десятилетиями каторжного труда...»

У подъезда его встречало несколько человек. «Вот и начинается работа. Я не могу, не имею права ни на субботу и воскресенье, ни на фиесты и фестивали».

Перебросившись несколькими фразами с Грбжинским и Сейкером, отдав на ходу два-три коротких распоряжения Маркетти, энергично и приветливо поздоровавшись с несколькими малознакомыми ему послами, Парсел взял под руку семенившего рядом с ним тщедушного, седого джентльмена и увлек его за дальний столик в баре первого этажа.

— Ну что же, мой дорогой генерал,— холодно улыбнулся Парсел, пригубив стакан с мартини,— так и будем отдавать красным кусок за куском, милую за милей, поселок за поселком, город за городом, страну за страной?

— По-моему, в том государстве, где я представляю наши интересы, порядок не хуже, чем в моем родном Техасе,— слегка пришепелявая, спокойно ответил собеседник Парсела. И потом долго, мелкими глотками пил из высокого стакана виски с содовой. Когда стакан опустел, он осторожно поставил его на стол, приветливо кивнул бармену и только тогда устало и внимательно взглянул Парселу в глаза.

— Еще бы был беспорядок там, куда мы послали генерала Дженкинса! Барри Дженкинс мудр и надежен, как старый гризли.

— Это вы точно заметили, мистер Парсел,— как старый гризли.

— И удачлив, как самый удачливый искатель на Клондайке в разгар лихорадки.

— Не спугните, мистер Парсел. Удача — капризная дева.

— Капризная,— согласился Парсел.— Изменила нам в Никарагуа, в Сальвадоре, еще кое-где, того и гляди изменит на Гаити... Не знаешь, где ждать следующей измены.

— Я могу точно ответить на ваш вопрос,— сказал Дженкинс.— Там, где мы ослабляем свои усилия на цент, красные увеличивают свои на доллар.

— Значит, во имя Господа, не ослаблять усилий? — Парсел задумчиво смотрел в выцветшие зрачки генерала.

— Вы мою точку зрения на весь этот процесс отлично знаете,— неожиданно жестко сказал Дженкинс.— Я бы их выбомбил к чертовой матери с лица планеты. Пусть даже рискуя планету расколоть пополам. Сам бы в небытие умчался, но и с ними бы покончил. Это же так просто,— генерал, улыбнувшись, вновь принялся за свой стакан.

«Тебе просто, старый козел,— раздраженно подумал Парсел.— Тебе просто в твои восемьдесят лет. А тем, кому еще не прискучила жизнь, каково? И тем, кто еще не пришел, но придет в этот мир?.. Выбомбить! И я бы рад... Да ведь это значит и себя выбомбить к той же самой матери. Себя, Рейчел, будущего Джерри-младшего... Что бы ни болтали ваши ребята из Пентагона,— не верю, что можно обезопасить себя от ответного удара».

— Вот кого я действительно рад видеть! — Парсел обнял высокого, плечистого атлета неопределенного возраста.

— Каждую встречу с вами, мистер Парсел, почитаю за подарок судьбы,— серьезно, улыбнувшись одними глазами, ответил тот.

— Когда-то ты звал меня просто по имени, Грег.

— Спасибо, Джерри. Я буду счастлив обращаться к тебе по-прежнему, как тридцать лет назад.

Начался разговор о соучениках, о том, как у кого сложилась судьба. Не забыли и «беднягу Дайлинга». Минут через пять-семь, когда воспоминания грозили перейти в интимно-лирические, Парсел как бы между прочим обронил:

— Ты ведь опытный разведчик, Грег. В твоем активе не одно дело во имя защиты свободы. Чем ты можешь объяснить, что там, у тебя, левые так активизировались?

— Они никогда и не дремали,— быстро ответил Грег Рудзатске.— Впрочем, они меня мало волнуют. Они раздроблены, а потому слабы. Куба — вот проблема! И Никарагуа...

— Да! Ты смотришь в самую суть,— оживленно ото-

звался Парсел.— Как бы наш просчет с Кубой не оказался роковым.

— Я часто думаю,— задумчиво сказал Рудзатске,— какой у нас есть, кроме драки с русскими, выход?

— Значит, я не зря летел из Нью-Йорка,— воскликнул Парсел.— Клянусь головами ста Дженкинсов, я услышу сейчас нечто дельное.

— Возможно,— согласился Рудзатске.— На мой взгляд, есть два пути. Первый — загнать русских гонкой вооружений, загнать их, как загоняют лошадей.

— А второй путь?

— Второй,— на сей раз Рудзатске широко улыбнулся,— заключается в том, чтобы дать русским бой в области экономического соревнования.

— То есть?

— Попытаюсь разъяснить. Иногда мы использовали экономику в борьбе против коммунизма. Например, «план Маршалла». Это был классический образец того, как наша экономическая мощь помогла целому континенту противостоять марксистской заразе.

— Как ты представляешь возможность применения подобного варианта к странам этого региона?

— Только пусть тебе не покажется крамолой то, что я сейчас скажу,— Рудзатске устало провел ладонью по лбу, словно пытаясь этим жестом влить в себя бодрость и энергию.— Надо всем этим я очень долго размышлял и пришел к выводу, что наибольшие успехи русских приходятся как раз на те периоды, когда наша конфронтация с ними доходила до критической точки.

— Видимо, ты прав,— хмуро произнес Парсел.— Это в общем понятно... Всякое действие рождает противодействие, и мы проигрываем при этом не меньше, чем выигрываем.

— Вот именно! — воскликнул Рудзатске.— Наиболее верный способ использовать наш экономический потенциал — постараться не афишировать наше политическое и социальное давление, ведь именно это порождает повстанческие движения в отдельных странах. Сделать это мы должны немедленно. Второе. Нужно посадить у власти верных нам, но не скомпрометировавших себя людей, провести несколько умеренных социальных реформ. И обязательно намазать дегтем левых.

«Что ж, в этом что-то есть,— размышлял Парсел.— Конечно, для этого потребуются деньги. И немалые. Од-

нако игра вполне может стоять свеч. Может... Выходит, и в ЦРУ есть разумные ребята».

Выступая на следующий день перед своими гостями, Джерри преподнес им идеи как Дженкинса, так и Рудзатске — разумеется, не называя фамилии их авторов. Реакция аудитории была противоречивой. «Конечно, сколько голов, столько и мнений,— думал Парсел.— Но на то и существуют мудрые головы, чтобы формулировать мудрые мнения». Альтернатива Грега казалась ему все более и более привлекательной.

В воскресенье вечером в холле третьего этажа, самом большом в особняке, был устроен банкет. Чествовали посла Сикинджера, «везунчика Генри», которому удалось несколько недель назад провести в стране пребывания удачный, давно планировавшийся и готовившийся военный переворот... Сто семьдесят девятый или сто восьмидесятый за историю многострадальной страны.

Джерри сказал на банкете: «Нашего общего любимца «везунчика Генри» я знаю давно. Он работает без осечки. Именно поэтому мы все дружно провозглашаем здравицу в его честь, хотя подобной здравицы, конечно же, достойны и Дженкинс, и Рудзатске, и многие другие. Однако, господа, я хотел бы подчеркнуть здесь следующее обстоятельство. Ведь переворот с нашей помощью означает, что ему предшествовал переворот, направленный против нас. А это — недосмотр, это — плохая работа. А мы, американцы, известны миру как хорошие работники. Так выпьем, господа, за хорошую работу и да поможет вам Бог!»

Совещанием послов Парсел остался доволен. С тремя из них, которые были членами правлений разных компаний его концерна уже много лет, он окончательно обговорил условия покупки в их странах нефтеносных земель. Сделки эти готовились давно и тщательно, и инструкции Парсела вносили лишь конъюнктурные уточнения. Это был уже не морально-психологический, а финансово-экономический итог совещания.

Лишь ничтожное событие омрачало воспоминание об этой поездке в Рио-де-Жанейро. Один из послов выиграл у Парсела на бильярде довольно солидную сумму. Парсел не любил проигрывать. Впрочем, утешением ему служило то, что выигравший был всего-навсего заштатным послом, вынужденным коротать свою жизнь в далеких, глухих провинциях мира. «Как шар бильярд-

ный закатывается в свою лузу, так человек находит свою судьбу...»

Парсел вернулся в палату. Рейчел, собираясь с силами, готовилась к новым схваткам. Раньше ей было совершенно безразлично, царит ли вокруг нее тишина или стоит ад кромешный. Теперь каждый лишний звук, даже шорох отдавались резкой болью в висках. Она попробовала закрыть уши ладонями. И услышала оглушающее биение своего собственного пульса. Это было невыносимо, подобно буханию огромных близких колоколов. Она отняла руки от головы, попыталась улыбнуться врачам, акушерке, мужу. Вдруг появилось новое ощущение — резь под веками. Она закрыла глаза. Наступил покой, такой желанный, такой необходимый. Опустошенная, без мыслей, она радовалась новой передышке между страданиями. Внезапно до ее слуха долетели какие-то далекие, приглушенные расстоянием шумы, выкрики. Она вздрогнула, раскрыла глаза, обвела взглядом всех присутствовавших в палате. И поняла, что никто здесь не произнес и звука. «Неужели галлюцинации?» — с тоской подумала она. Пожалуй, только муж понял ее немой вопрос. Он кивнул на окно: «Тебе не слышалось, дорогая. Это по улице мимо здания идут какие-то люди, чего-то требуют».

Рейчел вновь закрыла глаза, а Парсел исподлобья через оконное стекло стал рассматривать участников шествия. Объяснив Рейчел, что «какие-то» люди «чего-то» требуют, Парсел сказал неправду. Еще накануне помощник Оупенхартса сообщил ему по телефону из Вашингтона о том, что в Нью-Йорке вскоре, видимо, состоится невиданная по своим масштабам антивоенная демонстрация. И вот теперь по улицам шли тысячи американцев, решивших объявить всему миру у стен штаб-квартиры ООН о своем нежелании превратиться в радиоактивную пыль. С высоты третьего этажа хорошо были видны и лица, и одежды, и тексты на транспарантах. Шли юноши и девушки, женщины и старики, белые и черные мужчины несли на плечах детей, взрослые катили перед собой детские коляски, несли транспаранты с лозунгами: «Пусть умирает тот, кто хочет умереть!», «Заморозьте вооружение!», «Убьем бомбу!».

В это время в комнате раздался звук, которого Парсел не слышал дотопе никогда в жизни. Он нахмурился, медленно повернулся на этот звук. У всех медиков были просветленные, радостные лица. Старшая

акушерка, долговязая, некрасивая женщина, вся светилась материнской нежностью. Лицо ее разгладилось, разрумянилось, она даже выпрямила обычно сгорбленную спину. «Феноменальная метаморфоза, — подумал Парсел, — наверно, эта бабенка в молодости была совсем недурна». И тут только заметил в ее руках неприятно кровавого цвета комочек. Главный врач, рослый блондин со смазливим лицом, подошел, устало вытирая пот со лба:

— Поздравляю с мальчиком, мистер Парсел.

Парсел продолжал рассматривать комочек в руках старшей акушерки. А она взяла дитя левой рукой за обе ножки, опустила вниз головой и дважды слегка прилепнула по попке. В комнате вновь раздался звук, минуту назад так поразивший Парсела. Старшая акушерка, держа ребенка на руках, как в люльке, поднесла его к Парселу. Он с удивлением и с чувством легкой брезгливости разглядывал новорожденного. Вскоре это чувство, однако, ушло. И его сменила жалость к беспомощному крохотному существу, которому он, Джерри Парсел, и его жена Рейчел дали жизнь. Парсел смотрел на сморщенное личико, а видел лицо красивого, молодого парня, мужественного, сильного — идеального мужчины. Он был чем-то похож и на молодого Роберта Дайлинга, и на Фрэнка Оупенхартса, и на Гарри Купера, и на Тонни Кэртиса. Счастливый отец хотел что-то сказать жене, но один из врачей умоляюще приложил палец к губам: «Чуть позже, сэр».

Парсел смотрел на Рейчел. Лицо ее было покрыто потом, на щеках и на лбу расплылись лилово-красные пятна. Глаза были закрыты, ресницы изредка вздрагивали. Она часто дышала, медленно сжимая пальцы в кулаки и так же медленно их разжимая. Парсел вопросительно посмотрел на главного врача, кивнул на жену. Тот взглядом ответил: «Все идет своим чередом».

«Как непостижимо просто и вместе с тем предельно сложно организована живая материя на земле, — думал Парсел. — И как могуч, как неистребимо могуч инстинкт продолжения рода. Человек бесконечно слаб и в то же время бессмертен в потомстве своем, в вечной смене поколений. И следующее в чем-то — иногда незаметно на первый взгляд — совершеннее предыдущего. Конечно же, совершеннее. Господи, сколько романов и научных трактатов посвящено проблеме отцов и детей. А ведь это же так просто: они, будущие, совершеннее

нас, своих предшественников. Отсюда и все конфликты. То, что я понимаю, образно говоря, на сто процентов, мой сын будет понимать на сто один. Разница всего лишь в какой-то процент. Но именно в нем все дело. Без этой разницы не было бы движения вперед, не было бы прогресса. Не было бы самой жизни».

Ребенка собирались уносить, и старшая акушерка дала отцу подержать его. Парсел ощутил мягкое прикосновение пеленки, ощутил едва уловимый вес сына.

— Богатырь, мистер Парсел, — захлебывалась акушерка. — Почти двенадцать фунтов — без двух унций.

Теперь Парсел любовался младенцем, хотя и не признался бы в этом даже самому себе. Посторонним взгляд его должен был показаться строгим, даже суровым. «Впрочем, что мне эти люди? — думал он. — Регистраторы чужого счастья. Bravo, мистер Джерри Парсел! Ты стал отцом великолепного парня. Еще одного американца. Пришел в жизнь ее властелин, мой наследник, Джерри Парсел-младший. Наследник дела и — главное — жизни. Дела и жизни! Миллионы рядовых рождаются ежегодно. И все это армия моих, а теперь и его подданных, безвестных и верных, вольно или невольно способствующих нашему процветанию. Генералиссимусы этой разумной жизни рождаются два-три раза в столетие. Не событие ли это само по себе? С рождением вас, мистер генералиссимус жизни!»

— Какой он красивый! — говорила старшая акушерка, принимая ребенка от Парсела. — Нос прямой, волосики черные, густые! И такой длинненький. Ох, и спортивный будет парень. Девки за ним будут табуном бегать!

Она улыбалась и, как показалось Парселу, внимательно разглядывала его, отца, — его нос, его волосы, его фигуру. И вновь смотрела на младенца — сравнивала. Парсел вышел из палаты, тихонько прикрыл дверь. Из кресла в коридоре тотчас поднялся Дик Маркетти, ожидающе посмотрел на босса.

— Мальчик, сын, без малого двенадцать фунтов, — машинально проговорил Парсел, улыбаясь. Должно быть, он счастлив, как только может быть счастлив человек в этом мире. Но почему при виде Маркетти мелко задрожали ноги и мгновенно сузились глаза. При всей его наблюдательности, Маркетти не заметил этого, не понял состояния Парсела. «И волосы его, и черты лица, и длинные ноги — все! — Парсел с

ненавистью разглядывал своего секретаря. — Берегись, Ричард Маркетти! Это сказал я, Джерри Парсел». Еще раз бегло улыбнувшись, Парсел произнес, направляясь к выходу:

— Богатырь и красавец родился! Девчонки будут бегать за ним табуном.

Что же ты наделала, старшая акушерка?..

Глава двадцать первая

УТРАТЫ, ОБРЕТЕНИЯ

Высоко в небе красавец «Боинг-707». Он принадлежит авиакомпании «Пан Америкэн». Он летит над Тихим, Великим океаном. Маршрут: Эдлак — Нью-Йорк. Тихо, покойно в салоне первого класса. Бесплатные крепкие напитки. Бесплатные ослепительные улыбки стюардессы. «Сэр желает «балантайн»? «мартель»? «мартини»? «контру»? «лайф»? «нью-йоркер»? Сэр может даже потрепать по щечке молоденькую стюардессу. И пусть сэр не стесняется: это входит в стоимость сервиса.

В салоне лишь один пассажир: Джерри Парсел. Он только что улыбнулся стюардессе («Ваше имя, милая?» — «Рейчел, сэр!») и вновь углубился в чтение бумаг. Иногда он включает карманный диктофон и что-то быстро и долго говорит. Сначала следуют слова. Потом — цифры, цифры, цифры, сплошной поток цифр. Наброски отчета о поездке в Истардию.

«Вообще-то, — думает Парсел, — цифры — вещь сухая, как галеты пятилетней давности. Но в определенных сочетаниях со словами они способны вызывать неподдельные эмоции. Например, такое радужное сочетание: «Годовой доход в один миллиард двести тридцать четыре миллиона долларов». И весьма огорчительное: «Подходный налог в размере двухсот семидесяти одного миллиона долларов». Парсел улыбается. Вдыхает. Или комическое: «Шестнадцать миллионеров и один водопроводчик». Парсел беззвучно хохочет, вспоминая состав одной из предыдущих администраций США. Или раздражающее: «Тридцать новых африканских государств». Он захвачен вихрем цифр...

Парсел захлопнул диктофон, вызвал стюардессу и попросил приготовить постель. Из-под полуприкрытых век он внимательно следил за движениями девушки. И вовсе не потому, что она ему приглянулась. Конеч-

но, Рейчел отнюдь не была «страшна, как третья мировая война», вспомнил он фразу, сказанную как-то Дайлингом об одной их общей знакомой. Восемь с половиной при двенадцатибалльной системе — в лучшем случае. Плюс молодость. Но он запомнил эту Рейчел еще там, в Эдлаке, на праздновании Дня Республики. Он видел ее в стайке стюардесс, а запомнил по наивной манере держать отвернутой полу плаща — ножку на показ!

Сейчас, когда Рейчел нагнулась, чтобы взбить подушку, Парсел не удержался и легонько шлепнул ее ладонью по крепкому заду. Звук получился неожиданно звонким. Быстро выпрямившись, девушка несколько секунд молча рассматривала Парсела, словно раздумывая, стоит ли на него сердиться. И вдруг расхохоталась. И глаза ее, и смех ясно говорили: «Смешной старикашка! Неужели ты еще на что-нибудь годишься?»

Парсел вначале немного растерялся. Признаться, такой реакции он не ожидал. Однако тут же решил принять вызов и засмеялся сам. Спустя несколько минут он уже записывал ее имя и нью-йоркский номер телефона в записную книжку специальным шифром, которым были записаны координаты всех его знакомых особ прелестного пола.

Уже на подлете к Лос-Анджелесу он получил радиogramму: «Оупенхартс примет вас завтра на борту своей яхты во Фриско...»

И вот Парсел сидит в плетеной качалке на уютной палубе «Конкурера». И тянет свой мартини. Утро. Тихое, солнечное, ласковое утро. Вокруг, насколько хватает глаз, — океан.

Оупенхартс стоит у самого борта и смотрит вдаль. Высокого роста, плечистый, подтянутый, в белоснежной тенниске и узких светло-серых брюках, он похож на спортивную звезду. Или на знаменитого киноактера.

Парсел щурится, достает из кармана яркой, не по возрасту, рубашки темные очки, надевает их и внимательно смотрит на Оупенхартса. «Многое у тебя есть, мой мальчик, — думает он. — И простота, и трезвость мысли, и разумный расчет. И еще молодость, энергия, задор. Вот почему я и поставил на тебя в свое время. Увы, жестоко ошибся. Ошибся, как никогда. Главного у тебя не оказалось — решимости любой ценой добиваться цели, не считаясь с риском. Любой ценой обеспечить Америке преимущество надо всем миром».

— А вы знаете, Джерри, чертовски занятная штука — жизнь! — Оупенхартс улыбается, морщины на высоком лбу разглаживаются, глаза искрятся совсем по-мальчишески. — Только что слушал радио. Оказывается, если только это не выдумка наших расистов, в тот день, когда русские запустили спутник, в одной из новых африканских стран каннибалы съели западногерманского посла. Воистину заключительный век нашего тысячелетия построен на контрастах, иногда забавных. И на конфликтах, отнюдь не смешных. Теперь, я бы сказал, на конфликте. Глобальном. Решающем. Мы или они. Свобода или тоталитаризм!..

«Америке нужен сильный, решительный лидер в этом конфликте, — вздыхает Джерри, — лидер, способный не отступить ни на шаг перед русскими».

Оупенхартс подходит к буфетному столику, заставленному бутылками. Наливает стакан виноградного сока, бросает в него несколько кубиков льда. Сев в качалку рядом с Парселом, отпивает сок маленькими глотками.

— Вам удалось просмотреть мою записку о поездке в Истардию? — спросил Парсел.

— Удалось.

— И как?

— Любопытно. Любопытно, но спорно.

— В чем же?

— Взять хотя бы вопрос об истардийском социализме. Такой ли уж он в действительности бумажный, словесный? Если да — тогда почему мистер Парсел — бизнесмен трезвый, опытный и, следовательно, умеющий разумно рисковать, — не вложил до сих пор в Истардию ни дайма? Или металлургический завод в Патеро. Что, он действительно нужнее истардийцам, чем наша пшеница? И что лучше работает на пропаганду — сталь, чугун или хлеб? И, кстати, раз уж речь зашла о пропаганде, правильно ли мы делаем, перенеся свои усилия на проникновение в истардийскую прессу, в то время как русские заняты массовым выпуском своих печатных изданий?

Слушая Оупенхартса, Парсел думал: «Что дальновиднее и умнее: постоянно подбрасывать своему сыну подачки, пусть даже щедрые, царские? Или постараться дать ему профессию, которая прокормит и его и всю его семью — во все времена. А ведь по сути здесь то же самое: наше продовольствие и заводы русских».

Оупенхартс внезапно умолкает, словно опасаясь, что Парсел забудет все, о чем он его спрашивал. В ожидании нетерпеливо барабанит пальцем правой руки по подлокотнику кресла, по книге, лежащей у него на коленях.

— Видите ли, Френк...— обдумывая ответ, Парсел тянул время.— Я вынужден был изменить взгляд на ряд явлений после этой поездки в Истардию. Например, по вопросу о вложении капитала в эту страну. Конечно, опасность представляют даже разговоры о социализме. Особенно — на самых верхних ступеньках государственной иерархической лестницы. Однако после встреч с рядом разумных деловых людей я решил подписать — и уже подписал — контракты с четырьмя фирмами Истардии на сумму в сорок восемь миллионов долларов. Ситуация на тамошнем рынке необычайно благоприятна — огромная нехватка капитала и заведно высокий процент прибыли. По статистике каждая вложенная единица валюты возвращается через несколько лет утроенной. Пока, во всяком случае...

— А преемник президента?

— Это задача с очень многими неизвестными. Есть по меньшей мере десятка два вариантов — по числу ведущих группировок. Претендентов еще больше. Не исключено, что к власти придет темная лошадка... Теперь о заводе в Патеро. Да, он очень важен. Сталь, конечно, на хлеб не намажешь. Но русские так умело и настойчиво трезвонят об этом заводе, что нет истардийца старше десяти лет, который не знал бы, что это такое. Однако здесь начинается пропаганда. Здесь был бы весьма кстати мой давний приятель Роберт Дайлинг...

— Читал, читал его книги.

— А нашу пшеницу или рис истардиец ест, зачастую не зная, откуда они берутся и как. Да и до того ли ему? Все равно еды не хватает, и у него одна забота — выжить. В этом плане Патеро, видимо, являет собой пример более разумного вклада. Он дает населению занятость. Его не съешь, как лепешку. Не выкинешь, если не нравится. Он коптит небо своими трубами, хочешь ты того или нет. И продукцию его уже сейчас заказывают и в Англии, и в Японии. Единственное, что с ним можно сделать, — закупить на корню, изъять из-под контроля государства, смыть с него красноватый оттенок. Но это лишь в том случае, если парламент утвердит законопроект о выпуске акций завода в свободную

продажу. Судя по всему, ближайшая сессия парламента такой законопроект провалит. Что будет дальше — увидим...

— Что вы можете сказать о психологии истардийца?

— Что можно сказать о психологии человека, средняя продолжительность жизни которого сорок пять лет? У которого, кроме набедренной повязки и глинобитной лачуги, ничего нет? Который бывает сыт лишь двенадцать раз в году — в день зарплаты или три раза в году — после уборки урожая? Который невежествен, суеверен и развращен подачками бывших колонизаторов? Которого окружают болезни и хищники? Который производит на свет детей столько, сколько жена может и успевает нарожать?

— Джерри, и это все? Не упрощаете ли? — Оупенхартс рассмеялся. — А духовное наследие великих цивилизаций прошлого? А религии, завоевавшие полмира? А удивительные памятники древней культуры?

— Это все есть. Но у меня порою возникало смутное ощущение, что все это — плоды другой, ушедшей, исчезнувшей навсегда культуры.

— А тот же Патеро?

— Это — Россия, а не Истардия.

— Да вы истардионенавистник!

— Напротив. Мне эта страна нравится. Но что поделаешь, если у нее поистине великое прошлое, неясное настоящее и туманное будущее?..

— Прошлое и настоящее — да. С определением будущего я не согласен...

Оупенхартс вспоминает данные разведки. Беседы с регулярно приезжающими в США истардийскими министрами. Восторженно-горькие рассказы жены, недавно вернувшейся из полуофициальной поездки по Истардии. Фантастически богатая и удручающе нищая страна — ключ ко всему огромному континенту. Потеряй ее — завтра весь континент проглотят коммунисты. Нет, за Истардию надо во что бы то ни стало бороться. Бороться всем, чем возможно: деньгами, людьми, идеями. И, если необходимо — оружием. Оупенхартс так и сказал Парселу: «И оружием». Тот промолчал. «Болтун, — неприязненно подумал он. — Если дело дойдет до оружия, ты первый прыгнешь в кусты, мой мальчик. Уж я-то знаю».

Когда солнце стало припекать, Оупенхартс и Парсел перешли под тент. Каждые пять-десять минут бесшумно

появлялся молчаливый секретарь, пожилой негр, франтовато одетый. Передавал Фрэнку папку с телеграммами. Ждал, пока тот просмотрит их. Так же бесшумно исчезал. Некоторые телеграммы Оупенхартс передавал Парселу, тут же комментируя их:

— Опять эти ослы вытаскивают на свет божий трижды дохлую кошку (о новой попытке республиканских оппонентов Оупенхартса поднять в прессе шумиху о его личных миллионных акциях, с которых он якобы не платит подоходный налог);

— Я давно говорю, что с уходом Черчилля англичане утратили чувство реальности и трезвой перспективы (об очередных попытках Англии вмешаться в африканские дела);

— Запросите немедленно из библиотеки конгресса данные о суммарной мощности всех русских гидроэлектростанций (о пуске электростанции в Сибири);

— Мерзавцы, расстреливающие престиж нации (об убийстве американским унтер-офицером шофера японского такси);

— Так и есть! Скоро там не останется ни одного «вакантного генерала» (об очередном военном перевороте в южноамериканской республике, о возможности которого он знал еще неделю назад);

— И недоучившихся сопляков приходится ныне убеждать, что политика дядюшки Сэма не глупа, а мудра (о волнениях студентов в американских университетах). Уточните сроки моего лекционного тура;

— Когда требуют только хлеба, это не страшно (о всеобщей забастовке в Италии);

— Наследник, которому вряд ли придется править страной. Подготовьте приветственную телеграмму (о рождении царственного сына в азиатском королевстве)...

Незадолго до ленча секретарь принес ему одну телеграмму. Оупенхартс долго сидел над ней, низко наклонив голову. Молча передал ее Парселу, осторожно положил руку на его локоть. На зеленом яхтенном бланке с якорем значилось: «Сегодня тринадцать ноль восемь сердечного приступа скончалась Маргарет Парсел тчк Ждем инструкций тчк Беатрисе сообщено тчк Гарри».

Парсел прочитал эту телеграмму, как и все предыдущие,— машинально, не вникая в ее суть. И также машинально повернулся к Оупенхартсу, ожидая его оче-

редных замечаний. Тот молчал. И до Парсела вдруг дошел ее смысл. Он зачем-то достал очки, и не надев, сунул их обратно в карман. Растерянная улыбка появилась на его лице.

— Вот и моя Мардж присоединилась к большинству, — хрипло сказал он. — Она ведь немало пожила, как ты знаешь, — семьдесят с лишним...

И пошел к себе в каюту. Там он лег на кровать и еще, и еще раз перечитал телеграмму, приговаривая при этом: «Мардж, ох, Мардж!» — с такой интонацией, словно укорял ее в каком-то непозволительном поступке. И ему страстно захотелось одиночества. Покоя.

Когда потом Парсел летел на вертолете в Сан-Франциско, а оттуда на самолете в Нью-Йорк, его раздражали голоса и мелькание фигур членов экипажа, участливые взгляды и постылые заботы о его питании.

Он закрывал глаза, представлял мертвую Маргарет. «Все — суета сует, Господи. И всяческая суета, — отрешенно думал он. — Все там будем».

Нью-йоркский особняк Парсела был похож на все дома, которые постигает горе. Окна затянуты темными шторами. Говорят шепотом. Ходят на цыпочках. Даже на лицах тех, кто не имеет прямого отношения к покойной, скорбное выражение. Сплетни, наговоры, упреки начнутся после похорон. Сейчас же все — плакальщики. Платные и бесплатные. Несчастье везде одинаково — и в очень бедных, и в очень богатых семьях — разнятся лишь способы его внешнего выражения.

Сделав необходимые распоряжения, Парсел поднялся на второй этаж, в спальню Маргарет. При его появлении какие-то старухи в траурных платьях фасонов тридцатых годов поспешно удалились. Маргарет лежала на своей широкой кровати. В комнате — полумрак. Пахло туберозами, еще чем-то неживым.

Привыкнув к темноте, Парсел посмотрел на жену. Лицо ее осунулось. Стали более явственными морщины на щеках и шее. На лице — выражение обиды, словно она перед кончиной собиралась разрыдаться. Он долго стоял возле кровати. И постепенно ощущение гнетущей пустоты заполнило все его существо. Не было ни сил, ни желания о чем-нибудь думать. Да и о чем бы мог он думать? Что вспоминать? Ее бесконечные упреки, они начались чуть ли не в свадебную ночь, — упреки в неверности? В том, что он женился на ее деньгах? Но ведь он никогда не клялся ей в любви.

В шутку не раз говорил ей, что она в самый раз сгоди-лась бы ему в матери. Какая уж тут любовь! А она и вправду норовила ухаживать за ним, как за ребенком. Особенно в первые годы после замужества. И нанимала частных детективов, которые выслеживали его многочисленных любовниц. Сначала она мучилась. Не спала ночи. Плакала. Устраивала сцены. Потом махнула рукой. «Раз их много, этих девок,— утешала она себя,— значит, это несерьезно. Лишь бы не одна». Внешне все выглядело пристойно — они бывали на приемах, раутах, коктейлях. Часто принимали у себя. У них росла дочь. Маргарет организовала Парселу предложение баллотироваться в Конгресс от демократов. Он легко победил на выборах. Даже слишком легко; лишь много позднее он узнал, что она внесла крупную сумму в избирательный фонд республиканской партии с условием не очень добиваться победы в том округе, где баллотировался он, Парсел. Затем в одной из желтых газет появилась статейка о его донжуанских похождениях — злая, ехидная. Предупрежденному вовремя Парселу тогда каким-то чудом удалось скупить тираж и скрыть этот номер от жены. Но один из лидеров демократов провел с ним весьма доверительную беседу, после которой Парсел решил стать образцовым семьянином. Он перенес свои развлечения за рубеж. Чтобы убедительнее оправдать частые поездки за границу, он всерьез занялся изучением международного рынка. Постепенно он незаметно для себя и вправду так изучил мировую конъюнктуру, что это выгодно отразилось на делах концерна. Возможно, Маргарет догадывалась, что и в Европе и в Южной Америке он делит свое время между бизнесом и бурными забавами. Но она любила его. Нет, «любила» не то слово — Маргарет обожествляла мужа. Выклянчив у него ласку, она становилась такой и целомудренной, и страстной, что он на какие-то мгновения забывал, что с ним старая женщина. Но потом, при свете, он с брезгливой неприязнью разглядывал ее морщины, против которых было бессильно даже высокое искусство мадам Рубинштейн. Маргарет пыталась обмануть время, природу, мужа, себя, наконец, тратя долгие часы на гимнастику, массажи, бассейны... Но желанной для мужа стать не могла. Она понимала это и невыносимо страдала, проклиная и свой возраст, и бездарность врачей, тренеров, косметичек. В минуты отчаяния и

тоски без всякого повода увольняла подвернувшуюся под руку прислугу, била старинные саксонские сервизы, щедро угощала пинками любимых пуделей и шпицев.

Она изыскивала малейшую возможность по-своему заботиться о нем, проявлять знаки внимания, постоянно напоминать о себе. В роскошном номере женевского отеля, когда в компании двух-трех крепко захмелевших бизнесменов и такого же количества полуголых, полупьяных девиц Парсел заканчивал очередной вояж, вдруг открывалась дверь и посыльный вносил огромную корзину белых, розовых, красных гвоздик — его любимых цветов. В корзине визитная карточка с инициалами: «М. П.» — Маргарет Парсел. На карточке ее старательным, каллиграфическим почерком надпись: «Опять ты, мой непутевый дурачок, забыл о своем дне рождения. Твоя любящая Мардж...»

Или вдруг она присылала ему куда-нибудь в южноамериканское захолустье полдюжины белых сорочек. И всегда кстати — то прачки бастуют, то из магазина доставят такую дрянь, что в Штатах и рядовой банковский клерк не наденет.

Или телеграфировала: «Беатриса перешла в следующий класс с высшими баллами по всем предметам тчк Пришли ей поздравление». И подпись: «Твоя любящая Мардж».

Раза два или три она выезжала в Европу, когда там находился Парсел. Но она всегда держалась на расстоянии от тех мест, где он жил. Не навязывала себя. Поиграв немного в Монте-Карло (рулетка), или в Лондоне (скачки), или в Барселоне (бридж), она возвращалась в Нью-Йорк...

Так что же за чувство к Маргарет жило все эти годы в душе у Парсела? Любви не было. Благодарность? Но ее миллионы были только началом. Свою финансовую империю Парсел создал сам, своими руками. Теперь он был искренне убежден, что если бы ее денег и вовсе не было, он все равно стал бы тем, кем был сегодня: Джерри Парселом.

Признательность за любовь? Но он был более признателен какой-нибудь рядовой лиссабонской шлюхе или роскошной потаскухе из Амстердама за их искусные покупные ласки, чем Мардж за ее двадцатилетнюю бескорыстную страсть.

Не было, значит, и признательности. Но, может быть, была привязанность, привычка?

Парсел сейчас не пытался анализировать свои чувства. Он стоял у изголовья мертвой Мардж, глядел на нее, и острая, почти нестерпимая тоска, безграничная, давно забытая жалость к ней, к себе, ко всем людям неожиданно охватили его.

«Как мало, в сущности, выпадает радости, счастья на долю человека,— думал он.— Ничтожно мало!.. Муки начинаются с рождения. Человек идет в школу — и появляются обязанности — перед учителями, товарищами. С годами они становятся серьезнее, многообразнее. В зависимости от общественного положения, характера, воспитания обязанностей может быть больше или меньше, их бремя может быть тяжелее или легче, но они уже не оставляют человека до самого конца. Счастье? Считанные часы, минуты, а вернее — даже мгновения. А на каком-то этапе появляется извечный, унижительный, неотступный страх небытия, который отравляет даже краткие минуты счастья. И вот Мардж ушла, а все осталось на своих местах. То же будет и после моего ухода. Зачем тогда я? Она? Мы?»

Парсел вышел из спальни, осторожно прикрыл за собой дверь. Спустившись на первый этаж, он миновал кухню, разыскал черный ход и очутился на улице. Накрапывал мелкий, назойливый дождь. Редкие прохожие, закутанные в дождевики, бросали из-под зонтов удивленные взгляды на пожилого чудака, который отважился в такую погоду выйти из дома в одном костюме с непокрытой головой. А он не замечал ни дождя, ни прохожих, ни брызг, летевших из-под колес пронесшихся мимо машин.

Очнулся он, прошагав добрых три-четыре мили. Ботинки промокли насквозь. Пиджак и брюки прилипли к телу. Глаза заливали струйки дождевой воды. Сел в такси, неопределенно махнул рукой: «Прямо».

Шофер повернулся к нему и, увидев глаза Парсела — остекленевшие глаза человека, которому безразлично все на свете, включил счетчик и почти с места дал полный газ.

Часов в семь Парсел вернулся домой. Первой, кого он увидел, как только вошел в вестибюль, была Беатриса. Сжавшись в комочек, она сидела на низком диванчике.

— Беатриса! — негромко сказал Парсел, словно не позвал дочь, а констатировал факт ее присутствия.

— Папочка! — закрыв лицо руками, Беатриса за-

рыдала. Парсел долго молча гладил светлые волосы дочери.

Через два дня были похороны. По завещанию Маргарет, ее похоронили в фамильном склепе.

Вечером, когда Парсел зашел в комнату Беатрисы, она сидела за столом в дорожном костюме, что-то писала. Посредине комнаты стояли два закрытых чемодана.

— Папа,— Беатриса подошла к Парселу, заглянула ему в глаза, погладила по щеке.— Я хотела сама к тебе зайти. Проститься. Я через час улетаю опять в Истардию, в Эдлак. Не могу здесь. Сейчас не могу. Сейчас...— она не договорила, слезы душили ее.

Парсел молча смотрел на дочь. Она вызвала горничную, несколько раз крепко поцеловала отца и выбежала из комнаты.

Всю ночь Парсел не мог заснуть. Ворочался с боку на бок, вставал, ходил из комнаты в комнату. Дважды принял сильную дозу снотворного. Сквозь занавеси просочился рассвет. Парсел лежал поверх одеяла, запахнувшись в теплый шерстяной халат; смотрел на стрелки огромных старинных напольных часов — башня, солдаты — ружья на изготовку. Когда часы били, солдаты совершали нехитрые перестроения. Перед этим выкатывалась пушка, ее выстрелы и отсчитывали часы. «Так и человек, — думал Джерри. — Ать, два! Ать, два! Не успеешь оглянуться, как время, тебе отведенное, уже и истекло. Почему истекло? Ать, два! Ать, два! Никто не знает. Как истекло? Ать, два! Ать, два! И все забыли».

Около половины одиннадцатого он, пересиливая себя, поднялся, надел свежую сорочку, первый попавшийся под руку костюм, не глядя в зеркало, на ощупь повязал галстук. Впервые за долгие годы он не побрился и, наскоро позавтракав, дал указание секретарю созвать совет директоров компании на три часа пополудни. Махнув ожидавшему шоферу рукой — «Свободен» — сам сел за руль, осторожно вывел громоздкую машину на улицу, влился в непрерывный поток. Доехав до моста Джорджа Вашингтона, он, глядя на воду, задремал на какие-то секунды. Пришел в себя от легкого толчка: машина несильно ударилась о парапет. Он тут же услышал донесшийся сзади сигнал полицейских мотоциклов. Нажав на гашетку газа, он помчался вперед, нарушая все правила и ограничения скорости.

Вылетев за город на столичное шоссе, Парсел ехал теперь на юго-запад безо всякого плана или мысли. Лишь бы не стоять на месте. Лишь бы двигаться. Куда? Какая забота!.. Крашенная блондинка, рискованно обойдя его слева на повороте, сердито что-то крикнула, показала ему язык; какой-то оригинал закинул ноги на ветровое стекло открытого «линкольна», демонстрируя встречным водителям подметки своих ботинок и некоторые сомнительные преимущества кнопочного управления; нахал с междугородной автобусной линии небрежно швырял неуклюжую сорокатонную махину из стороны в сторону: «Разойдись, легковая шушера, а не то так шмякну — где ваши шины, где ваши стекла, где ваши души!»; а вот парень с девчонкой — обнявшись, целуются, он одной рукой крутит баранку, из окна несется непрерывный звук джаза — включен автомобильный чейнджер; а вот глупый, грозный «коп» — красная рожа, злые глаза, сигарета на губе, кулачища в кожаных перчатках, его «харлей» готов ринуться в любую погоню — за подвыпившим ли нарушителем правил езды, за беглым ли гангстером.

Прошло много времени, прежде чем Парселу захотелось выпить. Он остановил машину у придорожного ресторанчика. В ресторанчике было тихо, прохладно, полутемно — уютно. Джерри прошел в бар, заказал: «Кофе, коньяк, апельсины». Через минуту бармен поставил все заказанное на стойку. Парсел выпил рюмку, вторую, третью. Взглянул на часы: «Три без трех». Некоторое время он пытался вспомнить, где и что должен был делать сегодня в это время. Но так и не вспомнил. Махнув рукой, выпил еще рюмку.

«Вообще-то все это ерунда, — благодушно думал он, сосредоточенно глядя на кофейную чашечку. — Жизнь, смерть, счастье, горе. Меня вытолкнули в жизнь, не спрашивая, желаю я этого или нет. Конечно, сто раз можно было бы и уйти. На это не нужно спрашивать чьего-либо разрешения. Но то ли сила инерции бытия такова, то ли жизнь в принципе сильнее смерти. Ну, конечно же, сильнее — все, что дышит, растет — существует...»

— Джерри!

Парсел поднял глаза. Перед ним стоял Роберт Дайлинг. Моложавый. Дышавший энергией, бодростью. Ослепительно элегантный. В белом, отлично сидевшем на нем костюме. От него слабо пахло дорогим мужским

одеколоном. Из-за его плеча улыбалась Лаура. Милая, нежная, стройная. В летнем, светлом, европейском платье.

— А, это вы! — Парсел жестом пригласил их к стойке.

«Джерри — здесь? Один? В это время? В таком виде?! Небритый, неряшливо одетый?!» — недоуменно отметил про себя Дайлинг.

— Ну, что у вас новенького? — спросил Парсел, не сводя глаз с Роберта.

— Да вот, несколько часов тому назад прилетели из Эдлака. Отчет, затем отдых. Хочу Лауре показать Штаты, продемонстрировать блеск цивилизации!..

— Отлично! — Парсел вымученно улыбнулся.

— Как Маргарет?

— Похоронил я ее вчера, Роберт. Призвал ее к себе Господь.

Потянулась тяжелая, неловкая пауза.

— Ты извини, Джерри. Я не знал, — проговорил Дайлинг. — Мы только что с самолета. — И, помолчав немного, добавил: — Прими наши самые искренние соболезнования...

— Да, да, конечно, друзья, — поблагодарил Парсел. И от того, как это было сказано, Роберту стало не по себе.

Парсел внезапно усмехнулся и, с неожиданной неприязнью глядя на Дайлинга, медленно, словно диктуя, проговорил:

— Роберт! Это была единственная женщина из всех наших общих знакомых, которая предпочла меня тебе. Которая никогда не чувствовала желания отдаться тебе. Вообще никому. Кроме меня. И еще она безумно любила гвоздики... Потому что их любил я...

Только теперь Роберт и Лаура заметили, что вдоль всей стойки стоят вазы с букетиками разноцветных махровых гвоздик. Парсел встал, вдел в петлицу пиджака белый с розоватым отливом цветок и, не сказав ни слова, даже не кивнув им на прощанье, вышел из бара. Снаружи взревел мотор, взвизгнули шины. И все смолкло...

— Совсем другой мистер Парсел! — прошептала Лаура.

— Да-а, — выдавил из себя Дайлинг ответ то ли на

ее слова, то ли на свои мысли. «Никогда в жизни Джерри не был актером,— думал он.— Значит, что-то в нем сломалось. Джерри Парсел сломался? Из-за смерти своей постылой жены?!» Но ведь он же только что видел Парсела. Своими глазами. И Лаура видела. И даже она, знавшая его какой-нибудь месяц, общавшаяся с ним только за ленчами, коктейлями, на приемах, даже она тотчас заметила перемену. А Роберт, старый и близкий приятель в течение десятков лет, наблюдавший и изучавший Парсела в самых разнообразных жизненных ситуациях, выпивший с ним не один боценок виски, джина и коньяка,— увидел, понял, почувствовал: Джерри Парсел сломался...

Вернувшись домой и выслушав доклад секретаря о том, что директора компаний впустую прождали его два часа, Парсел зло отчеканил:

— Им полезно лишний раз протрясти брюхо. Назначьте заседание вновь, на завтра.

— Да, мистер Парсел. В какое время, мистер Парсел? Завтра суббота, мистер Парсел.

— Восемь часов сорок минут утра.

Вечером Парселу стало невыносимо тоскливо одному в огромном доме. Среди стольких темных комнат. Вблизи от ее комнаты. Машинально листая записные книжки, он внезапно натолкнулся на имя, которое никак не мог расшифровать. Наконец вспомнил: оно принадлежит стюардессе с эдлакской линии Рейчел. Он набрал номер и — о, удача! — она оказалась дома.

Через час они уже сидели в одном из многочисленных нью-йоркских ресторанов, где и кухня, и убранство, и мебель, и манера обслуживания, и сама обслуга носили космополитический характер. Если спросить человека, посетившего такой ресторан, что в нем самое характерное, он ответит: «Самое характерное — отсутствие чего-либо характерного».

Парсел и Рейчел попали именно в такой ресторан. Попали, потому что ему было совершенно безразлично, где и как убивать проклятое, тягучее, как планерная стартовая резина, время. А она была в этом ресторане — «в таком ресторане!» — впервые в жизни. Парсел не подумал о том, что могут наплести злые языки по поводу его посещения ресторана на второй день после похорон жены. Да еще с девицей. Впрочем, шансы на

то, что он встретит здесь кого-либо из знакомых, были ничтожны.

Он смотрел на дешевенькие фальшивые драгоценности Рейчел, улавливал искренне восхищенные и горделивые взгляды, которыми она окидывала все вокруг, видел, как она любовалась поддельным ресторанным хрусталем, с каким удовольствием пила скверное французское вино, с каким аппетитом ела дрянной гамбургский бифштекс, слышал — не вслушиваясь — шумные излияния ее восторга: «Ах, мистер Парсел, какое приятное вино! Ах, мистер Парсел, как вкусно!» И вдруг ощутил, как постепенно его охватывает теплая волна, нет, не страсти, не желания, а сочувствия и нежности к этой большеглазой девочке, которая так не избалована жизнью. Он понимал, что она умеет постоять за себя — помнил ее смех в самолете, что ей довелось сполна хлебнуть горяченького, но сейчас она казалась ему такой нетронутой, такой беззащитной...

Великий Боже, как относительно все на свете!.. Если бы кто-нибудь рассматривал Землю и ее обитателей под микроскопом, как мы изучаем под микроскопом жизнь в капле воды,— сколь глубоко погрязшими в грехах представились бы ему крошечные существа, именующие себя людьми! Сколь мелочными, ничтожными выглядели бы их страстишки и пороки, ссоры и драки, печали и радости. Сколь чудовищным сгустком нужды и боли, вражды и предрассудков, дикарства и невежества, страдания и отчаяния выглядела бы эта капля — Земля!..

Существа, копошащиеся в ней, рождаются, вырастают, трудятся, живут и гибнут — миллиардами. Из поколения в поколение, из жизни в жизнь передают то, от чего человечеству необходимо избавиться, если оно жаждет выжить, если каждый — даже самый ничтожный — его представитель хочет вырвать для себя хоть немного радости и счастья...

Рейчел аккуратно расправила на коленях салфетку, чтобы не испачкать платье — наверное, самое лучшее, а может быть, даже единственное — для таких выходов. И Парсел вдруг почувствовал предательское пощипывание в глазах. Он отвернулся. И стал что-то обдумывать...

СПАСИТЕ, СПАСАЙТЕСЬ

Фрэнк Оупенхартс не хотел ехать в этот город на юге. «Гнусный штат, гнусный город»,— соглашалась с ним Джессика. Но в определении своих маршрутов Оупенхартс не был волен. Началась предвыборная кампания, и национальное руководство партии настоятельно рекомендовало Оупенхартсу совершить визит именно в этот — из всех южных — штат и принять участие в предвыборном митинге именно в этом городе. Накануне поездки Оупенхартс два дня просидел за письменным столом, готовясь к выступлениям. Он попросил Парсела, который в эти дни находился в Нью-Йорке, приехать в Вашингтон. Телефонный звонок застал Парсела в палате Рейчел.

— О Боже милостивый, я ошалел от счастья, Фрэнк,— негромко говорил в трубку Парсел, сидя в кресле рядом с постелью Рейчел.

— Еще бы, родить такого Гаргантюа! — смеясь, ответил Оупенхартс.— Как милая роженица?

— Держится молодцом. Завтра перевезу ее с малышом в наше гнездо.

— Прекрасно. Завтра же, Джерри, жду тебя здесь. Надо посоветоваться по нескольким проблемам. Не смог бы ты принять участие в операции «В пасть дракона»? Я имею в виду поездку на юг.

— С удовольствием,— ответил Парсел, наклоняясь и целуя Рейчел в щеку.— У меня давно чешутся кулаки набить морды этим южанам.

— Я очень рад. Передай на минуту трубку Рейчел, будь так любезен. Рейчел? Удивительно приятно слышать голос прекрасной американки, достойно выполнившей свой материнский долг. Я не спрашиваю, как здоровье ваше и малыша, мне подробно рассказал об этом Джерри. Чур, я буду крестным отцом вашего — как вы его назвали?

— Джерри-младший,— пролепетала счастливая Рейчел.

— О-о-о! Дай Бог ему быть таким же великолепным американцем, как его отец. А пока я хочу похитить вашего мужа на несколько дней. Нам предстоит важное предвыборное путешествие.

— Разумеется,— согласилась Рейчел.— А я тем временем приду в себя.

— Джессика шлет вам свои поздравления. Говорит, что на собственном опыте дважды познав, как трудно стать матерью, убедилась, что это бесконечно прекрасно!

Специальный самолет американских ВВС был великолепно оборудован. В течение всего полета Парсел находился в салоне Оупенхартса. Тут же была и Беатриса. Она работала в предвыборном штабе и должна была лететь во втором самолете. Но Джессика Оупенхартс обожала новые туалеты и косметику. Некоторые ее платья и костюмы были баснословно дороги. На одном из дипломатических приемов прошел слухок, что костюм, в котором она была в тот вечер, стоил пятнадцать тысяч долларов. Несколько великовозрастных шалунов специально подходили к ней поближе, чтобы иметь возможность коснуться костюма рукой. Отходили довольные, подмигивая друг другу.

— У нас почти два часа до посадки,— сказала Джессика Беатрисе.— Не будем терять ни минуты, займемся делом.— «Дело» заключалось в подборе наиболее подходящего костюма для предстоявшего в тот же день официального приема, и женщины самозабвенно занялись им во втором отсеке салона. В первом Оупенхартс с Парселом и помощниками еще раз обсуждали детали торжественной речи сенатора.

Парсел просмотрел все тексты речей, внес кое-какие коррективы. «Резонно, резонно,— пробормотал Оупенхартс, ознакомившись с замечаниями Парсела.— Сразу видно, ты знаешь этих бестий намного лучше меня».

То и дело секретарь Фрэнка, пожилой негр, приносил ему для просмотра телеграммы. Оупенхартс скользил по ним взглядом, тут же возвращал. Лишь однажды он сердито хмыкнул, протянул Парселу бланк: «Советы вновь планируют выступить на предстоящей сессии ООН с предложением заморозить все виды ядерных вооружений».

— Ты же понимаешь, что будет, если это произойдет в самый канун выборов? — дробно барабаня пальцами по столику, воскликнул он.

— Такое вполне возможно,— спокойно ответил Парсел на нервное замечание Оупенхартса.

— Но если мы не среагируем на этот возможный ход Кремля, обязательно среагируют наши противники.

— Святой Петр свидетель, это может стоить миллиона-другого голосов,— в раздумье протянул Парсел.— Ты знаешь человека из ЦРУ по фамилии Рудзатске?

— Рудзатске, Рудзатске,— несколько раз повторил Оупенхартс.— Не посол ли?

— Он самый,— подтвердил Парсел.— Я встретил его во время недавней поездки в Рио.

— Да, да, знаю,— теперь уже с интересом смотрел на Парсела Оупенхартс.— И что же он?

— Этот Рудзатске — толковый парень. Он изложил мне довольно любопытную концепцию возможной внутренней и внешней политики США по отношению к Москве, а также к нашим союзникам.

И Парсел пересказал Оупенхартсу суть своих бесед с Рудзатске.

— Неглуп, неглуп этот твой парень из ЦРУ,— быстро проговорил Оупенхартс.— Теперь я хорошо запомню его фамилию. Но его идея требует существенной доработки. А мне надо предупредить русских, чтобы не потерять те миллионы голосов, о которых ты говорил. И предупредить не только русских, но и наших политических конкурентов.

— Ты хочешь их предупредить сегодня же? Сам выдвнешь предложение о замораживании? — Парсел с любопытством смотрел на Оупенхартса.— Решись и на это ради победы на выборах?

— А что посоветуешь ты, Джерри?

— Что бы я ни посоветовал, в вопросах столь кардинальных ты же всегда поступаешь по-своему...

— Это так,— улыбнулся Оупенхартс.— Меньше всего в жизни меня могла бы устроить роль марионетки.

«Да, мальчик очень дорожит своей самостоятельностью и независимостью,— думал Парсел.— Как будто мы можем быть независимы друг от друга, как будто наши интересы не переплетены столь тесно, что каждый шаг его ли, мой ли — все равно — отражается на судьбе дел, которые касаются всех. Его политическое честолюбие столь непомерно, что рождает в нем опасные иллюзии. Он ведь и впрямь готов сыграть с Кремлем в поддавки, чтобы добиться успеха на выборах...»

В отличие от Оупенхартса, Парсел знал все, что делалось в городе, куда они летели, в течение последних двух месяцев. Это была не просто предвыборная атака

на будущего кандидата, но бешеная травля. И притом хорошо, умело организованная, рассчитанная на то, чтобы соответствующим образом настроить обывателя, вызвать у него к моменту приезда в город Оупенхартса не просто неприязнь, а ярость, ненависть. В газетах, по местному радио и телевидению Оупенхартса называли «настоящим левым», «опасным проходимцем», «красным провокатором», «прокоммунистическим Иудой», «безнадежным болваном».

Если бы Фрэнк Оупенхартс прочитал хотя бы десятую часть пасквилей, появившихся в прессе города накануне его приезда, он почти наверняка отменил бы свой визит. Но он не читал ни одного из них. И когда ровно в полдень его «боинг» остановился у главного здания аэропорта города, он сошел на землю с трапа под руку с ослепительно прелестной Джессикой, улыбаясь так, как может улыбаться только человек, уже проживший сто счастливых лет и собирающийся прожить еще столько же. В горячих солнечных лучах празднично вспыхнули трубы оркестра. Грянул торжественный марш, который вскоре сменили хаотичные рукоплескания. Семилетний сын и пятилетняя дочь мэра города в одежде переселенцев восемнадцатого века преподнесли Оупенхартсам огромные букеты бордовых и белых роз. Небольшой хор, состоявший из юношей и девушек, исполнил старинную приветственную песню. Беспреданно щелкали затворы фотоаппаратов, приглушенно жужжали моторы кинокамер, телевизионные мониторы разных компаний сталкивались, мешая друг другу. «Кажется, у нашего Фрэнка заметно улучшилось настроение,— подумал, глядя на Оупенхартса, Парсел.— Ну что ж, сейчас еще предстоит торжественная встреча в самом городе». По протоколу встречи Парселу полагалось ехать в девятой машине кортежа. Когда они уже сидели на заднем сиденье новенького «кадиллака», Беатриса спросила отца:

— Папа, я что-то не вижу Дика Маркетти. Разве он тебя на сей раз не сопровождает?

— На сей раз я не взял никого из секретарей,— ответил Парсел.— Здесь они мне не нужны. Достаточно телохранителей,— он кивнул на переднее сиденье, где разместились двое высоких парней.— Что же касается Маркетти...

— Пренеприятная личность,— перебила отца Беатриса.

— Что касается Маркетти,— повторил Парсел, с явным неудовольствием посмотрев на дочь,— то он попросил недельный отпуск и вчера вылетел в Калифорнию. У него там какие-то неприятности с родственниками.

— Папка,— Беатриса ткнула лицом в плечо Парсела,— как давно мы вот так с тобой не ездили вдвоем.

— Давно,— согласился он.— И, пожалуй, не по моей вине. Ты все свое время делишь между твоим парнем и суетой в штабе предвыборной кампании твоего кумира — Фрэнка Оупенхартса.

— И твоего друга,— тут же добавила Беатриса. Парсел погладил руку дочери, проговорил, улыбаясь:

— На выборах, конечно, надеетесь победить?

— С таким лидером, как Фрэнк,— и не победить? Это было бы непростительно. А каков твой прогноз?

— О, Боже всемогущий! — Джерри воздел руки, соорудил постную мину.— Уж кто-кто, а ты-то распрекрасно осведомлена о том, что твой отец не занимается столь эфемерным, неверным делом, как политика. Моя сфера — четкая, основанная на твердых расчетах область бизнеса...

Беатриса посмотрела на отца, улыбнулась необидной улыбкой взрослого, который молчаливо обвиняет в заведомой неправде озорного подростка. «Уж я-то знаю,— подумала она,— что ни одна заметная интрига на уровне национальной политики не обходится без тебя, дэдди»¹.

Кортеж меж тем продолжал двигаться к центру города. Джессика стояла в машине рядом с мужем, держась правой рукой за специальный поручень, а левой приветствуя толпу. Автомобиль, огромный фаэтон — «линкольн», двигался по запруженным улицам, словно могучая яхта по морю. Скорость была невелика, и Джессика с удовольствием разглядывала лица. Она ступила на землю этого города с ледком на сердце, с повышенной настороженностью, причиной которой были характеристики людей и традиций этого города, услышанные ею от мужа. Этот ледок растаял. Не только потому, что стояла невыносимая, почти тропическая жара. Джессика пленило радушие людей, взрывы аплодисментов, волны симпатий, которые плыли по улицам и площадям города вместе с их автомобилем. Из ди-

¹ Папочка (англ.).

намиков вырывались звуки бравурной музыки. Гирлянды трехцветных флажков, таких обычных и вместе с тем таких дорогих сердцу «звезд и полос», радовали глаз. На какое-то мгновение ее вдруг отгородили от улицы трое охранников, разместившихся на откидных креслах. «Тебе показалось, — буркнул пожилой. — Я тоже смотрел на это окно». — «Я уже перекрестился», — весело ответил молодящийся толстяк, машинально скользнув рукой по левой подмышке, где, как знала Джессика, скрывалась расстегнутая кобура с пистолетом.

И вновь перед Джессикой сверкала, гудела, ликовала толпа. Огромный верзила в белой майке с коротенькими рукавами (крупная надпись поперек груди гласила «Фрэнк — любовь») подбрасывал вверх мальчугана лет пяти. Мальчуган хохотал, размахивая маленьким флажком. Две седовласые леди, обнявшись, раскачивались из стороны в сторону и не то пели, не то выкрикивали что-то. Несколько девушек в светлых платьях бросили в машину цветы. Большая группа детей — какая-нибудь частная школа — дружно скандировала: «Фрэнк Оупенхартс! Фрэнк Оупенхартс!» Долговязый кинолюбитель, пытаясь увековечить визит, приник глазом к своей старомодной камере. По обе стороны от него стояли полицейские, их лица были благодушны, видимо, и их захватило настроение улиц. Все эти люди казались Джессике такими милыми, такими своими. Она была особенно приятно поражена, когда группа молодых людей довольно слаженно стала выкрикивать: «Джесси-хай! Джесси-хай! Джесси-хай!» Джессика помахала им рукой: «Какие они славные, эти студенты!» Почему-то она решила, что это были студенты местного колледжа или университета. Оупенхартс бросил ласковый взгляд на жену. «Как хорошо, что Джессика со мной! С ее помощью я набираю немало дополнительных очков». Услышав, что в толпе выкрикивают имя жены Оупенхартса, Беатриса подумала: «Правильно было решено не сообщать Фрэнку о недоброжелательных выходках городской прессы. Ведь этот прием — пока лучший за всю кампанию. И Джессика молодчина. Своим обаянием она добавит нам не один десяток тысяч голосов».

— Пожалуй, это смахивает на триумфальное шествие, — в раздумье протянул Парсел.

— Похоже, тебя что-то заботит? — удивилась Беат-

риса. Ответ Парсела утонул в очередном взрыве приветствий.

У Оупенхартса заметно улучшилось настроение. Он ожидал, что прием будет, если не холодным, то уж во всяком случае весьма и весьма сдержанным. То, что происходило теперь, превосходило все самые оптимистические прогнозы его помощников и экспертов. Он улыбался, кивал головой, беспрестанно повторял: «Спасибо, спасибо». Джессика слышала эти его слова, думала: «Смешной Фрэнк. Они же ничего не слышат в этом рёве. Смешной... Нет, не смешной, конечно. Воспитанность, уважение к другим — вот что это такое. Пожалуй, это можно и привить, но у Фрэнка все хорошее — от Бога».

...Ричард Маркетти приехал в этот город два дня назад. Когда в Нью-Йорке через связного «Наследников» ему передали, что вскоре Оупенхартс по предвыборным делам будет в этом городе и что, таким образом, представляется удобный случай осуществить план руководства организации, он обратился к Парселу с просьбой предоставить недельный отпуск.

— Не слишком ли рано вы устали, Дик? — добродушно осведомился босс. — Я сам, например, отдыхаю лишь через два года на третий.

— У меня очень важное дело, мистер Парсел, — твердо проговорил Маркетти, выдержав его взгляд, в котором сквозила не слишком скрываемая насмешка. — Личные обстоятельства. В Лос-Анджелесе умирает тетушка. Она хочет, чтобы я приехал немедленно.

— Велико ли наследство? — с любопытством спросил Парсел.

— Трудно сказать, — неопределенно ответил Маркетти. — Тетушка жила скромно, однако по особо торжественным случаям носила бриллиантовое кольцо, которое, говорят, одно стоило четверть миллиона долларов.

— Что ж, бог свидетель, не хотел я вас отпускать, да получается, что обстоятельства сильнее нас. Признаться, право, и я бы заспешил на зов такой тетушки. Итак, неделя?

— Неделя, сэр.

Откуда было Маркетти знать, что за час до этого разговора Парселу позвонил один из главарей «Наследников».

— Как вы считаете, мистер Парсел, — почтительно

проговорил он, — не наступил ли удобный час для осуществления операции «Раскрепощение орла»?

— Что вы имеете в виду под удобным часом?

— Его предстоящую поездку на следующей неделе.

Парсел поручил говорившему разработать план операции «Раскрепощенный орел». Целью ее было убийство Фрэнка Оупенхартса. Убийцей, по предложению «Наследников», должен был стать Маркетти, который в плане операции именовался Оракулом. Разговор шел по телефонам, которые не прослушивались. Тем не менее Парсел ощутил вдруг легкий озноб от одной мысли, что содержание этого разговора когда-нибудь может стать достоянием гласности. «Видит бог, я не хотел этого, — подумал он, — я совсем иначе представил себе будущее Фрэнка. Оупенхартса искренне жаль. Но за его ошибки не может, не должна платить вся страна, весь свободный мир. Сейчас нам нужен человек с железной волей и безо всяких иллюзий. Увы, теперь ясно, что у Фрэнка нет такой воли. Зато иллюзий хватило бы на целый полк. В конце концов Фрэнк сам выбрал свою судьбу, да простит его бог».

— Вы уверены, что Оракул — парень не промах? — уходя от прямого ответа, спросил Парсел. Его собеседник понял, что Парсел не хочет говорить открыто. Понял он и его каламбур.

— Промах исключается. У Оракула железная рука и соколиный глаз.

«Глаз на чужих жен, — желчно подумал Парсел. — Ну ничего, недолгую жизнь, Оракул, уготовил тебе господь бог».

В трубку Парсел сказал:

— Ни в коем случае не забудьте об Утешителе!

Утешителем в плане именовался второй стрелок.

— Разумеется, сэр, — ответил собеседник. — Квалификация и опыт у него даже несколько выше, чем у Оракула...

Для Маркетти этот город был совершенно не знаком. Он не только никогда не был здесь, но не видел ни единого туристского или какого-либо иного документального фильма, даже не просматривал красочные проспекты, имевшиеся на каждой бензоколонке. Прилетев вечером самолетом, он взял в аэропорту в отделении фирмы «Герц» напрокат любимый спортивный «фиат» и не спеша направился в город. Рядом с ним на сиденье лежала развернутая подробная карта. Однако он почти

в нее не заглядывал — настолько хорошо он изучил по ней весь город еще в Нью-Йорке. Он даже испытывал удовлетворение, проезжая несколько кварталов, делая три-четыре поворота и только потом читая названия улиц и обнаруживая, что едет безошибочно. «Вот чудеса, — думал Маркетти. — Никогда в жизни не был в этом городе, а ощущение такое, будто вырос здесь. И будто уже тысячу раз видел эти вывески, эти рекламы, дома, скверы. Я знаю, откуда такое ощущение: этот город близок мне по духу. Близки его азарт, его агрессивность, его богатство. Кажется, протяни руку — и хватай все, что в витринах и банках, столах и сейфах. Город-авантюрист, такой же, как и я». Придя к этому заключению, Маркетти включил автомобильное радио и под звуки джазовых мелодий и хриплых напевов Дина Мартина трижды проехал вокруг центральной площади. Выбравшись на одну из длинных прямых улиц, пересекавших город с северо-востока на юго-запад, он выехал за город и помчался по хайвею. Минут через двадцать он съехал на одну из боковых шоссежных дорог и вскоре запарковался возле небольшого двухэтажного коттеджа, который спрятался в уютной роще. Найдя в кармане связку ключей, одним из них Маркетти открыл входную дверь, включил свет. Он не спеша обошел весь дом и спустился в подвал, где был оборудован сносный тир. Поупражнявшись с полчаса в стрельбе, Дик поднялся в кухню. В ней стояли два больших холодильника. Оба были забиты продуктами. Но даже при тщательном осмотре Маркетти не нашел почти ничего на свой вкус. Правда, была пицца, но... «Когда ее засунули в рефрижератор — вчера? Неделю тому назад? Год?» Дик набрал номер пригородного ресторана «Золотой дракон» и попросил позвать к телефону Энрике Паскуалино. Тотчас же, словно он только и ждал этого телефонного звонка, Энрике басом зарокотал в трубке.

— Говорите, я весь внимание.

— Мама миа, я счастлив слышать твой голос, — с нарочитой веселостью прокричал в трубку Маркетти. — Представь себе, эти три толстобрюхих бездельника, эти три доминиканских монаха опять просят ко мне на ночлег.

Это был пароль. Энрике сразу же ответил:

— Вера диктует гостеприимство.

— Я голоден и хотел бы поужинать, — сказал Мар-

кетти. И после небольшой паузы добавил: — Вместе.
— Жду. Я буду у стойки, на третьем табурете от двери.

Давно уже Маркетти не проводил таких бурных вечеров. Они с Энрике договорились перенести все деловые разговоры на следующий день. Однако нечто весьма существенное было все же сделано в первые пять минут свидания. Энрике четким крестиком пометил на карте здание, в котором Маркетти предстояло занять боевую позицию в день приезда в город Оупенхартса. «Я проезжал мимо этого неказистого строения,— припоминал Маркетти.— Обзор из окон там должен быть удовлетворительным. Но не слишком ли этот дом у всех на виду? Слева и сзади пустырь, справа — ярдах в тридцати от него — улица. Впрочем, стоит ли гадать? Осмотрюсь завтра на месте». В баре они выпили по шесть двойных рюмок водки. С какой стати Энрике вздумалось заказывать эту страшную жидкость, да еще на голодный желудок? В такую жару впору пить холодное пиво, наполовину разбавленное лимонадом — шэнди. И освежает, и не пьянеешь. А тут водка! С вычурными китайскими блюдами они пили молодое калифорнийское белое. Отличное вино, спору нет. Только ведь они выпили по четыре бутылки. И это бы ничего. Но Энрике завел Дика в какую-то полутемную заднюю комнату, где они без закуски и без содовой довольно быстро прикончили бутылку отменного старого виски.

В машине Энрике ринулся в полумрак трущоб. И минут пятнадцать спустя вошли в большой дом, миновали какие-то мрачные переходы и коридоры и попали в довольно шикарно и безвкусно обставленную большую комнату. Пока они ждали, Энрике прошептал Маркетти в самое ухо:

— Одно из респектабельных заведений города, дружище. Девочки — только иностранки. И не старше двадцати лет. Тысячу баков за ночь, а? Каково? Да ты не вздрагивай. За все плачу я. Сегодня ты — мой гость. А мы здесь пьем и гуляем, как нигде в Америке.

«Угощают, как осужденного на смертную казнь,— усмехнулся про себя Маркетти.— Черта с два, господя! Я и дело сделаю, и проживу еще годков сто».

Вошла в комнату девушка. Тоненькая, изящная. «Вылитая Дюймовочка», — умилился про себя Маркетти. — Наверное, в недавнем мультфильме с нее художники героиню рисовали».

— Ах ты, худышка! — Энрике облапал девушку, однако тут же и отпустил ее. — Нам бы чего-нибудь посущественнее, детка.

Девушка поманила их за собой. Они прошли две небольшие полутемные комнаты и оказались на своеобразном внутреннем балконе, с которого вниз полукругом сбегали две лестницы. Ступени вели в довольно широкий зал, в котором тут и там в хаотическом беспорядке были расставлены кресла и причудливые кушетки. На них лежали и сидели, стояли и бродили самые разные девушки. У многих в руках были рюмки, сигареты. Окинув зал беглым взглядом, Энрике ринулся вниз по лестнице. Затем, вдруг передумав, снова поднялся наверх и спустился в зал, усевшись верхом на перила. Девочки одобрительно завопили, кое-кто засвистел... Последнее, что помнил Маркетти, была затянута розовым комната, широкая жестковатая кровать, роскошные формы белозубой мулатки...

Проснувшись, он сел на кровати и застонал. Ощущение было такое, что кто-то со всего размаха ударил его по голове дубиной. Часы показывали без четверти два. В комнате было сумрачно, Маркетти никак не мог понять, где он находится. Сжимая виски ладонями, вышел в соседнюю комнату, прошел дальше — в холл. Наконец он понял, что это тот самый, «его» загородный коттедж. Натыкаясь на двери, стулья, столики, он добрал до кухни, нащупал в холодильнике две банки пива и рухнул на низенький белый стул. «Боже, если бы не было пива, жизнь на этом свете была бы невыносима». Маркетти достал из холодильника третью банку, но осилить смог лишь половину. Голова все еще нещадно болела, но ее уже хоть как-то можно было поднимать, поворачивать.

На столе лежала записка: «Сэр! Жду вас в том же месте, чтобы иметь удовольствие вкусить поздний ленч. Ваш верный и преданный собутыльник». Вот, значит, как он попал сюда! Маркетти слабо улыбнулся. Вернувшись в спальню, осторожно присел на кровать. «Особенно тяжело будет бриться, — обреченно подумал Маркетти. — Но это одна из тех условностей, без которых никак не обойтись. Особенно нам, южанам». Он оказался прав: монотонное гудение его новенького «норелко» было сейчас гораздо страшнее, чем душевраздирающий стон самой древней бормашины. Так и не добрившись как следует, он выключил бритву и встал

под холодный душ. После получасового «испытания водой», как он мысленно окрестил этот душ, почувствовал себя намного лучше.

Встретившись через полчаса с Энрике, Маркетти наотрез отказался от виски. «Да и вино я, пожалуй, сегодня даже не пригублю,— добавил он серьезно.— У меня еще никогда в жизни не дрожали руки, но перед завтрашним я предпочел бы не искушать дьявола».

После ленча они подъехали к зданию, помеченному на карте крестиком. Маркетти сам вел машину и нашел дом быстро и безошибочно. Остановившись ярдах в двухстах, они не спеша вышли из «фиата» и фланирующей походкой приблизились к зданию. Подняться на лифте на пятый этаж было делом минуты. Из коридора они заглянули в одну из дверей. В комнате, которая, видимо, использовалась под какой-то офис, никого не было.

— Это твоя комната,— с ударением на слове «твоя» сказал Энрике, когда они спускались в лифте.— Уютненько тебе будет в ней одному в воскресенье. Ха-ха! Ключи от входной двери в здание и комнаты привезу завтра. Винтовку — тоже.

И точно в назначенный день, час и минуту — двенадцать тридцать пополудни в воскресенье Ричард Маркетти сидел у окна в «своей» комнате и держал винтовку с оптическим прицелом так, как держат их морские пехотинцы перед началом боевых упражнений на стрельбище. С третьего этажа было хорошо видно всю улицу, ликующих людей, негустые цепочки полицейских. Маркетти смотрел вниз на всех этих беснующихся «чиканос», черных и белых, и вспоминал напутственные слова, сказанные ему одним из лидеров «Наследников»:

— Да поможет вам бог!

Он усмехнулся, осторожно погладил винтовку, ласково, словно уговаривая капризную женщину, вполголоса сказал:

— Сегодня ты мой бог. Ведь ты меня не подведешь, не так ли?

Где-то, пока еще за много кварталов, уличный шум уже нарастал, ширился, могучим валом катился в направлении дома, который был помечен на карте Маркетти крестиком и в котором он теперь был один — наедине со смертью, послушной ему.

О том, что должно было произойти в течение ближайших минут, во всем городе, кроме Маркетти, знали

лишь четверо-пятеро, и одним из них был Парсел. Он улыбался Беатрисе, осторожно пытаясь что-либо выяснить о теперешнем состоянии ее отношений с Раджаном, несколько раз вспомнил вслух о Рейчел и Джерри-младшем. В то же время в тайных глубинах его сознания — с различными вариациями — вновь и вновь звучал внутренний монолог. Парсел словно пытался успокоить собственную совесть: «Ты славный парень, Фрэнк Оупенхартс, пожалуй, славнее парня и не найти. И ты умен, очень умен. Но что ж поделать, если ты не выдержал испытания властью. Интеллектуальность, как это ни парадоксально, — не везде и не всегда плюс. Ты слишком много думаешь, Фрэнк. И еще одно — и это, может быть, важнее всего другого: ты, Фрэнк, — слишком джентльмен. Я не сказал бы, что нам не нужен джентльмен, но когда он слишком... Понимаешь, Фрэнк, мы можем уничтожить Россию. Но ведь такой интеллектуал и джентльмен, как ты, никогда не решится на это. Ты ведь уже спасовал однажды, Фрэнк... Вот сенатор Сейкер, тот решится, а ты — нет. Сенатора не сравнить с тобой, милый, славный, умный Фрэнк. Куда ему до тебя... Но он нажмет кнопку, Фрэнк, пусть даже и потому, что он значительно хуже тебя представляет, что может произойти потом. Но он нажмет, Фрэнк, а ты — нет... О, если бы это можно было сделать как-то иначе... Но ведь ты не уйдешь добровольно, Фрэнк, ты меньше всего годишься на роль марионетки... Это ведь ты сказал, Фрэнк, а не я...»

Охрана внимательно наблюдала за толпой. Телохранители то и дело перебрасывались по радиотелефону короткими фразами: «Я — Мираж. Как дела, Тайфун?» — «Все спокойно». — «Хризантема, что у вас нового?» — «Испытатель, я Хризантема. Все идет по плану. Опаздываем против графика на одну минуту...»

Фрэнк Оупенхартс, приободренный радушным приемом, вглядывался в лица людей так, как если бы в каждом видел приятеля или единомышленника. Черный священник пел в микрофон какие-то псалмы. Ему подтягивало несколько юношей. Огромный самодельный плакат радостно призывал: «Джессика! Приезжайте к нам кататься на водных лыжах». Конечно, Оупенхартс, обладавший завидной наблюдательностью, заметил, что население города словно разделилось на два лагеря: все, кто вышел на улицы — а их было десятки тысяч — искренне и бурно проявляли свою радость и добро-

желательность; все же, кто смотрел из окон контор и банков (их здания располагались в центре и из них наблюдать за движением кортежа было удобнее, и потому люди пришли сюда несмотря на воскресенье), были холодно-враждебны, — ни улыбки, ни приветственного взмаха. «Ну и дьявол с ними, — добродушно думал Оупенхартс. — И без вас, господа, встреча, как мне кажется, получилась вполне достойной». Над автомобилем взлетел большой букет пунцовых роз и, описав короткую дугу, упал прямо в руки Оупенхартса. Охрана охнула. Оупенхартс улыбался, кивал головой: «Спасибо».

Почему-то ему вспомнилась Мерион Мейро. Он познакомился с ней на одном из артистических приемов в Гринвич-Виллидже. Изящна, очаровательна, прелестна — все эти слова не могут передать и сотой доли того, какой в действительности была Мерион. У ФДР была светлая и безумная любовь один-единственный раз, когда он был уже женат. Такая же светлая и безумная любовь случилась у Фрэнка Оупенхартса. У них было три встречи, ради каждой из которых можно было, не задумываясь, отдать жизнь. Оупенхартс смотрел на приветствовавших его людей, на украшенные флагами и транспарантами дома и видел сверкающее своей единственной, неповторимой красотой лицо Мерион. «Будь счастлив, любимый! Будь вечно счастлив!» — сказала она при их последней встрече. И взгляд ее был печально-нежен.

Кортеж проезжал мимо мрачного здания, все окна которого, кроме одного, были закрыты. На это единственное открытое окно случайно упал взгляд Оупенхартса. Он увидел в нем лицо человека — серьезное, сосредоточенное лицо. «Откуда я его знаю? — подумал Оупенхартс. — Но ведь знаю же. Первое знакомое лицо среди всех этих тысяч. Чье же оно?»

«Линкольн» поравнялся с мрачным зданием. Оупенхартс еще раз бросил взгляд на открытое окно в третьем этаже. «Вспомнил! — обрадовался он. — Маркетти, секретарь Джерри». Сверкнула на солнце линза оптического прицела, и Оупенхартс увидел винтовку, направленную прямо на него. Он был мужественным солдатом, не раз смотрел смерти в глаза. Но там были враги. А сейчас? Неужели этот парень собирается стрелять в него, своего соотечественника? И за что?

Оупенхартс закрыл лицо рукой, словно защищаясь

от возможного удара. Грянул выстрел. За ним второй. И Оупенхартс стал медленно падать на пол автомобиля. Охранники вскочили на ноги за секунду до его падения. «Что это было?» — спросил один. «По-моему, взрывы петард», — ответил второй. «А мне показалось, будто лопнули шины. И не две, а четыре». Только теперь они увидели кровь. Кровь была повсюду — на платье Джессики, на стенках и полу автомобиля, на их костюмах и лицах. С неестественно широко раскрытыми глазами Джессика смотрела какое-то время на лежавшего на полу мужа, затем слабо охнула и опустилась на колени. Она увидела плавающую в крови голову, увидела два куска розовой кости, отколовшейся от черепа.

— Убили! — негромко выдохнула Джессика. И закричала так, что услышали многие, бежавшие и стоявшие вокруг: — Моего мужа убили! Убили Фрэнка Оупенхартса!

— Немедленно в госпиталь! — закричал шоферу высокий охранник. Тот включил сирену. Машина резко рванулась, стала набирать скорость. «Я — Хризантема, я — Хризантема, — возбужденно говорил высокий в радиотелефон, — ранен Фрэнк Оупенхартс. Следуем в госпиталь. Сообщите им, чтобы было готово все для немедленной операции».

Постепенно ликование толпы угасло. Слух о том, что Фрэнка Оупенхартса ранили, как пожар распространился по городу. Смех перешел в плач, радость — в недоумение, недоумение — в уныние. Но многие злорадовались: «Так ему и надо. Побольше будет миндальничать с красными, они еще не то ему и всем устроят!» Уже через две минуты после покушения корреспондент одного из американских агентств, сопровождавший Фрэнка Оупенхартса в его поездке, передавал в свою штаб-квартиру краткую телеграмму: «Только что по кортежу Фрэнка Оупенхартса было произведено несколько выстрелов. Оупенхартс ранен».

В действительности Фрэнк Оупенхартс был убит первой же пулей. Он лежал на руках у своей жены, которая теперь сидела, не видя ни лужи крови у себя под ногами, ни суетливых усилий охранников что-то предпринять и чем-то помочь, не видя ничего, кроме залитого кровью и скорчившегося в страдальческой гримасе такого любимого, такого родного лица Фрэнка.

— Муж мой, любовь моя! — причитала она сквозь рыдания, укачивая его, как ребенка. — Не умирай, не

уходи, не оставляя меня одну. Я не хочу жить без тебя!
Не хочу жить!

Кортеж, в котором произошло временное замешательство, теперь мчался вслед за «линкольном» к городскому госпиталю. Во многих машинах люди не знали, что произошло. Одни говорили, что ранили только Фрэнка. Другие утверждали, что пули попали также в Джессику и в мэра города. Третьи высказывали предположение, что убиты несколько человек, но пока неизвестно, кто именно. Спустя пять минут после того как раздались выстрелы, о покушении на Фрэнка Оупенхартса уже было известно во всех столицах мира. Спустя полчаса было передано сообщение о том, что он скончался на пути в госпиталь. Еще немного позднее было сообщено, что во Фрэнка Оупенхартса стреляли сразу два убийцы. И что ни один из них не промахнулся. И не был пойман...

Беатриса вместе с другими сотрудниками штаба предвыборной кампании Оупенхартса стояла возле госпитальной операционной, когда из нее вышел Джерри Парсел. Все уже знали, что Фрэнк скончался. Беатриса подошла к отцу, взяла его под руку.

— Что теперь будет? Боже, что теперь будет? — спросила она, и на ее глазах вновь появились слезы. Парсел пристально посмотрел на опухшие веки дочери, на болезненный румянец на ее щеках, сказал:

— Мне только что звонили из Нью-Йорка. Там опасаются паники на бирже. Я срочно возвращаюсь домой.

Вытерев слезы, Беатриса смотрела на отца и поражалась его спокойствию, хладнокровию, выдержке. «Как он может так держать себя в руках, — с невольным уважением, смешанным со столь же невольным недоумением, вопрошала она себя. — Пусть он не считает Фрэнка Оупенхартса — как считаю я и многие другие — выдающимся государственным деятелем. Но ведь он же был его другом! Никогда раньше не замечала, что мой отец может быть таким бессердечным, чуть ли не жестоким».

— Страшная для всех нас утрата, — словно прочитав мысли Беатрисы, спохватился Парсел. — Во всей этой тяжелой трагедии будем надеяться, девочка моя, лишь на одно утешение: тех, кто убил незабвенного Фрэнка, настигнет карающий меч господя нашего!..

В тот же вечер Раджан, который выписался накану-

не из госпиталя, передал в «Индепендент геральд» обстоятельный комментарий. Он внимательно изучил содержание всех пресс-бюллетеней, не пропустил ни единого информационного выпуска радио и телевидения, проинтервьюировал полтора десятка интересовавших его людей. Комментарий завершился субъективным выводом автора:

«Всеобщее недоверие вызывает здесь гипотеза, с которой выступили обозреватели телекомпании Юга. Они утверждают, что Фрэнк Оупенхартс пал жертвой коммунистического заговора. Эти утверждения заведомо высосаны из пальца, но в сегодняшней Америке они более приемлемы, чем любые другие. У меня лично складывается впечатление, что Оупенхартс был убит в результате широко разветвленного заговора. Его убрали потому, что он недостаточно энергично выполнял интересы тех кругов, которые сегодня правят этой страной. Есть надежда, хотя она мне кажется в силу целого ряда обстоятельств весьма призрачной, что в ходе уже назначенного расследования будут обнаружены следы тех, кто стоял за заговором.

Америка! Сегодня ты убила одного из талантливейших и преданнейших своих сыновей. Что завтра?»

Глава двадцать третья

ФУНТ ЛИХА

Виктор и Аня собирались в Лос-Анджелес, где они должны были присутствовать на официальном открытии выставки «Советский спорт в фотографиях».

Дорога была дальняя, практически предстояло пересечь всю Америку из конца в конец.

Еще в Вашингтоне, изучив карту, Картеневы договорились о четком распределении обязанностей: Виктор — пилот-командор пробега; Аня — штурман, второй пилот, стюардесса и пр., и пр., и пр. И вот теперь машина торопко бежала по шоссе. По радио в записи передавался концерт Эллы Фитцджеральд. Удобно устроившись в кресле-сиденье, Аня внимательно поглядывала вперед, сверяя дорогу с картой, лежащей у нее на коленях, или дремала, когда отрезок пути обещал быть монотонно длинным. Как «штурман» она была обязана следить за тем, чтобы они невзначай не выскочили на непредусмотренную маршрутом дорогу. Раза

два это с ними все же случилось, они еще не успели тогда далеко отъехать от Вашингтона, и Картенев всерьез рассердился, проворчал: «Салага! Не приведи господь, получим из-за твоего головопаяства представление от Госдепа. И время потеряли, и бензин впустую сожгли, и на неприятности напрашиваемся...»

Честно говоря, Виктор был рад поездке. Приелось утомительное и обязательное однообразие — справки, информации, письма, обзоры. Летучки, пятиминутки, совещания. Хоть оторвется от них на несколько дней, к тому же перспектива посмотреть север Америки — все-таки нечасто такое выпадает.

Пейзаж за окном шел в основном индустриальный. И Виктор в который раз поражался могуществу и богатству этой страны. И все это создано в основном за последнее столетие. Вот что значит не ведать разрушительной войны. Подобная концентрированность индустрии и не снилась некоторым странам.

Мысли Виктора сами собой перенеслись в Истардию. Он вспомнил свою первую поездку на строительство завода в Патеро вместе с Раджаном. Когда он рассказал Калитину о своем желании отправиться в Патеро вместе с истардийским журналистом, посол его поддержал. «Судя по его репортажам из Патеро, опубликованным в «Индепендент геральд», Раджан-младший — честный человек и объективный журналист. Многое в нашей психологии, в нашем советском характере понять ему трудно, это чувствуется. Здесь вы ему сможете помочь. В свою очередь, он знает на заводе все и всех. Так что поездка обещает быть взаимовыгодной. Желаю успеха...» И вот они, вытирая пот, молча разглядывают котлован, сверкающую за ним серебряную громаду коксохимического цеха.

— Это роют под фундамент домны? — спросил Картенев.

— Да,— Раджан кивнул. И тут же уточнил:— Третьей.

— Потрясающе! — воскликнул тогда Картенев.— Все потрясающе: и размеры завода, и размах строительства...

— И новизна технологии,— подхватил Раджан.— Я уже не говорю об отношении твоих соотечественников к моим. Это особая, я бы сказал,— великая тема. Впрочем, ты об этом услышишь не раз. Дадхан как-то сказал, что новостройки свободной Истардии — совре-

менные храмы нашей страны. Это сравнение мне кажется очень точным.

— Тем более что его можно неплохо обыграть в прессе, — подхватил Картенев.

— Например?

— Ну хотя бы так: «Безбожники-большевики усердно помогают возводить новые храмы набожной Истардии».

— Пять истардов за идею! — воскликнул Раджан, записывая слова Картенева в блокнот.

Потом их «джипы» едва ползли между цехами, котлованами, пакгаузами, административными временками. Люди были на самом дне котлованов и на крышах высоченных, не достроенных еще зданий цехов, на стенах, на трубах, на дорогах — повсюду женщины с детьми, примостившимися у них на бедре, подростки с лицами взрослых, мужчины, седые, сгорбленные в свои 35—40 лет.

«Сыновья небес»! — вспомнил Картенев слова президента республики о тех, кто находился на самой низшей ступеньке социальной лестницы страны. Бронзовые, черные, коричневые, почти белые, они приехали в Патеро со всех концов Истардии, говорили на десятках языков и наречий, поклонялись Христу, Будде, Магомету, мудрым богам и прелестным богиням. Но было нечто такое, что объединяло всех этих людей, столь непохожих, столь разных — стройка, завод, Патеро.

— Десятки и десятки тысяч! — не переставал удивляться Картенев. — Но как же низка здесь производительность труда...

— Я видел своими глазами первоначальный проект, — сказал Раджан. — Почти все работы были механизированы. Более того, почти все оборудование для этого было получено. Вон оно, ржавеет под дождями. — Он махнул рукой в сторону открытых складских площадок. — На ходу, по нашей же просьбе, проект максимально «упростили», переделали — чтобы увеличить занятость, не дать умереть тысячам семей...

«Какой же срок понадобится, чтобы обеспечить всем истардийцам безбедную жизнь? Но ведь этот завод — ступенька к такой жизни», — думал Картенев.

Люди несли на головах, везли на тачках, тащили волоком корзины с землей, кули с цементом, доски, бревна, инструменты, трубы, листовое железо, рулоны проволоки, по цепочке длиною чуть ли не милю пере-

давали кирпичи. И сквозь это людское месиво ухитрялись протискиваться караваны ослов и верблюдов, грузовики, автобусы, нескончаемые товарные составы. В воздухе висел неумолчный гул. Лязг металла, людской говор, крики животных, гудки машин сливались в единый мощный голос стройки. И день и ночь над Патеро висело мутно-серое облако дыма, пыли и пара...

Их принял генеральный директор государственной корпорации «Истардиа стил лимитед» Рамасингх. Они прошли через прохладную прихожую и малую гостиную его обширного особняка. Рамасингх беседовал с ними в большой гостиной.

— Значит, вы находите, что изменения на заводе значительные? — спросил Рамасингх Раджана, принимая бокал с ледяным шербетом из рук старшего слуги.

— Значительны? Они попросту феноменальны! Если подобные темпы сохранятся, пуск первой очереди произойдет точно в соответствии с фантастическим планом русских! — И, обращаясь к Картеневу, Раджан добавил: — Для вас, возможно, это явление обычно. Здесь же — неслыханное чудо.

— Я учился в Англии, работал в Америке, подолгу бывал в Японии, — спокойно сказал Рамасингх. — Смею вас заверить, таких темпов на Западе не знают. Сегодня у меня были англичане и японцы, — Рамасингх расправил на груди салфетку, попробовал суп-пюре из спаржи. — Основательно знакомятся с заводом. Приезжают не в первый раз. Хотят, знаете ли, сталь нашу покупать. Вот ведь как — до первых плавок еще сотни часов, а мы уже заказчиков в очередь выстраиваем. Западных! Про соседей я и не говорю... Вы в этом доме впервые, не так ли? — продолжал Рамасингх, обращаясь к Раджану. И тут же повернулся к Картеневу. — Еще год назад на этом месте, где мы сидим, резвились обезьяны, охотились тигры, сотнями гнездились змеи. А теперь...

— Господин Рамасингх, я давно хотел вас спросить вот о чем — когда завод заработает на полную мощность, найдем ли мы применение всей его продукции? — проговорил Раджан.

— Иными словами, господин Раджан, нужен ли такой мощный завод Истардии? Вопрос правомерен. Мы — развивающаяся демократия, едва ли не самая крупная в мире. И едва ли не самая молодая. А стране нашей сотни веков. Основа основ ее — деревня и соха.

Для аграрной страны и сотой части продукции Патеро предовольно. Однако научно-техническая революция способна трансформировать даже Истардию — и, полагаю, в короткие, сравнительно короткие сроки, — в промышленного гиганта. Тогда и ста Патеро будет мало.

А потом они ехали на праздник рождения завода. От вокзала до заводского городка было миль десять. Посольских встречал главный инженер Модлин. Он сам неторопливо вел старенький, разбитый, но вместительный «понтиак». Деловито говорил тоном гида, которому до смерти надоели все туристы на свете:

— Здесь, где мы сейчас проезжаем, пять лет назад были непроходимые джунгли...

Машина въехала на одну из окраинных улиц городка, ровную, широкую. С аккуратными одноэтажными особнячками, весело глядевшими на шоссе окнами, задернутыми изнутри затейливо раскрашенными занавесками.

— Тогда здесь была лишь грязная деревушка в десять-двенадцать дворов. Сейчас — город, в котором живет более ста тысяч человек. Город, где есть школы и гостиницы, кинотеатры и больницы, магазины и рестораны...

Чем ближе они подъезжали к заводу, тем более явно чувствовалось его дыхание. Трубы казались гигантскими столбами. Домны — горами. Здание прокатного стана — обиталищем гигантов. И Виктор невольно ощутил ничтожность человека перед этой скрежещущей, дышащей огнем и дымом громадиной. И — величие человека. Ибо все это было творением его разума. Его рук.

Виктору со стажером Митенькой отвели двухместный номер. Из его окна, насколько хватал глаз, были видны джунгли. И, глядя на нетронутые, первозданные чащобы, трудно было поверить, что по другую сторону отеля, здесь, в самом сердце древней Истардии, люди вызвали к жизни металлургический завод. Завод, равного которому нет ни в Питсбурге, ни в Манчестере, ни в Запорожье, ни в Дюссельдорфе... Пуск которого так и не удалось сорвать.

Темнело. Кондиционер гудел монотонно, устойчиво. Далеко-далеко, где-то за Священной рекой едва затеплились разрозненные огоньки. «Что там горит: лучина, свеча, факел? Какой светильник минувших веков, ка-

нувших в Лету тысячелетий? Как тяжело вытащить человека из топких столетий предыстории в сегодняшний день!..» — думал Картенев.

— Командор, вернитесь на землю, хватит витать в облаках! — прервала его воспоминания Аня. — Докладываю обстановку. Движение на трассе слабое. Температура воздуха 104 градуса по Фаренгейту в тени. Ветер умеренный — 4,7 метра в секунду. Привал через 79 миль. Штурман автопробега Анна Картенева.

— Благодарю за службу, вахтенный, — рявкнул Виктор. Аня от неожиданности даже подскочила на своем сиденье. — Привал так привал...

Выставка, на открытие которой они приезжали, была оформлена с большим вкусом. Представитель мэра, сказав в своем выступлении несколько общих фраз об американском гостеприимстве, заметил:

— Мы, американцы, понимаем, что эта выставка является своеобразным приглашением посещать различные международные спортивные соревнования, проводящиеся в СССР. Вот тут-то и возникает целый ряд вопросов, связанных с пребыванием за «железным занавесом». Смогут ли Советы принять всех туристов, которые пожелают приехать в Москву, Ленинград, Киев, Минск, Таллинн, Тбилиси, а главное — смогут ли они сделать так, чтобы эти туристы чувствовали себя как дома? Я имею в виду проблему гостиниц, проблему питания, проблему обслуживания — словом, все то, о чем так много и так критически пишет наша пресса. Сумеете ли вы обеспечить безопасность как спортсменов, так и туристов? А то, знаете ли, некоторых гложет сомнение: «Приедешь в СССР, повеселишься на стадионах, а потом невзначай окажешься во льдах и мраке Сибири». Оратор демонстративно подмигнул кому-то в зале, словно говоря: «От этих русских всего можно ожидать».

С ответным словом выступал Картенев.

— Я хотел бы привести слова из русской классической комедии, написанной полтора столетия назад. Я обращаю эти слова, разумеется, не к высокочтимому представителю многоуважаемого мэра, а к тем, кто, исполняя чью-то злую волю, сочиняет небылицы, басни и побасенки о Советской стране. Как говорится в комедии: «Послушай, ври, да знай же меру!» Что ка-

сается пресловутой безопасности, господин представитель мэра, то мне кажется довольно странным заводить об этом речь в вашей стране. Все, кто ни приезжал к нам с Запада, в один голос утверждают, что нигде они не чувствуют себя в большей безопасности, чем в Советском Союзе. Вы говорили об американском гостеприимстве. Я испытываю его на себе и сердечно признателен всем моим американским друзьям. Но и русское гостеприимство широко известно во всем мире. Наши хлеб-соль вошли в поговорку. Как и тысячу лет назад, на Руси великой всегда радушно привечают гостей, приезжающих к нам с добром... Как верно сказал наш великий поэт:

Открыта дверь для званых и незваных.
Особенно из иностранных...

Они осмотрели город, передохнули и отправились в обратный путь. Час пролетел незаметно.

— Командор, ночной бивак, в соответствии с планом, в столице штата Аризона, стольном граде Фениксе, — вернулась к своим обязанностям Аня. Карта вновь лежала у нее на коленях.

Виктор свернул на боковую дорогу, и вскоре они въехали в небольшой зеленый городок, и поскольку были голодные, без особого труда разыскали на его северо-западной окраине ресторанчик «Огни Бангкока». Сначала они увидели необычной формы крышу, покрытую красной черепицей. Она едва возвышалась над кронами довольно высоких деревьев.

— Пагода не пагода, — произнесла Аня, рассматривая ее.

Станным оказалось и само здание. Вернее, два небольших здания, соединенных между собой коротким крытым переходом. Одно было круглое, с окнами-иллюминаторами. Второе — ломаный многоугольник, высокие стены которого представляли собой сплошное окно, застекленное дымчатым стеклом. У входа их встретил изысканно-галантный метрдотель, пожилой таиландец.

— Если господа желают отведать блюда восточной кухни, покорнейше прошу сюда, — он показал на вход слева. — Если западной — сюда, — тем же почтительным жестом он показал на правую дверь.

Ленч им обоим запомнился куриным карри. Курица оказалась на редкость нежной, промаринованной в неведомом им соусе. Рис — рассыпчатый, соус ароматный

и острый. Такой острый, что они каждый глоток запи-
вали водой. Аня пригласила к столу метрдотеля и стала
расспрашивать о секретах приготовления карри. Таи-
ландец, как ребенок, обрадовался тому, что гости оста-
лись довольны.

— Все дело в соусе, мадам. И пар должен быть от
живого огня. Не от электричества,— он кланялся,
сложив руки на животе. Исчез и тут же объявился
вновь: — Это от нашего ресторана вам небольшой су-
венир.

Аня разглядывала невысокую яркую коробку, на
всех ее четырех сторонах красовалось одно слово:
«Карри». Картенев принес из машины баночку икры,
вручил ее тайландцу. К столику подошел владелец
ресторана, американец лет сорока трех. Лысый, тол-
стый, он шумно дышал, улыбался маленькими острыми
глазками:

— Это порошок «карри» — наш фирменный секрет.
Вот приготовите свое карри, и напишите нам, понра-
вилось ли, нам будет очень приятно.

— Непременно. А вы нам напишите,— заметил Кар-
тнев,— после того, как отведаете нашей икорки.

— О! Икра — это хорошо,— американец цокал язы-
ком.— Вы первый русский дипломат, посетивший наш
ресторан. Мы очень рады. Мы простые люди, живем
в провинции, но мы тоже кое-что значим. Мой отец
воевал с немцами. Тогда мы были вместе — Россия и
Америка. Я не верю, что русские хотят на нас напасть.
Так думаю я. Так думает средний американец, на кото-
ром эта страна держится. А болтуны из Вашингтона...—
он махнул рукой, хохотнул.— Они приходят сегодня,
чтобы завтра уйти. От них много шуму, а пользы —
ни на единый цент.

В Феникс Картеневы приехали затемно. Приняв
душ, они разделились, как сказала Аня, «на группы
по интересам». Сама она отправилась смотреть вечернее
телешоу о ежегодном «Параде мод» в Майами. Виктор
решил зайти в бар и с наслаждением долго цедил
из коньячной рюмки старый «ларсен», отдыхая после до-
роги.

Лицо человека, присевшего на табуретку у стойки
рядом с Картневым, показалось ему знакомым. Раза
два он незаметно бросил взгляд на своего соседа.
«Ложный аврал,— тут же подумал он.— Слава богу,
я не заболел еще манией преследования». Решив

прогуляться, он вышел на улицу и пошел по направлению к центру. Беспечно рассматривая витрины магазинов, лица прохожих, причудливые гирлянды световых реклам, он думал о том, что, в сущности, судьба была к нему весьма благосклонна. Он еще молод, счастливо женат, много поездил по свету и наверняка еще поедит до выхода на пенсию.

Бары, рестораны, кинотеатры, закусочные — все эти и подобные им заведения тянулись сплошной чередой по обеим сторонам улицы. У загадочных дверей стояли загадочные девицы, загадочно улыбались. Раза два зазывалы осторожно брали Виктора за рукав, вполголоса интимно предлагали: «Есть девочки — закачаешься. От десяти до ста баков. Черненькие, беленькие, желтенькие, а? Сэр, развлечемся по всем правилам Дикого Запада». Картенев молча делал неопределенный знак рукой — мол, настроения нет. И шел дальше, дальше. Огней становилось меньше, и светили они как-то тусклее, чем в центре, который он уже миновал. Редкие прохожие жались к стенам домов, даже при виде Картенева поспешно переходили на другую сторону улицы. «Э, черт, вечно забываю, что я не дома. Надо поворачивать оглобли назад к гостинице — и живее».

Но повернуть назад он не успел. Бесшумно подкатила к тротуару машина, открылась задняя дверца, из нее выскочили двое мужчин. Профессионально ловко они схватили Картенева под руки, втолкнули в дверцу. Все это заняло считанные мгновения. Ни крика, ни шума, лишь сдавленный стон Картенева, когда ему заломили руки за спину. Машина мягко тронулась и исчезла в ночи...

В бликах света от фонарей Картенев пытался разглядеть лица сидевших по сторонам от него. Правый был явно незнаком. «Левого я где-то видел, — подумал Виктор. На мгновение салон осветило фарами встречного автомобиля. — Так и есть. Это же мой недавний сосед по бару. Значит, я не ошибался. Значит, слежка за мной идет давно».

— Что вам надо, господа? — стараясь сдержать дрожь в голосе, требовательно спросил Картенев. — Видимо, здесь какая-то ошибка. Я советский дипломат.

И тот, что сидел за рулем, и те, что находились рядом с Картеневым, молчали.

— Я протестую! — громко проговорил Картенев. — Я требую объяснений.

Вновь ответом ему было молчание. Он попытался освободить руки, но не смог и шевельнуть ими.

— В таком случае мне остается звать на помощь Я буду кричать. Помогите! По-мо-ги-те!

Сидевший справа вынул из кармана свинчатку, беззлобно, коротко ударил Картенева по голове...

Очнулся Виктор от мерзкого запаха. Кто-то водил перед его носом куском мокрой ваты. Открыв глаза, Картенев увидел близко наклоненное к нему лицо. «Пришел в себя»,— констатировало лицо. Картенев, невольно застонав, сел.

— Голова болит? — участливо спросил невысокий худощавый человек, в годах, с длинными седыми волосами. Картенев молчал, и человек продолжал: — Варвары, которые привезли вас сюда, — просто мерзкие скоты. Как вы думаете? Их надо отправить к ядерной старушке-бабушке.

Только теперь Картенев понял, что длинноволосый говорит по-русски.

— Я заявляю решительный протест, заявляю его вторично,— резко произнес Картенев.— Я советский дипломат и требую, чтобы мне немедленно вернули свободу и дали возможность связаться с представителями посольства.

— Конечно, вне сомнения,— тотчас же согласился длинноволосый.— Пустячная формальность. Раз, два — дело в картузе. Ха-ха-ха! Почему оно должно быть обязательно в шляпе?

— Надеюсь, вы не для того меня сюда приволокли, чтобы предложить мне совместные упражнения в русском языке? — холодно заметил Картенев.— Какую формальность вы имеете в виду? И кто вы такой, чтобы выяснять со мной какие-то формальности, да еще подобным образом?

— Я представитель местных властей,— длинноволосый доверительно улыбнулся.— Ваш друг, понимаете? Еще раз прошу извинить за грубость этих мужиканов. Они получают свое возмездие.

— Как ваша фамилия?

— А вот это излишне,— осклабился длинноволосый.— Совсем, знаете ли, излишне. Я не актер, паблिसити не люблю. А вот вашу фамилию я знаю. Картенев, ведь так? Ведь так, а?

Картенев молчал. «Скверная ситуация, братишка,— подумал он.— На гангстеров не похоже. Да и не

будут гангстеры связываться с иностранным дипломатом. Значит, спецслужбы, Как там Анка? Что с нею?»

— Вы хотите знать, какая формальность? — не дожидаясь повторного вопроса Виктора, с готовностью проговорил длинноволосый. — Все проще пареной тыквы. Я, знаете ли, вырастил на своей ферме лет двадцать назад тыкву, которая стала чемпионом нашего штата. Да, так вот, дело в том, что вы дважды — во время этой поездки — изменили маршрут. И прокатились с ветерочком по нашим запретным зонам.

«Конечно, это спецслужбы. Вот мы и влипли с тобой в историю, мой дорогой штурман, — растерянно подумал Картенев. — Кто знает, есть там секретные объекты или нет. Нарушение есть нарушение».

— Мы понимаем, что «путь очень далек лежал», так, кажется, поется у вас в песне? — слышал Картенев слова длинноволосого. «Но ведь мы сбились с пути в самом начале, миль за двести от Вашингтона? Ведь зачем-то им надо было ждать, чтобы мы благополучно добрались до Лос-Анджелеса и после открытия выставки и встреч с прессой отправились в обратный путь? Зачем? Да, вероятно, — думал Картенев, — они ждали, чтобы мы оказались в самой глуши, вне мгновенной досягаемости нашего посольства».

— Пустяковая формальность, — деловито проговорил длинноволосый, поднимая со стола и протягивая Виктору лист бумаги с напечатанным на нем текстом. — Поставьте внизу свою подпись — и мы разойдемся как в море пароходы. Так? Я верно сказал? Нет, вы ответьте — верно?

Виктор стал читать текст: «Я, Картенев Виктор Андреевич, первый секретарь и пресс-атташе советского посольства в Вашингтоне, обращаюсь с просьбой о предоставлении мне политического убежища. Эту свою просьбу я мотивирую нижеследующим:

а) Я уже давно не согласен с политикой моего правительства и не считаю возможным дольше скрывать это;

б) Я не могу работать в посольстве, где все — кроме нескольких человек — являются агентами КГБ;

с) Меня приводит в ужас мысль о том, что я могу вновь оказаться за «железным занавесом», в условиях абсолютной несвободы, нищеты и бесправия.

Я делаю это заявление в здравом уме и полном

сознании того, что святая правда превыше всего».

— Что за бред вы мне подсовываете? — срывающимся голосом едва не закричал Картенев. Но тут же взял себя в руки и внешне спокойно сказал: — По всей видимости, вы ошиблись адресом — так у нас говорят.

— Ах, извините, господин Картенев, — ласково улыбаясь, произнес длинноволосый, даже не посмотрев на брошенный Картеневым на стол лист бумаги. — Чуть-чуть недоразумение произошло, слава богу. Я хотел дать вам вот это.

Виктор взял в руки протянутый ему новый лист бумаги. Тут текст был иного содержания. «Я, первый секретарь и пресс-атташе советского посольства в Вашингтоне Виктор Андреевич Картенев, настоящим удостоверяю, что в течение всего пребывания в Соединенных Штатах Америки занимался шпионской деятельностью против правительства и народа США. Последним проявлением этой моей деятельности, несовместимой со статусом дипломата, явилась поездка в Лос-Анджелес, в ходе которой я дважды изменял маршрут и оказывался в непосредственной близости от совершенно секретных объектов (фотоснимки прилагаются).

Я сознаю всю ответственность за мою недозволенную деятельность и даю слово впредь не заниматься ею, пока я нахожусь на территории Соединенных Штатов Америки».

— Пустая формальность, дорогой господин Картенев, — щебетал длинноволосый. — Единственный прочерк пера — так, кажется, у вас говорят? — и все будет забыто. Никакой огласки в прессе, никаких нот со стороны Госдепартамента. На лад идет?

— Мне еще в детстве бабушка говорила: «Не держи, внучек, всех других за дураков. Иначе очень часто плакать в жизни придется». Что вы думаете по этому поводу? — Картенев с нескрываемым интересом смотрел на своего собеседника. Тот сделал несколько затяжек, элегантно держа сигарету кончиками двух пальцев, внезапно севшим голосом отрезал:

— Отсюда, господин Картенев, вы выйдете живым лишь в том случае, если подпишете одну из этих двух бумаг. Вы меня поняли?

Он нажал на столе кнопку звонка, и в комнату вошли двое. Картенев узнал своих похитителей.

— Призываю в свидетельство Бога, — с печальным

вздохом сказал длинноволосый, — я очень хотел, чтобы все прошло без крови и стонов. Но вы бранитесь, а время не ждет.

И, обращаясь к вошедшим, по-английски приказал: «Даю вам—пятнадцать минут». Сосед по бару жестом предложил Картеневу следовать за ними. «Похоже, что это подвал, — думал Картенев, разглядывая помещение, по которому они проходили. — Нет ни окон, ни вентиляции. Нет мебели, кроме нескольких ободранных стульев. И вода, откуда здесь эта вода на полу?» Наконец они вошли в небольшую комнату, сырую, узкую. Она была тускло освещена маленькой лампочкой. Со стен сочилась вода. Один из сопровождавших резко повернулся, без размаха ударил тяжелым кулаком под ложечку. Задохнувшись, Картенев упал на колени. Заломив ему руки за спину, ударивший защелкнул на них наручники. Размахнувшись, он хотел нанести удар в лицо, но второй мягко удержал его руку:

— Не троньте этого сопляка, Карл. Испустит дух невзначай — хлопот не оберешься. Вот сейчас мы ему вгоним укольчик-другой для расслабления воли и посмотрим, как он после них попрыгает. Все подпишет — даже признание, что собирался увезти в Москву в тайнике своего паршивого чемоданчика нашу несравненную статую Свободы.

В тишине слышалось сосредоточенное сопение, хруст ломающихся головок ампул. Уколы были болезненные, нестерпимо болезненные. «Не поддамся, ни за что не поддамся, — Картенев стиснул зубы. — Скорее сдохну, сволочи, чем подпишу хоть одну вашу поганую бумагу». И тут он почувствовал обморочную слабость. Перед глазами все завертелось, запрыгало. Потом эти ощущения прошли, и ему стало дышаться легко и радостно. «Так, должно быть, чувствует себя человек в состоянии невесомости». Он обвел взглядом комнату и не узнал ее. Все сияло и искрилось, лица конвоиров и мучителей казались симпатичными, доброжелательными. Бывший сосед по бару, улыбаясь, заглянул ему в глаза, заботливо сказал:

— Как чувствуете себя, дорогой Виктор? Мы ваши друзья.

— Мы хотим вам только добра, — подмигнул второй. — Поставьте свою подпись вот тут, будьте славным парнем. И вам неплохо, и нам хорошо.

— С радостью! — медленно произнес Картенев. Со-

сед по бару вложил в его плохо слушающиеся пальцы ручку, показал на место под текстом:

— Вот здесь, пожалуйста.

— Да, да,— Картенев склонился над листом. И уже было коснулся его пером, но вдруг медленно поднял голову, тяжелым взглядом уперся в стенку, выронил ручку. Он почувствовал непонятную и вместе с тем тягостную тревогу, которая пришла из какого-то самого дальнего уголка сознания, одиноко сопротивлявшегося действию сильного наркотика. Тревога эта росла, ширилась. Вот она уже раздирала все его сознание, поднимала самые последние силы на борьбу с черным мраком, который обволакивал мозг и убивал волю. «Что я делаю? Зачем я здесь? Кто эти люди? — эти мысли тревожно забились в его сознании.— Что я хочу сделать? Этого ни в коем случае нельзя делать! Нельзя делать! Нельзя делать!» И он мучительно цеплялся за эту воспретительную фразу, которая — он подсознательно это знал — была его единственным оружием, могущим помочь ему остаться человеком. Временами перед его мысленным взором плыли какие-то розовые, синие, зеленые круги, рвались молнии и рассыпались в разные стороны. Временами он чувствовал, что плачет, как ребенок, от боли и обиды. Временами ему было так сладко, как не было никогда в жизни. Но одна мысль, за которую цепко ухватилось его ускользящее сознание, весь остаток его, непрерывно стучал в мозгу спасительным метрономом: «Нельзя! Нель-зя! Дер-жись! Дер-жись!»

Потом он увидел лицо мамы. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, и по щекам ее текли слезы. Он утирал их и говорил: «Ну что ты, мамочка! Я держусь, держусь. Я помню твои письма, каждое слово в каждом из них. Я же твой сын...» И она улыбалась и гладила его руки...

Идею провести операцию «Прощупать мину» подал Парсел. На следующий день после встречи с Картеневым он позвонил главе ЦРУ и сказал: «Вчера я имел счастье общаться с русским пресс-атташе. Мне он показался чересчур правоверным. Из таких, бывает, вырастают порой добротные перебежчики. Может, твои парни понаблюдают за ним повнимательнее? Да и в прошлом его неплохо бы разобраться. Он в Истардии несколько лет работал». — «Сейчас, Джерри, я возьму Дипломатический список, посмотрю, что есть такое рус-

ский пресс-атташе в Вашингтоне. Так, кажется, нашел. Да, точно — Картенев Виктор Андреевич, первый секретарь. Мы обязательно займемся разработкой этого человека. Я даже не могу придумать, чем я и мое ведомство могли бы тебя отблагодарить. Разве что деньги? Но это же смешно...» — «Почему же, — хмыкнул Парсел. — Лишняя сотня долларов никогда не помешает. Но раз уж ты засомневался, то бог с ними, с деньгами. Назови лучше эту операцию так, как я предложу». — «С удовольствием, Джерри. Давай варианты». — «Вариант один — «Прощупывание мины». Видишь ли, я принял во внимание, что эта акция может быть обоюдоострой, ведь он все-таки дипломат». — «Принято. Я всегда преклонялся не только перед твоим состоянием, но и перед твоим умом. И никогда не боялся признаться в этом. Парни сработают, комар носа не подточит». Польщенный Парсел, улыбаясь, положил трубку — лесть даже миллиардерам приятна...

Аня была спокойна до тех пор, пока не кончилось телешоу. «Пусть командор, — снисходительно подумала она, — пропустит в баре рюмку-другую. После такого напряженного сидения за рулем можно и слегка расслабиться». Когда же на экране цифрами 23.45 обозначилось местное время, ее охватило беспокойство. Наконец она не выдержала и спустилась в бар. В баре Виктора не было. Аня вышла на улицу. Она была пустынна. Картенева вернулась в номер и решила: «Жду еще час и звоню в посольство». Одолевали дурные предчувствия, а она в них верила. Тайно, никому не признаваясь, — верила.

«В этой стране с любым может случиться что угодно. Могут просто убить. Могут ограбить и убить. Могут украсть, чтобы получить выкуп. Мы уже больше года здесь. Много ездили по стране. И никогда Виктор не пропадал так надолго». Прошел час, долгий, тяжелый, смятенный. Аня сняла трубку.

— Хэллоу, — услышала она низкий женский голос. И потом сонно, сквозь зевок. — Да?

— Дайте мне Вашингтон, пожалуйста, — и Аня назвала номер дежурного по посольству.

— Конечно, мадам. Сию минуту, — чуть бодрее ответил голос. И через какое-то время: — Ваш номер не отвечает, мадам. — И снова явственный зевок.

— Не может быть,— возбужденно возразила Аня.— Этот номер отвечает круглые сутки, все двадцать четыре часа.

— Попробуем еще раз, мадам,— теперь операторша молчала минуты три. Наконец все тем же сонным, вялым голосом произнесла: — Ничем не могу помочь, мадам. Ваш абонент в Вашингтоне молчит.

Аня схватила свою сумочку, вытряхнула из нее всю мелочь. Слава богу, ее оказалось вполне достаточно, чтобы позвонить в Вашингтон с любого автомата. Добежав до лифта, она спустилась на первый этаж, пересекла пустынный холл, быстро подошла к автомату, который был слева от входа в гостиницу. Дрожащей рукой сняла трубку, заложила в аппарат необходимое количество монет. И вдруг увидела, что провод перерезан. Аня в изумлении ощупала его концы. «Фантастика! — пронеслось у нее в голове.— Даже рядом со школами неважной репутации, даже в трущобах никогда не видела здесь неисправного автомата». Она пробежала два квартала, обрадовалась, увидев еще один телефон-автомат. И неожиданно вся внутренне напряжинилась, попятилась назад. Навстречу ей двигались трое мужчин — здоровенный негр и два белых. Они хохотали, были явно навеселе. Увидев Аню, негр заорал на всю улицу: «Ты искал себе забаву на ночь, Джек Латаное Ухо. Вот она и вышагивает сама тебе навстречу!» Он раскинул в стороны свои ручки и двинулся прямо на нее. На улице не было видно ни души. Аня повернулась, побежала назад к гостинице. Трое ускорили шаги. Уже входя во вращающуюся дверь, она услышала брошенное ей вдогонку: «И не тоскливо тебе одной в постели, малютка? Оставайся с нами. То-то будет весело!» Бледная, напуганная, Аня подошла к дежурному администратору, который дремал за конторкой в кресле. При виде Картеновой он вскочил на ноги, машинально пригладил рукой волосы, как-то смято улыбнулся.

— Помогите мне дозвониться до Вашингтона, сэр! — Аня старалась говорить как можно сдержаннее, ровнее.

— Простите, вы из... Ну, разумеется, из девятьсот седьмого номера. Минутку, миссис, сейчас будет Вашингтон. Там какой номер? Да, конечно, русское посольство.

По внутреннему переговорному устройству он вызвал дежурную операторшу:

— Бетси, радость моя, сделайте нам, пожалуйста, в Вашингтоне русское посольство. Да, да, именно этот номер.— Он улыбнулся Ане, успокаивающе сказал вполголоса: — Сейчас все будет в порядке.

Однако через то же переговорное устройство спустя минуту и администратор и Аня услышали голос сонной, сладко зевнувшей Бетси:

— Номер не отвечает, Дональд.

Администратор вздохнул, сокрушенно развел руками:

— Вы можете отложить разговор с Вашингтоном до утра?

— Нет,— отрывисто возразила Аня.— Мне нужен Вашингтон немедленно. Не могли бы вы пройти со мной к уличному автомату и подождать, пока я буду звонить?

— Но, миссис,— администратор сделал страдальческое лицо,— вы же слышали, что сказала операторша. Вы что, ей не верите? И потом, я никак не могу покинуть мое место. Ведь сейчас ночь и подменить меня некому. Кроме того,— он понизил голос, доверительно сообщил: — В нашем районе орудует банда гангстеров. Позавчера ночью прямо напротив нашей гостиницы убили молодую женщину. Не пощадили и ее ребенка, двухлетнего мальчика. Так что выходить на улицу в эту пору — это,— он замаялся на секунду,— это... безумие, миссис.

Вернувшись в номер, Аня упала на кровать и разрыдалась.

Успокоившись, она под села к журнальному столику, вынула из сумочки ручку, записала в своем блокноте: «Мэр. Начальник полиции. Адвокат». И села в кресло, сжавшись в комочек. Потом замерзла и закуталась в плед. Шел час за часом. Ей казалось, что Виктора уже нет в живых...

Картенев пришел в себя и сразу же почувствовал озноб. Голова раскалывалась от боли. Он сел, осмотрелся. В комнате никого не было. На стуле возле него лежала небольшая металлическая коробка. В ней валялись пустые и запечатанные ампулы, два шприца. Единственная дверь была полуоткрыта, луч яркого света из другой комнаты падал на колченогий стол. Картенев неслышно подошел к нему, увидел оба листка

с текстами. Его подписи не было ни на одном. «Значит, не сломали, гады, мою волю. Хотя и одурманили». В соседней комнате раздались шаги, громкие голоса.

Вошел длинноволосый, всматриваясь в угол, где несколько минут назад валялся Картенев, радостно произнес:

— Как самочувствие нашего гостя?

Ответить Картенев не успел. Что-то обрушилось на него сзади, и в голове как будто опять напололам разломилась молния...

«Как славно припекает солнце! Какое оно теплое, доброе!» — лениво потянувшись, Виктор чуть приоткрыл глаза, огляделся. Он сидел на соломенном стуле, опершись спиной о стенку, на веранде маленького ресторанчика, который располагался прямо напротив гостиницы. В витрине ювелирного магазина на другой стороне улицы часы показывали без восьми минут шесть. Ласковые лучи утреннего солнца падали на пустынную улицу, припаркованные к бровкам тротуаров автомобили, витрины, деревья. «Что это было — кошмар? Сон?» Картенев попробовал встать, это ему удалось с трудом. Все тело болело, ныло. Медленно прошла мимо юная мексиканка, официантка ресторанчика, на веранде которого он оказался. Она сдержанно засмеялась, сказала, открывая двери внутреннего помещения:

— Доброе утро, сэр. Как видно, ночка у вас была бурная.

Перестав смеяться, она пристально посмотрела на лицо Картенева. Он подошел к окну, глянул в него, как в зеркало. Через лоб и левый висок тянулся жирный, кровавый рубец.

Когда в четверть седьмого в дверь номера Картеневах раздался негромкий стук, Аня, рванувшись с кресла и уронив плед на пол, быстро спросила по-английски: «Кто, кто там?»

— По-русски уже и говорить разучилась? — раздался негромкий голос Виктора. Аня торопливо открыла один за другим три замка, распахнула дверь, выдохнула:

— Витенька, ты живой! Живой, Витенька, родненький! — и разрыдалась.

Картенев вошел в комнату, увлекая ее за собой.

— Ну что ты, что ты плачешь? Не плачь, милая, — говорил Виктор, обнимая жену, целуя глаза, щеки. —

Разве штурманы имеют право на слезы? — Он крепко прижимал Аню к себе, гладил ее волосы, а в голове пронеслось: «Получил, голубчик! Ежедневный бюллетень для прессы, видите ли, его не устраивал. Читка книг, газет и журналов — до боли в висках, до ряби в глазах,— видите ли, приутомила. Рабочие коктейли, ленчи, приемы надоели... Прокатиться захотелось, развеяться. Вот и прокатился!.. Господи, а до отпуска, до России еще пять месяцев! Целая вечность. Вечность...»

из донесения агента ЦРУ:

«Операция «Прощупать мину» была проведена в соответствии с вашим указанием в городе Феникс, штат Аризона. К сожалению, вторая ступень убеждения не принесла конкретных результатов. Поэтому, в соответствии с планом операции, параграф седьмой, был применен запасной вариант вывода объекта из контакта».

Глава двадцать четвертая

НЕДОЛГОЕ СЧАСТЬЕ ДИКА МАРКЕТТИ

Предположения Парсела подтвердились: в связи с убийством Оупенхартса нью-йоркская биржа несколько дней была охвачена паникой. Упали в цене акции строительных, железнодорожных и текстильных компаний, поползли вверх ценные бумаги концернов, работающих на войну. На заседании правления компаний Парсела первый вице-президент сообщил о том, что игра на бирже в течение трех дней принесла четырнадцать с половиной миллионов долларов. «Самодовольный боров,— думал Парсел, молча рассматривая грузную фигуру докладчика.— Нашел чем похвалиться... При той благоприятной ситуации, которая сложилась на бирже и царила там семьдесят два часа, можно было сделать в пять, в десять раз больше». Ларри Салливан, по-своему истолковав улыбку Парсела, с гордостью заметил, что «во всем городе никто так славно не потрудился, как мы». Парсел пригласил Салливана на ленч в свой клуб.

— Я предлагаю,— возвышенно произнес Салливан,— бокалом этого старого французского вина отметить наш очередной биржевой успех. Я всегда с симпатией относился к Фрэнку Оупенхартсу, но если его смерть способствовала хоть в какой-то мере про-

цветанию нашего общего дела, я не вижу особых причин для глубокого траура. Король умер. Да здравствует король!

— Бог свидетель. Оупенхартс был моим другом,— сухо обрезал Парсел.— За будущего короля, которому ты так преждевременно и легкомысленно провозглашаешь здравицу, еще придется поломать и голову и копыя. Теперь о главном. Мне не нравится, что ты сравниваешь нас с кем бы то ни было в этом городе. Я считаю, что четырнадцать с половиной миллионов долларов, о которых ты говорил на заседании правления — это не победа, а поражение.

— Ты шутишь, босс? — насторожился Салливан.— Пока тебя не было, я лично руководил всеми операциями.

— Я наблюдал за ними, когда летел в Нью-Йорк,— засмеялся Джерри. Смех его был похож на удары молотка по листу жести. Салливан слишком хорошо знал этот смех Парсела. Появилось противное ощущение страха. По груди и по спине поползли мурашки.— И не вмешивался, не так ли? Хотя вмешаться следовало бы. В одном случае промедлили на двенадцать минут и потеряли девятьсот тысяч. В другом случае вообще проморгали сделку. В третьем... Э, да что говорить — стареем, Ларри, стареем...

Салливан сгорбился, обмяк. Машинально отпил глоток бургундского, но вкуса не ощутил.

— Я еще не чувствую себя стариком, Джерри,— проговорил он фальшиво-бодрым тоном и попытался улыбнуться.— Да и Мэри на меня пока не жаловалась. Ведь она тебе не жаловалась?

— Возраст мужчины определяется не самочувствием или отзывами жены, а результатами работы,— уловив страх в глазах Салливана, Парсел похлопал его по плечу в знак примирения.— Забудем этот разговор, Ларри. Надеюсь, у нас с тобой в будущем останутся лишь приятные поводы для воспоминаний о возрасте.

— Как, например, трехмесячный юбилей Джерри Парсела-младшего! — Салливан поднял свой бокал, ликуя, поймал на себе благодарный взгляд Парсела. «На сей раз, кажется, пронесло,— с облегчением подумал Ларри, чувствуя, как отпускает туго сжатая пружина внутреннего напряжения.— Хорош Джерри... Ведь из-за двух-трех недополученных, по его мнению, миллионов он может стереть в порошок. В пыль!.. Ну, а я?..

Что я, с голоду помру, если он меня выгонит? А ведь когда-нибудь во время одного из таких ленчей меня инсульт трахнет...»

Вернувшись после ленча в офис, Парсел вызвал Маркетти. Тот появился, как всегда, бесшумно и, как всегда, ослепительно улыбаясь. Какое-то время Парсел пристально его разглядывал. Потом сказал:

— Вы не забыли, Дик, что вы брали неделю отпуска, чтобы съездить к больной тетке в Калифорнию?

— Разумеется, сэр. Не забыл и благодарен.

— Но, насколько мне помнится, вы не рассказали, что же все-таки было с теткой? Она выздоровела?

— Нет, сэр. Она умерла.

Парсел внимательно посмотрел на своего секретаря, вздохнул:

— Примите мои соболезнования, Маркетти.

— Благодарю, сэр.

— Кстати, если мне не изменяет память, ваша поездка туда совпала по времени с убийством Фрэнка Оупенхартса?

— Да, сэр. Эта трагедия разыгралась именно тогда.

— И как на нее реагировала Калифорния?

— Это было искреннее горе миллионов, сэр.

«Пока еще, слава богу, этот охотник за чужими женами не навлек на себя особых подозрений,— думал Парсел.— Ближе всех к нему подошла моя любимая дочь. В чем — в чем, а в настойчивости и целеустремленности Беатрисе не откажешь. Она почти вышла на след Маркетти. За мои же деньги подкупила парня из «Наследников». По предположению Ларссона, встреча, во время которой ей будут переданы данные на Маркетти и даже фотографии, произойдет послезавтра. Итак, опасны эти двое: Маркетти и парень из «Наследников»...»

Отпустив Маркетти, Парсел вызвал Ларссона.

— Я думаю,— бесстрастно сказал Парсел, просматривая какие-то бумаги на столе,— что встреча этого парня с моей дочерью не должна состояться. И без того я уже потерял сто тысяч долларов, которые она вручила ему как задаток. Впрочем, с этой потерей еще можно примириться. Может произойти нечто неизмеримо худшее.

— Она не встретится с ним больше,— успокаивающе заметил Ларссон.— Сегодня же «Наследники» узнают о предательстве этого молодчика.

Парсел поморщился и поднял голову:

— Послушайте, а эти... «Наследники» действительно варят своих нелояльных живьем в кипящем масле или бросают в клетку с голодным тигром?.. Средневековье какое-то... Варварство!..

— А вы не думаете, сэр,— осторожно сказал Ларссон,— что Маркетти может невзначай проболтаться или... что-нибудь в этом роде?

— Вы же сами говорили, что он имеет отношение не только к «Наследникам», но и к ЦРУ?

— Так оно и есть на самом деле, сэр.

— Стало быть, он опасен вдвойне,— в раздумье произнес Парсел.— Маркетти — моя головная боль, Ларссон. И заниматься им я буду лично.

...Вопреки своим опасениям, Маркетти спал хорошо. Не мучили кошмарные сновидения, не донимала бессонница. Но спустя две недели после поездки в южный город его стали преследовать странные галлюцинации. Если он сосредоточивал взгляд в какой-то точке — на предмете или на человеке, ему являлось видение: мужской череп, разваливающийся пополам, и отскакивающие от него осколки розовых костей. Все это в его сознании не ассоциировалось с Фрэнком Оупенхартсом. Это были как бы абстрактная голова, абстрактные осколки, какая-то декоративная кровь... Лишь сегодня, выйдя от Парсела после разговора о его поездке в Калифорнию, Маркетти впервые явственно вспомнил предсмертный взгляд Оупенхартса. «Черт возьми, неужели он тогда узнал меня? — думал Маркетти, стремясь унять внезапную дрожь. — Конечно, он видел меня много раз, но узнать на таком расстоянии... Какой ужасный был у него взгляд: молящий о пощаде, ненавидящий, проклинаящий. Я молодец, что не смалодушничал в последний момент. В конце концов, я выполнял свой долг перед организацией, перед государством, в котором развелось столько всяких леваков. Об одном прошу тебя, великий Боже, — не дай мне более испытания этим взглядом, когда я встречусь с Фрэнком Оупенхартсом на том свете. Уж лучше попасть в девятый круг ада, чем это».

В первые дни после возвращения в Нью-Йорк Маркетти с замиранием сердца слушал радио и смотрел телевизионные новости: «Вдруг напали на след?» Однако долго ли может находиться в состоянии сверхнапряжения в этом сумасшедшем мире обычный человек

(пусть даже с хорошо тренированной психикой, готовый к любым стрессам)? И вот уже Маркетти слушал лишь первый утренний и последний вечерний выпуски, да и свежую газету брал в руки все спокойнее и ленивее. «Как хорошо, что у меня два хозяина. И деньги двойные, и безопасность обеспечена вдвойне. Как умело и четко следствие было пущено по ложному следу», — думал Маркетти, направляясь вечером в свой гостиничный номер. Наступил тот неподдний предвечерний час, когда Восьмая авеню заполняется людьми и машинами. Прошла группа оживленно беседовавших мужчин. Шутки, смех. Натолкнулась на Маркетти бедром молодая, хорошенькая мулатка: «Сэр, не желаете ли получить компенсацию за нанесенное телесное повреждение? Тариф весьма умеренный. И гнездышко имеется». — «Ты очень мила, крошка, да времени нет», — меланхолично заметил Маркетти, шлепнув девчонку по заду.

«Там же на месте схватили наркомана с винтовкой в руках, — удовлетворенно вспоминал Маркетти газетное сообщение. — Скорее всего подсунили оружие, воспользовавшись состоянием почти полной невменяемости. И вот он уже объявлен убийцей Фрэнка Оупенхартса, врагом нации, великим извергом. В тюрьме через неделю его прикончил бывший приятель. А этого, в свою очередь, отправил к праотцам, якобы обороняясь от нападения преступника, полицейский. Ловко сработано! Наверняка целый синклит занимался разработкой многочисленных возможных вариантов».

Маркетти вспомнил, как он был приятно поражен, обнаружив среди утренней почты пакет на свое имя. В нем лежал чек на пятьдесят тысяч долларов. В сопроводительном письме, напечатанном на бланке известной адвокатской калифорнийской конторы, говорилось, что «эта сумма причитается мистеру Ричарду Маркетти в результате реализации наследства его родной тетки, урожденной синьорины Катарины Маркетти, осуществленной по ее личному указанию». До чего же все отлично сработано! Его родная тетка, урожденная синьорина Катарина Маркетти, умерла пять лет назад в богадельне под Турином.

Через день, при встрече со связным «Наследников» Маркетти получил аккуратный маленький сверток. Раскрыв пакет у себя в номере, он замер, безмерно восхищенный — его взору предстала миниатюрная

«Золотая Шпага», один из почетных знаков отличия организации. Он хорошо знал, как распорядиться деньгами — в тот же день он приобрел на все пятьдесят тысяч акции одной из компаний Парсела. «Джерри Парсел — это надежно, — посмеиваясь, поглаживал бумаги Маркетти. — Джерри Парсел — это вечно». И «Золотая Шпага» вместе с ценными бумагами была отправлена в личный сейф Маркетти в Первом национальном городском банке. Увы, по уставу организации «Шпагу» можно было носить только на тайных собраниях.

Маркетти поднялся в лифте на свой семьдесят пятый этаж. Номер был довольно большой и светлый. В нем царил «порядок» холостяка: повсюду разбросано белье, в пепельнице полно окурков, на подоконнике, журнальных столиках, на полу — бутылки из-под виски, пивные банки, зачерствевшие сэндвичи. По договоренности с администрацией уборку в номере Маркетти могли производить лишь в его присутствии. Пригласив по телефону горничную, он, сидя за столиком и время от времени отхлебывая виски из высокого коктейльного стакана, следил за ее движениями. В ожидании визита певички из «Барселоны» Маркетти любовался фигуркой горничной. «Как грациозны негритянки! — он едва удержался от того, чтобы прикоснуться к девушке. — А ведь она чувствует, что я смотрю на нее с вожделением. И крутит грудью и бедрами вовсю. Хотя моя Кларетта ничуть не хуже, я бы с удовольствием отменил свидание и занялся этой коричневой штучкой. Жажда перемены — в крови человеческой. Иногда ее не объяснишь ни логикой, ни здравым смыслом, ни внезапным позывом похоти». Он включил телевизор. Начиная очередной выпуск последних известий.

«По мере того, как продолжается следствие об убийстве Фрэнка Оупенхартса, — говорил один из популярнейших обозревателей Эн-Би-Си, стройный седеющий красавец, — растет число жертв. Сегодня к трем предыдущим присоединилась четвертая. Ею оказался полицейский сержант Дуглас Мирчакофф, отец четырех детей. Он был найден мертвым у себя дома. Миссис Мирчакофф, которая в настоящий момент находится с детьми у своих родителей, узнав о смерти мужа, воскликнула: «Эти мафиози его доконали!» В интервью с нашим корреспондентом окружной прокурор Арнольд

Харисон заявил, что сержант Дуглас Мирчакофф был первым официальным лицом, прибывшим на место ареста убийцы Фрэнка Оупенхартса. Он первый произвел краткий допрос арестованного и он также первый обнаружил стреляные гильзы. Сержант трижды давал противоречивые показания сенатской комиссии по расследованию как о гильзах, которые впоследствии исчезли самым непонятным образом из полицейского управления, так и об ответах убийцы на его вопросы. Теперь сержант Дуглас Мирчакофф умолк навсегда. Возникает законный вопрос — сколько еще будет продолжаться эта пляска смерти? И кто следующая жертва?..»

Маркетти нажал кнопку на пульте дистанционного управления, экран погас.

— Вам больше ничего не нужно, сэр?

Горничная стояла в двух шагах от Маркетти, выжидающе смотрела на него. Верхняя пуговица кофточки расстегнулась, полуобнажив высокую грудь. Маркетти медлил с ответом, кося взглядом за вырез кофточки.

— Вам что-нибудь нужно, сэр? — повторила девушка, проследила за его взглядом, облизнула и без того влажные губы, сделала осторожный шагок поближе.

— Твое следующее дежурство послезавтра? — спросил Маркетти. И протянул руку к вырезу кофточки. Легким движением корпуса она чуть-чуть отклонилась. Впрочем, за этим движением не чувствовалось ни недовольства, ни протеста. Маркетти продолжал:

— Вот тогда, пожалуй, мне понадобятся твои услуги.

— Да, сэр! — улынулась девушка, смело взглянула Маркетти в глаза и медленно, как бы нехотя, вышла из номера.

Маркетти задремал, сидя в кресле. стакан, наполненный наполовину, выскользнул из его руки, упал на пол. Жидкость расплескалась по толстому ворсистому ковру, стакан откатился в сторону.

Маркетти увидел мужской череп, разваливающийся пополам, отскакивающие от него осколки розовых костей и кровь...

Он открыл глаза. Его окружала кромешная тьма, и он не сразу сообразил, где находится. Кресло, в котором он полулежал, было низеньким, и он невзначай коснулся рукой ковра. Почувствовав, что ковер мокрый, он оцепенел. «И тут кровь? Чья? — пронеслось в его

сознании. Он мгновенно вскочил с кресла, включил свет. Увидев на полу стакан, сдавленно рассмеялся:— Так и психом недолго стать! Это же я сам разлил виски».

Он снял трубку, набрал номер. «Ресторан «Барселона» вас слушает»,— услышал он разбитной мужской голос. «Мне нужна синьорита Кларетта».— «Синьорита Кларетта сегодня выходная»,— небрежно ответил голос. «Но может быть, она появлялась у вас в течение дня?» — настаивал Маркетти. Тут он услышал в трубке странный писк, и телефон умолк — ни голоса, ни фона, ни гудка. Маркетти с минуту барабанил по рычагу, крутил диск. Все было напрасно, телефон молчал. «Вот тебе и наша знаменитая Ти Ти Кэй,— без особого раздражения подумал он,— возьмет и отключится напрочь. Совсем как алкоголик после двух бутылок «бурбона»¹. Куда все же могла подеваться Кларетта?»

Послышался легкий стук в дверь, и сквозь металлические переборки Маркетти услышал голос:

— Дикки-ду! Надеюсь, ты еще не лег спать? Я летела к тебе, как на крылышках. Но офицер службы движения не разделил моих чувств и оштрафовал меня за обгон в неположенном месте.

Маркетти отвернул болты, снял цепочку:

— По правде сказать, дорогая, я тебя заждался. А тут еще телефон отключился.

— Вы только посмотрите на него, мистеры, синьоры, кабальеро! Он приветствует возлюбленную не пылким проявлением чувств, а постным сообщением о том, что отключился какой-то гадкий телефон. Фи, синьор Маркетти!

Маркетти подумал было, что надо бы из какого-нибудь соседнего номера позвонить администратору и попросить, чтобы прислали телефониста-ремонтника. Но Кларетта, захлопнув дверь и набросив на нее цепочку, лихо расстегнула «молнию» на юбке.

— Ну-ка скажи, мерзавец, с кем ты флиртовал, пока мы не виделись? Прошло целых тридцать два часа!

Да, фигура у нее потрясающая... Любуясь длинными стройными ногами танцовщицы, Маркетти забыл о всех на свете телефонах...

Я решил, что мы пообедаем сегодня в номере,— объявил он ей полчаса спустя.

¹ Американское виски.

— Ничего не хочу,— прижимаясь к его плечу, тихо и сонно проговорила она.— Ничего, кроме тебя. Я так счастлива.

Маркетти поцеловал ее в губы, мягко высвободил плечо:

— Для полноты счастья мне, например, нужен еще и хороший обед.

Он вновь попробовал набрать номер. Телефон молчал. Маркетти подошел к холодильнику, раскрыл дверцу и стал изучать его содержимое. «Зачем куда-то идти, звонить? Здесь все есть с избытком для обеда на десятерых».

Вскоре Кларетта вынырнула из сладкого забытья, открыла глаза. Дверь в гостиную была отворена, и она сразу увидела Маркетти. Он только что расставил тарелки и рюмки и теперь придирчивым взглядом рассматривал стол. Кларетта видела, как он повернулся к небольшому стенному шкафчику, вынул из него два высоких канделябра, поставил их на стол.

— К обеду при свечах полагается шампанское! — громко и весело сказала девушка. Соскользнув из постели на пушистый нежащий ковер, Кларетта медленно прошествовала в ванную. При этом она напевала себе под нос одну из своих песенок, выделявала несложные па ритмического танца. Маркетти провожал ее влюбленным взглядом. «И умом особо не блещет,— думал он, зажигая свечи и выключая свет.— И по красивее видывал я девушек. Но дороже и ближе человека на всем белом свете, Дик Маркетти, у тебя нет. Похоже, этой длинноногой от тебя, действительно, кроме тебя самого, ничего не надо. Редкость в наше время...»

Вошла в ванную комнату одна Кларетта, вышла из нее совсем другая. Высокая прическа, таинственные тени под глазами, строгое вечернее платье. Взгляд меланхолический, движения плавны и сдержанны, речь скупа и нетороплива.

— Ваше королевское величество! — Маркетти склонил голову, отодвинул стул, помогая Кларетте сесть.— Обед подан.

Кларетта не приняла игру:

— Садись, Дик. Я хотела бы с тобой серьезно поговорить.

— Да, ваше величество, сию минуту, ваше величество,— еще не отказавшись от избранного им тона, продолжал Маркетти. «Это что-то новенькое,— думал

он, наливая в бокалы «клик».— Впервые за время нашего знакомства Кларетта хочет говорить серьезно. Что ж, послушаем».

— На днях, точнее, вчера я получила письмо от мамы из Бильбао.— Кларетта с удовольствием осушила бокал, зажмурилась. Широко раскрыла глаза, поймала взгляд Дика. Помолчала.— Умер дядя Пабло. Он был бездетен и сделал меня наследницей всего своего состояния.

Она вновь замолчала. Сосредоточенно смотрела на какую-то аляповатую репродукцию, висевшую на противоположной стене. Молчал и Маркетти. «Неисповедимы пути господни,— думал он, с аппетитом расправляясь с одним блюдом за другим.— Меня судьба и обстоятельства вынудили придумать наследство от тетки, якобы умершей в Калифорнии. Этой же славной простушке всамделишно умерший в Испании дядя оставил наследство. Любопытно, велико оно?»

— Я богата,— тихо проговорила девушка.— Очень богата. По любым меркам — американским, испанским, итальянским.

— За богатую наследницу я предлагаю выпить что-нибудь покрепче, чем эта искристая французская водица!

— Постой, Дикки-ду,— она придержала его руку, заставила поставить на стол бутылку «Смирновской» водки.— Если ты любишь меня...

Маркетти хотел ее обнять, но она взглядом остановила его и продолжала:

— Если ты действительно любишь меня, я хотела бы стать твоей женой.

Кларетта внимательно разглядывала свои пальцы, играла вилкой и ножом. Маркетти раскупорил бутылку водки, налил себе в стакан, предназначавшийся для сока, выпил его единым духом. Встал, прошелся по комнате, подошел к девушке, опустил перед ней на колени.

— Я люблю тебя, Кларетта. Ни с кем мне не было так хорошо, как с тобой,— сказал он, целуя ее руку на сгибе, и запястье, и пальцы.— Я тоже получил приличное наследство. И, признаться, еще не зная о твоём, хотел сегодня сделать тебе предложение. Ты опередила меня.

— Как это здорово! — просияла девушка.— Если бы ты только знал, как безмерно, безгранично я счаст-

лива! Ведь после того, что ты сказал, мы вполне можем считать себя мужем и женою перед Богом и людьми.

— Перед людьми — да, — сказал, улыбаясь, Маркетти. — Но перед Богом...

— Конечно! — воскликнула девушка, вся так и светясь радостью. — Конечно, мы обвенчаемся, и у нас все будет, как надо. И кругосветное путешествие, и поместье, и яхта.

— И Маркетти-младший! — добавил Дик.

— А вот за наших будущих детей и я, пожалуй, выпью водки. — Кларетта лукаво посмотрела на Дика, протянула рюмку, которую он наполнил до краев. — Ты хочешь, чтобы я все это выпила? Я же буду пьяная, как лорд.

— Я хочу, чтобы у нас было так же много детей, как и глотков в твоей рюмке, — прошептал Маркетти, целуя ее в щеку. — А выпить ты можешь хоть каплю, хоть все.

Отпив немного, Кларетта поперхнулась, закашлялась: «Ох, и крепкая же!» Она вышла в спальню и вернулась, держа в руках свою сумочку из крокодильей кожи.

— Теперь вот что, Дикки-ду, — сказала она и достала из сумочки небольшую темно-синюю пластиковую книжицу. — Здесь два билета на ночной рейс Нью-Йорк — Мадрид. Я подумала, что если ты согласишься, как будет славно обрубить все концы прошлого разом и с завтрашнего дня начать новую жизнь.

Маркетти смотрел на нее, и взгляд его выражал попеременно изумление, надежду, восторг. «В самом деле, это же гениальная мысль, — думал он. — Я выполнил то, что мне поручили, и теперь никому ничего не должен. А Парселу позвоню из Испании».

Он попытался было мысленно представить себе этот разговор, но стук в дверь прервал его размышления.

— Кто? — кратко спросил Дик.

— Мистер Дик Маркетти? — в свою очередь, заинтересовался мужской голос за дверью.

— Да, это я.

— Вам пакет от мистера Парсела.

Один за другим Маркетти отомкнул все замки, снял цепочку и задвижку с внутренней двери, потом — с наружной. Он увидел перед собой невысокого, худого чернокожего, за спиной которого стояли два рослых, крепких парня.

— Где пакет? — хмуро спросил Маркетти.

— Не так быстро, господин Маркетти,— попросил невысокий.— Не так быстро. Мне поручено не только передать вам пакет, но и кое-что сообщить устно,— с этими словами невысокий и его спутники вошли в номер, бесцеремонно отодвинув Маркетти в сторону. Маркетти поспешил за ними. В гостиной невысокий сел в кресло и представился: — У меня очень длинное имя. Поэтому проще называть меня Бубновый Король.

Маркетти побледнел, оглянулся на входную дверь, у которой уже расположился один из пришельцев. «Ничего доброго от этого «короля» ждать не стоит»,— тоскливо подумал Маркетти. Он машинально бросил взгляд на телефон, вспомнил, что тот не работает,— и беспокойство его усилилось.

— А номерок у вас неплохой,— Бубновый Король обвел внимательным взглядом комнату, задержав его на двери в спальню. Один из пришельцев подошел к телефону, снял трубку, прислушался. Удовлетворенно хмыкнув, положил ее на место:

— Все в порядке, Король.— Невысокий, казалось, не обратил внимания на его слова.

— Вы бы нас, господин Маркетти, хоть чем-нибудь угостили. А то пока добрались до вашей верхотуры, не только губы, весь рот пересох.

Маркетти направился в столовую. Один из парней шел за ним по пятам.

— Что это за люди, Дикки-ду? — тревожно спросила Кларетта, увидев, как он изменился за последние пять минут.

— Не беспокойся, это мои друзья. Они сейчас уйдут,— Маркетти взял бутылку виски и два стакана, бросил парню «Смирновскую». Тот поймал ее на лету.

— Король, там баба,— бесстрастно сообщил он, когда они с Маркетти вернулись в гостиную.

— Да? Мистер Маркетти изволит принимать гостей? — с явной неприязнью протянул Бубновый Король, едва приподнявшись в кресле и тут же вновь опустившись.

Маркетти налил полный стакан виски, передал его Бубновому Королю, чуть-чуть плеснул себе.

— Э-э, так дело не пойдет,— усмехнулся невысокий.— Пить — так на равных. Тем более у вас такой повод — пакет от самого мистера Парсела.

Решив не торопить события, Маркетти молча долил себе виски в стакан.

— Выпьем за теорию относительности Эйнштейна,— неожиданно предложил Бубновый Король.— Действительно, в нашем мире все относительно. Абсолютно лишь одно небытие.

Все это время Маркетти отчаянно пытался вспомнить, с кем был связан Бубновый Король. С ЦРУ? Сомнительно. Уж больно этот властитель и палач Гарлема одиозная фигура даже для такой конторы... С масонами? Еще менее вероятно, хотя славные «каменщики» поистине не гнушаются никем. Может быть, с «Наследниками»? Но тогда он хотя бы краем уха слышал об этом. Странно все же, странно и подозрительно. Сегодня, в век гигантских корпораций такому сравнительно мелкому гангстеру, как Бубновый Король, в одиночку не выжить. Неужели Парсел? Но от одной этой мысли Маркетти стало смешно. Парсел — гигант, а Бубновый Король — песчинка. Хотя о всеядности Джерри Парсела судачили постоянно, да и сам Парсел не так давно говорил о том, что и самое великое здание, сотворенное человеком, сложено из кирпичиков и этими кирпичиками держится.

— Достойное виски,— Бубновый Король взял в руки бутылку, посмотрел на этикетку. Повторил: — Весьма достойное.

Кларетта, спрятавшись за дверь столовой, одним глазом рассматривала поздних гостей. И чем больше она на них смотрела, тем меньше они ей нравились. Особую антипатию вызывал в ней невысокий, который вел себя с хамской самоуверенностью вершителя судеб. И хотя ей было чуждо чувство расовой неприязни, ее почему-то особенно раздражал цвет его кожи. Наконец она покинула свой наблюдательный пост и, налив себе шампанского, включила телевизор.

— Вот вам наш пакет,— Бубновый Король поставил пустой стакан на стол, достал из внутреннего кармана пиджака кожаный бумажник, извлек из него белый конверт с машинописной надписью: «Господину Ричарду Маркетти. Лично». Конверт был заклеен. Посмотрев его на свет, Маркетти надорвал его с одного бока, перевернул. На ладонь выпал чистый листок. Маркетти перевернул его несколько раз, пытаясь понять смысл невидимого послания. Он даже в недоумении посмотрел на Бубнового Короля, словно ожидал от него каких-то разъяснений. Тот с любопытством смотрел на Маркетти. В этот момент раздался крик Кларетты:

— Дик, быстро иди сюда!

Когда Маркетти вбежал в столовую, на девушке лица не было. Она смотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами, показывая рукой на экран телевизора:

— Дик, что они только что сказали? Что они только что сказали!

— Что? — едва слышно выдохнул Маркетти. И увидел рядом с собой Бубнового Короля. — Что они сказали?

— Что убийца Фрэнка Оупенхартса — Ричард Маркетти! — срывающимся голосом выкрикнула она. — Дик! Ведь ты же Ричард Маркетти! Дик! Это правда?

Маркетти лихорадочно соображал: «Что происходит? Кто его выдал? Какова роль Бубнового Короля? И что делать с Клареттой?» А она словно обезумела.

— Как ты мог? — выкрикивала Кларетта сквозь слезы. — Как ты мог стрелять в нашего Фрэнка? За что ты его убил? Неужели тебе заплатили? Ты — чудовище, Ричард Маркетти! Чудовище! Чудовище!

Бубновый Король вышел в гостиную, поудобнее уселся в кресле, не спеша закурил. После второй затяжки, словно придя после долгих колебаний к единственно верному решению, он негромко скомандовал:

— Пора!

Парни быстро вошли в столовую, взяли Маркетти под руки, вывели его в гостиную, встали у самой двери напротив окна. У Маркетти был пистолет, но ему даже не пришла в голову мысль воспользоваться оружием. Воля его была парализована. Он ничего не видел, не слышал, не ощущал. «Пусть судят, пусть сажают на электрический стул. Пусть. Провидение спасет меня. Спасет. Спасет. Великий Боже, — билась в нем единственная мысль, — спаси мою душу. Я — преданный раб твой!»

Бубновый Король кивнул. Парни схватили Дика Маркетти за руки и за ноги и, разбежавшись, с силой швырнули его головой в оконное стекло. Послышался треск разбитых стекол, стук падающих в комнату осколков, и тело итальянца исчезло в темноте. Один из парней выглянул наружу и сообщил:

— Шлепнулся на купол собора, что рядом, и свалился на проезжую часть. Так что — с гарантией...

— Глаз у тебя зоркий, — похвалил парня Бубновый Король. Тот довольно ухмыльнулся. Другой спросил:

— Может, с девкой позабудемся, а?

— Дурак! — укоризненно бросил Бубновый Король. — Через десять минут здесь будет вся полиция города.

Парни сунули в карманы бутылки из-под водки и виски, оба стакана, пошли к двери. Обернувшись к Бубновому Королю, один из них спросил:

— А ты?

— А я не хочу попадать в чистилище раньше назначенного мне срока, — проговорил, выпуская сигаретный дым, Бубновый Король. Парни непонимающе глядели на него.

— Идиоты! — взорвался он. — Живого свидетеля хотите оставить? Девку туда же. Живо!

В спальне Кларетта, стоя на коленях, прижимая к груди Библию, истово молилась, беззвучно шевеля губами. Когда ее схватили под руки и поволокли по полу к разбитому окну гостиной, она кричала:

— Не надо! Я все деньги вам отдам! Много денег! Я жить хочу!

Это были ее последние слова...

Глава двадцать пятая

ГОРЬКИЙ ВКУС ИСТИНЫ

Раджан настоял на том, чтобы его выписали из госпиталя на несколько дней ранее предложенного консилиумом срока. Была суббота, и он решил преподнести Беатрисе сюрприз — заявиться домой рано утром. «Уезжать она вроде бы никуда не собиралась, — думал он, ставя машину в подземном гараже их дома. — Бедняжка! Опять, наверно, завал работы в редакции. В последний раз она забегала в госпиталь, кажется, в среду. После этого даже не звонила. Да, убийство Фрэнка Оупенхартса всем прибавило дел: журналистам, политикам, дипломатам... Сейчас тихонечко открою дверь, обниму мою Беату, скажу ей, полусонной, теплой, чистой и ласковой, как ребенок: «Любимая — это я!»

В дверь был врезан цифровой кнопочный замок. Шифра к нему Раджан не знал, он и видел-то его впервые. «Много жулья развелось, — подумал он, разглядывая массивный замок. — Сама Беатриса едва ли догадалась бы обзавестись новым замком. Подсказали — полиция или соседи». Он нажал кнопку звонка. Нажал еще, еще, с каждым разом все продолжительнее и не-

терпеливее. Стояла тишина. «Надо было в такую рань вставать, чтобы поцеловать дверную ручку», — Раджан беззлобно усмехнулся, собираясь возвратиться к лифту. И тут щелкнул дверной замок, послышался звук сбрасываемой цепочки, и он увидел Беатрису. Недовольно щурясь слегка припухшими со сна глазами, кутаясь в куцый японский халатик, она молча переминалась с ноги на ногу.

— Это ты? — Беатриса словно была не столько удивлена, сколько недовольна. Раджан почувствовал, как у него внутри что-то оборвалось, что-то связывающее его с этим миром.

— Но ведь врачи говорили, что ты сможешь выйти только через неделю, — продолжала Беатриса несколько более приветливо.

— Врачи! Что они знают о моей любви к тебе? — Раджан прижал к себе Беатрису, ощутил, что под халатиком у нее ничего не было. Наклонившись, он хотел поцеловать ее в шею, но она быстро отступила на шаг.

— Что-нибудь случилось? — Раджан недоуменно посмотрел на нее.

— Просто я еще не проснулась, — отчужденно ответила Беатриса.

«Что-то все же произошло, — думал Раджан, снимая пиджак, развязывая галстук. — Отвыкла? У ее отца какие-то неприятности? А может быть, нездорова или все еще находится в состоянии депрессии после убийства ее кумира?» Эти и многие другие мысли проносились в голове Раджана. Беатриса ушла в спальню и находилась там довольно долго. Раджан достал из холодильника банку мангового сока, раскупорил, отпил немного. Вынул из бара бутылку виски, налил полстакана. Сделав глоток, он с отвращением сморщился, оставил стакан. Ему не понравился запах, вкуса он не ощутил ни когда пил сок, ни когда глотнул виски. «Добрые боги! — молил Раджан. — Защитите мою любовь, жизнь мою защитите!»

Появилась Беатриса. Она словно и не спала вовсе — смотрела глубокими, широко раскрытыми серо-голубыми глазами, щеки в персиковой пудре, губы в необычной бледно-лиловой помаде. Стального цвета костюм с наглухо застегнутым воротом делал ее старше, придавал лицу строгое, почти суровое выражение.

— Сядем, Раджан, — глухо произнесла она. — Нам надо поговорить.

«Это совсем чужая женщина,— ужаснулся про себя Раджан.— А с чужой о чем говорить?» Однако он покорно опустился в кресло напротив Беатрисы, весь сжался, ожидая ее слов.

— Поверь, Радж, милый, мне нелегко сказать то, что я собираюсь. Но я должна. Недавно я открыла для себя тяжкую, но непреложную истину: любовь умирает. И вряд ли имеет значение, умирает она сама или ее насильно отправляют в небытие. Главное в том, что ты однажды просыпаешься и понимаешь, что ее уже нет.

«Как на похоронах,— подумал Раджан тоскливо, пожившись.— Как на собственных похоронах! — Он сидел на кончике кресла, понутив голову, глядя в пол.— Самое ужасное будет, если она сейчас начнет меня утешать».

— Я понимаю,— Беатриса тоже избегала его взгляда, смотрела на экран отключенного телевизора,— тебе сейчас тяжело. Трагедия в том, что любовь почти никогда не покидает сразу обоих. Но я, увы, ничем тут не могу помочь.

— Что ты говоришь? — вскричал Раджан.— Я сошел с ума? Или это недобрый розыгрыш? Скажи, ну скажи, что это розыгрыш! — требовал он, чуть не плача.

Беатриса пожала плечами.

В спальне Беатрисы послышался кашель. Раджан поднялся на ноги, в изумлении посмотрел на девушку, сделал шаг по направлению к двери спальни. Беатриса тоже поднялась, словно защищая собой кого-то, видимого лишь ей.

— Вот даже до чего дошло,— сокрушенно произнес Раджан и добавил тихо: — Кто он?

— Какое это имеет значение? — Ее щеки зарделись, голос осекся.— Впрочем, какой это секрет. Там Ллойд Оупенхартс.

— И давно это у вас? — страдальческая улыбка едва тронула губы Раджана, он поднял глаза на Беатрису и тут же их опустил. Если бы она знала, чего стоила ему эта улыбка. Если бы она только знала!

— Давно, недавно — разве это имеет значение?

— Все-таки я хотел бы знать.

Беатриса уронила голову на руки и так сидела долго, очень долго. Наконец наклонилась к Раджану, проговорила в каком-то исступлении:

— Это случилось после того, как ты попал в госпиталь.

Обхватив голову руками, она застонала, раскачиваясь из стороны в сторону:

— Ах, не о том мы говорим, совсем не о том!

— А о чем же надо говорить? — печально улыбнулся Раджан, чувствуя, что слезы вот-вот хлынут из его глаз, и ужасно боясь этого.

— Откуда я знаю — о чем? — Беатриса обреченно вздохнула. — Знаю одно — мне так безумно было жаль Фрэнка Оупенхартса. И мы все так боялись, чтобы Ллойд не сделал чего-нибудь с собой. Ты не подумай, что я пытаюсь оправдаться. Нет, иногда я мучительно тяжело продираюсь сквозь дебри собственной души. Хочу понять себя.

«Жалость — ближайший сподвижник любви, — думал Раджан. — Мать жалеет дитя, жена — мужа, здоровый человек — увечного или неизлечимо больного. Почему же ты, моя Беатриса, меня не пожалела? От твоей жалости я не отказался бы. Она удержала бы любовь. Жалость — надежный якорь. Но ты пожалела другого. О, добрые боги, огромную обиду, видно, нанес вам я и весь мой род, что вы так бессердечно наказываете меня. Но я не ропщу. Я приемлю ваше проклятье со светлой и тихой душой».

Раджан встал с кресла, прошелся по комнате, поправил несколько безделушек, поставил бутылку виски в бар.

— Я ухожу, — глухо сказал он, приблизившись к Беатрисе и глядя теперь прямо в ее глаза. — Вещи мои отошлешь по адресу, который я тебе сообщу.

Он помолчал, улыбнулся своей печальной улыбкой:

— Я ни о чем не жалею. Я был счастлив.

Он подошел к двери, взялся за ручку, посмотрел на Беатрису. Вымолвил, словно смертельно раненный:

— Прощай, любимая.

— Прости, если сможешь, — воскликнула она, подбегая к нему. — Мы ведь друзья, правда?

— Я убил бы тебя, если бы мог! — ответил он.

Последний его взгляд Беатриса запомнила навсегда — на нее смотрел человек, которому нечего было терять в этой жизни.

Лифт умчался вниз, а Беатриса стояла в коридоре, прислонившись к стенке щекой, и беззвучно рыдала...

Когда она вернулась, Ллойд ставил на стол поднос

с легким завтраком: овсяная каша, яйца «в мешочке», масло, джем, поджаренные хлебцы. Стройный, широкоплечий, загорелый, счастливо наделенный на редкость правильными чертами лица, он знал, что нравится женщинам, иногда бравировал этим. Еще несколько лет назад он профессионально играл в теннис, чему щедро способствовали его природные гибкость и ловкость. Молочного цвета просторный костюм в какой-то мере скрадывал достоинства его фигуры, но Беатриса знала теперь каждую родинку на его теле, овалы мускулов, бледно-голубые ниточки вен. Хмурая, заплаканная, она подошла к зеркалу.

Проснувшись одновременно с ней, Ллойд невольно слышал ее разговор с Раджаном. Ллойд был джентльменом и не считал возможным обсуждать с ней случившееся. Но он был и спортсменом, привыкшим радоваться победам и не расценивать поражение как трагедию. Он, Ллойд Оупенхартс, одержал победу над соперником, не прибегая ни к каким бесчестным приемам: ему не в чем упрекнуть себя. Сегодня этому симпатичному истардийцу кажется, что померкло солнце. Но уже через полгода он в объятиях какой-нибудь новой Беатрисы забудет о прежней. Итак, жизнь продолжается.

— У меня сегодня три деловых встречи,— сказал Ллойд, с удовольствием хрустя аппетитными хлебцами.— Ленч в клубе. Свидание с ветеранами второй мировой войны. Выступление перед ассоциацией пенсионеров. После чего я вновь весь твой.

— У меня тоже денек не из легких,— Беатриса вздохнула, отпивая кофе.— Интервью в Бруклине. Репортаж с выставки современного искусства. Ленч в пресс-клубе с одним из арабских монархов. Черновой прогон пьесы на Бродвее. Пресс-конференция британской премьерши.

Беатриса умолчала об одной весьма важной встрече. В пять часов вечера агент ФБР должен был передать ей документы о заговоре против Фрэнка Оупенхартса. Она не хотела волновать Ллойда, ибо понимала, насколько ответственна и опасна предстоящая встреча.

На ленч из редакции ее вызвался подвезти Тэдди Ласт.

— О чем говорят в городе?— спросила Беатриса, прикуривая, когда они уже были на пути к пресс-клубу.

— Сплетен хватает,— небрежно бросил Тэдди,— О твоём семействе, между прочим, говорят больше всего.

— О ком именно? — внешне спокойно спросила Беатриса.

— Боюсь,— лаконично ответил ее спутник.

— Что «боюсь»? — начиная злиться, переспросила она.

— Боюсь шальную пулю в лоб поймать,— ухмыльнулся Ласт.

— Немного я знаю таких сплетен, за которые людей лишали бы жизни,— пренебрежительно скривила губы Беатриса.

— Эта — о'кэй! — именно такая,— убежденно сказал он.

— Клянусь молчать, как глубоководная рыба! — Беатриса серьезно произнесла расхожую редакционную клятву, подняв вверх два пальца.

— О'кэй. Говорят, что заговором против Фрэнка Оупенхартса дирижировал один из могущественнейших магнатов Америки.

— Значит, один из Тысячи? — спросила Беатриса, искоса поглядывая на Тэдди.

— Нет,— отрезал тот, хохотнув.— Не пойдет!

— Один из Ста? — торопливо подсказала она.

— Нет и еще раз нет! Один из Десяти.

— Из Техаса или Калифорнии?

— Ни то, ни другое. Представитель Северо-Запада.

— Другими словами, ты хочешь сказать... — начала Беатриса. И смолкла. Она, не отрываясь, несколько секунд глядела на Ласта, и в ее глазах росли недоверие и враждебность.

— Ты врешь, О'кэй!

«Неужели отец? — сверлила ее мозг страшная мысль.— Неужели и вправду отец?» Она вспомнила свои разговоры с ним, его попытки заставить ее прекратить «дилетантские расследования несуществующего заговора», и ей стало не по себе. Ведь это же так, ведь ей действительно не понравилось его поведение в день убийства Оупенхартса, его внезапный отъезд в Нью-Йорк, его неестественное спокойствие в госпитале.

«Неужели все-таки отец?»

— За подобные «предположения» можно легко угодить за решетку...

— ...по обвинению в клевете? — закончил вопросом ее мысль Тэдди.— Ну хорошо, попробую быть не голословным. У тебя сегодня в пять часов деловое свидание в Музее современного искусства, так? Могу даже назвать точное место: третий этаж, пятая картина справа от лифта, о'кэй?

Беатриса смотрела прямо перед собой и, казалось, затаила дыхание: «Откуда он все это знает, этот чертов О'кэй?»

— Ты ведь не хочешь, я же вижу — ты боишься получить неопровержимые доказательства? По правде сказать, на твоём месте я не пошел бы на встречу с этим парнем,— словно между прочим посоветовал Тэдди Беатрисе, припарковывая машину.

Ленч был тусклым — и по составу журналистов, и по содержанию застольных бесед, и по монаршей речи, которую ожидали с известной долей любопытства. Беатриса достала из сумочки свежий, нашумевший детектив, демонстративно уткнулась в книгу. И услышала у своего уха почтительный шепот: «Извините, мисс». Она обернулась. Румяный рассыльный протягивал ей на металлической тарелке записку. Беатриса взяла ее, раскрыла. «Только что звонил мистер Парсел. Он просит мисс Парсел всенепременно нанести ему визит в его главном офисе в шестнадцать ноль-ноль».

Сразу после ленча Беатриса, заскочив на несколько минут в редакцию, отправилась на Бродвей. До прогона пьесы оставалось еще минут сорок, и она решила скоротать время в одном из маленьких ресторанчиков за чашкой кофе. Вдруг ей захотелось услышать голос Раджана. Она попросила принести телефонный аппарат, набрала номер. Ей ответил бархатный голос автоматического секретаря. «Господина Раджана-младшего нет на месте. Если вы хотите передать ему что-нибудь, будьте любезны сообщить свое послание сразу после того, как смолкнет мой голос. Благодарю вас». Беатриса положила трубку. «К чему этот звонок? — думала она.— Ведь говорят, что нельзя безнаказанно ворошить прошлое. Прикосновение к нему невпопад может ударить и по настоящему и по будущему». Но она снова набрала номер офиса Раджана, и вновь механический секретарь посоветовал ей «сообщить ему свое послание».

Когда она пришла в театр, прогон пьесы уже начался. Это было абстрактно-нудистское творение, и спек-

такль, как решила про себя с первых же сцен Беатриса, был обречен на несомненный провал. Кто-то за кем-то носился, кто-то кого-то поддразнивал, кто-то над кем-то подшучивал. Затем все дружно раздевались, оставаясь в одном нижнем белье, а главный герой голышом бегал по сцене, прикрыв срамное место руками и кричал во всю глотку:

— Да здравствует никому не нужное Ничто!

Во втором акте по ходу пьесы происходил пожар, все энергично лили воду на сцену и за кулисы. Победив стихию, сидели на полу и громко пели:

Одноглазая дама прикрылась вуалью.
А вы ели рагу из носорога?

...Бархатистый перезвон миниатюрного «Биг-Бена» на столе Парсела отзвучал четыре раза, когда Беатриса входила в кабинет. Отец сидел за столом и отдавал по телефону какие-то распоряжения. Глазами улыбнулся дочери и продолжил разговор. Беатриса не спеша прошла вдоль левой стены, по которой тянулись застекленные полки, сплошь уставленные книгами. Многие из них были выдвинуты из рядов своих собратьев, в некоторых виднелись разноцветные бумажные закладки. «Когда отец только успевает работать с этим несметным собранием человеческого интеллекта?» — Беатриса наобум открыла ближайшую полку, достала книгу в белом кожаном переплете. Это были «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена. Она откинула закладку и прочитала на полях надпись, сделанную беглым отцовским почерком: «Это одно из самых мерзких творений в американской литературе! Именно мерзких! Они воспитывают терпимость ко всяким цветным выродкам, от которых столько бед в нашей бедной Америке». Беатриса поставила Твена на место, медленно закрыла стеклянную дверцу. Сделав несколько шагов, нащупала на среднем стеллаже едва заметную кнопку, прикоснулась к ней. Стеллаж бесшумно раскрыл створки, и Беатриса прошла в розовую ванную. Быстро раздевшись, с разбега нырнула в довольно большой и глубокий мраморный бассейн. Вода была приятная, прохладная. «Мой отец ненавидит Твена,— думала она.— И за что? Боже, как мало я знаю собственного отца».

Когда она, освеженная, вернулась в кабинет, Пар-

сел, надев очки — что бывало редко — внимательно читал какие-то бумаги.

— Ты меня зачем-то звал, папа, — резко сказала Беатриса, подходя к столу и усаживаясь в кресло. — У меня в пять часов важное свидание, до места добраться минут двадцать. Так что в моем распоряжении...

— Я тебя долго не задержу, — отрываясь от бумаг и бросив взгляд на часы, проговорил Парсел. Он встал, прошелся по комнате, сел в кресло напротив дочери. — До меня дошли слухи, не скрою — приятные, что ты несколько охладела к своему истардийскому другу.

Беатриса молча налила себе стакан апельсинового сока. Изучала взглядом желтую жидкость.

— До меня также дошли не менее приятные слухи, — продолжал Парсел, — что ты и Ллойд Оупенхартс — неразлучная пара.

— Ты пригласил меня для того, чтобы проверить достоверность этих слухов? — Беатриса вздернула правую бровь, посмотрела отцу в глаза.

— Отнюдь нет, — Парсел подошел к бару, взял было стакан, подержал его в руке, поставил на место. — Я намерен объявить тебе, что если ты решишь выйти замуж за Ллойда, ты будешь самая богатая невеста Америки. И готов зафиксировать это письменно. Хоть сейчас.

— Ты поделился со мной слухами, — заговорила Беатриса, сложив руки на груди и глядя на отца исподлобья, — я тоже поделюсь ими с тобой.

«Девчонка впервые в жизни позволяет себе в разговоре со мной подобный тон, — тревожно думал Парсел. — Девчонка, которая унаследовала мой характер. Девчонка, которую я обожал с пеленок, ибо всегда видел в ней самого себя».

— Но сначала о Раджане. И о Ллоиде. Я, только я виновата в том, что произошло между мной и Ллойдом Оупенхартсом. Но ведь он оказался в нужном месте и в нужное время по твоей подсказке. Да-да, по твоей. Я никогда, слышишь, никогда не стану женой Ллойда. И плевать мне на то, что я не буду самой богатой невестой Америки. Я сама найду себе мужа, я, а не ты. Теперь о другом. Говорят, что заговором против Фрэнка Оупенхартса руководил крупнейший магнат Северо-Запада. Говорят, что им были куплены «Наследники», ФБР и ЦРУ.

— Кто же это? Я его знаю? — на губах Парсела держалась все та же неопределенная улыбка.

— О, ты знаешь его слишком хорошо, — зло проговорила Беатриса. — Пожалуй, лучше всего на свете. — Да?

— Говорят, что он — это ты, папочка!

Наступила пауза, во время которой Беатриса исподволь наблюдала за отцом. А он бухнулся в кресло, поставил локоть на стол, подпер рукой подбородок, долго смотрел в пустой стакан. Резко поднялся, наполнил стакан виски и, повернувшись к дочери, вдруг расхохотался. Беатриса недоуменно нахмурилась.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! — грохотал Парсел, да так, что у него на глазах выступили слезы. И, отсмеявшись, хрипло произнес: — Говорят, в Нью-Йорке объявился Люцифер. Может быть, это тоже — я? Как ты считаешь?

— Я совсем не шучу, — сжала губы Беатриса.

— И впрямь — не до шуток, — согласился Парсел. — Какие-то безответственные негодяи обвиняют твоего отца в организации покушения на его лучшего друга, а ты, наплевав на то, что все это — злобная и бездоказательная клевета, принимаешь их сторону. Поистине, незавидная доля быть отцом безоглядно доверчивой дочери. Более того, оказывается, я соединил тебя — против твоей воли — с человеком, которого ты не любишь. Я совершил моральное насилие над собственной дочерью... Боже милостивый, более жестокое и беспощадное обвинение невозможно придумать!

Беатриса усмехнулась, нетерпеливо взмахнула рукой: «Хватит, достаточно слов». Она вспомнила то, о чем уже не раз думала. Когда ей и Раджану казалось, что они вот-вот коснутся реальных нитей, которые приведут их к настоящим участникам заговора, эти нити вдруг обрывала чья-то невидимая, могущественная рука. Вспомнила она и о том, что ее отец, Джерри Парсел, неоднократно и упорно отговаривал ее от поиска этих нитей, предостерегал и даже запугивал — разумеется, заботливо и невзначай — всяческими опасностями, которые подстерегают излишне настырных дилетантов. Устало проговорила:

— Сегодня, наконец, я узнаю правду. В пять часов мне передадут документы, которые прольют достаточно света на всю эту жуткую и грязную историю. Мне пора, отец. Я еле-еле успеваю.

Парсел нажал кнопку дистанционного управления, загорелся телевизионный экран. Видимо, регулятор громкости стоял на пределе мощности, так как весь кабинет захлестнул бас диктора:

— Передаем последние известия. Ваш комментатор — Юзеф Дохерти. Полтора часа назад был зверски убит нью-йоркский агент ФБР Джеймс Брюс. Он был связан с охраной Фрэнка Оупенхартса, а позднее принимал непосредственное участие в расследовании обстоятельств его убийства. Соседка Брюса, случайно вернувшаяся домой с работы намного ранее обычного времени, услышала, как в его квартире раздались одиночные выстрелы, а потом две автоматные очереди. Полиция, прибывшая через пять минут после ее телефонного звонка, вынуждена была взломать дверь. Изрешеченный пулями труп Брюса был облит бензином и подожжен. Преступники скрылись...

Когда начинался этот выпуск теленовостей, Беатриса открыв дверь, уже собиралась покинуть кабинет. Однако, услышав начало сообщения об убийстве Джеймса Брюса, вернулась. Убитый был именно тем человеком, с которым у нее предстояла встреча. «Это как рок, — в изнеможении прислонившись головой к спинке кресла, думала Беатриса. — Беспощадный, неуловимый рок». Сквозь слезы отчаяния и бессилия она увидела, как в глазах отца вспыхнул торжествующий блеск. Она хорошо знала этот блеск, помнила его и в детстве, и в юности. Он всегда означал победоносное торжество — над конкурентом, обстоятельствами, всем, что хоть в малейшей степени пыталось противостоять ему — Джерри Парселу.

Она дождалась, пока просохнут ее глаза, совсем просохнут, чтобы он не видел и малейшего следа слез. Встала, подошла к отцу, сказала, глядя не в глаза, а в переносицу:

— Прощайте, мистер Парсел. Вы можете считать, что у вас больше нет дочери!

И бросилась вон из кабинета, прочь от самого любимого, самого ненавистного на свете человека.

...Началась программа мультипликационных фильмов. Знакомые ярко раскрашенные персонажи сменяли друг друга. Парсел, забыв выключить телевизор, машинально смотрел на экран. «Неужели это серьезно? — думал он. Зная характер своей дочери, он понимал, что это действительно серьезно. Но не хотел принять

эту печальную истину.— Что ей в политике? Зачем она ей? Наш мир слишком сложен и жесток, слишком коварен и груб, чтобы женщина подставляла свою плохо защищенную душу под всевозможные удары. Конечно, она вернется. Кончатся деньги — и вернется».

А если не вернется? Беатриса была повторением его самого — только в ином облике. И он любил ее безмерно, не сознавая даже самому себе, что в ней любит себя. Себя, Джерри Парсела, свое продолжение, свое бессмертие. Он обожествлял Джерри-младшего, был безмерно благодарен судьбе и Рейчел за то, что они подарили ему на склоне лет сына. Но что еще из него получится? А Беатриса — это ведь уже взрослый человек, слепок его ума, его энергии, его воли. «Вернется! — успокаивал себя Парсел и молил об этом бога.— Господи! — шептал он, закрыв глаза.— Сделай так, чтобы моя девочка опомнилась. На ее долю выпало в последнее время слишком много испытаний.

Ушла Маргарет.

Потом приключилась эта нелепая любовная кутерьма с цветным. Раджан-младший — вовсе неплохой малый, но пусть он лучше крутит любовь с такими же, как и он, — темнокожими.

Теперь — Фрэнк Оупенхартс, который и на том свете не оставляет мою девочку в покое. Может, по прошествии времени она поймет, что он совсем не тот человек, который нужен сегодня Америке. А сейчас... Сейчас ей свой ум не вложишь. Сейчас она готова возненавидеть родного отца за то, что он всячески оберегает ее же собственные интересы».

Несколько раз на экране внутреннего видеодисплея возникало изображение дежурного секретаря. Парсел срочно требовал к телефону крупнейший банк Женевы. Ему звонил государственный секретарь. Просил о немедленной аудиенции нефтяной король из Техаса. Джерри ничего не видел и не слышал. Он молился и верил во всемогущество своей молитвы.

Однажды в детстве мать взяла его на похороны дальнего родственника. Джерри видел дядю Билла лишь два раза. Это был исполинского роста мужчина, с пышными усами, с сильными и крупными руками, привыкшими к работе на земле. «Что это?» — спросил Джерри шепотом у матери, показывая пальцем на невысокий сосуд, который готовились замуровать в нишу. «Это дядя Билл», — ответила мать. Мальчик

был потрясен — от такого огромного тела осталась лишь жалкая горстка пепла! Дома он долго допытывался у матери, вправду ли после смерти человека остается его душа, верно ли, что она вечна. Ночью мать проснулась, разбуженная его плачем. «Джерри, мальчик мой, что с тобой?» — «Ты не сказала, есть ли у меня душа, такая же бессмертная, как у дяди Билла? Я тоже хочу жить вечно!» — всхлипывал он. Пораженная ходом его мыслей, более присущих пожилому человеку, чем семилетнему мальчугану, мать взяла его в свою кровать, успокаивала: «Все живое бессмертно — и люди, и собаки, и коровы. И, конечно, ты, мой мальчик».

Парсел решил обратиться к Богу. Он всегда обращался к Богу, когда происходили особо большие потери или возникала реальная опасность таких потерь: потеря денег на бирже, потеря близких. Сейчас был именно такой случай: Парсел почувствовал, что теряет Беатрису. Как хорошо знать, что есть кто-то могущественный, кто может отвести беду, исполнить любую просьбу. Надо только очень верить и очень просить. В такие минуты Парсел всегда вспоминал сосуд с прахом дяди Билла и голос матери: «Верь и молись!»

«Я не прошу ничего сверхъестественного, Боже, лишь то, чтобы плоть от плоти моей, дочь моя осталась со мной. Я в жизни все видел, все испытал и готов предстать перед твоим судом и нести за все ответ. Но я хочу, чтобы в последний мой час на земле Беатриса была подле меня, любила бы меня, как прежде! И чтобы Рейчел и Джерри-младший тоже были рядом со мной. Вот и все, о чем я прошу, молю тебя, великий Боже!»

Вечером Джерри отправился на бейсбольный матч, один из центральных в сезоне. Но и любимое зрелище не развеяло его смятенных дум. Приехав домой, он тотчас связался по телефону с Рейчел, которая гостила с Джерри-младшим во Флориде у Джессики Оупенхартс.

— Как ты себя чувствуешь, любимый? — услышав такой теплый, такой домашний голос Рейчел, Парсел почувствовал, что к нему возвращается душевный покой.

— Все под контролем, — ответил он весело, употребив выражение, которое любил в молодые годы. — Все под контролем.

— А у нас новость! — поспешила сообщить ему Рейчел.— Джерри-младший сказал свое первое слово.

— Что же это было за слово? — спросил Парсел и почувствовал, как у него почему-то екнуло сердце.

— Он сказал: «Дэдди!» — счастливо смеясь, выкрикнула Рейчел.— Он сказал: «Дэдди!»

Бесконечно прекрасен наш свет. Бесконечно справедлив наш Бог!

Глава двадцать шестая

ВИДЕНИЯ ДАЙЛИНГА

Он медленно шел по дну реки, погрузившись в нее по пояс. Ему безумно хотелось пить. И хотя он видел, что по реке проплывают вздувшиеся трупы животных и людей, он зачерпнул из нее обеими ладонями воду и поднес ее ко рту. И увидел, что это была не вода, но кровь...

И он страдал неимоверно...

И мечтал страданиями искупить великие грехи свои...

Я — родной брат-близнец Иисуса Христа; но самый факт моего рождения всегда держался в абсолютной тайне, обо мне никто и никогда не говорил, не писал, не вспоминал. Люди не любят вспоминать о том, что им так или иначе неприятно или может хоть в какой-то степени, хоть в чем-то помешать.

До тридцати трех лет был я безвестным иерусалимским плотником по имени Геминар¹. Безвестным я и остался.

Я вижу — вот вы там, в самом темном углу, хитро щуритесь, шепчете: «Сумасшедший!» Вы, сэр, сами сумасшедший, если смеете хоть на миг думать так обо мне. Я смертельно болен. Я вишу, распятый на кресте, и из рук и ног моих каплет густая кровь. Все болит во мне нестерпимо. Да, это так. Но я не сумасшедший, нет. Пожалуй, никогда в жизни не имел я более ясную голову...

Слушайте. Ммм... Будьте милосердны, отгоните рукой или веткой мух от ран моих. Воистину, не раны наши, не язвы наши страшны, а те, кто жиреют на них...

Что это? Где я? Господи, неужели это Бродвей? Я

¹ Близнец (лат.).

хочу целовать камни этой улицы, этого города. Я знаю и люблю здесь каждый дом. Каждое окно весело подмигивает мне, и прохожие улыбаются. Вот идет дама с ребенком, вот пожилой джентльмен, вот совсем юная парочка. И всем есть дело друг до друга, все дружелюбны, все достойны и рады жизни. Смотрите, как славно — в Центральном парке веселится народ. И из метро выходят напуганные и угрюмые, и довольные и просветленные. А вот... ну, знаете — черный идет в обнимку с белой у самого памятника Колумбу. Bravo, Нью-Йорк! Странно, впервые в жизни хочу кока-колу. А эта смазливенькая девчушка говорит по-французски. Как ты попала сюда, дитя мое? Ты хочешь за поцелуй пятнадцать долларов? Пойдем. Только не торопись. Любовь, даже уличная, второпях противна! Стоп! Откуда здесь эти жирные синие мухи? Их много, уйма, тучи. Опять я вижу того лохматого, огромного, грязного. Он идет навстречу нам. О, детка, Жульетта, беги! Сейчас он опять начнет ломать мой позвоночник. Небо чернеет, чернеет, прижимается к самой земле. Лохматый оскалил желтые клыки... Он схватил меня, согнул в три погибели. Нет, нет сил противиться его жуткой силе. Спасите! Спасите! Спа-а-а...

Ааа... Огромные черные жирные змеи выползают из бездны и душат, душат меня безжалостно. Усилие, еще — я задыхаюсь, мне страшно... Слава богу, удалось сбросить их с себя, этих змей.

Дайлингу казалось, что он опять летит над каким-то незнакомым, большим городом. Сумерки. Все куда-то спешат: машины, люди, даже темные облака на небе. И вдруг эта вспышка, словно миллионы молний сверкнули разом. И запылала небеса. И на фоне этого вселенского зарева стал расти огромный серо-черный гриб. Мелкий, горячий пепел стал засыпать город. Было тихо, лишь где-то вдали слышался приглушенный не то вой, не то плач. По осевой линии прошлась серо-зеленая грузовая машина. На крыше кабины вращался мощный динамик. Он выплескивал наружу одно слово: «Апокалипсис! Апокалипсис! Апокалипсис!» В разные стороны бежали люди. Они горели — не их одежды — их тела, их волосы. И в воздухе, который был раскален до предела, пахло паленым мясом. Люди-факелы натыкались друг на друга, на деревья, которые обуглились дочерна, на стены домов, которые тоже горели. Тут только Дайлинг понял: они были слепы, они ослепли при первой

вспышке. Поперек улицы появилась трещина. Она росла и росла, и из нее вырывалось пламя до небес с гарью и дымом. В растущей бездне клокотало что-то и вздымалось ввысь кроваво-серым фонтаном. Обнявшись, шли мужчина и женщина. Оба пили что-то из бутылок, повернув друг к другу обугленные глазницы. Мгновенье — оба исчезли в клокочущей бездне. Старуха тащила полуметровую статуэтку из желтого металла. Ей было тяжело, но она довольно щерилась обгоревшими губами. Вот она ступила на мостовую, и тут же ее сбил автомобиль-факел. Старик вождеденно тащил упирающуюся девушку, не видя, что бездна уже в одном шаге от них. Все новые и новые трещины разрывали землю. Ага, вот они змеи! Черные, жирные, никакая напасть их не берет. Они тянутся к нему, готовятся броситься в атаку. Зарево из красного превратилось в багрово-лиловое. Дышать становится все труднее. Низко над землей волнами проносятся самолеты со знакомыми опознавательными знаками. Многие лопаются со странным глухим звуком, и тут же появляются новые серо-черные грибы. Пепел стал густым. Все дома исчезли. Чудом уцелел центральный круг какой-то площади. По нему бесконечно мчался серо-зеленый грузовик, и динамик на крыше выплескивал одно и то же: «Апокалипсис!» Роберт стоит на маленьком безопасном островке в морской бухте. Но от островка все время откалываются небольшие куски и скоро его вовсе не станет.

Черная стена воды идет на город, на островок, на Роберта. Это цунами, заливающее планету, и страшнее и чернее его ничего нет.

«Америка, дом мой, где ты? Твой сын гибнет на чужбине. Жива ли ты, Америка?»

Он и раньше видел кресты. Но то были чужие. Он никогда не думал, что крест может быть таким тяжелым. Тащить его, чтобы на нем же быть самому распятым! Солнце стояло прямо над головой. Жара была удушающая. Прежде чем взвалить на спину крест, Роберт окинул взглядом площадь перед дворцом. Море народа. По смешкам и плевкам, по косым взглядам и угрозам, то и дело долетавшим до него, Дайлинг понял, что священники настроили доверчивых людей против него. Пожалуй, не всех, но многих. У ног его вертелся какой-то бездомный шелудивый пес. Один из легионеров ударил собаку копьём. Пес заскулил, отскочил в сторону, но не убежал, а держался рядом. Потом, во время

двух недолгих остановок, он лизал разбитые в кровь ноги Роберта и хоть как-то облегчил ему мучения.

Крест был все же оструган. Роберт попытался поднять его и не смог даже сдвинуть с места. Тогда четверо солдат взгромоздили его на спину Роберту. Роберт зашатался, но устоял.

— Получай, разбойник, свою посмертную поклажу! — рявкнул одноглазый центурион и захохотал. Засмеялись и солдаты.

— Будь ты проклят, вероотступник, — вскричал седой, хромоногий нищий, и его плевков попал в левую щеку Роберта. Тут же ударился о подбородок и разлетелся мелкими брызгами перезрелый помидор. Путь на Голгофу начался.

На вершине холма Роберт потерял сознание. Очнувшись, он вдруг увидел, что вырос вдвое, нет, втрое. И понял, что распят. Он не чувствовал ни рук своих, ни ног. Тело стало легким, как пушинка. Едва приоткрыв глаза, он увидел, что толпа исчезла.

Блаженное состояние забытья... Дремоты. Сна.

Роберт опять летел над землей. Зеленые поля и леса, усыпанные цветами склоны холмов, славненькие коттеджи и домики. Ни криков, ни шума машин, ни гула самолетов. Постепенно снижаясь, он ступил на землю в центре небольшого городка. Городок, каких сотни — главная улица вдоль хайвея, банк, торговый центр, два-три кинотеатра, несколько церквей, редакция газеты, школа, спортивный комплекс. На стене красовался огромный многоцветный плакат: «Граждане Синлессвилля! Все как один примем участие в плебисците «Долой желудки и мозги!». Митинг — на стадионе». Когда Дайлинг прибежал туда, митинг уже начался. Над стадионом уже разносился голос: «Мозги и желудки являются постыдными атавизмами. Достижения геноинженерии, электроники дают возможность вместо мозга и желудка вживлять компоненты с энергопитанием на двести лет. Размер их — десять миллиметров. Вы только подумайте — не надо тратить деньги на продукты, время на их приготовление, на еду, переваривание и все прочее. А мозг? Стоимость учебы, постоянное мучительное накопление знаний, которые могут не понадобиться, поиски так называемой истины. И потом — все эти болезни, лекарства, врачи, операции, больницы; вы только подумайте! В том, что предлагает наш муниципалитет, заключено торжество здравого смысла. Во мно-

гих соседних городах системы «Совершенный мозг» и «Совершенный желудок» уже успешно осваиваются. Гарантии полные. Здесь, — джентльмен почтительно кивнул сидящим справа и слева от него, — ответственные представители таких достойных фирм, как «Юнайтед дайнэмикс» и «Амалгамейтед электроникс». С их помощью и с помощью Провидения мы свободно решим самые сложные проблемы в этой самой свободной стране».

«А кто будет закладывать программу вашего «совершенного» мозга?» — хотел спросить Роберт, но не мог вымолвить ни слова.

— Долой мозги и да здравствует автомобиль! — выкрикнул еще какой-то тип. И оркестр грянул «Янки дудль»...

Ааа... Опять огромные черные жирные змеи выползают из бездны и душат, душат меня безжалостно. Пожалуйста, не делайте погоста из моего родного города!..

А что это за цветная, которая так и смотрит на меня с укоризной, так и буравит меня своими печальными глазами? Чего ей от меня надо? Ааа... Она пришла по мою душу. Она змея, змея... Не хочу-у-у!..

Глава двадцать седьмая

ДАЮ, ЧТОБЫ И ТЫ МНЕ ДАЛ

Парсел метался по Штатам. Сегодня он был в Юте, завтра — в Пенсильвании, послезавтра — в Северной Дакоте. Встречи с крупнейшими бизнесменами, инспекционные осмотры предприятий, обеды с губернаторами и законодателями — все, казалось, шло обычным своим чередом. Парсел неукоснительно придерживался порядка, который он выработал для себя много лет назад: ранний — шесть часов — подъем (он любил употреблять именно это военное слово, а не какое-нибудь там пробуждение и пр.), полчаса гимнастики, легкий, почти голодный завтрак, обильный, практически неограниченный ленч, а после четырех часов дня — лишь овощи, фрукты, молоко. Дважды в день утром и вечером, он разговаривал по телефону с Рейчел, трижды — в десять часов утра, в полдень и в три часа дня — с головным офисом в Нью-Йорке.

Для посторонних все было как обычно, как всегда — Джерри Парсел, магнат, один из индустриальных столпов страны, мудрый и щедрый меценат работал, рабо-

тал, работал во славу своей империи и Америки. Но был один человек, который знал, что с Джерри Парселом происходит нечто непонятное, неладное. Этим человеком был Джерри Парсел. То его охватывало такое состояние, когда он не знал, что может совершить в следующую секунду. И он, стремясь уйти от гнетущей потребности совершить нечто непоправимое, включал диктофон или видеофон или хватал трубку телефона и начинал яростно диктовать распоряжения. Явных противоречий в них не было, но чувствовалась поспешность и непродуманность. Ее чувствовали те, кто работал с Парселом многие годы и утвердился в мысли, что поспешность, непродуманность так же чужды Парселу, как жалость и сентиментальность. То он вдруг ощущал неизвестный ему дотоле страх одиночества, страх закрытого помещения, страх высоты. И он вызывал к себе в кабинет секретарей, помощников, телохранителей; спешил на улицу, мешался с толпой, уезжал за город и бродил часами вдоль речки, по полю, по лесу. То ему казалось, что он смертельно болен, и он прочитывал кипу медицинских книг, всякий раз облегченно вздыхая, когда казавшиеся ему достоверными симптомы рака или проказы не подтверждались.

«Боже, в чем же я, собственно, не прав? — размышлял Парсел. Он только что приказал посадить самолет на ближайшем аэродроме — ему показалось, что в следующее мгновение этот могучий аппарат разлетится на мелкие кусочки, и ужас охватил его. Вскоре после посадки он сумел восстановить контроль над собой и провел несколько часов, сидя с Ларссоном в паршивеньком баре провинциального аэропорта. — В том, что я отстаиваю дорогие для меня идеалы? Или в том, что я не даю врагам Америки укреплять их позиции — как здесь, внутри, так и за ее пределами? Или, наконец, в том, что — как я полагаю — все средства хороши в борьбе против этого богом проклятого дела? И осуществляю этот свой принцип везде, всегда, при любых обстоятельствах?»

Подумаешь — земной бог Фрэнк Оупенхартс! Таких Фрэнков тысячи. И каждый может, если судьба его поставит в экстремальные условия, напортить столько, что и на небесах не сумеют исправить. Нет с ним все ясно, все правильно. Хотя каждый раз возникает проклятый вопрос — кто теперь? Но это, в конце концов, все же лучше, чем поступиться принципами. Ведь Фрэнк, кро-

ме всего прочего, был строптивым малым. А строптивость хороша лишь в молодом необъезженном мустанге... Когда хирург проводит успешную операцию, удаляя злокачественный нарост, и когда эта операция способствует оздоровлению всего организма, хирургу все благодарны, его объявляют героем, возводят чуть ли не в сан святого. Хотел бы знать, чем я — не хирург Америки?»

За все пять недель, прошедшие со времени последнего разговора с Беатрисой, Парсел ни единого раза не вспомнил дочь по имени. «Она», «ее», с «ней», — только так разрешал он себе думать. Теперь чаще всего она представлялась ему в виде годовалой, розовощекой девочки с забавными светлыми кудряшками. Она улыбалась, протягивала к нему пухлые пальчики, твердила: «Дэдди! Дэдди!» Или он видел ее пятилетним крепышом, для которого наступила пора миллиона вопросов: «Почему птички летают? Почему солнышко светит? Почему ты такой старый? Почему? Почему? Почему...» А сколько было восторга, когда ей, уже подростку, он подарил сделанный по специальному заказу миниатюрный «бьюик», и она стала разъезжать в нем по дорожкам их сада в Манхэттене.

Теперь все это забыто. Теперь он для нее — не папочка, не дэдди, — «чудовище». Теперь он для нее — «убийца самого лучшего из всех американцев Фрэнка Оупенхартса». Надо будет дать задание Ларссону выяснить, кто этот негодяй, очернивший отца в глазах дочери. А «она» тоже хороша! Восстала против отца, слепо поверив сплетням и сразу же заняв противную позицию. Неужели гены Маргарет оказались сильнее? Неужели его дочь не прозреет и не проснется в ней чувство великой ответственности перед собой, перед людьми, перед миром? Допустимо играть в либерализм. Допустимо иногда и побравировать «левой» позой. Недопустимо забвение главного — исполнения миссии клана Парселов, миссии идеальной справедливости и идеального порядка.

Было время, когда «она» ловила каждое его слово, дышала его дыханием, мыслила его мыслями. И ведь совсем недавно это было. Счастливый отец и мысли не допускал, что когда-нибудь будет иначе. И вот на тебе! А он так гордился «ею». «Ее» сильным мужским умом. «Ее» парселовским характером. «Ее» бескомпромиссностью и упорством. Все, все обернулось против него. Пар-

сел любил их нечастые, долгие вечерние беседы, игру на бильярде (последние пятнадцать лет он ни с кем, кроме нее, не играл — просто потому, что не получал удовольствия), совместные походы на бейсбольные матчи и поединки борцов и боксеров. Ему нравилось всячески опекать «ее» незримо и неназойливо. А любой «ее» успех, большой ли, маленький ли, наполнял его чувством гордости, заставлял испытывать радость, более сильную и значительную, чем при любых своих победах на бирже. Да и что они ему, эти победы? «Всех женщин мира не перелюбишь, всех денег на этом свете не обрешь», — вспомнил он выражение Роберта Дайлинга.

А «ее» дочерние ласки? Один «ее» легкий и нежный поцелуй в щеку — как прикосновение мягкого, молодого листочка — снимал с него усталость, накопившуюся годами в общем-то довольно бурной жизни. От прикосновения «ее» руки к его волосам, от «ее» «папочка, дорогой» он начинал себя чувствовать не машиной для делания денег, а человеком, кем-то любимым на этом свете бескорыстно и бесхитростно. И ощущать, что, кроме долга, на этом свете существует и радость. Радость продолжения твоего собственного бытия.

Случилось и еще нечто непредвиденное и необъяснимое. Как-то вскоре после их размолвки (он все еще надеялся на то, что это всего лишь ссора) Парсел, как обычно, углубился в деловые бумаги. Но то, что всегда приносило удовлетворение, рождало вдохновение, свободное, раскованное парение мысли, изобретавшей все новые комбинации, теперь нагоняло апатию, сонливость, даже тоску. «Я, видимо, сегодня устал. Биржевые страсти вымотали, — попытался иронизировать над собой Парсел. — Что ж, отложу на завтра». Но завтра случилось то же самое. И послезавтра. И как ни прятался от себя Парсел, он понял, что это не простая усталость и не сиюминутный стресс, а нечто более серьезное и длительное. И это нечто вызвано его размолвкой с дочерью. Осознание этого привело Парсела в состояние крайнего замешательства. Дать указание о розыске Беатрисы он не решался. Зная ее, он понимал, что, поступив так, можно вконец испортить все. И чаще обычного звонил теперь Рейчел. И разговоры его с ней были ласковее и продолжительнее, чем когда бы то ни было. Рейчел была нежна, равна, говорила лишь о Джерри-младшем:

— Ты знаешь, сегодня он посмотрел на меня совер-

шенно твоим взглядом! У него появилась на подбородке твоя ямочка! На левой коленке у него две родинки — точь-в-точь, как у тебя!

Парсел оттаивал, успокаивался. Правда, ненадолго.

Джессика была рада, что Рейчел с Джерри-младшим гостят у нее. Она так устала от потрясших ее переживаний, связанных с ужасной смертью Фрэнка, его пышными, печальными похоронами. Ей так хотелось отдохновения, покоя. Но пресса и телевидение не оставляли ее ни на минуту. Когда охота за ней стала вовсе невозможна, она улетела во Флориду. И позвала с собой Рейчел. Жена Парсела импонировала вдове Оупенхартса своими тонкостью, тактом, мягкостью.

Днем они много гуляли по парку. Возились с Джерри-младшим, и обеим эта возня доставляла огромное наслаждение. Джессика забывала о своей горе, радовалась первым шагам новой жизни — посторонней, но такой бесконечно симпатичной. Вечерами они подолгу сидели вместе, молчали. Джессика с увлечением шила забавные одежды для Джерри-младшего. Рейчел за поем читала.

Она страстно скучала по мужу и безумно стеснялась этого чувства. Оно появилось вскоре после рождения ребенка и удивило ее своей силой. Целомудренная, стеснительная, она жаждала близости Джерри, и самое ужасное для нее заключалось в том, что он быстро разгадал эту ее маленькую тайну. Бывало по телефону он скажет ей одно из самых интимных, самых пустячно-трогательных слов, понятных только им двоим, и она мгновенно зардеется, станет мило заикаться и почти тут же прервет разговор.

Рейчел с жалостью вспоминала Дайлинга и Маркетти. Роберта она помнила по встрече в Эдлаке. Какой он был тогда обворожительно прелестный. И какой отчаянно смелый и предприимчивый. Тот, кого они с Джерри увидели здесь, в клинике для душевнобольных был не Роберт. Это был страшный призрак, немой и несчастный. Дик ей нравился своей молодостью, красотой. Той картинной красотой, которую она ставила превыше всего, будучи девчонкой. И которая перестала будоражить желание после того, как она узнала Джерри. И все же ей нравились легкие, вкрадчивые ухаживания Дика. Ею овладел ужас, когда однажды за завтраком Джерри мимоходом сообщил ей: «Ты, разумеется, помнишь Дика Маркетти?» — «Ну, разумеется». — «Так вот, он по-

кончил вчера жизнь самоубийством, бедный малый», — Джерри вздохнул, побарабанил пальцами по столу. «Как?! Я же видела его всего лишь дней пять назад! — вскричала Рейчел. — Он был весел. Здоров. Во всяком случае — в своем уме». — «Разве мы знаем, что с нами будет через минуту, через час, завтра?» — «Как это случилось? — Рейчел прижала руки к груди, смотрела на Парсела широко раскрытыми от потрясения и страха глазами. — Такой молодой, такой славный парень!..» — «Выбросился с семьдесят пятого этажа, — жестко ответил Джерри. Ему не нравилась чересчур бурная реакция жены на известие о смерти итальянца. Слава богу, хоть в обморок не упала. — Скорее всего наркотиков наглотался». Рейчел заплакала. «Он мне жизнь спас, неужели ты не помнишь? — говорила она сквозь всхлипывания. — И он был такой молодой!» — «Я великолепно все помню, — успокаивал жену Джерри. — Мне, конечно, его очень, очень жаль. Я уже распорядился, чтобы похороны были организованы по первому классу за наш счет». — «Он совсем не был похож на самоубийцу, — продолжала плакать Рейчел. — Такой веселый, такой общительный!»

В тот вечер Рейчел захотелось одной побродить по саду. Она решила пройти тем же маршрутом, которым не так давно они прогуливались с Джерри. Глаза ее быстро привыкли к сгустившимся сумеркам, и она не спеша шла вдоль пальмовой аллеи, вдоль живой изгороди из розовых кустов, у берега озера, в котором живет «хозяин» — огромный аллигатор по прозвищу Мишель-лакомка. Внезапно от одной из пальм отделилась высокая фигура, закутанная в темный плащ. Вздрогнув, Рейчел остановилась. Когда фигура приблизилась, Рейчел разглядела, что на лице у нее была маска с прорезями для глаз и рта.

— Кто вы? — слабо вскрикнула Рейчел, пятясь прочь от незнакомца.

— Не бойтесь меня, миссис Парсел...

— Откуда вы знаете мое имя?

— Я приехал специально, чтобы встретить вас и передать вам в руки письмо, — сказал незнакомец, оставив без ответа ее вопрос. — Очень важное письмо, миссис Парсел.

С этими словами он протянул ей конверт, который Рейчел машинально взяла.

— Но кто вы? И зачем такая таинственность? Письмо можно было бы послать по почте.

— Меня зовут Агриппа. Мое имя ничего вам не скажет. Однако, если вы не хотите стать убийцей, если вы не желаете мне смерти, вы никогда не произнесете моего имени вслух, — человек тихо кашлянул, плотнее закутался в свои одежды. Усмехнувшись, с горечью закончил: — Что же касается почты, то здесь вы глубоко заблуждаетесь, миссис Парсел. Ваши письма не только читаются, с них обязательно снимаются копии.

— Что вы такое говорите? — возмутилась Рейчел. — Кто смеет делать это? Наконец, если бы это и было так, я заметила бы.

— Оставайтесь при своем мнении, — невозмутимо заметил незнакомец. — Впрочем, может быть, оно изменится по прочтении этого письма. Прощайте.

Рейчел хотела спросить, нужен ли ее ответ. Но она не успела этого сделать. Человек исчез так же внезапно, как и появился. Она вернулась в дом и тотчас направилась к спальне Джессики, намереваясь рассказать ей о странной встрече. Но у самой двери вдруг передумала и, уединившись в маленькой гостиной первого этажа, вскрыла заклеенный прозрачной лентой конверт. В нем оказался белый листок, исписанный незнакомым, мелким почерком. Рейчел включила — в дополнение к люстре — торшер и стала читать:

«Уважаемая миссис Парсел!

Вы никогда меня не видели и не слышали о моем существовании. Тем не менее считаю своим долгом обратиться к вам с этим письмом. Мое имя — Чарлз Хиккери Амадео Гаргант Рольф Лайон-старший. В Гарлеме, да и в других районах Нью-Йорка, меня хорошо знают под кличкой Бубновый Король. У меня свой обширный, устойчивый бизнес и репутация респектабельного дельца и надежного партнера. Вот уже в течение многих лет я являюсь — пусть малюсеньким, пусть крохотным, пусть ничтожным — но партнером вашего мужа, мистера Джерри Парсела по целому ряду предприятий. В общем, это все хороший, достойный бизнес: тайные публичные и игорные дома, наркотики, «живой товар». На чисто деловую сторону сотрудничества жаловаться грех. Мистер Парсел — тоже надежный партнер. Но я имел глупость смешать бизнес с политикой. И вот результат — мой врач говорит, что жить мне осталось от силы двенадцать — четырнадцать часов.

Вы можете сказать, что все это — мое личное дело. И вы будете правы. Поэтому перейду к сути. А она заключается вот в чем:

1. Вы, конечно, знаете мистера Роберта Дайлинга, бывшего друга Парсела, а ныне — сумасшедшего, находящегося в частной клинике «Тихие розы». С ума он сошел в результате того, что был свидетелем, как трое в масках поочередно изнасиловали его жену, мать его будущего ребенка, Лауру. Это были мои парни, которым я поручил проверить эту малоприятную операцию — по личной просьбе мистера Джерри Парсела. Он, конечно, не раскрывал мне причин своей мести. Но я случайно и вполне достоверно узнал, что Парсел попросил Дайлинга одолжить ему Лауру на ночь. Дайлинг отказался. Всегда соглашался, а тут «закапризничал». За это и был наказан.

2. Вам известен мистер Ричард Маркетти. Официальная версия его смерти — самоубийство. Смею уверить вас, что это не совсем так. Я был последним человеком, который видел в живых Маркетти. Мои парни вышвырнули его из окна его номера в гостинице на семьдесят пятом этаже. Сделано это было во исполнение воли Джерри Парсела, который передал мне свои указания на этот счет лично. Если вы подумаете, что Маркетти пострадал из-за флирта с вами, вы, пожалуй, будете в какой-то степени правы. Но только в очень малой степени. Главная причина смерти Маркетти в другом. Маркетти был членом «Наследников». Одновременно он состоял на службе в ЦРУ. Пройдя достойный курс обучения, этот парень слишком хорошо стрелял. Один из его выстрелов раскроил череп мистера Фрэнка Оупенхартса. Я говорю «один», потому что был и второй стрелок. Но это прямого отношения к сути нашего дела не имеет. Кто же приказал стрелять в мистера Оупенхартса? Ваш муж, мистер Джерри Парсел.

Наверное, я мог бы рассказать многое, что было бы интересно узнать вам. И вашему сыну, когда он подрастет. Но, во-первых, и сказанного достаточно. Или нет? Во-вторых, мне осталось жить совсем недолго, и я спешу сделать необходимые распоряжения, написать еще несколько писем и т. д.

Я понимаю, у вас возникает законный вопрос: почему я изложил все вышесказанное — в письме именно вам? Я умираю не от порока сердца или какой-нибудь другой длительной и необратимой болезни. Все гораздо

проще. Вчера двое пробрались тайком в мой дом и, когда я вошел в ванную, мне насильно сделали укол. Подоспели мои телохранители, одного поймали. Выяснилось, что они не успели влить в меня двойную дозу яда. Я должен был скончаться через пятнадцать минут, но умру через полтора-два часа после того, как вы получите это письмо. В итоге допроса пойманного стало ясно, кто приказал разделаться со мной. Ваш муж, миссис Парсел.

Вы вольны поступить с этим письмом, как вы считаете нужным.

Искренне — Л а й о н - с т а р ш и й».

Рейчел быстро спрятала письмо в конверт, испуганно оглянулась. Ей вдруг показалось, что за ее спиной стоит Джессика Оупенхартс. «Боже мой, какой ужас! Джерри — убийца Фрэнка? Но ведь это же нелепо, нелепо и страшно. А разве не страшна вся эта история с Диком? Если только, конечно, автор письма не лжет. Но разве можно лгать на смертном одре? Боже, я ничего не понимаю. Мой Джерри, мой добрый, славный, любимый Джерри — и вдруг убийца! И Дик — такой красивый, такой милый и предупредительный, такой джентльмен! Нет, или я схожу с ума, или здесь что-то не так. Все это слишком бесчеловечно, слишком чудовищно... Но если все же... Если допустить хоть на минуту, что в этом письме — правда? И я пользуюсь гостеприимством вдовы, мужа которой убил мой муж, отец моего ребенка? Это чудовищно, тысячу раз чудовищно».

Рейчел взяла конверт, поднялась в свою спальню. Долго сидела в темноте, глядя в черный проем окна. И вспоминала. Вспоминала непостижимо спокойный рассказ мужа о смерти Фрэнка. Тон, которым Джерри сообщил ей о жуткой гибели Дика. Слухи о разрыве Беатрисы с отцом из-за какой-то его таинственной вины. Все это, как в детском калейдоскопе, вдруг сложилось воедино. Так вот цена раю, который устроил ей Джерри. Ей было так скверно, как, пожалуй, не было еще никогда в жизни. Настойчиво билась в сознании, повторяясь назойливо и непрестанно, одна мысль: «Что делать? Что мне теперь делать?» Рейчел бесшумно ходила по комнате взад и вперед, натыкалась на стулья, стол, диван. Ей казалось, что за ее спиной кто-то стоит, угрожающий, беспощадный. Она включила свет и быстро обернулась. На нее смотрел юный Фрэнк Оупенхартс. Фотография висела невысоко на стене. Фрэнк был снят с матерью и

отцом. Большие, внимательные глаза доброжелательно взирали на мир. Она столько раз видела эту фотографию. Теперь она испугала Рейчел. Ей почудилось, что во взгляде Фрэнка заключено презрение. «Но при чем тут я?» — воскликнула она мысленно.

«При чем же тут я?» Ей показалось, что Фрэнк усмехнулся.

Кто-то подошел к двери. Она вскочила на ноги, распахнула ее. Коридор был пуст. Тих. Темен.

Всю ночь Рейчел мучили кошмары. Она забывалась недолгим тяжелым сном, и всякий раз, проснувшись, не могла вспомнить, что же ей только что пригрезилось. Однако постоянным было ощущение чего-то жуткого, угрожающего. Часов в семь она окончательно проснулась и лежала, бездумно глядя в пространство. Медленно оделась, вышла в сад. «У Джерри-младшего здоровый сон», — подумала она, идя вдоль озера, в котором обитал «хозяин». И вдруг остановилась, пораженная мыслью: «Джерри-младший — ведь он же может вырасти таким же, как его отец. И будет сеять вокруг себя смерть. Я не хочу этого. Я не могу допустить этого. Ведь я же мать. Я должна защитить свое дитя. И сделать это можно, лишь исчезнув из поля зрения Парсела.— Она поймала себя на мысли, что не может больше называть мужа по имени.— Спрятаться в какой-нибудь далекой стране, где нас не обнаружат ищейки и слуги мистера Парсела».

Приняв решение, Рейчел вернулась в дом и в течение получаса собралась к отъезду. Она знала, что Джессика не встает ранее половины десятого. «Как я теперь смогла бы смотреть ей в глаза? Разговаривать с ней? Сидеть за одним столом? Но я не решилась бы — за все богатства мира — рассказать ей правду. Не посмела бы. Господи, за что подвергаешь меня такому тяжкому испытанию? Я готова на любые страдания. Только не лишай меня разума, ради маленького сына моего — не лишай!»

Когда в одиннадцатом часу Джессика Оупенхартс спустилась вниз к позднему завтраку, она была крайне удивлена, не увидев за столом Рейчел.

— А что, миссис Парсел и Джерри-младший еще не появлялись? — с недоумением спросила она пожилую экономку, которая служила в доме Оупенхартсов более четверти века.

— Удивительно,— отвечала старая женщина.— Мадам с ребенком покинули ваш дом полтора часа назад.

— Как? — воскликнула Джессика, и в голосе ее слышались нотки досады. — Почему такая спешка? Мы разговаривали с миссис Парсел вчера вечером, и она сказала мне, что поживет здесь еще минимум три-четыре недели.

— Разве можно угадать, что эти Парселы будут делать в следующую минуту? — проворчала экономка. — Между прочим, миссис Парсел оставила вам записку, — и она протянула Джессике сложенный вдвое лист бумаги. Джессика раскрыла лист, увидела несколько старательно выписанных слов: «Милая Джессика! За все — спасибо. Срочные дела гонят нас на Север. Прощайте. Рейчел». Записка лишь усилила чувство досады. «Какие у нее могут быть особые дела? — раздраженно подумала Джессика. — По мужу затосковала, вот и сбежала. Это я еще могу понять. А вот мне уже бежать не к кому. — Она вздохнула, смахнула со щеки непрошеную слезу. — Но чтобы вот так исчезнуть, не попрощавшись? Я всегда подозревала, что у этих Парселов мало внутренней культуры. Впрочем, Бог им судья». Джессика знала себя — скверное настроение ей было обеспечено по меньшей мере до вечера. После завтрака она удалилась в кабинет покойного мужа, где сортировала бумаги его личного архива для будущих публикаций — не будут же они вечно засекречены, эти бумаги...

Да, последнее время Парсел положительно не переносил одиночества. Оставаясь, пусть ненадолго, наедине с собой, он начинал испытывать какой-то необъяснимый страх. То ему казалось, что за каждой дверью его кто-то подстерегает. То в едва слышном тиканье часов ему мерещилась мина-ловушка, которая вот-вот взорвется. И он вспоминал, как на одной из таких мин подорвался в Италии в сорок четвертом совсем молоденький офицерик из их штаба. Боже, сколько тогда было крови! То он вдруг решал, что его конкуренты и враги напичкали кабинет подслушивающей аппаратурой. И он часами пытался ее обнаружить. «Ведь был же Уотергейт, черт возьми. Почему подобное не может случиться здесь?»

Парсел только что вернулся из Японии и еще в самолете предвкушал встречу с Рейчел и Джерри-младшим. Но оказалось, что они еще не возвращались из Флориды от Джессики Оупенхартс. «Загостились! — подумал Парсел о жене и сыне. — А Джессика и рада держать их

подле себя. Пока ощущение горя у нее не притупилось, ей необходимо быть на людях и с людьми. Это понятно. А отчего одиночество так гнетет меня?»

За ленчем он решил позвонить жене. Дворецкий на изящной двухэтажной тележке подкатил телефон, и вскоре Парсел услышал:

— Алло! Джерри? Здравствуй, милый, верный дружище! Рада, что ты позвонил.

— Святой Павел, я тоже очень, очень рад! — бодро откликнулся Парсел. — Надеюсь, тебе немного легче? Время — испытанный лекарь.

— Как может быть легче? — Джессика задала этот риторический вопрос, и такая тоска послышалась в ее голосе, такая смертельная тоска, что Парсел поежился. — Просто заставляю себя жить, потому что есть дети, потому что есть память о Фрэнке. Он ведь, ты это знаешь лучше многих, если не лучше всех, — был великим оптимистом и жизнелюбом.

— Еще бы! Еще мне это не знать. Тем ужаснее трагедия, пережить которую может лишь сильный. Ты — сильная, Джесси.

— Как поживает Рейчел? — сменила тему Джессика. — Как твой доблестный наследник? Надеюсь, ты нашел их в добром здравии?

— Рейчел и Джерри-младший? — ошеломленно выдохнул Парсел. — Ты меня разыгрываешь? Рейчел с Джерри-младшим на руках сидит с тобой рядом и смеется над своим старым дуралеем-мужем.

— погоди, Джерри, только не волнуйся, но их здесь нет! — встревоженно проговорила Джессика. — Сегодня неделя, как они уехали в Нью-Йорк.

— Но ведь я же говорю с тобой из Нью-Йорка! — крикнул Парсел. «Вот оно, — промелькнуло в голове. — Похитили... Сколько запросят: десять — двадцать миллионов?..»

— Ничего не понимаю, — испуганно проговорила Джессика. — А может быть... нет, их же сопровождали два телохранителя. Да никто и не осмелился бы!

— Кто осмелился бы? — жестко повторил в виде вопроса ее последнюю фразу Парсел. — В наш век ни для кого никаких запретов не существует. Все дозволено.

Прощаясь с Джессикой, Парсел уже вызывал Ларссона. Ларссон заверил, что Рейчел из Флориды в Нью-Йорк сопровождали совершенно надежные, верные парни и что он беседовал с ними лично по их возвращении.

«Они сказали,— сообщил он,— что миссис Парсел отпустила их в нью-йоркском международном аэропорту».

— Что значит «отпустила»? — взорвался Парсел.— Что значит «отпустила», я тебя спрашиваю? Они же были обязаны сопровождать ее от двери до двери!

— Она просто приказала им оставить ее с сыном, а самим отправляться в офис.

Парсел вскочил, отбросив кресло.

— Поднять всё и всех на ноги,— вдруг охрипшим голосом приказал Джерри.— Подключить всех людей, связаться с полицией, с ФБР, с частными детективами, с главарями подпольного бизнеса. Жду вашего доклада в течение трех часов. Если с ними что-нибудь случилось,— помолчав, спокойно сказал Парсел,— если их кто-нибудь тронул хоть пальцем, знайте, полетят головы, очень много голов, клянусь Иисусом Христом.

«Первая — моя,— невесело подумал Ларссон, который слишком хорошо знал этот буднично-деловитый тон своего босса.— И еще — много, много. Но куда же они все-таки девались?»

«Что же могло произойти? — размышлял Парсел, оставшись один.— Рейчел отпускает телохранителей. Невероятно! И что потом? Украдены? Но Джессика права: кто же осмелится украсть жену и сына Джерри Парсела? Разве что самоубийца! Что еще?.. Любовник? Его нет. Несчастный случай? Но о нем через полчаса было бы известно всей Америке. Тогда что же?»

Парсел поднялся к себе в кабинет, подошел к небольшому полотну Дега, за которым находился несгораемый шкаф. Ключи от него были и у самого Парсела, и у Рейчел: в одном из его отсеков она частенько оставляла свои бриллианты. Сдвинув картину в сторону, Парсел трижды повернул ключ. Раздалась тихая музыка, и дверца шкафа медленно отворилась. Парсел увидел несколько ожерелий, массивные кольца, браслеты. Все это сверкало, искрилось, переливалось цветами радуги. «Нет, все на месте, ничего не тронут». Парсел закрыл сейф, подвинул картину на место. И тут взгляд его упал на письменный стол. На зеленом сукне виднелся небольшой белый конверт. «Это еще что такое?» — Парсел вынул из незапечатанного конверта исписанные листы бумаги. Это было письмо Бубнового Короля Рейчел. К нему был подколот маленький листок, на котором ее рукой было написано:

«Какой ужас! А я-то наивно полагала, что ничего на

свете не может быть омерзительнее змеи. Теперь я поняла свою ошибку».

Парсел медленно перечитал письмо Бубнового Короля и записку Рейчел. Закрыв глаза. Последний раз, размышляя он, ее видели в нью-йоркском международном аэропорту. Однажды она сказала, что мечтала бы жить где-нибудь в Европе, что Америка для нее слишком суматошная страна. «Суматошная,— Рейчел улыбнулась, развела руками,— или даже сумасшедшая. А я предпочитаю тишину, покой, уединение». Сказано это было мимоходом, в шутку, но Парсел эти слова Рейчел запомнил. Он подумал также о том, что после рождения сына открыл в известном женевском банке счет на имя Рейчел и перечислил на этот счет шестизначную сумму. Значит, Европа? Англия, Франция, Италия, Швейцария, Бельгия, Греция? А может быть, Скандинавия? А если не Европа? Если Южная Америка? Или Австралия? Он позвонил по внутренней связи Ларссону и приказал отменить поиск миссис Парсел и Джерри-младшего.

С ними все о'кэй, Ларссон. Абсолютно.

Ему вдруг захотелось стать маленьким мальчиком, таким маленьким, чтобы не стыдно было у кого-то из старших попросить совета, найти защиту. Парсел уже давно забыл, когда он с кем бы то ни было советовался. Зачем? В детстве для него высшим авторитетом была мать. Он повиновался ей беспрекословно. Даже мысль ослушаться не возникала.

Он усмехнулся: как давно это было... Теперь он сам для себя был высшим и непререкаемым авторитетом, высшим философом и мудрецом, высшим судьей. Для него существовали лишь два мнения — его собственное и все остальные. И, разумеется, в борьбе этих двух мнений всегда побеждала точка зрения Джерри Парсела. Так с кем же он хотел советоваться и у кого искать защиты? И от кого?..

Судьба замахнулась не просто на самое дорогое. Она посягнула на то единственное, что делало его жизнь осмысленной и оправданной. И сейчас, сидя здесь, за своим столом, за которым вершились судьбы миллионов и миллионов людей ли, долларов ли (какое это имеет значение, и те и другие реальны и материальны), Парсел внезапно понял, что у него нет сил продолжать борьбу. Он был все еще завидно силен физически. И ум его был остр и безотказен. Но было сломлено то, без чего ни сила, ни ум не стоили ни цента — воля. Скорее все-

го он через какое-то время примирился бы с уходом Беатрисы. Может быть, он вынес бы и уход Рейчел, хотя этот удар был для него пострашнее, чем бегство дочери. Но Джерри-младший — нет, это уж было слишком. Маленький, розовый комочек жизни воплощал в себе самые смелые мечты о будущем. Он стал за очень короткое время олицетворением надежды. И вот нет его, этого комочка, этой надежды, этого... всего.

Видимо, он задремал, положив руки и голову на стол. Ему приснилась Маргарет. Она ласково гладила его волосы, тихонько говорила: «Славный мой дурачок Джерри! Я так хотела, чтобы ты был счастлив. Это ведь так просто. Недаром французы говорят: «Если хочешь быть счастливым — будь им». Рейчел — хорошая девочка. Но она не сберегла тебя. Приди ко мне, мой любимый. Приди скорее!»

Джерри открыл глаза и вздрогнул. В комнату прокрались сумерки. В полутьме он увидел, что перед ним стоит Ларссон.

— Только что мне позвонили из Лондона, сэр. Миссис Парсел и Джерри-младшего видели там в прошлый вторник.

— Оставьте их в покое, — Парсел слабо махнул рукой. — И — спасибо вам, Ларссон. И вот еще что. Я хочу поручить вам организацию завтрашнего вечера. Все инструкции вы получите через час у дежурного секретаря. До завтра, Ларссон.

Всю ночь Парсел работал. Он привел в порядок многочисленные бумаги, которые и без того велись им весьма аккуратно. Это были дневники, краткие отчеты о самых крупных финансовых операциях, черновики важнейших писем. Под утро он ненадолго заснул.

Когда он открыл глаза, едва брезжил серый нью-йоркский рассвет.

Тот день для всего окружения Парсела показался сущим адом. Он всегда работал напряженно и интенсивно. Но в тот день он словно бы задался целью вконец загнать всех своих помощников. Сопровождение директоров компании сменялось брифингом экспертов. Затем наступала очередь юристов. Перед ленчем Парсел выбрался на биржу, чем произвел сенсацию — он не был там уже много лет. Ленч был коротким и происходил в кабинете, как в далекие годы начинавшейся зрелости. Телефонные и телексные переговоры с различными городами Соединенных Штатов и с зарубежными столицами

следовали один за другим. Владельцы дочерних предприятий, высокопоставленные чиновники министерств и ведомств, генералы и адмиралы, сенаторы и конгрессмены — кого только не повидал вместительный кабинет Парсела в тот день. Вопросы решались быстро и четко. Иначе и быть не могло — они были подготовлены и проработаны до мельчайших деталей. «Время — деньги» — никому и в голову не приходило цитировать эту известную на весь мир американскую поговорку. Она была аксиомой, первейшим и главнейшим жизненным девизом Парсела. «Все стареют, а с великим Джерри неуловимое время справиться не в силах», — посмеивались пронытые седьмым потом секретари Парсела. В восемь часов вечера он чувствовал себя так же свежо и бодро, как и в шесть утра, когда встал — раннее пробуждение он всегда считал первоосновой успешного дня. Вернувшись в свой манхэттенский особняк, Парсел долго плескался в бассейне, медленно, обстоятельно одевался. После некоторых колебаний выбрал темно-синий с легкой искрой костюм, пристегнул однотонный галстук к рубашке своей любимой бриллиантовой булавкой.

Когда около десяти часов он вошел в большую гостиную первого этажа, там все жило ожиданием его появления. Ларссон, единственный из мужчин, допущенных к тому, чтобы разделить вечер с хозяином, включил мощный магнитофон. Послышалась волшебная музыка Иоганна Штрауса, любимого композитора Парсела. Пятьдесят девушек приветствовали его появление негромкими хлопками: «Хай! Хай! Хай!» Парсел ответно помахал рукой. Каких тут только девушек не было. Светловолосые, голубоглазые скандинавки с тяжелым бюстом и широким тазом; юркие, кареглазые длинноногие итальянки; стройные, гибкие африканки с крупными влажными губами; изящные, изысканно хрупкие японки; грациозные, гордые, с горящим взглядом перуанки — все были в легких, разноцветных, полупрозрачных одеждах. В четырех углах зала были поставлены большие столы. Один из них был баром: на нем сгрудилось несколько дюжин бутылок. На другом разместились холодные закуски всех кухонь мира. Третий был отдан горячим блюдам, они подогревались на небольших переносных плитах. Последний был заставлен вазами с фруктами, сладостями. Едва войдя в зал, Парсел отметил взглядом высокую, тоненькую девушку с раскосыми глазами и с бронзовой кожей.

— Как тебя зовут? — спросил он, подходя вместе с ней к бару.

— Синтия, — ответила девушка, обнажив при этом ровные белые зубы.

— Откуда ты родом, Синтия? — Парселу понравилось, как она улыбается.

— С острова Таити, сэр, — ответила она и вновь улыбнулась. «Какая у нее сильная грудь, — думал Парсел, разглядывая девушку. — И какая нежная».

В зале не было ни единого стула, кресла, дивана. Зато на полу было набросано вдоволь вышитых восточных подушек — из кожи, из бархата, из шелка. Девушки набирали себе на тарелку что хотели и располагались прямо на полу, подложив подушки. Парсел, как всегда, ел с аппетитом. Синтия держалась рядом с ним. Она мало пила, мало ела. Млела под его взглядами, изредка посматривала на него сквозь длинные, пушистые ресницы.

Гречанки — их оказалось пятеро — исполняли любовный танец. Обнаженные тела девушек медленно скользили вдоль одной из стен. Они словно парили в воздухе, и Парсел с некоторым недоумением подумал, почему, собственно, этот танец называется любовным. Но вот участилась музыка, и движения танцовщиц убыстрялись вместе с ней. Вот они уже стали неприличными, бесстыдными...

— Каков твой идеал счастья? — негромко спросил Парсел Синтию, чувствуя, что пьянеет.

— Счастья? — переспросила она. — Не знаю. Наверное, это когда много денег, и можешь делать, что хочешь.

Она наморщила лоб и выжидательно смотрела на Парсела, словно спрашивая взглядом, понравился ли ему ее ответ. Парсел промолчал, допил стакан, наполнил его снова. «Хорошо, что нет ни официантов, ни других слуг. Болтуны и соглядатаи. А девочка эта, милая Синтия, представляет себе счастье точно так, как представляет его себе подавляющая часть человечества. Деньги. Конечно, без них плохо. Но какое они имеют отношение к счастью? Вряд ли ошибочна существующая века пословица — «счастье не купишь ни за какие деньги». Так что же такое счастье? Наверное, сколько людей — столько и представлений о счастье. У одного — ухватиться хоть пальцем за руль власти. У другого — уложить в постель каждую понравившуюся дев-

чонку. У третьего — приобрести новый дом, машину, редкие монету, марку или тарелку. У четвертого — зачать или родить ребенка, обмануть друга с его женой, получить наследство от любимого дядюшки, однажды напиться так, чтобы быть пьяным всю жизнь. А у меня самого? Каково мое представление о счастье?»

Когда-то и ему казалось, что обладай он миллионом — и станет счастливейшим человеком на этом свете. Милое, наивное заблуждение! Сколько у него теперь этих миллионов, он и сам точно не знает. А счастье? Где оно?

Потом ему хотелось объездить весь свет, побывать в самых далеких и укромных уголках планеты, иметь возможность в любой момент сесть в свой собственный самолет и приказать везти себя хоть в другое полушарие. Он уже давно имеет такую возможность, и легче назвать те, не столь уж многие города земного шара, где он не бывал, чем те, в которых он гостил. Выходит, счастье и не в путешествиях.

Он мечтал вершить судьбами людей. И теперь на его предприятиях работают сотни тысяч мужчин и женщин, и от него одного зависит, будут они завтра сыты или пойдут по миру. В молодости у него и в мыслях не было познать любовь представительниц всех континентов, всех рас, всех цветов и оттенков кожи. И вот они все здесь. И каждая мечтает оказаться, хоть на одну ночь, на один час, его избранницей. Но счастлив ли он?

«Да, вероятно, слишком сильно во мне звериное начало,— думал Джерри.— Волк счастлив, если ему удастся вырастить потомство и сохранить его. И леопард. И аллигатор. Животное начало. Инстинкт сохранения рода. Инстинкт бессмертия. Вот оно! Ну, конечно же, счастье — в бессмертии!»

Гречанок сменили негритянки из Чада. Их танец был экзотичен, быстротечен, весь наполнен такими фигурами, разгадать смысл которых Парсел не мог. И он в который уже раз откровенно подивился многоликости человеческой культуры. Под удары барабанов девушки ритмично двигались по залу. Когда они были от Парсела всего в каких-нибудь трех ярдах, он внезапно расхохотался. Смех этот был ответом на собственные его мысли. «Судьба-дура задумала украсть у меня вечность,— подумал он.— Ушла Беатриса. Ушла и унесла с собой Джерри-младшего Рейчел. Но ведь они же есть — и

Беатриса, и Джерри-младший. И — будут! Я, Джерри Парсел, победил самую судьбу. Ха-ха-ха!»

Он выпил подряд несколько стаканов очень крепкого — девять к одному — мартини. Теперь его мысли текли не ровной, спокойной чередой, а цеплялись, наталкивались одна на другую, спотыкались, еще до того, как выкристаллизироваться, падали, исчезали.

— Счастье — в движении! — выкрикнул вдруг он и двинулся к центру зала. Танцевали почти все девушки. Все иступленно импровизировали фантастические па под какофонию, визг, уханье, скрежет современного оркестра.

— Счастье — в движении! В движении! Клянусь Богом нашим Иисусом Христом — в движении! — кричал Парсел, тряся головой, размахивая руками, самозабвенно вихляясь всем телом. Синтия старательно повторяла каждое его па.

В третьем часу ночи из ворот особняка Парсела медленно выехал огромный черный «кадиллак». Кроме хозяина, который сидел за рулем, в нем находилось одиннадцать девушек и Ларссон. Темные стекла скрывали от редких полицейских и встречных их наготу. Они хохотали, наваливались друг на друга, щекотали Ларссона, визжали на поворотах. «Кадиллак» выбрался из Нью-Йорка и помчался на юго-запад, все увеличивая скорость. Было темно, и его мощные фары выхватывали из несшегося навстречу пространства большой отрезок хайвея. Парсел включил радио и собирался зачем-то вызвать по радиотелефону дежурного секретаря, когда Синтия крепко обняла его за шею и впиалась в его губы своими. Теряя дыхание, Парсел хотел локтем оттолкнуть ее от себя. И в это время руль вырвался из его рук. Последнее, что увидел Джерри Парсел в этой жизни, было огромное рыжее одноглазое чудовище, которое, чем-то гремя и лязгая, навалилось на него своей неимоверной тяжестью.

Сентябрь 1982 — июль 1986
Вашингтон — Москва

Бенюх О.

Б46 Правитель империи: Роман /Худож. В. Терещенко.— М.: Худож. лит., 1990.— 350 с. (Серия «Роман-газеты» для юношества.)

ISBN 5-280-01852-X

Политический роман об Америке 70—80 гг. В центре его — образ мультимиллионера Джерри Парсела, ведущего борьбу не на жизнь, а на смерть со своими финансовыми соперниками, протягивающего шупальца в сферу политической жизни страны. Среди действующих лиц романа — дочь Парсела журналистка Беатриса Парсел, популярный политический деятель Фрэнк Оупенхартс, советский журналист и дипломат Виктор Картнев.

Б 4702010201-406 без объявл.
028(01)-90

ББК 84Р7

Олесь Бенюх (Олег Петрович Бенюх)

ПРАВИТЕЛЬ ИМПЕРИИ

Роман

Редактор *С. Гладкова*

Художественный редактор *А. Максимов*

Технический редактор *Н. Кошелёва*

Корректоры *О. Левина, Н. Пехтерева*

ИБ № 6505

Сдано в набор 22.03.90. Подписано в печать 27.08.90. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт 19,01. Уч.-изд. л. 20,53. Тираж 250 000 экз. Заказ 1475. Цена 65 коп.

Адрес редакции: Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Набрано в полиграфкомбинате издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

Отпечатано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валуевая, 28.

**В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1990 ГОДА
В «РОМАН-ГАЗЕТЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА» ВЫШЛИ:**

- № 1. «Мастера». Сборник.
- № 2. М. Пришвин. Мирская чаша.
- № 3. «Роман со стрельбой». Сборник.
- № 4. «Мага уводит стаю». Сборник.
- № 5. «Одиночное плавание». Сборник.

Ответственная за выпуск

Ирина Вититнева

65 коп.

Р
Ю

